

ISSN 2304-0033

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ»

Творчество

молодых ' 2026

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

В трех частях

Часть 2

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2026

В сборнике, состоящем из трех частей, помещены лучшие научные работы студентов, магистрантов и аспирантов учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». Во второй части освещается современное положение, проблемы и перспективы развития экономических, юридических, психологических и педагогических наук.

Сборник адресуется научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, магистрантам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

Р. В. Бородич (главный редактор), А. В. Бредихина (ответственный секретарь),
И. В. Глухова, В. А. Немилостивая, А. В. Хаданович, К. С. Бабич, В. Н. Дворак,
А. П. Шиляев, А. Н. Метелица, А. С. Соколов, Ю. И. Иванова,
Д. А. Гаврилова, Е. Л. Хазанова

Рецензенты:

кандидат экономических наук *Т. В. Гасанова*;
кандидат экономических наук *А. А. Коган*;
кандидат юридических наук *Ж. Ч. Коновалова*;
кандидат педагогических наук *Е. А. Колесниченко*

СОДЕРЖАНИЕ

Творчество

молодых ' 2026

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Александрова О. В. Анализ эффективности генеративных лингвистических моделей в автоматизации маркетинговых коммуникаций	7
Астапенко К. О. Методология анализа маркетинга потребительских товаров производителями	10
Ацута Ю. А. Роль нейросетевых технологий в формировании маркетингового образа бренда	13
Белик А. Д. Цифровая реклама в деятельности банка: особенности и инструменты интеграции.....	17
Бобр П. А. Совершенствование B2B-взаимодействия промышленного предприятия на основе интеграции электронной витрины с корпоративной системой	21
Болдовская Д. Д. Проблемные аспекты интернет-маркетинга банковских продуктов в Республике Беларусь	23
Воробьёва Е. Д. Приоритеты развития политики продвижения предприятия на рынке B2B	27
Гальмак Ю. Д. Проблемы и недостатки действующей системы оценки эффективности деятельности ОАО «Коминтерн».....	30
Гвоздь А. Д. Сравнительный анализ нейросетей для генерации изображений.....	32
Громыко А. В. Современные проблемы обучения руководителей в системе государственного управления.....	36
Громыко А. В. Возможности использования нейросетевых технологий для решения бизнес-задач	39
Дашкевич Я. К. Моделирование и оптимизация бизнес-процессов сбытовой деятельности организации.....	42
Демидовец Д. А. Расширенные версии моделей IS-LM	44
Ермакович М. В. Анализ рентабельности продаж ОАО «Коминтерн» на основе эконометрической модели	48
Зраков Д. И. Цифровой анализ в системе финансового мониторинга: теоретические основы и практика применения закона Бенфорда	52
Зыблева В. А. Система электронного документооборота как стратегический компонент операционной модели банков Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации	55
Каморников Е. Д. Грантовые и акселерационные программы как инструменты привлечения стартового капитала для молодёжных инновационных проектов (на примере Республики Беларусь).....	59
Коваль П. В. Чат-боты как катализатор изменений: анализ в контексте маркетинга	62
Лашкина А. Л. Противоречия между глобализацией и национальными налоговыми интересами	65

Мазурова В. В. Возможности совершенствования сбытовой политики организации в модели продаж B2B	68
Мануйлова А. А., Rogovich Б. В. Гибкость схем амортизации кредита как фактор развития потребительского кредитования и элемент кредитной политики	71
Мельник А. Г. Эконометрический анализ рентабельности реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН»	74
Нестерчук В. А. Эконометрический анализ рентабельности активов ОАО «Ратон» ...	78
Новак А. С. Возможности применения нейросетей в маркетинге, бизнес-планировании и создании контента	81
Новикова А. А. Налоговое администрирование: актуальные направления развития и правовые аспекты	84
Остапов А. В. Проблемы макроэкономической нестабильности и пути обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь	88
Пинаева Е. А. Формирование, распределение и использование прибыли организации в условиях санации	90
Прибыток А. В. SPACE-анализ как инструмент диагностики организации в процессе санации	93
Ромасенко П. Д. Сравнительный анализ финансовых и нефинансовых детерминант мотивации студентов к реализации проектов в сферах традиционного бизнеса и инновационного стартапа (на примере Республики Беларусь)	97
Рубанова К. А. Повышение эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» в условиях кризиса	100
Санкова П. С. Структура и динамика потребительских расходов населения Республики Беларусь	103
Сторчевая П. А. Визуальные стимулы в управлении поведением покупателя	106
Стригалёва Е. А. Анализ применения нейросетей в научных исследованиях: возможности и ограничения	109
Титкова В. Д. «Зелёные» инвестиции и перспективы их использования в Республике Беларусь	113
Титов А. А., Шипилов П. А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в системе высшего образования	116
Титовец М. Р. Исследование применения искусственного интеллекта и нейросетей в современном дизайне	120
Шантар Е. В. Кредитный скоринг как инструмент управления кредитными рисками в коммерческом банке	124

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Авраменко Н. М. Право на справедливое судебное разбирательство	128
Анисимова К. А. Правовое государство: концепция и ее реализация в Республике Беларусь	131
Головнев Т. В. Порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов	133
Гурчанова Д. Д. Концепция «разумного разработчика искусственного интеллекта» как критерий установления преступной небрежности в уголовном праве	136
Давыдова А. М. К вопросу о мерах обеспечения избирательного процесса	139
Денисюк Д. Д. Правовое обеспечение государственного долга Республики Беларусь	142
Домасевич А. С. Правовое регулирование безработицы в Республике Беларусь	144
Коновков Н. В. Поведение человека как объект социологии права	148

Кравцов В. В. Правовая основа деятельности органов местного управления в Республике Беларусь.....	150
Кравченко Е. А. Правовые отношения: понятие, структура, виды.....	153
Тозик К. Д. Трансформация системы налоговых вычетов по подоходному налогу как инструмент социальной политики Республики Беларусь.....	156
Хамерман Д. С. Фискальная политика: стратегический фундамент государственного управления.....	160
Чернухо Д. Д. Закон и делегированное законодательство.....	162
Яночкина А. Н. Государственный аппарат и его структура.....	165
Ятченко А. А. К вопросу об антикоррупционных механизмах защиты государственных служащих в Республике Беларусь	168

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Адамова А. А. Ценностная ориентация мотивации достижения студентов из полных и неполных семей	171
Андрейковец А. А. Диагностика состояния агрессивного поведения обучающихся подросткового возраста.....	174
Бурак Д. А. Взаимосвязь воспитательных подходов родителей и социально-психологической адаптации ребенка.....	177
Веремеенко В. А. Взаимосвязь эмоциональной дезадаптации и симптомов игровой интернет-зависимости у подростков 14–16 лет.....	180
Вирмаускайте В. В. Распространенность панического расстройства у студентов	183
Галиновская В. Г. Особенности самооценки и уровня притязаний у девушек и юношей	185
Гирикова В. В. Взаимосвязь эмоционального неблагополучия и дезадаптивных паттернов у подростков из семей с алкогольной зависимостью	189
Гуд В. А. Гендерные различия в уровне ответственности у подростков	192
Жовнерчук И. О. Взаимосвязь стилей воспитания в семье и особенности самоконтроля школьника.....	196
Иванова Я. Г. Коммуникативная культура учащихся старшего школьного возраста...	199
Ильяхина К. С. Проблемное использование интернета подростками как социальное явление	201
Климович Е. П. Эмпирический анализ взаимосвязи виктимного поведения и стратегий конфликтного взаимодействия у подростков	204
Козачек А. В. Интернет-зависимость подростков как социальное явление.....	206
Корнеева М. А. Теоретические основы изучения типов привязанности у взрослых	209
Левочкина В. А. Гендерные особенности отношения подростков к вейпингу.....	212
Ляпкина А. Д. Взаимосвязь различных форм насилия с депрессивными состояниями у подростков.....	215
Мешкова М. Е. Особенности пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт.....	217
Нифонтова Е. В. Причины и факторы табакокурения у подростков.....	221
Новицкая В. А. Медиаграмотность как инструмент защиты подростков от онлайн-манипуляций и дезинформации.....	224
Орлова К. А. Взаимосвязь форм детской травматизации и стратегий совладающего поведения у студентов.....	227
Остапенко Д. С. Особенности удовлетворенности жизнью как психологический ресурс спортсмена	230
Персанова А. В. Связь ценности «гедонизм» и субъективного благополучия студентов	232

Покрова Л. А. Эффективность программы развития мотивации и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта	234
Правоторова А. Д. Взаимосвязь проявлений буллинга и депрессивных состояний учащихся подросткового возраста	237
Редюк А. В. Взаимосвязь склонности к дисморфофобии с показателями психоэмоционального неблагополучия у студентов	241
Русакова М. О. Диагностическое исследование по выявлению конфликтных ситуаций в коллективе учащихся	245
Смагина Е. А. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества.....	247
Тимохов Г. Л. Диагностика состояния здорового образа жизни у детей подросткового возраста	250
Химяк Е. А. Эмпатические способности у студентов-психологов на начальном этапе обучения	252
Хмелевская Ю. В. Реактивный сценарий формирования брачных экспектаций у мужчин: от отрицания к осознанному выбору	255
Чернюк П. И. Развитие стрессоустойчивости и эмпатии у специалистов социальной сферы	258
АВТОРЫ	262

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 004.9:659.1

О. В. Александрова

**АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГЕНЕРАТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
В АВТОМАТИЗАЦИИ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

В статье рассматривается эффективность применения современных нейросетевых технологий для генерации маркетингового контента. На основе предлагаемой системы критериев проводится сравнительный анализ наиболее известных моделей. Исследуется влияние структуры промпта на качество итогового текста на примере продвижения платформы “WriteFlow AI”. Результаты исследования демонстрируют различия в качестве генерируемых текстов, позволяя определить оптимальные инструменты для решения бизнес-задач.

Современная автоматизация маркетинговых коммуникаций всё чаще опирается на применение генеративных лингвистических моделей, выходя за рамки традиционных инструментов подготовки текстового контента. В этих условиях критическую значимость приобретает сравнительный анализ эффективности нейросетей для выявления наиболее результативных алгоритмов формирования релевантных сообщений и оценки их способности к качественной генерации [1].

Генеративные модели используются не только для ускорения рутинного копирайтинга, но и в качестве инструмента глубокого концептуального проектирования коммуникаций, что существенно сокращает временные и операционные издержки маркетинговых отделов. Такой подход позволяет брендам не просто автоматизировать создание текстов, но и проводить объективный отбор решений на основе заданных критериев оригинальности, стиля и полноты раскрытия темы.

Для корректного сравнения нейросетей в исследовании использовалась методология построения промптов, основанная на структуре «роль, контекст, задача». Основное правило эффективного взаимодействия с искусственным интеллектом (ИИ) заключается в максимально подробном описании желаемого результата. В рамках исследования в качестве предметной области был выбран маркетинг, а объектом генерации – рекламные тексты для лендинга сервиса “WriteFlow AI”. Данная платформа позиционируется как специализированный онлайн-инструмент на базе искусственного интеллекта, предназначенный для автоматизации процессов создания и редактирования текстовых материалов различной сложности. Основная концепция сервиса направлена на решение проблем дефицита времени и трудностей с формулировкой связного контента у целевой аудитории, включающей студентов, маркетологов и начинающих специалистов.

Оценка эффективности моделей проводилась по девяти ключевым критериям, представленным в таблице 1.

Таблица 1 – Критерии оценки текстового контента

Критерий	Что измеряет	Вес
Грамотность и плавность	Правильность грамматики, орфографии, пунктуации и естественность языка	15 %
Связность и когерентность	Логическая последовательность и отсутствие резких переходов	15 %
Релевантность	Степень соответствия сгенерированного текста исходному запросу	15 %
Фактическая точность	Верность утверждений и отсутствие выдуманных фактов (галлюцинаций)	15 %
Полнота и покрытие	Наличие всех обязательных структурных элементов, указанных в промпте	10 %
Стиль и тон	Соответствие выбранной тональности и потребностям целевой аудитории	10 %
Оригинальность	Новизна идей, креативность подачи и отсутствие стандартных клише	10 %
Читаемость	Легкость восприятия текста и простота синтаксических конструкций	5 %
Этические риски	Отсутствие токсичности, дискриминации или предвзятости в контенте	5 %

В ходе эксперимента один базовый промпт адаптировался под специфику каждой модели (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat, Copilot, Gemini, Grok) с целью достижения наиболее релевантного результата. Для демонстрации методологии «роль – контекст – задача» следует привести пример того, как один и тот же запрос трансформировался для разных моделей. Например, для модели ChatGPT промпт включал строгие системные инструкции: «Ты профессиональный копирайтер. Верни только финальный текст без объяснений» [2]. Требования детализировались до количества слов в заголовке (до 12) и подзаголовке (до 18), в то время как для Google Gemini акцент смещался на ценностно-ориентированные сообщения: «Фокусируйся на ясности, полезности и сообщениях, основанных на ценности». Для Grok использовался запрос на создание «острого, современного» текста в «уверенном, прямолинейном и слегка дерзком» тоне.

Для иллюстрации вывода о различии в креативности важно привести примеры заголовков из источников, например креативный подход Google Gemini представлен на рисунке 1, а более стандартный подход YandexGPT и GigaChat – на рисунках 2, 3 [3, 4].

Рисунок 1 – Заголовок, сгенерированный с помощью Gemini

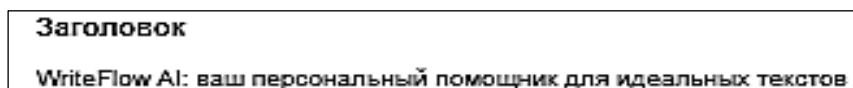

Рисунок 2 – Заголовок, сгенерированный с помощью YandexGPT

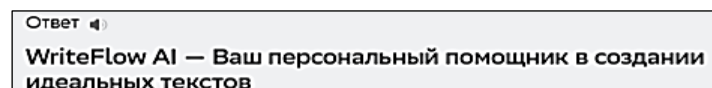

Рисунок 3 – Заголовок, сгенерированный с помощью GigaChat

Далее рассмотрим таблицу 2 с оценками эффективности нейросетей, составленную на основе результатов исследования.

Таблица 2 – Таблица оценок нейросетей по критериям

Критерий (вес)	Chat GPT	Yandex GPT	Giga Chat	Google Gemini	Grok	Copilot
Грамотность (15 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Когерентность (15 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Релевантность (15 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Фактическая точность (15 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Полнота (10 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	4,0	5,0
Стиль и тон (10 %)	5,0	5,0	4,0	5,0	4,5	5,0
Оригинальность (10 %)	4,0	3,0	3,0	5,0	4,0	4,0
Читаемость (5 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Безопасность (5 %)	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0

Анализ результатов генерации выявил следующие закономерности. Все протестированные модели (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat, Copilot, Gemini, Grok) продемонстрировали универсально высокие показатели по грамотности, связности и читаемости, достигнув оценки 5,0. Это подтверждает зрелость современных LLM в работе с русским языком. Наивысшую оценку по оригинальности (5,0) получила модель Google Gemini благодаря использованию эмоционально окрашенных заголовков, таких как «Хватит мучиться над чистым листом» [5]. В то же время YandexGPT и GigaChat показали более низкие результаты (3,0), используя стандартные формулировки («ваш личный помощник»). Большинство моделей успешно выполнили требования по структуре (заголовки, СТА, SEO-ключи). Единственным исключением стала модель Grok, получившая балл 4,0 за неполное соответствие количественным требованиям промпта (отсутствие части СТА и SEO-списка в первом варианте текста) [6]. Copilot справился с задачей на таком же уровне, как и ChatGPT.

Проведенный сравнительный анализ подтверждает, что современные генеративные лингвистические модели являются высокоэффективным инструментом автоматизации маркетинговых коммуникаций, обеспечивая стабильно высокое техническое качество контента. Исследование показало, что при универсально высоких показателях грамотности и связности эффективность моделей существенно различается в аспектах креативности и структурной полноты. Синергия алгоритмических мощностей и человеческой экспертизы остается критическим фактором формирования устойчивой ценности бренда, позволяя адаптировать сгенерированные варианты под конкретные стратегические задачи. В то же время выявленная склонность некоторых систем к использованию нейтральных формулировок подтверждает, что отсутствие этапа экспертной селекции и доработки несет риск утраты уникальности маркетингового сообщения и тиражирования типовых решений.

Литература

- 1 Гвоздева, Д. Е. Искусственный интеллект в современном маркетинге / Д. Е. Гвоздева, А. С. Майорова // Электронная библиотека БГУ. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/309442/1/150-153.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).
- 2 ChatGPT. – URL: <https://chatgpt.com/> (дата обращения: 25.03.2026).
- 3 YandexGPT. – URL: <https://alice.yandex.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).
- 4 GigaChat. – URL: <https://giga.chat/> (дата обращения: 25.03.2026).
- 5 Google Gemini. – URL: <https://gemini.google.com/> (дата обращения: 25.03.2026).
- 6 Grok. – URL: <https://grok.com/> (дата обращения: 25.03.2026).

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА МАРКЕТИНГА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

Статья посвящена методологии анализа маркетинга потребительских товаров. Рассмотрены классификация методов анализа маркетинга и направления исследования внешней и внутренней среды. Особое внимание уделено системному подходу на основе анализа макросреды, конкурентов и комплекса 7P. Представлен поэтапный анализ: от диагностики среды до SWOT-анализа и оценки эффективности.

Эффективное управление процессом маркетинга продукции предприятия является одним из ключевых факторов успеха в нынешней высококонкурентной среде и требует системного подхода и применения научно обоснованной методологии.

Методология анализа служит связующим звеном между теоретическими основами маркетинга и практикой управления и представляет собой последовательность шагов: постановка цели и задач анализа; определение объекта и направлений анализа; сбор данных, на основе которых проводится анализ; применение методов анализа; интерпретация конечных результатов, формулировка выводов и принятие управленческих решений на их основе.

В рамках анализа маркетинга предприятие может преследовать различные цели: рыночные (увеличение доли рынка, расширение географии продаж, усиление конкурентоспособности), экономические (максимизация прибыли, рост рентабельности, снижение издержек), производственные (оптимизация использования производственных мощностей, рационализация ассортимента), маркетинговые (повышение узнаваемости бренда, формирование лояльности потребителей).

Данные, необходимые для проведения анализа, можно разделить на две категории по такому признаку, как источник информации. Это первичные данные (собираемые целенаправленно через такие методы, как опрос, наблюдение и эксперимент) и вторичные данные (уже существующие (отчеты, статистика, публикации)).

Качество анализа процесса маркетинга зависит от методов анализа. *Метод анализа процесса маркетинга* – способ изучения, измерения и обобщения процессов и явлений товарного рынка и влияния различных факторов на изменение результатов деятельности предприятия с целью их улучшения [1]. Подбору правильного метода анализа должно уделяться достаточно внимания со стороны аналитиков и управленцев ввиду того, что от этого зависят результаты анализа, на основе которых принимаются все дальнейшие решения по управлению маркетинговой деятельностью предприятия.

Как правило, выделяются несколько направлений анализа маркетинговой деятельности, при этом в рассмотренных теоретических работах не выделено четкое соответствие между направлениями и методами анализа маркетинговой деятельности. С. У. Нуралиев выделяет такие основные направления исследований, как рынок и его прогнозирование, структура участников рынка, потребители и спрос, товары и ассортимент, цена товара, конкуренты и внешняя среда, стимулирование сбыта и реклама, внутренняя среда и ее возможности, товародвижение и каналы сбыта [2]. М. А. Миссорина считает, что исследованиям должны подвергаться рынок, конкуренты, потребители, цены, внутренний потенциал предприятия [3]. С. В. Полевода в качестве основных направлений исследований выделяет анализ конъюнктуры рынка, анализ спроса, анализ ценовой политики предприятия, портфельный анализ, конкурентный анализ, оценка эффективности рекламы, анализ риска невостребованной продукции, анализ эффективности маркетинговой деятельности [4].

Изучению методов анализа маркетинговой деятельности предприятия посвящено много научных работ и монографий. В научной литературе существуют различные подходы к классификации методов исследования. Согласно классификации, предложенной Л. А. Дробышевой, методы маркетинговых исследований можно подразделить на три основные группы в зависимости от характера получаемых данных: количественные, качественные и комбинированные. Данная типология является фундаментальной, так как она отражает глубину и форму интерпретации рыночной информации [5].

Более детальную характеристику количественных и качественных методов дает П. С. Завьялов. Количественные методы (в данную группу автор относит различного рода опросы и ритейл-аудит) измеряют распространенность явлений и отвечают на вопросы «что?», «кто?», «сколько?», а качественные исследования (к которым автор относит фокус-группы, глубинные и экспертные интервью, а также методы нейромаркетинга) раскрывают мотивы потребителей и отвечают на вопрос «почему?». Комбинированное использование обоих подходов позволяет сформировать наиболее полную и достоверную картину рынка [6].

Таким образом, современный инструментарий анализа маркетинговой деятельности представляет собой комплекс взаимодополняющих методик, выбор которых определяется конкретными целями и задачами исследования.

В современных условиях для эффективного стратегического управления маркетингом предприятие следует рассматривать как открытую систему, что подразумевает под собой ее постоянную взаимозависимость и взаимосвязь с внешней средой. Оценка маркетинговой среды и конкурентной позиции организации имеет большое значение в рамках достижения устойчивого положения на рынке и формирования благоприятных условий для дальнейшего развития. Таким образом, методология анализа маркетинга потребительских товаров должна строиться на системном подходе и учитывать специфику многоканальных продаж.

Рассмотрим методологию комплексного анализа маркетинга потребительских товаров предприятиями-производителями, разделенную на 3 блока.

Блок 1: анализ внешней маркетинговой среды

1 *Объект анализа* – макросреда предприятия. *Основные направления исследования*: анализ политических, экономических, социальных и технологических факторов, влияющих на деятельность предприятия; выявление тенденций и угроз макроуровня. *Основные методы анализа*: PEST-анализ; анализ статистических данных и макроэкономических показателей; мониторинг законодательных изменений; экспертные оценки.

2 *Объект анализа* – микросреда предприятия. *Основные направления исследования*: анализ структуры и динамики рынка, его емкости и потенциала; исследование конкурентной среды (интенсивность конкуренции, барьеры входа, угроза товаров-заменителей, влияние поставщиков и покупателей); определение ключевых игроков и их рыночных долей; анализ потребителей: сегментирование, мотивы, предпочтения, «портрет» целевой аудитории. *Основные методы анализа*: модель пяти сил М. Портера; анализ вторичной информации (отраслевая статистика, отчеты); опросы, интервью, фокус-группы (для анализа потребителей); сравнительный анализ конкурентов (бенчмаркинг).

Блок 2: анализ внутренней маркетинговой среды (на основе комплекса 7Р)

1 *Объект анализа* – продукт (product). *Основные направления исследования*: анализ ассортиментной структуры; динамика продаж по группам товаров; оценка сбалансированности продуктового портфеля; определение этапов жизненного цикла товаров (ЖЦТ); определение перспективных товаров и «проблемных» зон; анализ рыночной привлекательности и конкурентоспособности товаров. *Основные методы анализа*: ABC-анализ; XYZ-анализ; матрица БКГ (или GE/McKinsey).

2 *Объект анализа* – цена (price). *Основные направления исследования*: анализ ценовой эластичности спроса; мониторинг цен конкурентов; оценка восприятия цены

потребителями; анализ структуры себестоимости; изучение системы скидок и бонусов. *Основные методы анализа:* расчет коэффициентов ценовой эластичности; мониторинг среднотраслевых цен; опросы потребителей о приемлемой цене; сравнительный анализ ценовых стратегий.

3 *Объект анализа* – сбыт (place). *Основные направления исследования:* анализ эффективности каналов распределения (фирменная сеть, розничные сети, опт, экспорт); оценка логистических издержек; анализ обеспеченности торговых точек; география продаж. *Основные методы анализа:* сравнительный анализ каналов по объему и рентабельности продаж; ABC-XYZ-анализ по клиентам / каналам; анализ логистических издержек; геомаркетинговый анализ.

4 *Объект анализа* – коммуникации (promotion). *Основные направления исследования:* оценка эффективности рекламных кампаний и промо-акций; анализ присутствия в digital-среде; оценка узнаваемости бренда; анализ PR-активности. *Основные методы анализа:* расчет ROMI (Return on Marketing Investments); анализ соотношения затрат на продвижение и прироста продаж; веб-аналитика (Яндекс.Метрика, Google Analytics); опросы потребителей на знание бренда; пробные покупки.

5 *Объект анализа* – персонал (people). *Основные направления исследования:* анализ качества обслуживания в фирменной рознице; оценка компетенций торговых представителей и мерчандайзеров; анализ лояльности и мотивации персонала; работа с обратной связью от потребителей. *Основные методы анализа:* Mystery Shopping (Тайный покупатель); опросы потребителей об удовлетворенности сервисом; оценка квалификации персонала; анализ жалоб и предложений; метод свободных ассоциаций.

6 *Объект анализа* – процессы (process). *Основные направления исследования:* анализ эффективности бизнес-процессов, связанных с клиентом (обработка заказа, доставка, выкладка, обслуживание); выявление «узких мест»; оценка скорости и качества обслуживания; уровень автоматизации процессов. *Основные методы анализа:* Customer Journey Mapping (картирование пути клиента); хронометраж операций; анализ количества сбоев и жалоб; функционально-стоимостной анализ (ФСА, ABC); бенчмаркинг процессов.

7 *Объект анализа* – Физическое окружение (physical evidence). *Основные направления исследования:* анализ состояния фирменных магазинов (чистота, дизайн, атмосфера); оценка мест продаж в сетевых ритейлерах (наличие POS-материалов, выкладка); удобство сайта/приложения (юзабилити); наличие материальных артефактов (сертификаты, лицензии). *Основные методы анализа:* аудит торговых точек по чек-листу; оценка юзабилити сайта; сравнительный анализ оформления мест продаж с конкурентами; опросы и фокус-группы (восприятие атмосферы).

Блок 3: стратегический анализ

1 *Объект анализа* – SWOT-анализ. *Основные направления исследования:* систематизация сильных и слабых сторон (по итогам блока 2); сопоставление с возможностями и угрозами (по итогам блока 1); формулировка ключевых стратегических направлений. *Основные методы анализа:* матрица SWOT; перекрестный анализ квадрантов (SO, ST, WO, WT).

2 *Объект анализа* – анализ эффективности процесса маркетинга. *Основные направления исследования:* оценка выполнения маркетинговых планов; анализ динамики доли рынка, объема продаж, прибыли; оценка экономической эффективности маркетинговых мероприятий; маркетинговый аудит. *Основные методы анализа:* анализ KPI (CAC, LTV, ROMI); анализ финансовых показателей (рентабельность продаж, доля рынка); трендовый анализ; внутренний и внешний аудит.

По результатам анализа трех блоков полученные данные проходят этап интерпретации, на котором выявляются причинно-следственные связи и формулируются конкретные управленческие решения. Таким образом, предложенная методология анализа процесса маркетинга предприятия представляет собой системный подход, который позволит перейти от интуитивных действий к обоснованному стратегическому планированию в рамках поставленной цели анализа маркетинга.

Литература

- 1 Жуликова, О. В. Методы анализа маркетинговой деятельности предприятия розничной торговли / О. В. Жуликова, Е. О. Решетникова. – URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-research/analysis_meths.htm (дата обращения: 15.03.2026).
- 2 Нуралиев, С. У. Маркетинг : учебник для бакалавров / С. У. Нуралиев, Д. С. Нуралиева. – 2-е изд. стер. – М. : Дашков и К, 2020. – 360 с.
- 3 Миссорина, М. А. Основные направления маркетинговых исследований предприятия / М. А. Миссорина. – URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012000648> (дата обращения: 16.03.2026).
- 4 Полевое, С. В. Методические основы маркетингового анализа / С. В. Полевое. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-osnovy-marketingovogo-analiza/viewer> (дата обращения: 16.03.2026).
- 5 Дробышева, Л. А. Экономика, маркетинг, менеджмент : учебное пособие / Л. А. Дробышева. – 4-е изд. – М. : Дашков и К, 2016. – 152 с.
- 6 Завьялов, П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах : учебное пособие / П. С. Завьялов. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 496 с.

УДК 004.8:339.138

Ю. А. Ацута

РОЛЬ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ МАРКЕТИНГОВОГО ОБРАЗА БРЕНДА

В статье рассматривается роль нейросетей в формировании маркетингового образа бренда. Исследуется влияние генеративных моделей на процессы создания названия, слогана, логотипа и построения маркетинговых коммуникаций. На примере идеи книжного магазина “SoulPage” показаны практические возможности применения искусственного интеллекта при создании эмоционального образа бренда, снижении временных и финансовых затрат и повышении маркетинговой эффективности.

Современный маркетинг всё в меньшей степени ограничивается использованием стандартных инструментов продвижения и коммуникации. В условиях высокой конкуренции и информационной перегруженности аудитории особую значимость приобретает формирование целостного и эмоционально насыщенного образа бренда. В этом контексте нейросетевые технологии и инструменты искусственного интеллекта становятся значимым фактором трансформации маркетинговых процессов.

Искусственный интеллект используется не только для автоматизации рутинных операций, но и в качестве инструмента концептуального проектирования. Генеративные модели способны формировать варианты названий, слоганов, визуальных решений и сценариев коммуникации на основе заданных смысловых и эмоциональных параметров. С помощью этого можно рассматривать нейросети как активных участников формирования маркетингового образа бренда, особенно на этапе его становления. Практическая значимость такого подхода заключается в сокращении временных и финансовых затрат, а также в возможности оперативного анализа множества концептуальных решений, что особенно актуально для малых проектов и стартапов.

Для анализа возможностей применения нейросетевых технологий в маркетинге целесообразно рассмотреть пример проекта книжного магазина “SoulPage”. Концепция проекта основана на переосмыслении традиционного формата книжной торговли. Магазин позиционируется не только как место приобретения литературы, но и как пространство

замедления, осознанного выбора и эмоционального взаимодействия с книгой. В условиях ускоренного ритма жизни покупка литературы часто носит формальный характер, тогда как концепция “SoulPage” ориентирована на индивидуальный опыт и внутренние потребности посетителя.

Пространственная организация магазина играет важную роль в формировании маркетингового образа бренда. Интерьер оформляется в формате камерного книжного бутика, визуально напоминающего уютную гостиную. Использование мягкого рассеянного освещения, натуральных материалов и тёплой цветовой палитры формирует атмосферу спокойствия и доверия.

Одним из ключевых этапов формирования бренда стал нейминг. Для генерации вариантов названия проекта была использована нейросеть Shopify Business Name Generator [1], позволяющая формировать наименования на основе смыслового описания концепции (рисунок 1).

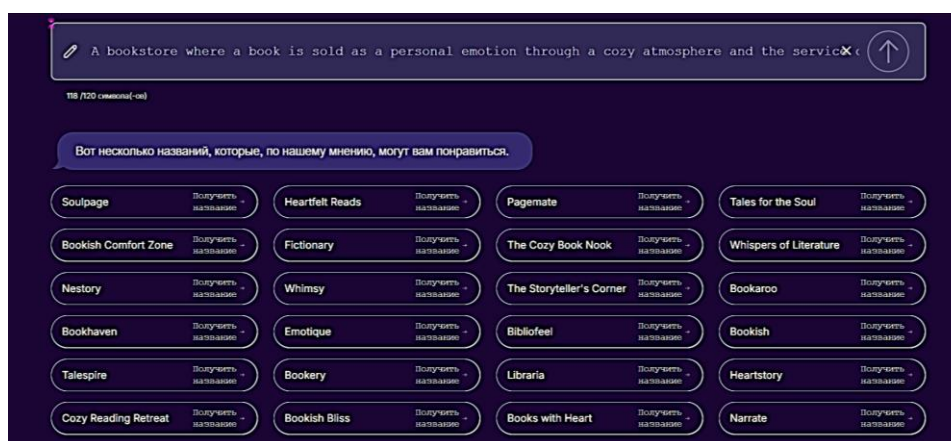

Рисунок 1 – Запрос и результат генерации для Shopify

Анализ предложенных вариантов позволил выбрать название “SoulPage”, отражающее связь внутреннего мира человека с материальной формой книги и подчёркивающее личный характер чтения как процесса.

Вербальная идентичность бренда была дополнена слоганом «Каждая страница со смыслом», разработанным с использованием нейросети ChatGPT [2]. Применение генеративной модели позволило сформировать несколько вариантов слоганов, отличающихся по смысловой и эмоциональной направленности (рисунок 2). Отбор итоговой формулировки осуществлялся с учётом соответствия концепции бренда и его философии осознанного чтения.

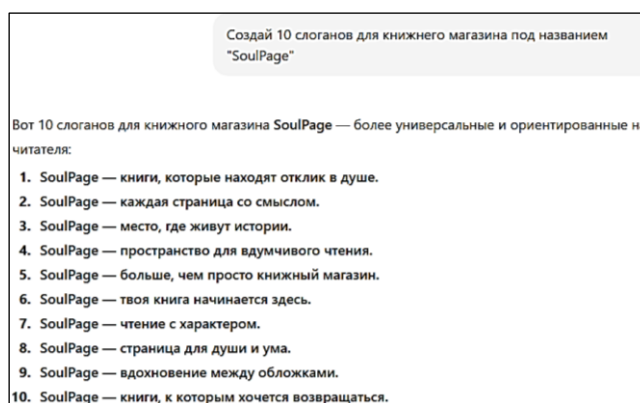

Рисунок 2 – Запрос и результат генерации для ChatGPT

Визуальная идентичность бренда формировалась с применением сервиса Looka AI Designer [3], предназначенного для генерации логотипов на основе заданных параметров. В процессе разработки были учтены ключевые ассоциации бренда, включая уют, эмоциональную глубину и связь с литературой. Рисунок 3 демонстрирует пример запроса, использованного при создании логотипа, а рисунок 4 – результат генерации.

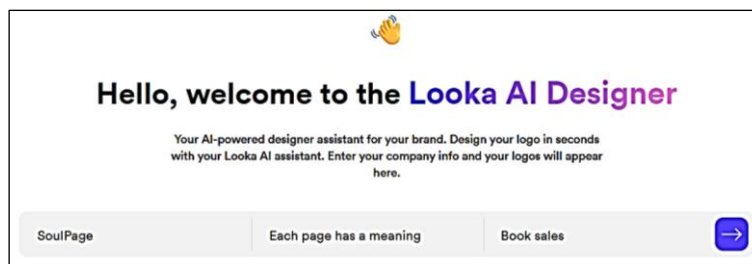

Рисунок 3 – Запрос для Looka AI Designer

Рисунок 4 – Результат генерации для Looka AI Designer

Полученный логотип представляет собой стилизованный образ открытой книги с мягким свечением и выполняет не только идентификационную, но и метафорическую функцию, усиливая ценностное позиционирование бренда.

Существенную роль в концепции магазина “SoulPage” играет персонализированный формат обслуживания. Взаимодействие с посетителями осуществляется через книжных помощников, выстраивающих диалог на основе эмоционального состояния и читательских ожиданий клиента. Ассортимент магазина формируется по эмоциональному, а не жанровому принципу, что упрощает навигацию и снижает когнитивную нагрузку при выборе книги. Дополнительным элементом формата является система «паспортов книг», придающая каждому экземпляру индивидуальный контекст и повышающая его нематериальную ценность.

Для визуальной проработки образов персонала и усиления целостности маркетингового образа были созданы изображения с применением нейросети SeaArt AI [4]. Генеративные визуальные инструменты позволили сформировать образы сотрудников, отражающие общую атмосферу бренда. На рисунках 5, 6 представлен один из примеров – запрос и результат визуализации образа руководителя проекта.

Элегантная женщина средних лет, с уверенной осанкой и внимательным взглядом. Волосы аккуратно уложены, в одежде предпочитает классический стиль с лёгким акцентом на детали — шарф, брошь или очки. Её образ сочетает строгость руководителя и тепло человека, который любит книги и умеет создавать вокруг себя атмосферу уюта.

Рисунок 5 – Запрос для SeaArt AI

Рисунок 6 – Результат генерации SeaArt AI

Маркетинговая стратегия проекта ориентирована на передачу атмосферы пространства и особенностей персонального сервиса. Основное внимание уделяется визуальному контенту в цифровых каналах коммуникации и социальных сетях. Для представления проекта в онлайн-среде был разработан сайт магазина на платформе Tilda, выполняющий информационную и имиджевую функции [5]. Рисунок 7 иллюстрирует пример начальной страницы сайта, отражающей визуальную и смысловую концепцию бренда.

Рисунок 7 – Начальная страница сайта “SoulPage”

Применение нейросетевых технологий в проекте “SoulPage” оказало влияние не только на креативную составляющую, но и на маркетинговую эффективность бренда. Согласованность нейминга, визуальной и вербальной идентичности упростила коммуникацию с целевой аудиторией и повысила узнаваемость бренда. Использование генеративных инструментов позволило поддерживать регулярную контентную активность без значительных затрат ресурсов, что является важным фактором для проектов с ограниченным бюджетом.

Вместе с тем использование нейросетевых технологий имеет ряд ограничений. Качество получаемых решений во многом зависит от корректности формулировки запросов и уровня понимания пользователем целей проекта. Генеративные модели могут предлагать типовые решения, основанные на обобщённых данных, что повышает риск утраты уникальности бренда при отсутствии этапа экспертного отбора и доработки. Дополнительно сохраняется вопрос авторства и оригинальности контента, что требует осмысленного и ответственного подхода к использованию нейросетей в маркетинге.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что нейросетевые технологии выступают значимым инструментом формирования маркетингового образа бренда.

На примере проекта “SoulPage” показано, что искусственный интеллект может эффективно применяться в процессах нейминга, разработки визуальной и вербальной идентичности, а также в создании маркетинговых коммуникаций. Сочетание алгоритмических возможностей и человеческой экспертизы формирует современный подход к маркетингу, в котором скорость, гибкость и глубина воздействия на аудиторию объединяются в единую систему, способную создавать устойчивую ценность бренда.

Литература

- 1 Shopify Business Name Generator. – URL: <https://www.shopify.com/by/tools/business-name-generator?ysclid=mj43n30 uyd 777887845> (дата обращения: 19.03.2026).
- 2 ChatGPT. – URL: <https://chatgpt.com/> (дата обращения: 19.03.2026).
- 3 Looka AI Designer. – URL: <https://looka.com/> (дата обращения: 19.03.2026).
- 4 SeaArt AI. – URL: <https://www.seaart.ai/> (дата обращения: 19.03.2026).
- 5 Tilda. – URL: <https://tilda.cc/ru/> (дата обращения: 19.03.2026).

УДК 336.71:339.138

А. Д. Белик

ЦИФРОВАЯ РЕКЛАМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА: ОСОБЕННОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются современные подходы к организации рекламной деятельности в коммерческих банках Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации. Проанализированы ключевые инструменты цифровой рекламы и информационные системы, обеспечивающие их функционирование. Обоснована значимость интеграции CRM-систем с рекламными каналами для повышения адресности обращений. Определены инструменты интеграции информационных систем в рекламный цикл банка и комплекс стратегий от использования таргетинга.

Трансформация финансового сектора Республики Беларусь характеризуется стремительным переходом банковских услуг в цифровую среду. Согласно данным Национального банка Республики Беларусь, в последние годы наблюдается рост рекламного рынка: в 2025 году его объем составил около 314 млн. руб., при этом сегмент интернет-рекламы впервые занял доминирующую позицию с долей в 52 % [1].

В этих условиях традиционные способы продвижения банковских продуктов теряют эффективность. Актуальность темы обусловлена тем, что для отечественных банков цифровая реклама становится не просто инструментом информирования, а сложным технологическим процессом, интегрированным в ИТ-инфраструктуру для обеспечения сквозной аналитики и снижения стоимости привлечения клиента.

Рекламная деятельность банка имеет ряд специфических особенностей, отличающих её от рекламы товаров массового потребления. Прежде всего, это высокая степень государственного регулирования (соблюдение Закона Республики Беларусь «О рекламе» и требований Национального банка Республики Беларусь к раскрытию информации о стоимости кредитных ресурсов) и нематериальный характер банковского продукта, в основе которого лежит доверие потребителя к финансовому институту и достоверности предоставляемых им сведений. Чтобы систематизировать современные инструменты, используемые банками, обратимся к классификации видов банковской рекламы (рисунок 1).

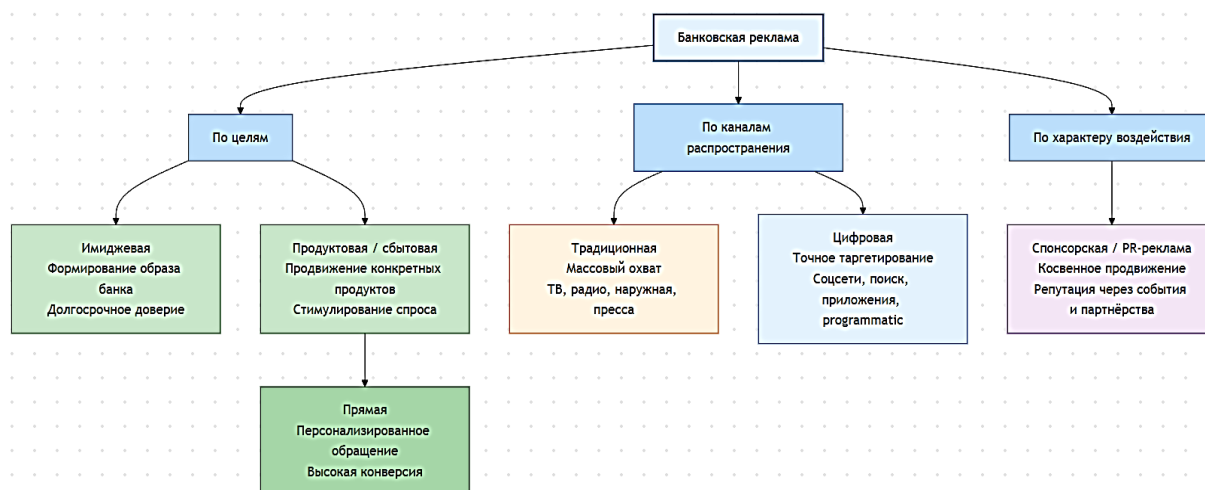

Рисунок 1 – Классификация видов банковской рекламы

Как видно из классификации видов рекламы на рисунке 1, основное внимание уделяется инструментам, позволяющим работать с конкретными потребностями клиента: от поискового маркетинга до узконаправленного таргетинга в социальных сетях.

Национальный банк Республики Беларусь в своих аналитических обзорах подчеркивает, что развитие цифрового маркетинга и дистанционных каналов является приоритетом для обеспечения финансовой инклюзивности населения. По официальным данным регулятора, на начало 2026 года в Республике Беларусь функционирует развитая экосистема цифровых платежей: количество операций через системы дистанционного банковского обслуживания (ДБО) стабильно растет, а число выпущенных платежных карт превысило 19,4 миллиона единиц [2, 3]. По итогам 2025 года доля безналичных платежей в розничном товарообороте страны составила 59,4 % [3]. Поэтому в условиях цифровизации банковских операций повышение доли цифровой рекламы в общем объеме рекламной деятельности банковского сектора способствует не только активному продвижению продуктов, но и росту их воздействия на потенциальных клиентов.

В современной практике коммерческого банка цифровую рекламу целесообразно классифицировать по каналам воздействия и техническим особенностям реализации:

1 Поисковая реклама (SEM): обеспечивает работу с «горячим» спросом, когда пользователь ищет конкретную финансовую услугу.

2 SMM и таргетинг: охват аудитории по социально-демографическим признакам. По данным аналитиков, в 2026 году охват соцсетей в Республике Беларусь составляет около 95 % активного населения [4].

3 In-app реклама (внутри мобильных приложений): прямой канал взаимодействия через push-уведомления и баннеры в личном кабинете клиента.

В условиях цифровой трансформации рекламная деятельность банка перестает быть линейным процессом размещения информации и превращается в цикличную систему управления данными. Ключевым звеном здесь выступает интеграция внутренних учетных систем (ABS – Automated Banking System) и систем управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) с внешними рекламными платформами.

Информационное обеспечение современной банковской рекламы базируется на трехуровневой архитектуре:

1 Нижний уровень (Data Storage): накопление первичных данных о транзакционном поведении клиентов.

2 Средний уровень (Analytical Layer): сегментация аудитории и формирование релевантных предложений.

3 Верхний уровень (Distribution Layer): автоматизированный вывод рекламных сообщений в выбранные цифровые каналы.

Для визуализации сложности этого процесса и понимания роли каждой ИТ-компоненты в формировании цифрового рекламного продукта рассмотрим схему интеграции решений (рисунок 2), которая позволяет банку переходить от массового маркетинга к индивидуальному взаимодействию.

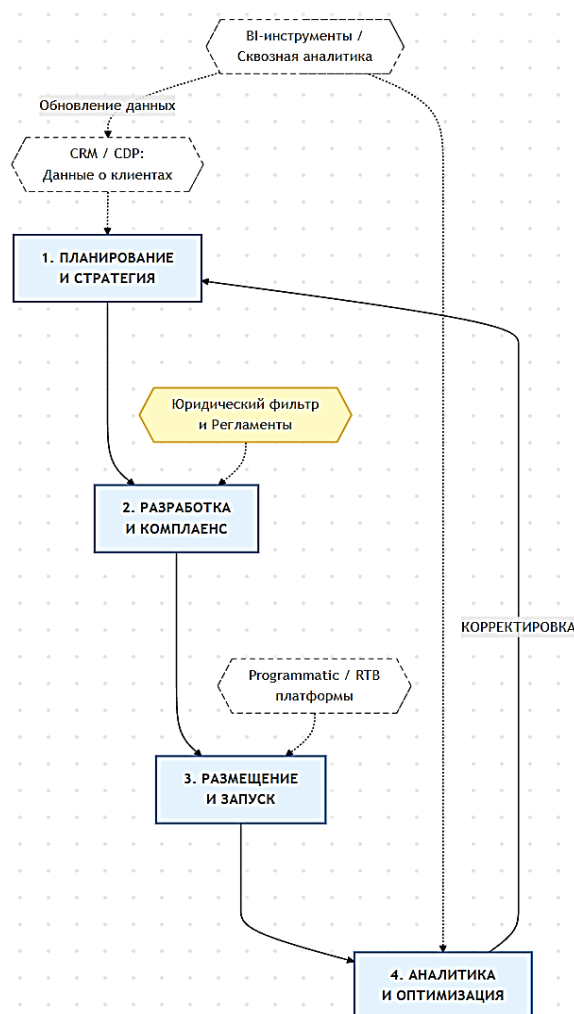

Рисунок 2 – Интеграция ИТ-решений в цикл рекламного процесса банка

Представленная на рисунке 2 схема демонстрирует, что данные о клиенте из CRM-системы напрямую влияют на выбор рекламного канала и содержание сообщения, что позволяет автоматизировать процесс и повысить его точность.

Логическим продолжением интеграции информационных систем в рекламный цикл банка является внедрение высокоточного таргетинга, основанного на синергии First-party data (данные из CRM и ABS) и внешних поведенческих сигналов. В условиях Республики Беларусь этот инструмент превращается из вспомогательного маркетингового механизма в ключевой элемент интеллектуальной системы управления клиентским опытом (Customer Experience Management) на базе анализа больших данных и машинного обучения.

Использование таргетинга в банковской практике Республики Беларусь таргетинг позволит реализовывать следующие научно-практические стратегии:

1 **Предиктивный таргетинг на основе жизненного цикла клиента.** Алгоритмы машинного обучения анализируют транзакционную активность, скоринговые баллы и паттерны использования систем дистанционного банковского обслуживания (ДБО). Это позволяет автоматически инициировать показ релевантного продукта в момент пиковой вероятности конверсии (например, при крупном зачислении или изменении структуры расходов).

2 Геолокационный таргетинг и геофенсинг. С помощью SDK мобильных приложений банков и данных операторов связи выявляются «горячие» зоны финансовой активности клиента (автосалоны, центры недвижимости, крупные торговые центры). Такой подход обеспечивает стратегию «моментального предложения» в реальном времени и существенно повышает эффективность по сравнению с массовым охватным маркетингом.

3 Ретаргетинг на основе воронки продаж. Интеграция веб-аналитики банковского сайта с CRM-системой даёт возможность «догонять» пользователей, проявивших интерес к услуге (расчёт кредита, просмотр условий вклада), но не завершивших действие. Грамотно настроенный ретаргетинг позволяет минимизировать нецелевые показы и улучшать показатели возврата инвестиций в рекламу (ROAS).

Научная и практическая значимость применения таргетинга заключается в переходе от широкой сегментации к микросегментации. В отличие от классических демографических методов, алгоритмический таргетинг обеспечивает высокую адресность предложений при строгом соблюдении требований Закона Республики Беларусь «О рекламе» и нормативов Национального банка по защите персональных данных. По данным исследований рекламного рынка и тенденций digital-сектора Беларуси, банки, внедряющие data-driven таргетинг, демонстрируют заметное повышение эффективности рекламных кампаний и снижение стоимости привлечения клиента [4, 5].

Повышение эффективности рекламной деятельности неразрывно связано с переходом к модели “Mobile First”. Основным преимуществом цифровой рекламы в таких условиях становится её бесшовная интеграция в мобильные приложения банков. Согласно стратегии цифровизации, современные ИТ-решения позволяют банкам сокращать операционные расходы на привлечение одного клиента через цифровые каналы на 20–25 % по сравнению с традиционными методами [3]. Это подтверждает тезис о том, что инвестиции в программное обеспечение маркетинга являются необходимым условием конкурентоспособности на белорусском рынке.

Таким образом, цифровая трансформация процессов рекламной деятельности в банковском секторе Республики Беларусь способствует не только снижению операционных расходов банка, но и повышению эффективности продвижения финансовых продуктов. Это достигается за счет качественного усиления таргетинговой составляющей и расширения спектра цифровых каналов взаимодействия с потенциальными клиентами, что позволяет банку формировать релевантные предложения в режиме реального времени.

Литература

1 Рекламный рынок Беларуси в 2025: объём, структура, тренды // Megapolis-Reklama. – URL: <https://www.megapolis-reklama.by/stati/reklam-nyj-rynok-belarusi-v-2025-godu-obyom-struktura-i-klyuchevye-trendy.html> (дата обращения: 07.04.2026).

2 Состояние рынка банковских платежных карточек // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/payment/plasticcards/state_of_the_market_of_bank_payment_cards (дата обращения: 11.04.2026).

3 Калечица, Д. Л. Цифровая трансформация финансового рынка Республики Беларусь / Д. Л. Калечица // Банкаўскі веснік. – 2024. – № 10 (735). – URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/12178.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

4 SMM 2025–2026: от охватов к экосистемам // Wunder Digital. – URL: <https://wunder-digital.by/smm-2025-2026-ot-ohvatov-k-ekosistemam-glavnye-trendy-dlya-belarusi/> (дата обращения: 11.04.2026).

5 Тенденции digital-рынка Беларуси в 2025 // Workspace.ru (при участии Wunder Digital). – URL: <https://workspace.ru/blog/tendencii-digital-rynka-belarusi-v-2025/> (дата обращения: 11.04.2026).

П. А. Бобр

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ В2В-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ВИТРИНЫ С КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМОЙ

В статье рассмотрены проблемы В2В-взаимодействия промышленного предприятия на примере ОАО «Гомельский завод литья и нормалей». Выявлены основные недостатки существующей электронной витрины. Предложены направления совершенствования. Приведена прогнозная оценка эффективности: сокращение трудозатрат на 70–85 %, уменьшение цикла заказа с 3–14 дней до 1–2 дней, рост доли онлайн-заказов до 25–30 %.

В условиях цифровой трансформации промышленности ключевым фактором конкурентоспособности предприятия становится эффективность В2В-коммуникаций с контрагентами. Современные требования рынка диктуют необходимость перехода от разрозненных информационных каналов к интегрированным цифровым решениям, обеспечивающим сквозную автоматизацию процессов закупок и продаж. Особенно остро данная проблема стоит перед экспортно-ориентированными машиностроительными предприятиями, где скорость обработки заказов, прозрачность транзакций и минимизация операционных издержек напрямую влияют на финансовые результаты и лояльность клиентов [1].

Многие промышленные предприятия располагают развитыми электронными витринами, однако их функционирование изолированно от корпоративных систем (ERP) порождает ручной перенос заявок, отсутствие актуальных остатков и индивидуальных цен в открытом доступе, многодневный цикл обработки запросов и высокую вероятность ошибок документооборота. Разрыв между маркетинговой и операционной деятельностью ведёт к неоправданным временным и трудовым затратам, снижению удовлетворённости контрагентов и ограничению роста онлайн-продаж.

ОАО «Гомельский завод литья и нормалей» (ОАО «ГЗЛиН») – ведущее предприятие сельскохозяйственного машиностроения Республики Беларусь, входящее в холдинг «Гомсельмаш». Предприятие выпускает более 100 наименований техники, машиностроительный крепёж и литейные изделия, экспортируя продукцию в Россию, Казахстан, Молдову и другие страны. Взаимодействие с контрагентами через электронные каналы осуществляет отдел маркетинга.

Проведённый анализ текущего состояния В2В-канала ОАО «ГЗЛиН» показал, что существующая электронная витрина предприятия, функционирующая на базе CMS 1С-Bitrix, выполняет преимущественно информационно-справочную функцию. К положительным аспектам следует отнести детально проработанный каталог, включающий 8 412 позиций метизов, 27 моделей жаток и 11 картофелеуборочных машин, снабжённый фотографиями высокого разрешения, техническими характеристиками, 3D-моделями и паспортами изделий. Кроме того, на платформе реализован личный кабинет зарегистрированных контрагентов (2 847 активных пользователей по состоянию на ноябрь 2025 года) с историей переписки и возможностью повторного запроса по ранее заказанным позициям, а также обеспечена оперативная реакция менеджеров на входящие заявки (в среднем 6–25 минут в рабочее время). Однако проведенный анализ выявил ряд существенных недостатков. Электронная витрина функционирует изолированно от корпоративной системы «1С:Предприятие 8.3»: интеграция реализована только в одну сторону (выгрузка каталога выполняется вручную), отсутствует автоматическая передача заявок в модуль управления продажами, актуальные сведения об остатках и индивидуальные цены для контрагентов не отображаются в открытом доступе. Цикл обработки одной

заявки от момента её отправки до отгрузки продукции составляет от 3 до 14 дней, при этом доля ошибок при ручном переносе данных в учётную систему достигает 14 %. Поисковый механизм поддерживает только точное совпадение артикула или наименования, не распознавая синонимы и частичные запросы, а мобильная адаптация интерфейса не обеспечивает комфортной работы с таблицами и мелким шрифтом.

Для систематизации выявленных проблем и обоснования направлений их устранения была проведена экспертная оценка ключевых аспектов функционирования электронной витрины по 5-балльной шкале. Результаты оценки представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Оценка текущего состояния B2B-канала ОАО «ГЗЛиН»

Аспект оценки	Оценка (1–5)	Характеристика
Информативность каталога	4,5	Фото, чертежи, 3D-модели, видео, паспорта изделий
Навигация и общий дизайн	3,5	Простая структура, но устаревший дизайн и слабая мобильная адаптация
Поддержка процессов продаж	2,5	Хорошая «витрина» и быстрая реакция менеджеров, но отсутствие корзины, цен, остатков, трекинга заказов
Поддержка процессов закупок	1,5	Отсутствие специализированного раздела, документы «спрятаны» среди общего списка
Функциональность и автоматизация	2,0	Отсутствие онлайн-транзакций, автоматического формирования документов, двусторонней интеграции с 1С
Поиск по каталогу	2,5	Работает только по точному артикулу или названию, синонимы и частичные запросы не поддерживаются
Итоговая интегральная оценка	2,6	Эффективный генератор лидов, но не полноценная торговая платформа

Как следует из таблицы 1, наиболее критическими аспектами являются поддержка процессов закупок (1,5 балла), функциональность и автоматизация (2,0 балла), а также поиск по каталогу (2,5 балла). Итоговая интегральная оценка 2,6 балла подтверждает вывод о том, что электронная витрина ОАО «ГЗЛиН» выполняет роль эффективного генератора лидов и информационной витрины, но не является полноценной электронной торговой платформой, обеспечивающей сквозную автоматизацию транзакций.

На основе выявленных проблем с применением методики RICE был сформирован и приоритизирован продуктовый бэклог. Ключевыми направлениями совершенствования определены реализация двусторонней API-синхронизации электронной витрины с «1С:Предприятие 8.3» в режиме реального времени, внедрение полноценного личного кабинета контрагента с историей заказов за последние пять лет, трекингом статусов изготовления и отгрузки, возможностью повторного заказа в один клик, а также автоматическое формирование первичных учётных документов (ТТН-1, ТН-2, счёт-фактура) с интеграцией в систему электронного документооборота. Дополнительно предусмотрена разработка «умного» поиска с поддержкой синонимов, частичных артикулов и фильтрацией по ГОСТ, DIN, материалу и покрытию, а также внедрение механизма отображения актуальных остатков и индивидуальных цен для авторизованных контрагентов. Техническая реализация предполагает доработку API обмена данными, обеспечение обязательной двухфакторной аутентификации пользователей личного кабинета и проведение

рефакторинга устаревшего кода с усилением защиты информации в соответствии с требованиями Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации».

Ожидаемая экономическая эффективность предлагаемых решений оценивалась методом сравнительного анализа ключевых показателей до и после внедрения. Прогнозируется, что доля онлайн-заявок в общем объёме заказов возрастёт с менее чем 5 % до 25–30 %, среднее время от отправки заявки до получения коммерческого предложения сократится с 2 часов до автоматического формирования (менее 1 минуты), а полный цикл «заявка – отгрузка» уменьшится с 3–14 дней до 1–2 дней. Трудозатраты отдела сбыта на обработку одного заказа снизятся с 35–45 человеко-минут до 5–10, а доля ошибок при переносе данных в учётную систему – с 14 % до менее чем 1 %. Дополнительными эффектами выступят снижение складских остатков за счёт прозрачности запасов для клиентов, рост повторных продаж через личный кабинет и повышение индекса потребительской лояльности (NPS) среди ключевых контрагентов. Оценочный срок окупаемости проекта при условии использования уже развёрнутых на предприятии платформ составляет 1,5–2 года за счёт сокращения операционных затрат и роста выручки через интегрированный B2B-канал.

Цифровая трансформация B2B-коммуникаций промышленного предприятия невозможна без глубокой интеграции электронной витрины с ERP-системой. На примере ОАО «ГЗЛиН» доказано, что изолированное функционирование этих компонентов приводит к значительным операционным потерям. Предложенная архитектура интеграции позволяет не только устранить эти потери, но и сформировать основу для дальнейшего развития. Практическая значимость результатов исследования заключается в повышении эффективности и возможности их тиражирования на других промышленных предприятиях Республики Беларусь.

Литература

1 Автоматизация процессов планирования продаж, закупок и производства ВТ // GlobalCIO. – URL: <https://globalcio.ru/projects/53974/> (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 339.138.004.9:336.71

Д. Д. Болдовская

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена проблемным аспектам интернет-маркетинга банковских продуктов в условиях цифровой трансформации финансового сектора Республики Беларусь. Рассмотрены основные барьеры и проанализированы причины снижения эффективности традиционных инструментов интернет-маркетинга. Предложены направления оптимизации маркетинговых стратегий банков с учётом поведенческих факторов целевой аудитории и регуляторных ограничений.

Современный этап развития банковского сектора Республики Беларусь характеризуется активным внедрением цифровых каналов продвижения продуктов и услуг. Согласно данным Национального банка, доля клиентов, использующих интернет-банкинг и мобильные приложения, за 2022–2025 годы выросла с 52 % до 74 % среди физических лиц [1]. Однако, несмотря на рост инвестиций в интернет-маркетинг, многие банки сталкиваются со

снижением отдачи от рекламных кампаний. Средняя конверсия по банковскому сектору в Республике Беларусь не превышает 2–3 %, что в 1,5–2 раза ниже аналогичных показателей в странах ЕС и России [2]. Это связано с рядом системных проблем, которые требуют научного осмысления и выработки практических рекомендаций. При этом бюджеты на цифровую рекламу в белорусских банках ежегодно увеличиваются в среднем на 12–15 %, что делает проблему низкой эффективности особенно острой. Без комплексного анализа барьеров и поиска адаптированных под локальный рынок решений банки рискуют потерять конкурентные позиции перед финтех-компаниями и небанковскими сервисами.

Первой проблемой является низкое качество трафика. Большинство банков использует таргетированную и контекстную рекламу, но без глубокой сегментации и без учёта микро-моментов клиента (микро-моменты – это ситуации, когда пользователь принимает решение за 5–10 секунд). Как следствие, до 60 % переходов на посадочные страницы совершают пользователи, не соответствующие целевой модели клиента: студенты без официального дохода при рекламе кредитов наличными, пенсионеры при рекламе инвестиционных продуктов и т. д. Это приводит к росту стоимости лида при сохранении низкой конверсии в продажу (менее 5 % от числа лидов). При этом банки редко используют технологии верификации трафика до момента показа рекламы, полагаясь на стандартные настройки рекламных кабинетов.

Вторая проблема – юридические ограничения, характерные именно для белорусского регуляторного поля. В Республике Беларусь реклама банковских продуктов (кредиты, депозиты, банковские карты, овердрафты) должна содержать полные условия, включая ставки, сроки, комиссии, страховки и требования к заёмщику. В интернет-маркетинге это делает рекламные объявления громоздкими (текст объявления может достигать 500–700 символов только под условия) и снижает их кликабельность (CTR падает с 1,5 % до 0,7–0,9 %). Кроме того, требования к хранению и обработке персональных данных, согласно Закону «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З, ограничивают возможности ретаргетинга, построения сквозной аналитики и использования данных третьих лиц для таргетирования [3, с. 27]. Банки не могут без согласия клиента передавать его поведенческие данные в рекламные сети, что делает таргетинг менее точным.

Третья проблема – недостаточная персонализация предложений. Большинство белорусских банков использует однотипные, «шаблонные» предложения для всех сегментов: «Кредит наличными под 15 %», «Дебетовая карта с кэшбэком 1 %», «Вклад с ежемесячной капитализацией». Исключение составляют отдельные игроки («МТБанк», «Альфа-Банк», «Технобанк»), но даже они редко применяют предиктивную аналитику для формирования индивидуальных офферов в реальном времени. В результате уровень открытия e-mail рассылок не превышает 15–20 %, а уровень переходов по персонализированным ссылкам в мессенджерах составляет менее 5 %. При этом современные инструменты (например, динамические креативы на основе истории просмотров, поведенческие триггеры в мобильном приложении) используются менее чем в 10 % банковских интернет-кампаний.

Четвёртая проблема – слабая интеграция каналов коммуникации. Традиционно банки разделяют бюджеты на SEO, контекстную рекламу, таргетинг в социальных сетях (VK, Одноклассники, Telegram), кол-центр и офлайн-отделения. Отсутствие единой CRM-платформы, объединяющей все касания с клиентом, приводит к потере до 30 % лидов на этапе между первым контактом и подачей заявки. Например, клиент может перейти по контекстному объявлению, изучить условия кредита, не оставить заявку, а через неделю позвонить в кол-центр, но оператор не будет видеть его цифровой след. Данные опроса специалистов по маркетингу в банках (опрошено 12 банков Республики Беларусь) подтверждают, что лишь 25 % используют end-to-end аналитику, а 40 % не имеют интеграции между веб-аналитикой и внутренними банковскими системами.

Пятая проблема – недостаточная цифровая грамотность части целевой аудитории, особенно в возрастной группе старше 55 лет. Согласно исследованию «Белорусская аудитория интернета 2025», около 30 % пользователей старше 55 лет не доверяют онлайн-заявкам на кредиты и депозиты, предпочитая личное посещение отделения. Это снижает

эффективность чисто цифровых маркетинговых кампаний, ориентированных на массовый сегмент. Банки вынуждены дублировать рекламу в офлайн-каналах, что увеличивает бюджет в 1,5–2 раза без пропорционального роста продаж.

Для преодоления указанных проблем предлагается комплекс мер, сгруппированных по трём направлениям: технологические, организационные и регуляторные.

Технологические меры:

1 Переход от модели «широкого охвата» к гибридной модели: контекстная реклама + вебинары + закрытые Telegram-каналы для премиальных клиентов.

2 Внедрение технологии динамических креативов на основе поведения пользователя на сайте (например: просмотр вкладов → предложение вклада с повышенной ставкой на 0,5 п. п.).

3 Использование предиктивной аналитики на основе данных прошлых заявок (модель машинного обучения для оценки вероятности конверсии до показа рекламы).

Организационные меры:

1 Создание единой маркетинговой CRM-платформы, интегрированной с процессинговой системой банка.

2 Регламентация сквозной аналитики: присвоение единого идентификатора клиенту при первом касании.

3 Обучение сотрудников кол-центра работе с цифровыми следами клиентов (скрипты с подсказками по предыдущим онлайн-действиям).

Регуляторные инициативы:

1 Внедрение упрощённых юридических форм для онлайн-предварительного одобрения продуктов (ограниченная по сумме и сроку предварительная заявка без обязательного раскрытия всех комиссий).

2 Создание «песочницы» для тестирования персонализированной рекламы на обезличенных данных.

Количественная оценка эффективности предложенных мер может быть выполнена с помощью показателя ROI (формула 1):

$$ROI = (\text{Доход} - \text{Затраты}) / \text{Затраты} \times 100 \%, \quad (1)$$

где Доход – чистая прибыль от интернет-канала за вычетом рискованных потерь;

Затраты – сумма расходов на маркетинг (реклама, агентства, инструменты аналитики) и IT-интеграцию (разработка CRM, внедрение динамических креативов).

Исходные данные для расчёта взяты по трём белорусским банкам (усреднение за 2023–2025 годы). При исходных средних затратах 50 тыс. руб. в месяц и доходе 120 тыс. руб. ROI составит 140 % против текущих 80–100 %. При внедрении предложенных мер прогнозируется рост дохода до 150–160 тыс. руб. при росте затрат не более чем на 20 % (до 60 тыс. руб.), что даст ROI на уровне 150–167 %.

В таблице 1 приведено сравнение эффективности основных каналов интернет-маркетинга до и после внедрения комплекса мер (усреднённые данные по трём белорусским банкам за 9 месяцев) [4, с. 201].

Таблица 1 – Динамика средних показателей интернет-маркетинга банковских продуктов

Канал	Конверсия до оптимизации, %	Конверсия после оптимизации, %	Рост, %
Контекстная реклама	2,1	3,4	+62
Таргетинг в соцсетях	1,4	2,5	+79
E-mail маркетинг	0,9	1,8	+100
Telegram-каналы	–	4,2	–
SEO-продвижение	1,1	2,0	+82

Наибольший прирост конверсии наблюдается в Telegram-каналах (с нуля до 4,2 %) и в e-mail маркетинге (рост в 2 раза), что объясняется более высокой лояльностью подписчиков и возможностью персонализации. Контекстная реклама даёт умеренный, но стабильный рост. Таким образом, ключевым резервом является не увеличение бюджета, а перераспределение его в пользу высококонверсионных каналов и технологий персонализации.

Ключевыми проблемными аспектами интернет-маркетинга банковских продуктов в Беларуси являются низкое качество трафика, юридические барьеры, отсутствие персонализации, разрозненность каналов и недостаточная цифровая грамотность части аудитории. Для преодоления низкого качества трафика предлагается внедрение верификации лидов на этапе клика и использование поведенческих моделей целевой аудитории. Снижение влияния юридических барьеров возможно за счёт разработки стандартизированных форм предодобрения, адаптированных под короткие форматы рекламных объявлений.

Практическая значимость работы заключается в том, что выделенные проблемные аспекты и предложенные меры могут быть использованы банковскими маркетологами при планировании кампаний на 2026–2027 годы, а также при подготовке предложений по изменению регуляторных требований к интернет-рекламе финансовых услуг. Представленные рекомендации могут быть интегрированы в стратегии цифрового маркетинга как системно значимых, так и региональных банков Республики Беларусь (рисунок 1). Дальнейшие исследования целесообразно направить на оценку эффективности внедрения персонализированных офферов в реальном времени.

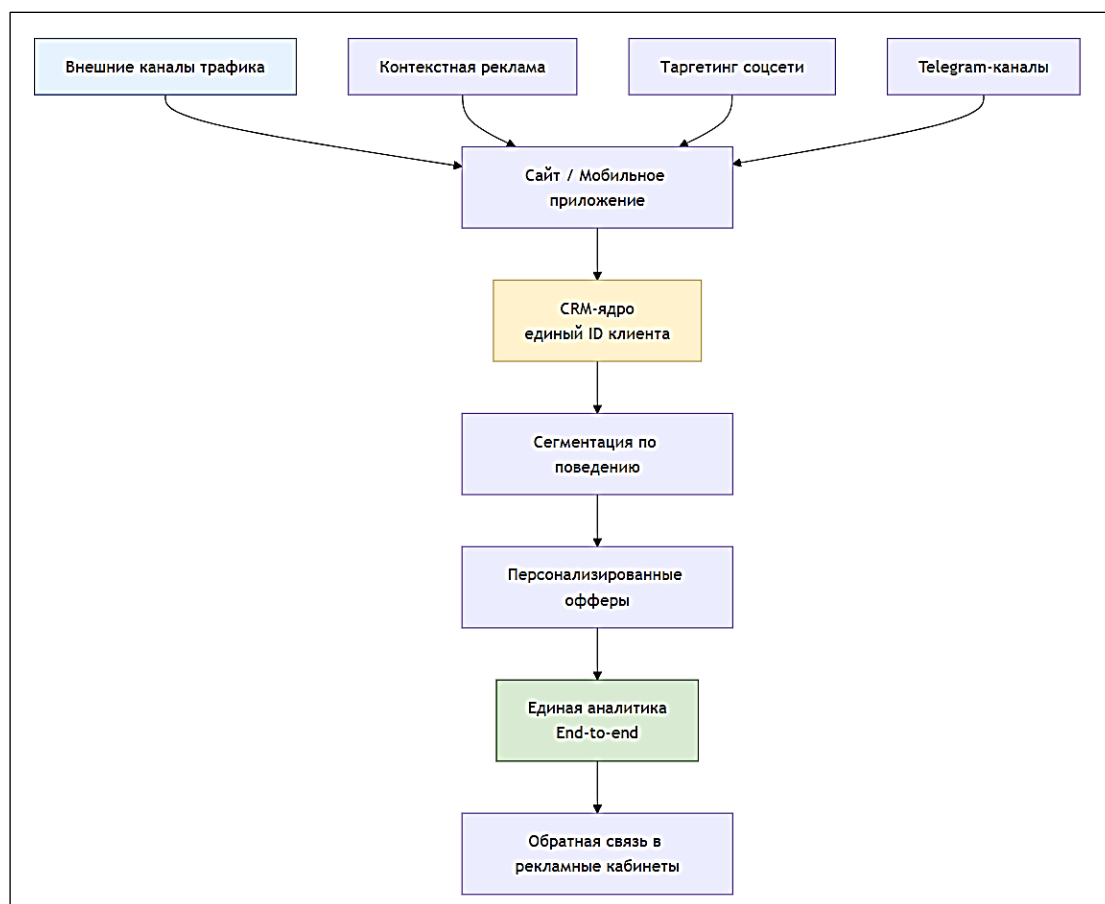

Рисунок 1 – Модель интеграции каналов интернет-маркетинга банке

Таким образом, перспективным направлением дальнейших исследований является оценка эффективности использования генеративных нейросетей для создания персонализированных текстов объявлений в реальном времени.

Литература

1 Основные итоги работы Национального банка Республики Беларусь и банковского сектора за 2025 год и задачи на 2026 год : доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь А. М. Картуна на расширенном заседании Правления // Банковский вестник. – 2026. – № 1 (750). – С. 5–12.

2 Григорьева, Я. Цифровая трансформация как необходимость достижения технологического и экономического суверенитета / Я. Григорьева // Банковский вестник. – 2026. – № 1 (750). – С. 58–67.

3 О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100099> (дата обращения: 12.04.2026).

4 Портер, М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер. – М. : Альпина Паблишер, 2022. – 454 с.

УДК 339.138

Е. Д. Воробьёва

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ НА РЫНКЕ B2B

В статье рассмотрены современные инструменты комплекса продвижения предприятия на рынке B2B и даны рекомендации по их практическому применению в деятельности промышленного предприятия на примере ОАО «Гомельский литейный завод «Центролит». Выявлены основные проблемы отечественных промышленных предприятий, определены приоритетные направления развития политики продвижения, включающие усиление интернет-рекламы, развитие корпоративного сайта и SEO, внедрение контент-маркетинга, активизацию PR-деятельности и участие в международных выставках. Реализация предложенных мер позволит повысить узнаваемость предприятия, расширить рынок сбыта и укрепить его конкурентоспособность в сегменте B2B.

В современных условиях ключевым преимуществом ряда промышленных предприятий на рынке B2B является обеспечение действенной политики продвижения, способствующей налаживанию долгосрочных партнерских отношений между производителем и промышленным покупателем.

Политика продвижения на промышленном рынке представляет собой комплекс мероприятий предприятия, направленных на планирование и осуществление взаимодействий предприятия со всеми субъектами маркетинговой системы на основе использования совокупности коммуникативных инструментов маркетинга.

Активное использование коммуникативных инструментов маркетинга способствует формированию спроса, увеличению объемов продаж и укреплению имиджа компании. Эффективность политики продвижения зависит от правильного сочетания различных средств коммуникации и их соответствия целевой аудитории.

Классическими инструментами продвижения на промышленном рынке, по мнению большинства специалистов, выступают реклама, личные продажи, стимулирование продаж, PR-деятельность.

Структура комплекса продвижения предприятия на рынке B2B определяется особенностями как самой продукции, так и рынка. Особенности структуры комплекса продвижения

обусловлены тем, что изготовители товаров производственного назначения основную часть средств выделяют на организацию личной продажи и только потом ассигнуют средства на рекламу, стимулирование сбыта и формирование общественного мнения.

В связи с этим особую роль играют каналы личной коммуникации, такие как деловые встречи, переговоры, участие в выставках и конференциях [1].

Реклама товаров производственного назначения играет меньшую роль в продвижении товаров производственного назначения, но является важным инструментом воздействия и оказывает значительное влияние на экономические результаты деятельности предприятия. Реклама является неперсонифицированной формой передачи информации, направленной на формирование спроса и стимулирование сбыта продукции.

В условиях цифровизации экономики и усиления конкуренции предприятия сталкиваются с необходимостью поиска новых, более эффективных, способов продвижения продукции. Традиционные классические формы постепенно уступают место современным цифровым инструментам и это требует адаптации инструментов продвижения к новым условиям.

Проблема политики продвижения ряда отечественных промышленных организаций заключается в недостаточной эффективности выбранных инструментов продвижения в отношении целевого рынка и слабой ориентации на специфику B2B-рынка. Также ограниченное использование современных инструментов маркетинга на ряде предприятий промышленного сектора объясняется недостаточным финансированием маркетинговых мероприятий и недооценкой маркетинга как концепции управления бизнесом.

В качестве объекта исследования выбрано ОАО «Гомельский литейный завод «Центролит»». Это одно из крупнейших предприятий промышленного сектора Республики Беларусь в области литейного производства, специализирующееся на выпуске изделий из серого и высокопрочного чугуна с производственной мощностью 32 тыс тонн литья в год. Продукция завода используется в машиностроении, автомобилестроении и других отраслях, что определяет B2B-характер деятельности с огромным производственным потенциалом.

Проведенный анализ политики продвижения ОАО «Гомельский литейный завод «Центролит» показал, что основными инструментами продвижения являются:

- веб-сайт как инструмент бизнеса в интернет;
- участие в отраслевых выставках;
- публикации в специализированных изданиях;
- использование PR-инструментов;
- деловые переговоры с партнёрами;
- использование аудиовизуальной и интернет-рекламы;
- продвижение в социальных сетях (ВКонтакте, Instagram и др.).

Следует заметить, что указанные инструменты соответствуют специфике B2B-рынка, однако имеют ряд ограничений. В частности, недостаточно используются цифровые каналы коммуникации, что снижает эффективность взаимодействия с потенциальными клиентами.

Приоритетными направлениями развития политики продвижения ОАО «Гомельский литейный завод «Центролит» могут стать следующие.

Так, в современных условиях особое значение приобретает интернет-реклама, обеспечивающая быстрый доступ к информации и широкие возможности взаимодействия с клиентами. Целесообразным является усиление маркетинговой активности в данном направлении с условием учета некоторых специфических особенностей. Во-первых, целевая аудитория интернет-рекламы ограничена и включает профессиональных участников рынка. Во-вторых, процесс принятия решения о покупке промышленными покупателями носит рациональный характер и требует анализа технических и экономических характеристик продукции. В-третьих, сделки носят долгосрочный характер и предполагают установление устойчивых партнерских отношений.

Рекламная деятельность на рынке B2B требует проведения маркетинговых исследований, позволяющих оценить эффективность рекламной деятельности и выявить потребности целевой аудитории. В дальнейшем, с учетом выявленных особенностей, можно выделить ключевые сегменты и приоритетные инструменты рекламной деятельности.

Цифровизация маркетинговых коммуникаций становится неотъемлемой частью взаимодействия на рынке B2B. В данном контексте особое значение приобретает постоянное развитие корпоративного сайта как основного информационного ресурса предприятия. Сайт должен быть динамичным, предлагать актуальную информацию о продукции с акцентом на инновационную деятельность и выпущенные новинки продукции, показывать конкурентные преимущества продукции посредством представления ее технических характеристик, сертификатов, наград, премий, примеров реализованных проектов, а также обеспечивать удобную навигацию для пользователей. Специалистам по продвижению необходимо уделить особое внимание SEO-продвижению для повышения видимости сайта в поисковых системах по профильным запросам.

Повысит имидж организации и его узнаваемость на рынке B2B использование специализированных онлайн-платформ и электронных каталогов продукции, которые позволяют представить продукцию предприятия широкой профессиональной аудитории и обеспечить доступ к информации для потенциальных партнеров в различных регионах. В совокупности данные меры будут способствовать расширению клиентской базы и повышению конкурентоспособности предприятия.

Для активизации продаж важно развивать контент-маркетинг, ориентированный на профессиональную аудиторию. В рамках данного подхода предприятию целесообразно создавать подробные технические описания продукции, презентационные материалы, каталоги, а также кейсы реализованных проектов. Такие материалы позволяют потенциальным клиентам более глубоко ознакомиться с характеристиками продукции, особенностями её применения и преимуществами по сравнению с конкурентами.

Активизация PR-деятельности как инструмента повышения имиджа и продвижения предприятия должна быть направлена на публикацию PR-материалов в специализированных отраслевых изданиях, участие в научно-практических конференциях, форумах и деловых мероприятиях. Данные инструменты позволяют повышать узнаваемость и укреплять деловую репутацию завода. Более того, проведение презентаций, семинаров и обучающих мероприятий для партнеров способствует установлению долгосрочных деловых связей и повышению лояльности клиентов.

Участие в международных выставках и ярмарках является эффективным инструментом экспортоориентированного предприятия. Это один из наиболее эффективных инструментов продвижения на рынке B2B, поскольку обеспечивает возможность непосредственного контакта с потенциальными клиентами и партнерами, представляет инновационные новинки и разработки. С финансовой точки зрения это один из дорогих инструментов продвижения. Вместе с тем, участие в выставках позволяет провести маркетинговые исследования и конкурентный анализ, способствует развитию отношений между партнерами, ведению переговоров, заключению ряда контрактов, в том числе и с предприятиями на внешних рынках, что обеспечивает расширение географии продаж.

Таким образом, реализация данных направлений деятельности позволит повысить эффективность политики продвижения завода, повысит его узнаваемость на рынке, обеспечит расширение рынка сбыта, устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности на рынке B2B.

Литература

1 Мокров, Г. Г. Реклама и продвижение товаров : учеб. пособие / Г. Г. Мокров. – СПб. : Питер, 2021. – 288 с.

Ю. Д. Гальмак

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОАО «КОМИНТЕРН»

Статья посвящена анализу действующей системы оценки эффективности деятельности ОАО «Коминтерн», выявлению её проблем и недостатков. С целью преодоления выявленных проблем представлен план развития системы оценки эффективности деятельности предприятия на 2026 год, включающий перечень зарубежных методик для внедрения, в том числе обучение персонала зарубежным методам оценки.

В настоящее время нестабильность факторов окружающей среды требует от ОАО «Коминтерн» детального прогнозирования своей стратегической и текущей деятельности, учета угроз и возможностей дальнейшего развития и достижения поставленных целей. Для достижения наилучшего эффекта от принятия управленческих решений и улучшения структуры планирования ОАО «Коминтерн» необходимо применять зарубежный опыт.

В ходе количественной оценки эффективности деятельности предприятия проводился анализ показателей в динамике за ряд лет, а также их сравнение с нормативными значениями. На основе анализа можно сделать вывод, что в ОАО «Коминтерн» действующая система оценки эффективности деятельности сосредоточена исключительно на исследовании предпринимательской прибыли и рентабельности продаж, то есть на локальных критериях экономической эффективности.

Планирование основных показателей эффективности осуществляется с помощью прогнозирования и разработки бизнес-плана на предстоящий период, при этом ключевыми методами планирования являются расчетно-аналитический и нормативный, дополняемые сценарным анализом [1].

В ходе анализа действующей системы оценки были выявлены следующие недостатки:

1 Отсутствие сравнительного анализа. Эффективность деятельности предприятия невозможна без сопоставления его показателей с отраслевыми средними значениями и показателями основных конкурентов. Такой сравнительный анализ позволяет выявить реальные конкурентные позиции организации и определить направления для улучшения.

2 Отсутствие факторного анализа. Не проводится анализ влияния ключевых факторов (выручка, прибыль, рентабельность, себестоимость, производительность труда) на итоговые результаты деятельности.

3 Использование малого количества качественных методов. Из качественных методов применяется преимущественно SWOT-анализ, отсутствуют PEST-анализ и портфельный анализ.

4 Отсутствие интегральных (комплексных) методов. Не используются метод балльной оценки и сбалансированная система показателей (BSC).

Таким образом, действующая система оценки эффективности деятельности предприятия ОАО «Коминтерн» имеет ряд проблем, связанных с использованием малого количества качественных и комплексных методов оценки эффективности и отсутствием зарубежных методик.

Для устранения выявленных недостатков на предприятии разрабатывается план развития системы оценки эффективности деятельности предприятия, который направлен на комплексное повышение эффективности внутренних и внешних аналитических процессов организации. В таблице 1 представлена характеристика плана по развитию системы оценки эффективности деятельности предприятия в ОАО «Коминтерн».

Таблица 1 – План развития системы оценки эффективности деятельности ОАО «Коминтерн»

Критерий	Характеристика
Название плана	План развития системы оценки эффективности деятельности предприятия в ОАО «Коминтерн»
Цель плана	Внедрение передовых зарубежных практик оценки эффективности для повышения качества управленческих решений, инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности предприятия, повышение объективности оценки эффективности, улучшение бизнес-планирования.
Сроки реализации	Январь–июнь 2026 г. (6 месяцев)
Руководитель плана	Генеральный директор ОАО «Коминтерн»
Ответственное лицо за реализацию плана развития	Заместитель генерального директора по экономическим вопросам
Ответственное лицо за материальное обеспечение плана	Главный бухгалтер
Ответственное лицо за организацию обучения персонала	Заместитель генерального директора по идеологии, рабочим кадрам и быту
Основные задачи	Внедрение зарубежных методик в систему оценки эффективности деятельности организации, проведение обучение персонала
Диагностика действующей системы оценки	Проведена за период с 2023 г. по 2024 г.
Наименование новых и зарубежных методик в системе оценки эффективности деятельности организации, наиболее подходящих для данной специфики деятельности	Сравнительный анализ основных показателей эффективности деятельности с отраслевыми значениями и показателями основных конкурентов
	Факторный анализ основных показателей эффективности деятельности предприятия
	PEST-анализ
	Метод дисконтированного срока окупаемости
	Сбалансированная система показателей (BSC)
Методы обучения персонала	Ориентация на инновационный подход: дистанционное обучение (онлайн-курсы)
Место проведения обучения	На рабочих местах
Период обучения	Январь–март 2026 г.
Затраты на реализацию плана развития, бел. руб.	2 584,05
Ожидаемые результаты	Создание комплексной и сбалансированной системы управления, повышение квалификации персонала

Для реализации плана развития системы оценки эффективности деятельности предприятия в ОАО «Коминтерн» необходимо провести обучение персонала. С помощью дистанционного обучения (онлайн-курсов) обучающийся работник сможет самостоятельно организовывать свои занятия, выбирая удобное для этого рабочее время. Обучение осуществляется на рабочем месте. В учебный процесс вовлекается 5 работников, которые регулярно осуществляют в ОАО «Коминтерн» оценку эффективности деятельности предприятия.

Реализация предложенного плана обучения персонала зарубежным методам оценки эффективности деятельности позволит ОАО «Коминтерн» не только устранить существующие недостатки действующей системы, но и выйти на качественно новый уровень стратегического управления.

Как показывает практика, системный подход к обучению и оценке персонала создает основу для непрерывного совершенствования деятельности предприятия [2, с. 239]. Повышение квалификации сотрудников планово-экономического отдела в области современных методов анализа обеспечит более обоснованное принятие инвестиционных и стратегических решений. В конечном итоге это будет способствовать росту конкурентоспособности предприятия, его инвестиционной привлекательности и устойчивому развитию в долгосрочной перспективе.

Таким образом, действующая система оценки эффективности деятельности ОАО «Коминтерн» позволяет руководителю предприятия принимать рациональные управленческие решения, но не помогает потенциальному инвестору в должной мере оценить инвестиционную привлекательность, риски и потенциальную доходность вложений. Выявленные проблемы подразумевают усовершенствование действующей системы оценки, в том числе с помощью применения зарубежного опыта и формирования системы обучения сотрудников современным методам анализа, что позволяет целенаправленно развивать профессиональные компетенции сотрудников в соответствии со стратегическими целями предприятия.

Литература

1 Афанасьева, А. Б. Оценка эффективности деятельности предприятия / А. Б. Афанасьева // Молодой ученый. – 2022. – № 37 (432). – С. 27–29. – URL: <https://moluch.ru/archive/432/94964> (дата обращения: 13.04.2026).

2 Кибанов, А. Я. Управление персоналом организации : учебник / А. Я. Кибанов, И. А. Баткаева, И. Е. Ворожейкин [и др.] ; под ред. А. Я. Кибанова. – 4-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 695 с.

УДК 343.98.064

А. Д. Гвоздь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕЙРОСЕТЕЙ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ

В статье рассматриваются современные технологии искусственного интеллекта, которые активно внедряются в сферу визуального контента. Исследуются особенности работы нейросетевых сервисов Canva Free AI Image Generator, Pollo AI, SeaArt AI и Nana Banana, проводится их сравнительный анализ на основе единого промпта, позволяющий выявить сильные и слабые стороны каждого инструмента.

Современные технологии искусственного интеллекта меняют способы работы с информацией и визуальным контентом. Одним из основных направлений являются нейросети для генерации изображений, позволяющие создавать уникальные визуальные объекты по текстовым описаниям или заданным стилям. Эти системы делают процесс визуализации быстрым, доступным и гибким для разных сфер деятельности.

Использование нейросетей для генерации изображений основано на обучении моделей на больших массивах данных, что позволяет создавать реалистичные или художественные визуализации. В отличие от традиционной графики, где результат зависит от мастерства художника, нейросети автоматически формируют изображения под запрос пользователя.

При сравнении нейросетей в данном исследовании используется единый запрос, который позволяет сформировать основу изображения – это следующий промпт: «Молодая девушка сидит в уютном кафе за деревянным столиком. В руках у неё чашка ароматного кофе, на тарелке перед ней – аппетитный десерт. Она улыбается и наслаждается моментом, атмосфера теплая и дружелюбная, мягкий свет, приятная обстановка, ощущение спокойствия и хорошего настроения».

Для сравнения и анализа в исследовании используются четыре сервиса: Free AI Image Generator Canva, Pollo AI, SeaArt AI и Nana Banana.

Первым рассматриваемым инструментом является Free AI Image Generator от Canva [1]. Этот сервис встроен в популярную платформу графического дизайна и позволяет создавать изображения на основе текстовых описаний. Простота и доступность делают его удобным для пользователей, которые уже работают в экосистеме Canva или только начинают знакомство с нейросетевыми генераторами.

Главным преимуществом Canva является интуитивный интерфейс и возможность сразу использовать созданные изображения в макетах, презентациях или постерах. Бесплатный доступ к базовым функциям делает его привлекательным для экспериментов и быстрой визуализации идей. Кроме того, сервис предлагает большой выбор художественных стилей, цветовых решений и соотношений сторон, а также возможность прикрепления своих файлов и общения с помощью голоса. После генерации в Canva автоматически появляются четыре варианта результата. Пользователь может просмотреть их и выбрать тот, который ему нравится больше всего.

Однако у Canva есть и недостатки. Генерация изображений может быть менее реалистичной по сравнению с более специализированными инструментами. Сложные или многослойные описания система интерпретирует не точно, из-за чего может потребоваться несколько попыток. Отсутствует возможность правки специфических моментов, что требует дополнительных корректировок с использованием других инструментов. На рисунке 1 представлен результат генерации в сервисе Canva, из которого можно выбрать подходящее для целей генерации изображение.

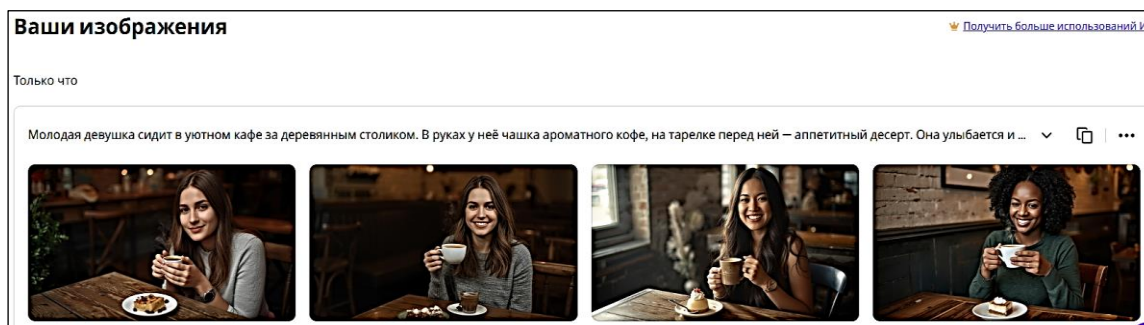

Рисунок 1 – Результат генерации Canva

Canva Free AI Image Generator можно рассматривать как удобный стартовый инструмент. Он хорошо подходит для простых задач и интеграции в дизайн-проекты, но для более точной и профессиональной генерации изображений требуется использование других решений.

Следующий анализируемый сервис – Pollo AI [2]. Это инструмент для генерации изображений по текстовым запросам, ориентированный на простоту использования и быструю визуализацию идей. Pollo AI отличается тем, что предлагает удобный веб-интерфейс и возможность создавать картинки без сложных настроек. Есть возможность генерировать изображения через текст, файлы, использовать различные эффекты, стили и инструменты, задавать размер и выбирать количество вариантов после генерации.

К плюсам можно отнести простоту работы, скорость отклика и возможность сразу получить готовое изображение. Однако минусом является наличие валюты – «кредитов»: для генерации одного изображения требуется четыре кредита. При регистрации дается 10 кредитов, затем в течение недели можно получить еще 25. Также к минусам относятся ограниченная детализация и меньший контроль над художественными параметрами по сравнению с более профессиональными генераторами. Тем не менее, Pollo AI хорошо подходит для быстрых экспериментов и проверки идей, когда важна сама визуализация, а не глубина проработки деталей. На рисунке 2 представлен результат генерации Pollo AI.

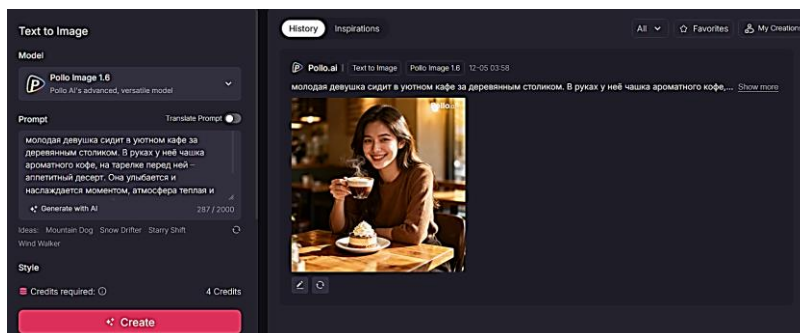

Рисунок 2 – Результат генерации Pollo AI

Далее исследуется сервис SeaArt AI – современный нейросетевой генератор изображений, доступный через удобный веб-интерфейс [3]. Он ориентирован на широкий круг пользователей и позволяет создавать визуальный контент по текстовым описаниям без необходимости обладать техническими знаниями. Его главная особенность – богатый выбор художественных стилей.

Преимуществом SeaArt AI является простота работы и скорость отклика. Пользователь формулирует промпт, а система стремится максимально точно интерпретировать запрос, предлагая варианты от реалистичных фотографий до фантазийных иллюстраций. Сгенерированные результаты можно использовать в коммерческих целях. Можно включить подсказки, добавлять файлы, настраивать изображения, выбирать количество сгенерированных результатов, а потом редактировать их.

В то же время у SeaArt AI есть и ограничения. Качество изображений зависит от точности формулировки запроса: при слишком абстрактных описаниях, недостатке деталей результат оказывается непредсказуемым. Кроме того, часть функций доступна только в платной версии, а бесплатный доступ ограничен по количеству генераций. Существует валюта – «энергия». В день дается около 130 энергии, а одна генерация изображения стоит 12.

На рисунке 3 представлен результат генерации SeaArt AI.

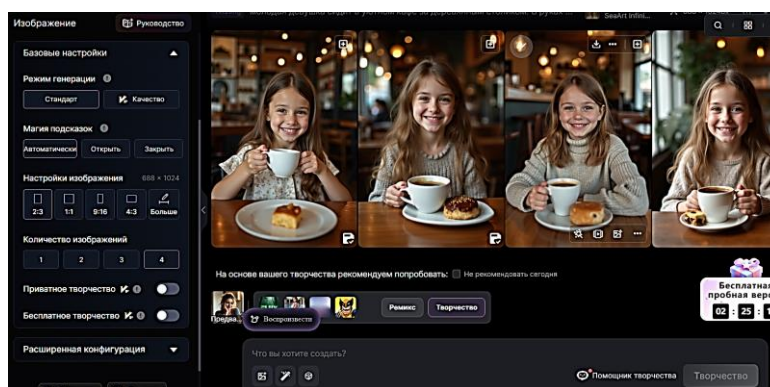

Рисунок 3 – Результат генерации SeaArt AI

SeaArt AI можно рассматривать как доступный и демократичный инструмент для генерации изображений, но для профессиональной работы с высокой степенью детализации и контролем над параметрами лучше использовать более специализированные решения.

Еще один современный редактор изображений на основе ИИ – Nana Banana [4]. Сервис работает через удобный веб-интерфейс и использует технологии Google, что обеспечивает высокое качество визуализации и точное понимание языка. В отличие от многих других генераторов, Nana Banana делает акцент на согласованности персонажей: если пользователь создаёт серию картинок с одним героем, его черты и стиль сохраняются во всех изображениях. Это особенно важно для создателей контента, которым необходимо поддерживать единый визуальный образ.

Главными преимуществами Nana Banana является простота работы и высокая скорость отклика. Дополнительно сервис предлагает возможность загружать изображения для редактирования, выбирать размер, использовать несколько референсов и улучшать качество готовых картинок с помощью встроенной функции HD-Upscale.

Но у Nana Banana есть и ограничения. Качество результата во многом зависит от точности формулировки запроса: чем конкретнее описание, тем лучше итоговое изображение. Бесплатный доступ ограничен количеством генераций и невозможностью скачивания картинок, многие функции доступны только при покупке дополнительных кредитов. Генерирование одного изображения стоит 1–2 кредита.

Nana Banana можно рассматривать как хороший инструмент для генерации изображений, который сочетает простоту использования и продвинутые возможности. Он особенно полезен для тех, кто работает с персонажами и хочет сохранять их узнаваемость в разных визуальных контекстах. На рисунке 4 представлен результат генерации Nana Banana.

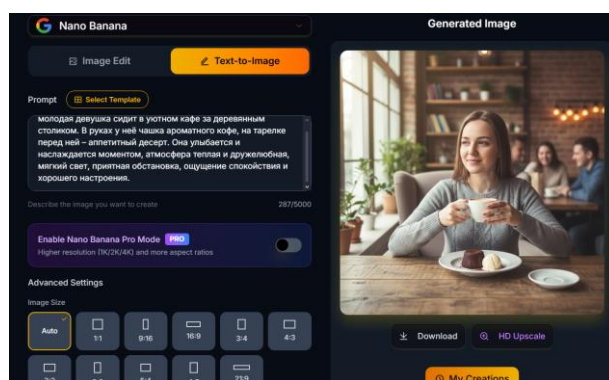

Рисунок 4 – Результат генерации Nana Banana

В результате исследования возможностей рассматриваемых нейросетей можно составить таблицу сравнительного анализа нейросетевых генераторов изображений (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ нейросетей для генерации изображений

Параметры	Нейросети для генерации изображений			
	Canva Free AI Image Generator	Pollo AI	SeaArt AI	Nana Banana
1	2	3	4	5
Производитель	Canva	Pollo AI	STAR CLUSTER PTE. LTD.	Google DeepMind
Основная аудитория	Новички, дизайнеры	Массовые пользователи	Создатели контента	Создатели контента

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Стили	Базовые	Простые	Любые	Любые
Качество	Среднее	Среднее	Среднее	Высокое
Доступность	Бесплатно	Бесплатно, ограничения	Бесплатно, часть функций платные	Бесплатно, часть функций платные
Плюсы	Простота, интеграция	Быстрота, минимализм	Богатый выбор стилей	Сохранение персонажей
Минусы	Стили	Детализация	Ограничения бесплатной версии	Ограничения бесплатной версии

Таким образом, все рассматриваемые нейросети имеют свои сильные и слабые стороны. Canva Free AI Image Generator удобен для интеграции в дизайн-проекты и прост в использовании, Pollo AI подходит для быстрой визуализации идей, SeaArt AI ориентирован на создателей контента и предлагает широкий выбор стилей, а Nana Banana обеспечивает согласованность персонажей и улучшение качества изображений.

В совокупности они демонстрируют разнообразие подходов к генерации визуального контента и позволяют выбрать оптимальный инструмент в зависимости от целей.

Литература

- 1 Free AI Image Generator: Canva. – URL: <https://www.canva.com/features/ai-image-generator> (дата обращения: 01.12.2025).
- 2 Pollo AI. – URL: <https://pollo.ai> (дата обращения: 02.12.2025).
- 3 SeaArt AI. – URL: <https://www.seaart.ai> (дата обращения: 02.12.2025).
- 4 Nana Banana. – URL: <https://nanubanana.com> (дата обращения: 03.12.2025).

УДК 351.08:005.963

А. В. Громыко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме обучения руководителей в системе государственного управления. Рассмотрены факторы, влияющие на эффективность подготовки управленческих кадров, а также современные подходы к организации их обучения. Проанализирована практика планирования повышения квалификации на примере Комитета экономики Гомельского областного исполнительного комитета. Представлены результаты оценки масштабов и эффективности образовательного процесса. Выявлены основные проблемы, снижающие результативность обучения руководителей. Предложены направления совершенствования системы подготовки управленческих кадров.

В условиях трансформации экономики и усиления роли государственного управления особое значение приобретает качественная подготовка руководящих кадров. Эффективность функционирования органов государственного управления во многом определяется

уровнем профессиональной компетентности руководителей, их способностью адаптироваться к изменениям внешней среды, использовать современные управленческие инструменты и принимать обоснованные решения. В связи с этим система обучения руководителей в государственном секторе требует постоянного совершенствования [1, с. 119].

Современная практика показывает, обучение руководителей в системе государственного управления Республики Беларусь представляет собой непрерывный и системный процесс, охватывающий все уровни управленческой вертикали – от местных исполнительных комитетов до республиканских органов власти.

Данная система базируется на строгой нормативно-правовой основе, включающей профильные законы (например, «О государственной службе»), указы Президента и постановления Совета Министров, которые регламентируют порядок отбора, подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров.

Такой подход обеспечивает единство требований к профессиональным компетенциям, плановость обучения (как правило, с периодичностью не реже одного раза в пять лет) и преемственность знаний, что в конечном итоге направлено на повышение эффективности государственного аппарата и качественную реализацию кадровой политики страны.

Вместе с тем, несмотря на наличие развитой институциональной базы, в данной сфере сохраняется ряд проблем, снижающих эффективность образовательного процесса.

Рассмотрим современное состояние и практику планирования обучения руководителей на примере Комитета экономики Гомельского областного исполнительного комитета.

Комитет экономики Гомельского областного исполнительного комитета – это структурное подразделение Гомельского областного исполнительного комитета, которое занимается разработкой стратегии экономического развития Гомельской области и реализацией государственной социально-экономической политики. В своей работе он подчиняется непосредственно облисполкому и Министерству экономики Республики Беларусь.

Система обучения руководителей Комитета представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обеспечение непрерывного профессионального развития государственных служащих и повышение качества управленческих решений. Обучение осуществляется на основе нормативных документов, в частности приказа от 3 ноября 2021 года № 844, регламентирующего порядок организации повышения квалификации.

Организация образовательного процесса осуществляется в соответствии с ежегодным план-графиком, включающим перечень программ, категории обучаемых и распределение учебной нагрузки. В среднем в течение года обучение проходят около 260 человек (11 учебных групп), включая руководителей (12 человек), специалистов экономических служб, работников в сфере цифровизации и аналитики. Образовательные программы реализуются преимущественно в очной форме и составляют от 24 до 36 учебных часов.

Для оценки масштабов образовательного процесса рассчитаем общий объем учебного времени по формуле (1):

$$T_{\text{общ}} = Ч_{\text{пр}} \times N_{\text{гр}}, \quad (1)$$

где $T_{\text{общ}}$ – суммарное количество учебных часов;

$Ч_{\text{пр}}$ – продолжительность одной программы;

$N_{\text{гр}}$ – число учебных групп.

Тогда:

$$T_{\text{общ}} = 24 \times 11 = 264 \text{ часа.}$$

Полученные данные свидетельствуют о значительном объеме образовательной нагрузки и высокой интенсивности процесса обучения.

Финансовая составляющая системы повышения квалификации определяется исходя из стоимости обучения одного слушателя. При средней стоимости курса 150 рублей на человека и общем количестве обучаемых 260 человек базовый фонд расходов рассчитывается следующим образом по формуле (3):

$$F_{\text{осн}} = C \times Q, \quad (2)$$

где $F_{\text{осн}}$ – базовый фонд расходов;

C – стоимость обучения одного слушателя;

Q – количество слушателей.

Тогда:

$$F_{\text{осн}} = 150 \times 260 = 39000 \text{ руб.}$$

Таким образом, ежегодные затраты на обучение являются значительными, но оправданными с точки зрения поддержания профессионального уровня кадров.

Оценка эффективности обучения руководителей может быть дополнена расчётом коэффициента обновления компетенций по формуле (4):

$$\text{КОК} = \left(\frac{Q_{\text{рук}}}{N_{\text{рук}}} \right) \times 100 \%, \quad (3)$$

где $Q_{\text{рук}}$ – количество курсов для руководителей за год,

$N_{\text{рук}}$ – общая численность руководителей.

При проведении 22 курсов для 12 руководителей КОК составит:

$$\text{КОК} = \left(\frac{22}{12} \right) \times 100 \% = 183 \%.$$

Это означает, что каждый руководитель проходит обучение в среднем более одного раза в год, что соответствует современным требованиям к профессиональному развитию.

Несмотря на положительные характеристики, система обучения руководителей имеет ряд проблем.

Во-первых, сохраняется недостаточная практическая направленность программ. Преобладание теоретических занятий ограничивает возможность формирования прикладных управленческих навыков.

Во-вторых, отсутствует единая система оценки эффективности обучения, позволяющая определить степень применения полученных знаний в профессиональной деятельности.

В-третьих, недостаточно развита индивидуализация обучения. В большинстве случаев программы носят унифицированный характер и не учитывают специфические потребности конкретных руководителей.

В-четвёртых, наблюдается ограниченное использование современных образовательных технологий, включая дистанционные формы обучения, цифровые платформы и интерактивные методы.

Дополнительной проблемой является недостаточная интеграция обучения с практической деятельностью органов государственного управления. Отсутствие тесной связи между образовательными учреждениями и государственными органами снижает актуальность программ и их прикладную значимость.

Решение указанных проблем требует внедрения комплексных мер. В первую очередь необходимо усиление практической направленности обучения за счёт использования кейс-методов, деловых игр и анализа реальных управленческих ситуаций. Важно также развитие системы непрерывного образования, обеспечивающей регулярное обновление компетенций руководителей.

Перспективным направлением является внедрение индивидуальных образовательных программ, учитывающих уровень подготовки, профессиональный опыт и функциональные обязанности руководителей. Это позволит повысить адресность обучения и его эффективность [2, с. 47].

Кроме того, необходимо создание системы мониторинга результатов обучения, включающей оценку применения полученных знаний на практике. Важную роль играет цифровизация образовательного процесса, использование онлайн-платформ и дистанционных технологий.

Таким образом, современная система обучения руководителей в государственном управлении Республики Беларусь характеризуется высоким уровнем организации и значительным охватом слушателей. Вместе с тем выявленные проблемы требуют дальнейшего совершенствования подходов к планированию и реализации образовательных программ.

Реализация предложенных направлений позволит повысить качество подготовки руководящих кадров и эффективность государственного управления в целом.

Литература

1 Василевич, Г. А. Государственное управление в Республике Беларусь / Г. А. Василевич. – Мн. : Право и экономика, 2012. – 287с.

2 Герасимович, А. В. Развитие системы подготовки управленческих кадров / А. В. Герасимович // Экономика и управление. – 2023. – № 5. – С. 45–51.

УДК 004.42:65.012.4

А. В. Громыко

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РЕШЕНИЯ БИЗНЕС-ЗАДАЧ

В статье исследуются возможности применения нейросетей для задач бизнеса. Рассматриваются особенности использования нейросетей Grok, Leonardo.AI, Sora и Wanapi.co для генерации текстов, изображений, видео, аудио и прототипов интерфейсов. Результаты исследования показывают, что эти инструменты существенно ускоряют творческие и аналитические процессы, снижают затраты времени на начальных этапах и способствуют генерации идей, хотя требуют дальнейшей доработки человеком.

В современном мире объемы информации и задач, с которыми сталкиваются специалисты в бизнесе и маркетинге, постоянно увеличиваются. Это создает потребность в эффективных инструментах для автоматизации рутинных процессов и ускорения творческой работы. Нейросети стали важным элементом повседневной практики, упрощая создание текстов, визуальных материалов и прототипов. Актуальность исследования обусловлена возможностями таких сервисов улучшать результаты в различных направлениях: от генерации контента и анализа данных до дизайна интерфейсов и визуализации идей.

В качестве первого примера рассмотрим нейросеть Grok [1], которая представляет собой большую языковую модель от xAI, предназначенную для генерации текстов, решения задач в области математики, кодирования и рассуждений. Модель поддерживает

доступ к актуальной информации в реальном времени, редактирование изображений, генерацию изображений, голосовое взаимодействие. В качестве преимуществ можно выделить точность в простых логических и математических задачах, быстрые ответы, актуальные данные, гибкость в использовании. К недостаткам относятся необходимость подписки для полного доступа и возможные фактические ошибки.

Если Grok ориентирован преимущественно на работу с текстом и рассуждениями, то для создания визуального контента всё чаще применяют специализированные инструменты, такие как Leonardo.AI [2]. Данная нейросеть специализируется на генерации изображений по текстовым описаниям. Платформа поддерживает создание фотореалистичных и стилизованных изображений, обучение собственных моделей на пользовательских данных, редактирование изображений, генерацию коротких видео. Преимуществами являются высокое качество результатов, широкий выбор настроек. Недостатки: ограничения по кредитам в бесплатной версии (150 в день), возможные несоответствия в деталях, необходимость платной подписки для объемной работы.

Пример использования Leonardo.AI показан на рисунке 1.

Рисунок 1 – Изображение, созданное с использованием Leonardo.AI

Изображение, сгенерированное в Leonardo.AI, точно соответствует промту, показывая молодую женщину в очках с сосредоточенным выражением лица в офисной обстановке с графиками и диаграммами на фоне. Высокое качество генерации обеспечивает реалистичный вид: естественное освещение, детализированная текстура кожи, волос и одежды, что делает портрет профессиональным и убедительным примером возможностей платформы.

Расширяя возможности визуального контента за пределы статичных изображений, следующим логичным шагом становится рассмотрение инструментов для генерации видео, таких как Sora от OpenAI [3]. Нейросеть известна как модель для создания видео по тексту, генерирующая короткие клипы с довольно реалистичной физикой и движением. Кроме того, поддерживается генерация статичных изображений по описанию или на основе загруженных фото. К преимуществам можно отнести детализацию движения, разнообразие стилей. Очевидными недостатками являются ограниченная длительность клипов, возможные артефакты, необходимость платной подписки для генерации большего количества видео, возможные логические неточности.

После исследования возможностей создания визуального контента, следует рассмотреть инструменты для генерации аудио. Suno представляет собой платформу на базе искусственного интеллекта, предназначенную для создания оригинальной музыки по текстовым описаниям, что означает возможность создания аудиосопровождения для рекламы продукции [4]. Сервис генерирует полноценные песни с вокалом и инструментальным сопровождением, позволяет задавать жанр, настроение, темп, загружать

собственные тексты или аудио. Преимущества включают в себя высокое качество вокала и инструментального сопровождения, быструю генерацию полноценных треков, доступность для пользователей без музыкальных навыков, поддержку различных жанров и стилей, возможность коммерческого использования в платных планах. Недостатки: ограничения по длине и количеству генераций в бесплатной версии, возможные вопросы с авторскими правами, иногда повторяющиеся или менее эмоциональные композиции по сравнению с человеческим творчеством, необходимость подписки для расширенных функций, иногда неполное соответствие результата запросу.

Завершив обзор инструмента для генерации аудио, следует обратиться к платформам, в которых можно создавать прототипы пользовательских интерфейсов, таким как Banani.co [5]. Нейросеть предназначена для генерации прототипов UI/UX по текстовым описаниям. Сервис создает интерактивные многоэкранные прототипы, позволяет редактировать их промтами, интегрируется с Figma, поддерживает совместную работу в реальном времени и использование шаблонов. Преимущества: скорость создания прототипов, возможность автоматической доработки запроса при помощи встроенного искусственного интеллекта. Недостатки: ограничения в глубокой кастомизации, иногда шаблонные решения, лимиты в бесплатной версии.

Пример использования Banani.co показан на рисунке 2.

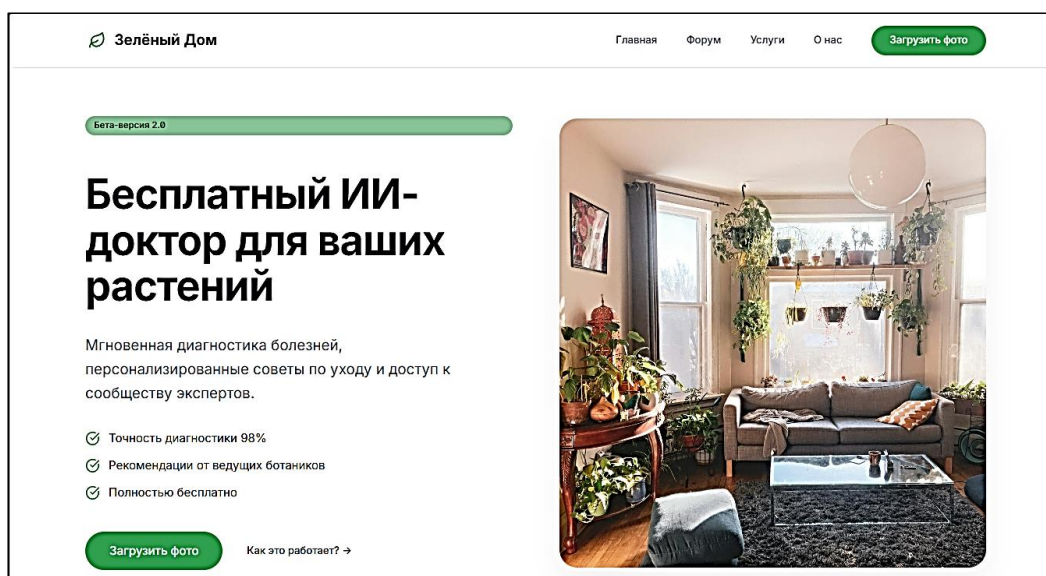

Рисунок 2 – Прототип сайта с использованием Banani.co

Макет главной страницы сайта, сгенерированный в Banani.co, полностью соответствует заданному промту: минималистичный дизайн с зелёными акцентами, правильной структурой, присутствует фото растений. Результат выглядит профессионально и готов к использованию как основа для технического задания разработчикам.

Таким образом, нейросети открывают широкие возможности для бизнеса, маркетинга и творческих задач, существенно ускоряя создание контента и прототипов. Однако их результаты далеки от идеала, так как часто встречаются артефакты, фактические ошибки, шаблонные решения, что требует обязательной проверки и значительной доработки. Такие инструменты лучше всего использовать для быстрого формирования первоначальных идей, черновиков или концепций, которые затем доводят до профессионального уровня специалисты. Для получения качественного результата важно развивать навыки работы с нейросетями: учиться составлять точные промты и критически оценивать вывод, понимая ограничения технологий. В итоге это позволяет оптимизировать процессы, но только при разумном сочетании ИИ с человеческим опытом и контролем.

Литература

- 1 Grok : [сайт]. – URL: <https://grok.com> (дата обращения: 18.02.2026).
- 2 Leonardo.AI : [сайт]. – URL: <https://leonardo.ai> (дата обращения: 28.02.2026).
- 3 Sora : [сайт]. – URL: <https://openai.com/sora> (дата обращения: 3.03.2026).
- 4 Suno : [сайт]. – URL: <https://suno.com> (дата обращения: 13.03.2026).
- 5 Banani : [сайт]. – URL: <https://www.banani.co> (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 338.4:65.011.56:004.9

Я. К. Дашкевич

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассмотрены современные подходы к определению сбытовой деятельности предприятия и её роль в обеспечении конкурентоспособности. Проанализирована модель сбытового контура, реализованная в типовой конфигурации «1С:ERP Управление предприятием 2». Обоснована необходимость дальнейшей оптимизации бизнес-процессов сбыта.

В экономической литературе существуют различные подходы к определению сбытовой деятельности. Традиционно (в рамках производственной концепции) сбыт трактовался как физическое перемещение товаров от производителя к потребителю. Однако в современном менеджменте доминируют маркетинговый и логистический подходы.

С позиции маркетинга, по мнению Ф. Котлера, сбыт – это элемент комплекса маркетинга, включающий деятельность по доведению продукта до целевых потребителей и обеспечению его доступности [1].

С позиции логистики, сбыт (распределительная логистика) представляет собой процесс управления материальными, информационными и финансовыми потоками в каналах распределения.

Сбытовая деятельность организации – это комплексный процесс, инициируемый маркетинговыми исследованиями и реализуемый через логистические каналы, направленный на организацию коммерческой коммуникации, физического перемещения и перехода права собственности на готовую продукцию с целью удовлетворения платежеспособного спроса и получения предпринимательской прибыли.

В системе управления современным предприятием сбыт выполняет системообразующую роль по следующим направлениям:

1 Как «финишная» функция производства. Сбытовая деятельность является завершающим этапом производственного цикла. Эффективность сбыта напрямую определяет скорость оборота оборотных средств и, как следствие, рентабельность всего производства.

2 Как источник обратной связи. Через каналы сбыта предприятие получает критически важную информацию о качестве продукции, действиях конкурентов и изменении потребительских предпочтений. Эта информация служит основой для корректировки производственной и ассортиментной политики.

3 Как фактор конкурентоспособности. В условиях стандартизации технологий конкуренция все больше смещается в сферу сервиса и условий поставки. Скорость выполнения заказа, надежность поставок и гибкость условий платежа становятся ключевыми факторами выбора поставщика.

4 Как элемент устойчивости предприятия. Диверсифицированная сбытовая сеть и сбалансированный портфель заказов (сочетание крупных промышленных клиентов и розничного сектора) снижают риски затоваривания и финансовых потерь.

Современная сбытовая деятельность промышленного предприятия характеризуется высокой степенью интеграции с корпоративной информационной системой. Наиболее распространённым решением для автоматизации управления промышленным предприятием является информационная система класса ERP, построенная на платформе «1С:Предприятие». Конфигурация «1С:ERP Управление предприятием 2» представляет собой комплекс взаимосвязанных подсистем, охватывающих основные контуры деятельности, включая сбыт, производство, склад, закупки и финансы. Рассмотрим модель сбытовой деятельности, реализованную в данной системе, на примере её типового функционала.

Сбытовой контур в 1С:ERP образован несколькими функциональными подсистемами, работающими в едином информационном пространстве. Ключевыми из них являются «CRM и маркетинг», «Продажи», «Склад и доставка», а также тесно связанные с ними «Бюджетирование и планирование» и «Производство».

В подсистеме «Бюджетирование и планирование» реализовано формирование планов продаж по номенклатуре и товарным категориям. На основе этих планов, а также с учётом текущих потребностей, система позволяет автоматически формировать заказы на производство и заказы поставщикам, что обеспечивает увязку сбытовых прогнозов с производственными и закупочными мощностями. Механизм «Состояние обеспечения заказов» (доступный в разделах «Продажи», «Закупки» и «Производство») предоставляет возможность оценивать достаточность имеющихся и планируемых к поступлению ресурсов для выполнения принятых обязательств перед клиентами.

Подсистема «CRM и маркетинг» содержит инструменты для ведения клиентской базы, включая сегментацию клиентов по различным критериям. Доступны функции ABC/XYZ-классификации клиентов и номенклатуры, что позволяет оценивать доходность клиентского портфеля и выявлять приоритетные товарные позиции. В разделе предусмотрено ведение информации о конкурентах и их ценах (справочник «Цены конкурентов»), что создаёт основу для конкурентного анализа. Управление ценовой политикой осуществляется через механизмы прайс-листов и скидок (наценок). Система позволяет регистрировать сделки с клиентами, управлять маркетинговыми рассылками, проводить опросы и обрабатывать претензии. Отдельно выделены функции управления маркетинговыми мероприятиями.

Основной операционный контур сбыта сосредоточен в разделе «Продажи». Здесь оформляются ключевые документы, сопровождающие процесс продажи: коммерческие предложения клиентам, заказы клиентов, счета на оплату, документы продажи (накладные, акты). Система поддерживает как оптовые, так и розничные продажи, включая интеграцию с кассовым оборудованием. Предусмотрены специализированные функции для работы с комиссионерами (агентами) и торговыми представителями: формирование заданий, отчёты комиссионеров. Контроль исполнения заказов осуществляется через механизм «Состояние обеспечения заказов». Завершающим этапом являются расчёты с клиентами: сверка взаиморасчётов, формирование счетов-фактур и контроль дебиторской задолженности с возможностью интеграции с сервисом «1С:ПАРК Риски» для оценки благонадёжности контрагентов.

Исполнение заказов клиентов обеспечивается подсистемой «Склад и доставка». В ней реализовано управление внутренним товародвижением, ордерная схема работы склада (приёмка, отгрузка, складские ордера) и поддержка адресного хранения товаров. Функционал управления доставкой включает формирование поручений экспедиторам, определение зон доставки курьеров.

Поскольку значительная часть продукции предприятие производит под конкретные заказы клиентов, подсистема «Производство» тесно связана со сбытом. Здесь осуществляется управление очередью заказов, формирование сменных заданий и внутрицеховой учёт выработки. Контроль обеспечения заказов материалами и мощностями отображается в соответствующих отчётах, что позволяет оценивать реальные сроки готовности продукции к отгрузке и информировать клиентов.

Информационная система также имеет перечень недостатков, выявленных на основе анализа функциональных возможностей типовой конфигурации:

1 Отсутствие мобильного доступа для специалистов, работающих вне офиса. Интерфейс системы ориентирован на стационарные компьютеры, что ограничивает оперативность логистов, менеджеров по сбыту и бригадиров цехов при выполнении задач на складах, станциях и в производственных помещениях.

2 Запоздывание ввода первичных данных о выработке и простоях. Фиксация выпуска готовой продукции и простоев оборудования выполняется в бумажных журналах с последующим ручным переносом в систему, что приводит к задержке актуализации складских остатков до 12 часов.

3 Отсутствие автоматизированного контроля прохождения заказа по технологическим этапам. Система не предоставляет средств для оперативной фиксации факта выполнения конкретного передела (варка, отбелка, сушка, упаковка) с использованием мобильных устройств, что снижает точность информирования клиентов о готовности заказа.

4 Разрозненность внешней рыночной информации. Данные о мировых индексах цен на целлюлозу и биржевых котировках не интегрированы в систему; их сбор и анализ выполняются вручную, что увеличивает временные затраты и замедляет реакцию на рыночные изменения.

5 Недостаток мобильных инструментов сканирования и визуализации в логистике. Идентификация контейнеров требует ручного ввода или дополнительного оборудования, а в системе отсутствуют встроенные картографические средства для отслеживания транспорта и расчёта времени прибытия грузов.

6 Разобщённость клиентской информации и отсутствие мобильного контроля дебиторской задолженности. Для получения полной картины по клиенту менеджер вынужден обращаться к разным разделам и отчётам, а специализированный интерфейс для оперативного мониторинга просроченных платежей не предусмотрен.

Выявленные ограничения свидетельствуют о том, что типовая модель сбытовой деятельности, реализованная в 1С:ERP, эффективно решает задачи учёта и регламентированной отчётности, но не в полной мере отвечает потребностям оперативного управления сбытом в условиях мобильности персонала и необходимости быстрого доступа к разнородной информации. Дальнейшая оптимизация бизнес-процессов сбыта требует дополнения существующей системы специализированными мобильными автоматизированными рабочими местами, интегрированными с учётным ядром и ориентированными на решение конкретных задач сотрудников, работающих вне стационарных офисов.

Литература

1 Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – СПб. : Питер, 2018. – 848 с.

УДК 330.362

Д. А. Демидовец

РАСШИРЕННЫЕ ВЕРСИИ МОДЕЛЕЙ IS-LM

Статья посвящена анализу и выявлению практической значимости расширенных версий классической макроэкономической модели IS-LM, а именно моделей IS-LM-BP и IS-MP. В статье рассматриваются ограничения базовой модели IS-LM в условиях современной глобализации и изменения подходов центральных банков к регулированию

экономики. В работе проводится сопоставление теоретических положений с реальными экономическими процессами, включая валютные кризисы и антикризисные меры центральных банков.

Модель IS-LM сделала огромный шаг в развитии макроэкономической мысли. Она дала политикам и теоретикам инструмент для анализа одновременного равновесия на рынках товаров и денег. Однако экономическая реальность XX и XXI веков – с ростом глобализации, свободной мобильностью капитала и эволюцией практик центральных банков – выявила явные недостатки базовой модели.

Стало понятно, что анализ в рамках закрытой экономики нецелесообразен. Для решения этой проблемы была разработана модель экономического равновесия IS-LM-BP, также известная как модель Манделла-Флеминга. Она расширяет базовую структуру, добавляя кривую баланса платежей (BP), что позволяет анализировать открытую экономику в контексте международной торговли и, что особенно важно, мобильности капитала и различных режимов валютного курса.

Модель IS-LM-BP известна также как модель двойного равновесия, т. е. ситуацией, когда равновесие достигается как на внутреннем, так и на внешнем рынках [1]. Внутреннее равновесие представляет собой равновесие на товарном и денежных рынках, а внешнее – равновесие на рынке иностранной валюты (равновесие платёжного баланса). На рисунке 1 изображено данное равновесие.

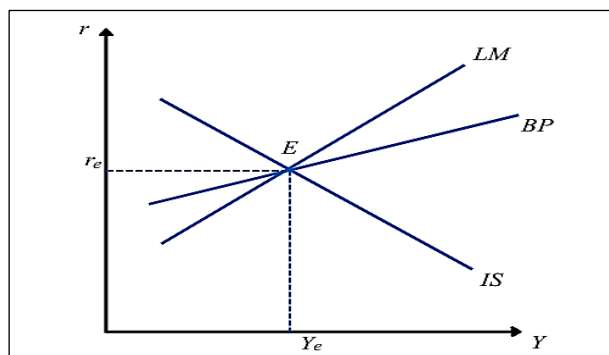

Рисунок 1 – Двойное равновесие в модели IS-LM-BP

В данной модели кривая IS получила изменение в своём уравнении [2] (формула 1):

$$I(r) + E(c, p_e) = S(Y) + T(Y, c, p_t), \quad (1)$$

где p_e – экспортные цены;

p_t – импортные цены.

Рост мировых цен на экспортируемые товары приводит к увеличению E , а рост цен на импортируемые товары – к изменению T в сторону уменьшения чистого импорта. Если происходит рост курса национальной валюты, то это приводит к росту импорта и снижению экспорта (IS сдвигается влево). Снижение же курса национальной валюты приведёт к росту экспорта и снижению импорта (IS сдвигается вправо).

Кривая LM смещается влево при росте мировых цен, которые влияют на экспортные и внутренние цены (реальная процентная ставка повысится), и вправо, если падают мировые и экспортные цены (реальная процентная ставка снизится).

Линия BP показывает те сочетания процентной ставки и дохода, при которых платёжный баланс находится в равновесии. Наклон кривой BP определяется степенью мобильности капитала, т. е. степенью открытости экономики для его притоков и оттоков. При высокой мобильности BP стремится к горизонтальному положению (процентная ставка

практически равна международной), а при низкой, соответственно, к вертикальному (фактически нулевая мобильность капитала). Если внутренняя процентная ставка превышает мировую, то это вызывает приток иностранного капитала на внутренний рынок финансовых активов. И наоборот, если же мировая ставка превышает внутреннюю, то это будет вызывать отток капитала за рубеж. Рост цен на экспортируемые товары сдвигает кривую ВР вправо. Если же растёт цена на импортные товары, то кривая ВР сдвигается влево.

Взаимодействие внутренних и внешних факторов часто приводит к нарушению равновесия в экономике. Так, при фиксированном валютном курсе приходится проводить валютные интервенции, а они в свою очередь затрагивают положение денежного рынка. При плавающем курсе, если ставка снижается, капитал уходит за границу, валюта слабеет и экспорт растёт. Соответственно, обратная ситуация происходит при росте процентной ставки. Рост экспорта при снижении процентной ставки объясняется тем, что отечественные товары становятся дешевле для других стран. Такое расширение модели IS-LM помогает увидеть, насколько чувствительно равновесие к изменению мировых цен. Даже если внутри страны спрос, предложение и денежный рынок находятся в равновесии, внешние шоки способны изменить положение всех трёх кривых сразу.

Классическая модель IS-LM подразумевает, что центральный банк управляет денежной массой, т. е. денежная масса является ключевым инструментом. В модели IS-MP предлагается отказаться от этого: вместо акцентирования внимания на денежной массе центральный банк устанавливает процентную ставку [3]. Такой подход отражает реальность современных центральных банков, которые ориентируются скорее на управление процентной ставкой, нежели чем на фиксирование объёмов денежной массы.

В этой модифицированной модели остаётся кривая IS: она отражает связь между реальной процентной ставкой и равновесным выпуском, как в классическом, так и в кейнсианском представлении. Повышение процентной ставки сокращает плановые инвестиции и расходы, что ведёт к снижению выпуска, а понижение – наоборот стимулирует спрос. Ключевым отличием от кейнсианской модели является замена LM-кривой на MP-кривую, где MP выражает позицию центрального банка. Эта кривая показывает, как центральный банк реагирует на макроэкономическую ситуацию: при росте производства или инфляции процентная ставка повышается, чтобы охладить экономику; при замедлении – снижается, чтобы стимулировать рост. Это явление изображено на рисунке 2.

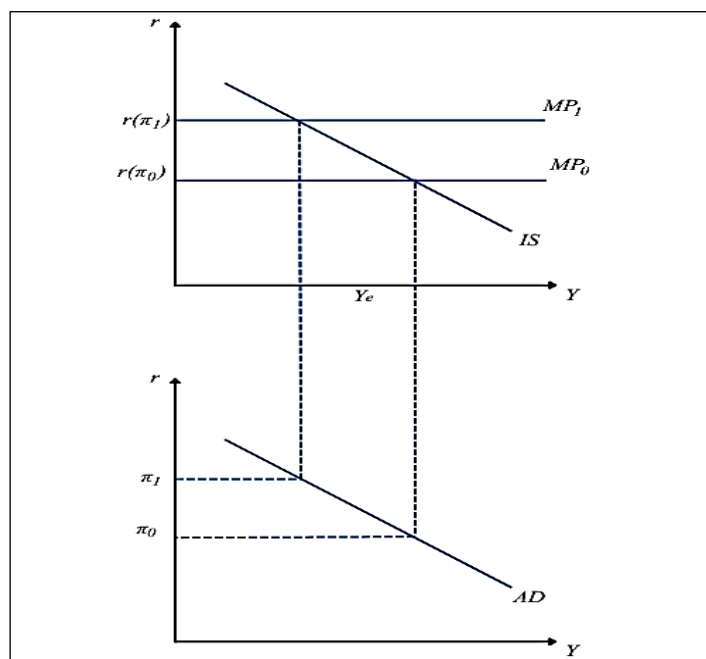

Рисунок 2 – Равновесие в модели IS-MP и рост инфляции

Из модели IS-MP выводится кривая AD, но строится она в системе координат «темпы инфляции – выпуск». Внутреннее равновесие и отклонения от него описываются пересечением кривых AD и IA (inflation adjustment) [4]. При этом связь между инфляцией и выпуском проявляется уже на кривой IS. Рост процентной ставки, вызванный ускорением инфляции, уменьшает инвестиционный спрос и сдерживает потребление. В итоге выпуск сокращается, давление на цены начинает ослабевать. Также необходимо отметить, что реакция ЦБ на инфляцию задаётся как правило, а не как следствие изменения денежной массы. Это значит, что участники рынка уже понимают логику ЦБ и могут корректировать своё поведение, не дожидаясь фактических изменений процентной ставки. В итоге инфляционные ожидания становятся важным фактором. Если фирмам и домохозяйствам ясно, что при ускорении инфляции процентная ставка вырастет, то они менее охотно будут поднимать цены раньше времени или инвестируют позже.

Кроме того модель IS-MP можно расширять и до долгосрочного периода, и до масштабов открытой экономики. При открытой экономике модель сохранит свою гибкость: можно моделировать как плавающий, так и фиксированный курс, исследуя то, как взаимодействуют процентная ставка и чистый экспорт.

Практическую значимость модели IS-LM-BP можно проследить на примере валютного кризиса 2014–2015 годов в странах ЕАЭС (Россия, Беларусь и др.) [5]. В условиях режима управляемого плавления валютного курса, центральные банки были вынуждены повышать процентную ставку, чтобы сдерживать отток капитала, что, однако, привело к удорожанию кредитов и временному снижению выпуска. Подобная ситуация изображена на рисунке 3.

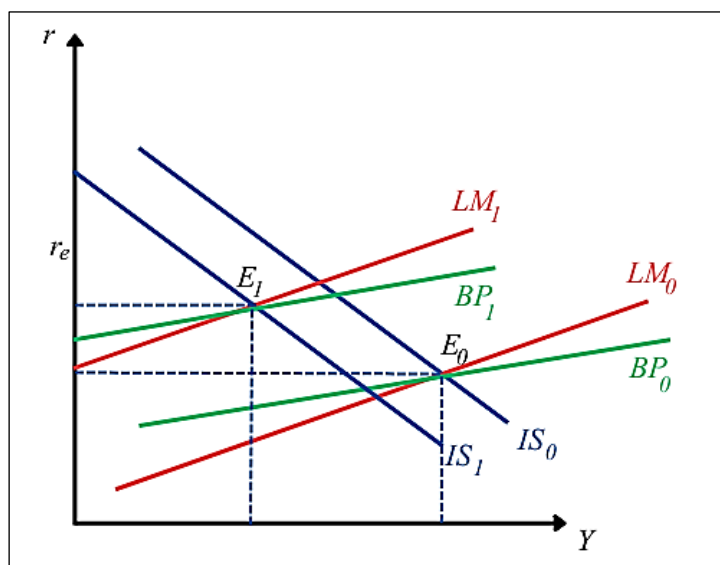

Рисунок 3 – Иллюстрация модели IS-LM-BP

Экономика находится в равновесии в точке E_0 , где пересекаются исходные кривые IS_0 , LM_0 и BP_0 . Это состояние характеризуется уровнем выпуска Y_0 и процентной ставкой r_0 . Происходит негативный внешний шок (падение спроса на основные экспортные товары). Падение чистого экспорта уменьшает совокупный спрос (IS_0 сдвигается влево и вниз до IS_1). Падение экспорта ухудшает сальдо текущего счета платежного баланса. Одновременно с этим в кризисных ситуациях часто возрастают риски для инвесторов, что требует более высокой процентной ставки для удержания капитала в стране (BP_0 сдвигается влево и вверх до BP_1). Национальный банк видит риски для валютного рынка (дефицит платежного баланса, давление на курс) и разгон инфляции. Чтобы стабилизировать ситуацию, регулятор повышает процентную ставку и ограничивает денежное предложение (LM_0 смещается влево

и вверх до LM_1). Как видно из графика на рисунке 3, сильно сократился равновесный объём выпуска, что соответствует экономическому спаду, а также выросла процентная ставка для стабилизации финансового рынка.

Переход к модели IS-MP, заменяющей кривую LM правилом монетарной политики, отражает реальную практику большинства центральных банков. Здесь политика процентной ставки становится центральным механизмом стабилизации. Это даёт возможность изучать реакции экономики на действия центрального банка более точно, поскольку современная монетарная политика строится на регулировании процентной ставки, а не денежной массы. Применение IS-MP позволяет оценивать последствия изменения ставки для инвестиций, потребления, инфляции и выпуска, а также проследить, как формируются инфляционные ожидания. В практическом плане такая модель помогает прогнозировать поведение экономических агентов в ответ на заявления центрального банка: если повышение ставки ожидаемо, фирмы и домохозяйства начинают корректировать цены и расходы заранее, что меняет динамику инфляции до фактического изменения ставки.

В период мирового финансового кризиса 2008–2010 годов, центральные банки ведущих стран резко снижали процентные ставки, что выражалось в смещении кривой MP вниз. Это стимулировало инвестиции, предотвращало массовые банкротства и помогло замедлить падение совокупного спроса. Когда ставка достигла нижней границы, политика смягчения продолжилась через нетрадиционные инструменты: даже при нулевой ставке центральный банк может влиять на экономику ожиданиями будущих ставок и расширением денежной базы.

В заключение можно сказать, что расширенные версии модели IS-LM не только сохраняют теоретическую базу своей родоначальницы, но и значительно расширяют её. Использование моделей IS-LM-BP и IS-MP позволяет глубже понять механизмы функционирования экономики в условиях глобализации и активной монетарной политики, а также служит основой для анализа и прогнозирования последствий экономических решений на макроуровне.

Литература

1 Камышова, А. Б. Модификация IS-LM-BP модели в рамках концепции неоклассического синтеза / А. Б. Камышова // Вестник ПГУ. Сер.: Экономика. – 2019. – № 4. – URL: <https://inlnk.ru/PmjMP5> (дата обращения: 01.04.2026).

2 Саруханян, Ю. А. Влияние мировых цен на макроэкономическое равновесие / Ю. А. Саруханян // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – № 9 (339). – URL: <https://inlnk.ru/yO5G4G> (дата обращения: 02.04.2026).

3 Romer, D. Keynesian Macroeconomics without the LM Curve / D. Romer. – URL: <https://inlnk.ru/MjVE97> (date of access: 05.04.2026).

4 Петросян, И. Б. Оценка современных модификаций основных моделей макроэкономического равновесия / И. Б. Петросян. – URL: <https://science.rau.am/uploads/documents/1631786598.pdf> (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 658.14:330.34

М. В. Ермакович

АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРОДАЖ ОАО «КОМИНТЕРН» НА ОСНОВЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье анализируется рентабельность продаж ОАО «Коминтерн» на основе использования эконометрической модели. С этой целью рассматриваются различные

показатели, влияющие на рентабельность продаж организации, определяются оценки этих показателей и их значимость. Использование эконометрической модели позволяет сделать вывод о том, какие факторы и как оказывают влияние на рентабельность продаж организации.

Рентабельность продаж (ROS) является ключевым показателем, отражающим эффективность текущей деятельности организации [1, с. 45]. Этот коэффициент демонстрирует, сколько копеек прибыли от реализации организация способна извлечь из каждого рубля выручки. Высокий уровень ROS сигнализирует об эффективном управлении затратами, конкурентоспособной ценовой политике и служит важным индикатором финансовой устойчивости организации для потенциальных инвесторов и кредиторов.

Эконометрический анализ рентабельности продаж представляет собой углубленный процесс исследования количественных причинно-следственных связей между множеством факторов и этим ключевым показателем эффективности. В рамках данного анализа строится регрессионная модель, где ROS выступает в роли зависимой переменной (результата), а в качестве независимых переменных (факторов) рассматриваются различные показатели, характеризующие текущую деятельность организации.

Исходя из имеющихся данных о рентабельности продаж ОАО «Коминтерн» за несколько лет определяется зависимость рентабельности продаж (y) от валовой маржи (x_1), доли операционных расходов (x_2) и оборачиваемости дебиторской задолженности (x_3).

Прежде чем приступить к построению эконометрической модели, необходимо определить методику расчёта факторных признаков, выбранных в качестве независимых переменных. Все показатели рассчитаны на основе данных бухгалтерской отчётности ОАО «Коминтерн».

Валовая маржа, % (x_1). Данный показатель отражает долю валовой прибыли в выручке от продаж и характеризует эффективность производственной деятельности и ценовой политики. Рассчитывается по формуле (1):

$$x_1 = \frac{(\text{Выручка} - \text{Себестоимость})}{\text{Выручка}} \times 100 \% . \quad (1)$$

В качестве фактора x_2 (доля операционных расходов) была сознательно выбрана сумма управленческих расходов и расходов на реализацию. Данные статьи представляют собой регулярные затраты на поддержание основной операционной деятельности. Рассчитывается по формуле (2):

$$x_2 = \frac{\text{Управленческие расходы} + \text{Расходы на реализацию}}{\text{Выручка}} \times 100 \% . \quad (2)$$

Оборачиваемость дебиторской задолженности (x_3). Коэффициент показывает, сколько раз за период дебиторская задолженность превращалась в денежные средства, характеризуя эффективность кредитной политики и работы с покупателями. Рассчитывается по формуле (3):

$$x_3 = \frac{\text{Выручка}}{\text{Средняя дебиторская задолженность}} \times 100 \% . \quad (3)$$

В исследовании используются данные бухгалтерской отчетности ОАО «Коминтерн» за 2022–2024 годы, рассматриваемые в разрезе кварталов [2].

Для решения поставленной задачи анализа рентабельности одаж (ROS) необходимо провести комплексную процедуру статистического моделирования, которая состоит из следующих этапов: предварительный анализ данных, отбор факторных признаков, построения уравнения множественной регрессии с использованием инструмента «Регрессия» в пакете «Анализ данных» Microsoft Excel, реализующего метод наименьших квадратов, статистическая оценка модели на основе коэффициента детерминации R^2 , F-теста, t-статистики коэффициентов и анализа доверительных интервалов, интерпретация результатов и формулировка выводов.

Исходные данные для анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные для проведения анализа

Период	ROS, % (y)	Валовая маржа, % (x_1)	Доля операционных расходов, % (x_2)	Оборачиваемость ДЗ, (x_3)
I квартал, 2022 г.	10,94	29,50	18,56	0,82
II квартал, 2022 г.	12,41	30,20	17,86	0,89
III квартал, 2022 г.	14,28	31,30	17,04	0,91
IV квартал, 2022 г.	12,77	31,40	18,39	1,02
I квартал, 2023 г.	8,41	28,00	20,29	0,78
II квартал, 2023 г.	8,89	28,50	19,86	0,81
III квартал, 2023 г.	9,59	29,20	19,42	0,83
IV квартал, 2023 г.	9,72	29,80	19,16	0,94
I квартал, 2024 г.	10,00	31,00	21,81	0,69
II квартал, 2024 г.	11,18	32,00	21,32	0,72
III квартал, 2024 г.	11,66	32,80	20,88	0,75
IV квартал, 2024 г.	11,53	33,10	20,42	0,89

Построение модели осуществляется следующим образом.

Для построения уравнения множественной регрессии на основе отобранных факторных признаков используется встроенный инструмент «Регрессия» в пакете «Анализ данных» Microsoft Excel [3, с. 203].

Данный инструмент применяет метод наименьших квадратов (МНК) для расчета параметров модели и предоставляет комплексный отчет, необходимый для ее статистической оценки. Результаты множественного регрессионного анализа, полученные с использованием рассматриваемого инструмента, приведены на рисунке 1.

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	10,4951265	4,445355015	2,360919761	0,045892288	0,244119454	20,74613355
Переменная X 1	0,900870257	0,087630152	10,28036854	6,90234E-06	0,698794764	1,102945749
Переменная X 2	-1,147680056	0,152518921	-7,524837237	6,76693E-05	-1,499389319	-0,795970794
Переменная X 3	-5,500939118	2,239367633	-2,45646987	0,0395358	-10,66493014	-0,336948096

Рисунок 1 – Результаты множественного регрессионного анализа

Полученное уравнение множественной регрессии имеет вид (формула 4):

$$y = 10,49 + 0,90x^1 - 1,15x^2 - 5,50x^3. \quad (4)$$

В данном случае все коэффициенты уравнения регрессии значимы при 5 %-ном уровне значимости.

Уравнение множественной регрессии означает, что при увеличении только валовой маржи на 1 % рентабельность продаж увеличивается на 0,9 %.

При увеличении только доли операционных расходов на 1 % рентабельность продаж уменьшается на 1,15 %.

При увеличении оборачиваемости дебиторской задолженности на 1 оборот рентабельность продаж уменьшается на 5,5 %.

На основе использования инструмента «Регрессия» получаются данные регрессионной статистики (рисунок 2) и дисперсионного анализа (рисунок 3).

Регрессионная статистика	
Множественный	0,975304848
R-квадрат	0,951219546
Нормированный	0,932926876
Стандартная ошибка	0,444386011
Наблюдения	12

Рисунок 2 – Результаты регрессионной статистики

Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	3	30,80673525	10,26891175	52,00003833	1,36596E-05
Остаток	8	1,579831413	0,197478927		
Итого	11	32,38656667			

Рисунок 3 – Данные дисперсионного анализа

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,9512$ означает, что изменчивость рентабельности продаж на 95,12 % объясняется изменчивостью включенных в модель переменных x_1 , x_2 , x_3 .

Путем проверки качества полученного уравнения регрессии с помощью F-теста получаем, что $F_{\text{тест}} > F_{\text{кр}}$, а значит? коэффициент детерминации значим 5 %-ном уровне значимости.

Совокупность полученных результатов – высокий F-тест и коэффициент детерминации, близкий к 100 %, – является сильной характеристикой модели. Однако отрицательный коэффициент при переменной x_3 (оборачиваемость дебиторской задолженности) требует содержательной интерпретации. На практике такой результат может указывать на несколько возможных ситуаций.

Во-первых, это может свидетельствовать об обратной причинно-следственной связи. Снижение рентабельности продаж может вынуждать организацию ужесточать условия оплаты (сокращать сроки отсрочки), что приводит к росту оборачиваемости дебиторской задолженности.

Во-вторых, это может быть следствием влияния ненаблюдаемых факторов, коррелирующих с оборачиваемостью дебиторской задолженности. Например, увеличение доли экспортных продаж может одновременно приводить к изменению как оборачиваемости дебиторской задолженности (из-за специфики международных расчетов), так и рентабельности (из-за дополнительных издержек).

Поскольку на этапе отбора факторов в модель множественной регрессии проверялась значимость каждой из них, то это показывает, что все переменные, включенные в уравнение множественной регрессии, значимы.

Построим доверительные интервалы для каждой переменной.

Для валовой маржи (x_1): $0,70 < \beta_1 < 1,10$. Это означает, что истинное влияние валовой рентабельности на ROS положительно и составляет от 0,70 до 1,10 процентного пункта на каждый 1 % роста x_1 . Интервал не включает ноль, что статистически подтверждает значимость положительного эффекта.

Для доли операционных расходов (x_2): $-1,50 < \beta_2 < -0,80$. Интервал полностью лежит в области отрицательных значений, надёжно подтверждая значимое негативное влияние операционных расходов на рентабельность.

Для оборачиваемости дебиторской задолженности (x_3): $-10,66 < \beta_3 < -0,34$. Это самый широкий интервал, что указывает на относительно низкую точность оценки влияния этого фактора по сравнению с другими. Хотя интервал тоже не включает ноль (подтверждая значимый отрицательный эффект), его большой разброс ($-10,66$ до $-0,34$) говорит о нестабильности этой оценки в модели.

Проведённый эконометрический анализ позволяет количественно оценить влияние ключевых факторов на рентабельность продаж исследуемой организации. Построенная модель показывает высокую объяснительную способность и статистическую значимость. Результаты исследования выявили устойчивое положительное влияние валовой маржи на конечный финансовый результат. Одновременно установлено значительное отрицательное воздействие доли операционных расходов, что указывает на необходимость их жёсткого контроля как основного резерва повышения прибыльности. Обнаруженная обратная связь между оборачиваемостью дебиторской задолженности и рентабельностью продаж требует содержательной интерпретации и дальнейшего изучения.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении приоритетных направлений текущего управления: оптимизация затрат и наращивание валовой маржи должны стать ключевыми инструментами повышения рентабельности, в то время как политика управления дебиторской задолженностью нуждается в дополнительном анализе. Таким образом, применение эконометрических методов обеспечило доказательную базу для разработки стратегии повышения эффективности финансовой деятельности организации.

Литература

1 Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник / Г. В. Савицкая. – 7-е изд. – Мн. : Новое знание, 2020. – 704 с.

2 Бухгалтерская отчетность ОАО «Коминтерн» за 2022–2024 гг. [сайт]. – URL: <https://calinv.by/cash-flow-report/index?unp=40001087> (дата обращения: 27.12.2025).

3 Орлова, И. В. Экономико-математические методы и компьютерное моделирование : учеб. пособие / И. В. Орлова, В. А. Половников. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2013. – 389 с.

УДК 338.36

Д. И. Зраков

ЦИФРОВОЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА БЕНФОРДА

В представленной статье исследуются теоретические и прикладные аспекты использования закона Бенфорда в качестве эффективного аналитического инструмента в системе финансового контроля и аудита. Раскрывается математическая сущность логарифмического распределения первых значащих цифр в экономических массивах данных и обосновывается объективность данного метода при выявлении скрытых аномалий и признаков фальсификации отчетности. Особое внимание уделяется методологии проведения цифровых тестов, анализу международной практики применения алгоритмов в налоговой и банковской сферах, а также оценке ограничений метода. В работе

аргументируется необходимость интеграции математико-статистических инструментов в современную систему мониторинга в условиях цифровой трансформации экономики Республики Беларусь.

В условиях цифровой трансформации экономики и роста объемов обрабатываемых финансовых данных традиционные методы аудита и контроля сталкиваются с серьезными вызовами. Ежегодно обрабатываются миллионы транзакций, и ручная проверка каждого элемента становится невозможной. В этой связи особую актуальность приобретают инструменты цифрового анализа, позволяющие автоматизировать процесс скрининга данных и выделять области потенциального риска для последующего углубленного контроля.

Одним из наиболее эффективных и в то же время доступных инструментов такого рода является Закон Бенфорда (Benford's Law) – математический принцип, описывающий статистическое распределение первых значащих цифр в естественных массивах чисел. Данный метод находит все более широкое применение в практике финансового мониторинга, аудита и деятельности контрольно-счетных органов.

Применение закона позволяет объективизировать процесс финансового расследования (forensic) и минимизировать влияние субъективных факторов при оценке достоверности данных [1, с. 14].

Феномен, впервые описанный астрономом С. Ньюкомбом в 1881 г. и детально исследованный физиком Ф. Бенфордом в 1938 г., постулирует специфическую асимметрию в распределении цифр в естественных числовых массивах. Математическая модель закона базируется на логарифмической зависимости: вероятность P появления цифры d как первой значащей цифры определяется уравнением $P(d) = \lg(1 + 1/d)$.

Согласно данной зависимости, в наборах данных, отражающих результаты естественных социально-экономических процессов (обороты по счетам, суммы транзакций, остатки товарно-материальных ценностей), цифра «1» должна встречаться на первой позиции в 30,1 % случаев, в то время как вероятность появления цифры «9» составляет лишь 4,6 %. Научное объяснение данного распределения кроется в свойстве масштабной инвариантности: относительный прирост величин в нижних числовых диапазонах (переход от 100 к 200 ед. требует роста на 100 %) требует значительно больших временных и ресурсных затрат, чем в верхних (переход от 800 к 900 ед. требует роста на 12,5 %). Следовательно, экономические показатели статистически дольше «задерживаются» в значениях, начинающихся с малых цифр [2, с. 45].

Для практической реализации закона Бенфорда в аудите применяется иерархическая система тестов:

- первичный тест (First Digit Test) – используется для общей оценки массива на наличие грубых манипуляций. Резкое отклонение фактической частоты от теоретической кривой сигнализирует о преднамеренном вмешательстве;
- тест первых двух цифр (First Two Digits Test) – является наиболее точным индикатором при поиске систематических приписок или пороговых сумм (например, когда менеджеры намеренно дробят счета на суммы чуть ниже лимита, требующего согласования);
- тест последних цифр (Last Digits Test) – позволяет выявлять аномалии в округлениях, что критично при проверке кассовых операций и расчетов с персоналом;
- анализ мантисс (Mantissa Arc Test) – высокотехнологичный метод, позволяющий оценить степень равномерности распределения дробных частей логарифмов чисел, что практически невозможно симитировать вручную при подделке отчетности [3, с. 112].

Особое внимание в процессе аналитического исследования уделяется интерпретации результатов через призму статистической значимости. Поскольку на практике идеальное соответствие закону Бенфорда встречается редко, критически важным становится расчет критерия согласия Пирсона (χ^2). Данный показатель позволяет проверить нулевую гипотезу о том, что наблюдаемые частоты цифр соответствуют теоретическим. Если

расчетное значение χ^2 превышает критическое, это дает статистическое основание утверждать о наличии внешнего вмешательства в массив данных. Кроме того, в современной судебно-бухгалтерской экспертизе применяется расчет среднего абсолютного отклонения (MAD), который, в отличие от χ^2 , менее чувствителен к чрезмерно большим выборкам, что делает его более надежным инструментом для анализа миллионов транзакций в банковских или налоговых системах.

Область внедрения цифрового анализа охватывает все уровни финансовой системы. На макроуровне закон Бенфорда применяется для аудита национальных статистических данных и бюджетных расходов.

На мезоуровне – налоговыми органами для автоматизированного риск-ориентированного отбора налогоплательщиков. На микроуровне – службами внутреннего контроля компаний для мониторинга закупочных цен и предотвращения коррупционных схем (kickbacks).

Современная аналитика реализуется через интеграцию статистических алгоритмов в специализированное программное обеспечение (CaseWare IDEA, ACL Analytics). В рамках учебного и прикладного анализа эффективным является использование языков программирования Python (библиотеки Benford_py) и R (пакет benford.analysis), которые позволяют визуализировать отклонения и рассчитывать критические метрики: среднее абсолютное отклонение (MAD), Z-статистику и критерий согласия Пирсона (χ^2). Если значение MAD превышает критический порог (например, 0,015 для теста первых двух цифр), массив данных признается недостоверным и подлежит сплошной проверке [4, с. 76].

Опыт использования и анализ аномалий. Международная практика накопила значительный массив данных об эффективности метода. Резонансным примером является анализ отчетности корпорации Enron, проведенный после её краха: было установлено, что распределение цифр в доходах компании имело характер «белого шума» (равномерного распределения), что математически опровергало их рыночное происхождение.

В 2011 г. исследование группы ученых (Б. Рауха и др.) выявило аномалии в макроэкономической статистике ряда стран еврозоны перед вступлением в валютный союз, что косвенно подтверждало манипуляции с показателями дефицита бюджета. В СНГ опыт внедрения данных инструментов связан с развитием интеллектуальных систем налогового администрирования. Например, автоматизированный анализ сумм НДС, предъявляемых к вычету, позволяет выявлять транзитные цепочки, где суммы генерируются генераторами случайных чисел, что мгновенно диагностируется тестом Бенфорда [1, с. 88].

В рамках корпоративного мошенничества закон Бенфорда позволяет эффективно выявлять так называемые «пороговые аномалии». Часто злоумышленники внутри организации, зная лимиты сумм, требующих дополнительного согласования руководством или службой безопасности (например, 1000 или 5000 рублей), умышленно дробят платежи или выставляют счета на суммы, находящиеся чуть ниже этих границ. В таких случаях в массиве данных наблюдается аномальный всплеск частоты цифр «4» или «9» на первых позициях (в зависимости от установленного лимита), что мгновенно выводится алгоритмом в категорию высокого риска. Таким образом, цифровой анализ становится инструментом оперативного реагирования, позволяющим пресекать схемы вывода активов через фиктивные закупки или необоснованные выплаты премий.

Несмотря на высокую эффективность, метод имеет научные ограничения. Закон Бенфорда не применим к массивам данных, имеющим искусственно заданные границы (фиксированные тарифы, цены на товары типа «0,99»), или к малым выборкам (менее 500 единиц). Также метод не может однозначно идентифицировать мошенничество – он лишь указывает на зону аномалии, требующую детального изучения профессиональным аудитором. Таким образом, цифровой анализ является вспомогательным, но незаменимым фильтром в системе современного финансового контроля [5, с. 210].

Перспективы развития данного направления связаны с интеграцией закона Бенфорда в системы машинного обучения (Machine Learning). Современные нейронные сети обучаются на массивах данных, предварительно обработанных через фильтры цифрового анализа, что позволяет искусственному интеллекту автоматически распознавать не только простые отклонения, но и сложные, многоуровневые паттерны манипуляций, которые скрыты от человеческого глаза. В контексте формирования «электронного правительства» и автоматизации налогового контроля в Республике Беларусь такая синергия математической статистики и информационных технологий обеспечит создание высокоэффективной среды, в которой любые попытки теневого оборота капитала будут обнаруживаться в режиме реального времени еще на этапе формирования первичного документа.

Таким образом, развитие методов цифрового анализа на базе закона Бенфорда представляет собой перспективное направление повышения качества аудита и финансового мониторинга в Республике Беларусь. Использование объективного математического аппарата позволяет трансформировать контрольную деятельность из реактивной в превентивную, обеспечивая прозрачность финансовых потоков в условиях цифровой экономики. Овладение данными компетенциями является критически важным для подготовки конкурентоспособных специалистов в области учета, анализа и аудита.

Литература

- 1 Бобошко, В. И. Контроль и ревизия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Экономическая безопасность», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Финансы и кредит» / В. И. Бобошко. – М. : ЮИТИ-ДАНА, 2014. – 311 с.
- 2 Nigrini, M. J. Benford's Law: Applications for Forensic Accounting, Auditing, and Fraud Detection / M. J. Nigrini. – Hoboken : John Wiley & Sons, 2012. – 330 p.
- 3 Сотникова, Л. В. Мошенничество с финансовой отчетностью: выявление и предупреждение / Л. В. Сотникова. – М. : Бухгалтерский учет, 2011. – 208 с.
- 4 Дубоносов, Е. С. Судебная бухгалтерия : учебник / Е. С. Дубоносов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 376 с.
- 5 Шеремет, А. Д. Аудит : учебник / А. Д. Шеремет, В. П. Суйц. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 375 с.

УДК 336.71:004.65

В. А. Зыблева

СИСТЕМА ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОПЕРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ БАНКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье исследуется эволюция роли систем электронного документооборота (СЭД) в банковском секторе Республики Беларусь на современном этапе цифровой трансформации. Особое внимание уделяется обеспечению соответствия национальному законодательству, процедуре подтверждения соответствия Национальным банком Республики Беларусь, а также интеграции с автоматизированными информационными системами АИС ПБИ (версия 3.3) и АИС «Взаимодействие». Выявлены ключевые факторы, обуславливающие трансформацию СЭД из вспомогательного инструмента в стратегический элемент операционной модели банка.

Система электронного документооборота (СЭД) представляет собой комплекс программных и организационных решений, позволяющих автоматизировать создание, обработку, хранение и обмен документами в электронном виде. В банковской сфере Республики Беларусь внедрение СЭД приводит к повышению операционной эффективности, снижению затрат и улучшению качества услуг. Национальный банк Республики Беларусь (НБРБ) выступил инициатором в этой области, внедрив электронный документооборот более 20 лет назад для стимуляции развития дигитализации во всей банковской системе страны.

В цифровой трансформации финансового сектора документационное обеспечение сохраняет значение базового элемента банковской деятельности. Кредитные досье, договорная документация, внутренние регламенты, отчетность перед регуляторами формируют информационную основу, от качества управления которым напрямую зависят ключевые показатели деятельности кредитной организации. Однако характер управления документальными потоками претерпел значительную эволюцию: переход от задач физического архивирования и регистрации к комплексному управлению жизненным циклом документа в качестве неотъемлемого элемента бизнес-процесса.

По оценкам аналитиков на 2025–2026 годы, глобальный рынок систем управления документами оценивается в 7–12 млрд. долларов США, с прогнозируемым ростом до 18–30 млрд. долларов к 2030–2034 годам при среднегодовом темпе роста 12–16 %. На мировом рынке банковский сектор занимает одну из ведущих долей – около 22–29 % в зависимости от методологии расчета, благодаря строгим требованиям к соблюдению нормативных правил, защите данных и большим объемам обязательной отчетности [1].

Первоначально внедрение СЭД в банках было мотивировано, в первую очередь, задачами сокращения издержек на бумажный документооборот, физическое хранение и повышения доступности информации. СЭД позволяет автоматизировать рутинные операции, такие как оформление, согласование и хранение документов, что значительно сокращает время на их обработку. Например, в банках Республики Беларусь внедрение СЭД приводит к быстрому получению данных из информационных массивов и минимизации задержек в принятии управленческих решений. Например, в случае с ОАО «Сбер Банк» использование СЭД на базе системы «Канцлер» обеспечило автоматизацию организационно-распорядительных документов, повысило скорость работы и уменьшило объем бумажного документооборота. Внедрение данного решения особенно актуально для платежных систем, где стандартизированный электронный документооборот повышает общую эффективность финансово-кредитной сферы.

Переход на электронный формат минимизирует расходы на бумагу, печать, хранение и доставку документов. В белорусских банках СЭД интегрируется с существующими ИТ-системами, позволяя масштабировать процессы без значительных вложений. Опыт технологий с низким уровнем использования кода в цифровизации показывает экономии до 90 % ресурсов на выявление и управление рисками, что применимо и к банкам Республики Беларусь.

Кроме того, СЭД снижает влияние человеческого фактора, уменьшая ошибки в учете и обработке данных и обеспечивая кратный рост эффективности. В контексте малого и среднего бизнеса, взаимодействующего с банками, электронный документооборот интегрируется с онлайн-бухгалтерией, снижая издержки на взаимодействие.

Однако по мере насыщения рынка банковских услуг и значительного усложнения продуктовой линейки (включая сложные кредитные конструкции, инвестиционные продукты, цифровые валюты, смарт-контракты и интеграцию с экосистемами) фокус банков Республики Беларусь постепенно сместился с простого ускорения документооборота в сторону комплексного управления операционной эффективностью и оптимизации затрат (рисунок 1).

Рисунок 1 – СЭД как компонент операционной модели банка

Выбор СЭД в национальной банковской системе определяется требованиями к автоматизации, а также необходимостью соблюдать белорусское законодательство и встраиваться в государственные информационные инфраструктуры. Основным критерием выступает способность СЭД функционировать в правовом поле, определенном Законом Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (№ 113-3) [2]. В соответствии со ст. 10 указанного закона, Национальный банк Республики Беларусь осуществляет подтверждение соответствия программных средств, используемых для создания и обработки электронных документов в банковской деятельности, требованиям технических нормативных правовых актов. Следовательно, СЭД должна иметь сертификацию или заключение о соответствии, признаваемое НБРБ. Кроме того, система обязана обеспечивать использование электронной цифровой подписи (ЭЦП) в рамках Государственной системы управления открытыми ключами (ГосСУОК), регулирование которой отнесено к компетенции Национального банка.

Отличие от многих юрисдикций, белорусские банки функционируют в условиях жесткой регламентации электронного взаимодействия с регулятором через строго определенные каналы. Система обязана обеспечивать бесшовную интеграцию с автоматизированной информационной системой представления банковской информации (АИС ПБИ). Актуальной является версия 3.3 Описания взаимодействия, утвержденная 14.01.2025 (редакция вступает в силу с 23.04.2025). Также принципиально значимой становится интеграция с автоматизированной информационной системой «Взаимодействие» (АИС «Взаимодействие»). Согласно Постановлению Совмина № 513 от 18.09.2025 [3], данная система является обязательным каналом для обмена электронными документами с регистрирующими и налоговыми органами, органами ФСЗН и Белгосстраха при открытии счетов, регистрации и ликвидации субъектов хозяйствования. СЭД банка должна поддерживать формализованные электронные документы и протоколы обмена, соответствующие требованиям Постановления МНС и Правления НБРБ № 19/97 от 25 мая 2025 г. [4]. Игнорирование данного критерия делает невозможным легальное исполнение банком функций налогового агента в электронной форме. Белорусское законодательство требует от СЭД корректной обработки

специализированных электронных документов, используемых в банках. Например, поддержка выдачи платежных документов исключительно в электронном виде с использованием специальных компьютерных систем (СКС), что с 1 июля 2025 г. становится легитимной альтернативой бумажному чеку. Также необходима поддержка электронных накладных и транспортных документов, создаваемых в соответствии с Законом № 113-З.

Учитывая политику НБРБ в области подтверждения соответствия, предпочтение должно отдаваться решениям, включенным в Государственный реестр информационных систем либо прошедшим экспертизу в уполномоченных организациях Республики Беларусь. Важно наличие у разработчика СЭД статуса резидента Республики Беларусь или официального представительства, гарантирующего поддержку и соответствие актуальным версиям протоколов АИС ПБИ и АИС «Взаимодействие».

В условиях высокой конкуренции, ужесточения регуляторных требований НБРБ и необходимости быстрой адаптации к изменениям (в том числе трансграничному ЭДО с Россией и другими странами ЕАЭС) СЭД перестала быть изолированной ИТ-системой. Она глубоко интегрируется в основные бизнес-процессы: от регистрации клиентов и кредитного конвейера до контроля соблюдения правил, риск-менеджмента, отчетности перед регулятором и клиентского обслуживания в цифровых каналах. Например, в банках Беларуси (Белинвестбанк, Приорбанк, БНБ-Банк, БелВЭБ и др.) современные платформы типа «Канцлер НЕКСТ», DoxLogic или Workflow.by обеспечивают полную автоматизацию от начала до конца: автоматическое распознавание и извлечение данных из входящих документов (в т. ч. с помощью ИИ и OCR); динамическое маршрутизирование задач с SLA; встроенный контроль сроков и исполнительской дисциплины; бесшовную интеграцию с АБС, CRM, системами безопасности и внешними сервисами (включая трансграничный ЭДО). Следствием стало сокращение операционных расходов на 20–40 %, ускорение циклов обработки в 3–10 раз, минимизация ошибок человеческого фактора и существенное повышение прозрачности [5].

В соответствии с государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (и дальнейших инициатив) банки, успешно перестроившие свою операционную модель вокруг продвинутых СЭД, получают конкурентное преимущество: они быстрее выводят новые продукты, эффективнее управляют регуляторными рисками и лучше масштабируют цифровые сервисы (включая перспективу цифрового белорусского рубля).

Таким образом, то, что начиналось как инструмент экономии бумаги и времени, превратилось в фактор операционной устойчивости и долгосрочной конкурентоспособности банковского сектора Республики Беларусь. Приоритетным критерием выбора СЭД для банка Республики Беларусь выступает совместимость с государственными информационными системами (АИС ПБИ версии 3.3, АИС «Взаимодействие») и соответствие нормативным актам НБРБ, регулирующим оборот электронных документов и ЭЦП в рамках ГосСУОК. Любое решение, не прошедшее процедуру подтверждения соответствия в порядке, установленном Национальным банком Республики Беларусь, не рекомендуется к внедрению независимо от его технологических характеристик.

Литература

1 Document Management Systems Market Size & Share Analysis – Growth Trends and Forecast (2026–2031) // Mordor Intelligence. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/document-management-systems-market> (дата обращения: 10.02.2026).

2 Об электронном документе и электронной цифровой подписи : Закон Респ. Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10900113> (дата обращения: 14.02.2025).

3 О совершенствовании регулирования общественных отношений : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18 сентября 2025 г. № 513. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500513> (дата обращения: 14.02.2025).

4 О взаимодействии налоговых органов и банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, поставщиков платежных услуг при направлении и получении электронных документов : постановление М-ва по налогам и сборам Респ. Беларусь и Правления Национального Банка Респ. Беларусь от 30 апреля 2025 г. № 19/97. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22543317> (дата обращения: 14.02.2025).

5 Системы электронного документооборота (ЭДО). – URL: <https://www.lcbi.by/1s-otrasli/sistemy-elektronno-dokument-oborota/> (дата обращения: 10.02.2026).

УДК 336.563.1:005.336.4:005.8-053.81(476)

Е. Д. Каморников

ГРАНТОВЫЕ И АКСЕЛЕРАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СТАРТОВОГО КАПИТАЛА ДЛЯ МОЛОДЁЖНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Статья посвящена анализу грантовых и акселерационных программ как инструментов привлечения стартового капитала для молодёжных инновационных проектов в Республике Беларусь. На основе исследования институциональной среды, а также проведенного опроса активной молодежи выявлены ключевые барьеры, уровень информированности и предпочтений студентов в отношении инструментов поддержки предпринимательства.

Проблема привлечения стартового капитала для молодёжных инновационных проектов остаётся одной из наиболее острых в современной экономике. Стартап, определяемый как временная структура, создаваемая для поиска масштабируемой бизнес-модели, в первые три–пять лет прекращает существование в 90–92 % случаев. Среди ключевых причин неудач нехватка капитала традиционно занимает первое–второе место. В Республике Беларусь данная проблема усугубляется неразвитостью рынка венчурного капитала и неготовностью традиционных финансовых институтов кредитовать высокорисковые проекты.

В этих условиях особую значимость приобретают альтернативные инструменты финансирования. К ним относятся гранты, предоставляемые в форме безвозвратной поддержки, и акселерационные программы, которые сочетают интенсивное обучение, менторское сопровождение и возможность привлечения посевных инвестиций.

Данное исследование позволяет ответить на несколько вопросов: насколько студенческая молодёжь осведомлена о вышеупомянутых инструментах и с какими барьерами она сталкивается, какие меры поддержки считает приоритетными на пути к созданию инновационного стартапа?

В Республике Беларусь государственная поддержка инновационной деятельности регулируется Указом Президента от 20 мая 2013 г. № 229 [1]. Важным шагом в данном направлении стал Указ Президента № 84, принятый 5 марта 2026 г., который регламентирует создание единого Республиканского совета по поддержке одарённой и талантливой молодёжи и предусматривает предоставление до 100 грантов Президента ежегодно [2].

На сегодняшний день в Беларуси действует несколько типов программ поддержки молодёжных инновационных проектов: республиканские конкурсы, учрежденные ГКНТ РБ, НАН РБ, БРСМ; гранты ПВТ и акселератор ПВТ с привлечением участников Венчурной академии в качестве потенциальных инвесторов; корпоративные программы,

такие как «Стартап-марафон» Белагропромбанка, акселератор Альфа-Банка; региональные конкурсы (SmartGomel от технопарка «Коралл»); хакатоны (Space Hackathon, The Hackathon Gomel); молодёжный проект «100 идей для Беларуси» и др. [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Частью нашего исследования стал онлайн-опрос, проведённый в апреле 2026 года с использованием платформы Google Forms. В опросе принял участие 51 респондент в возрасте от 16 до 44 лет (при этом 84,3 % опрошенных – лица до 20 лет). Структура выборки по критерию занятости выглядит следующим образом: 90,7 % составили студенты очной формы обучения, 9,3 % – работающая молодёжь. Обработка данных осуществлялась методами описательной статистики.

На вопрос «Знаете ли вы о существовании грантовых и акселерационных программ в Беларуси?» 74,1 % респондентов выбрали вариант «Да, знаю», 18,5 % – «Что-то слышал» и 7,4 % – «Нет, не знаю». Однако при ответе на открытый вопрос «В каких программах вы бы хотели поучаствовать?» 35,3 % опрошенных (18 из 51 чел.) указали, что не знают конкретных программ. Наиболее узнаваемыми среди молодежи оказались: проект «100 идей для Беларуси» (20 упоминаний, 39,2 %), хакатоны (17 упоминаний, 33,3 %), «Стартап-марафон» от Белагропромбанка (16 упоминаний, 31,4 %), акселератор Альфа-Банка (10 упоминаний, 19,6 %) и акселератор ПВТ (7 упоминаний, 13,7 %) (рисунок 1).

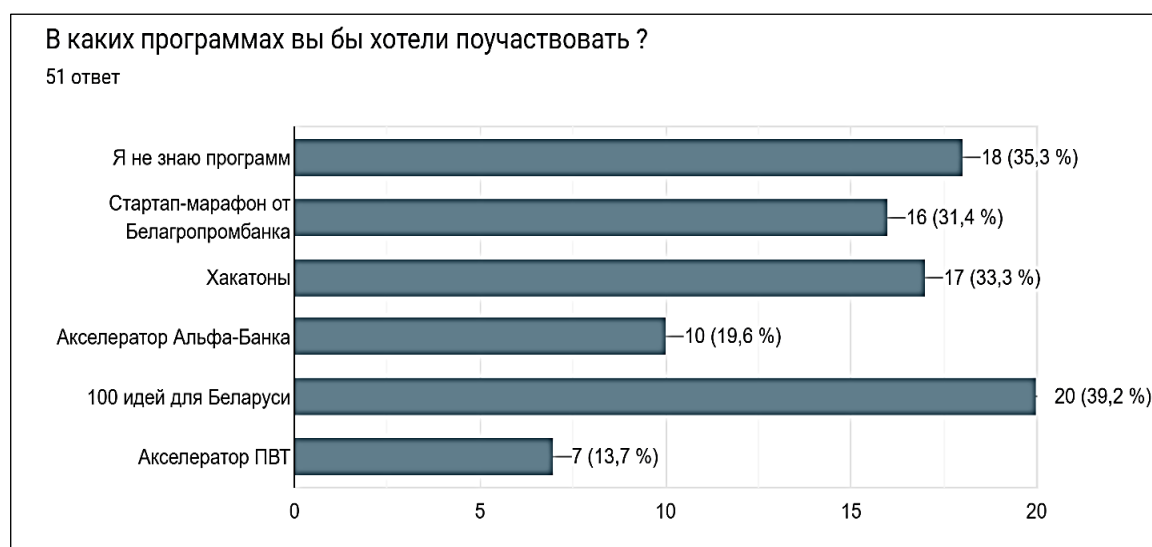

Рисунок 1 – Осведомлённость о поддержке инновационных проектов

Таким образом, наблюдается разрыв между осведомлённостью (74,1 % ответили «знаю») и реальным знанием конкретных программ: 35,3 % респондентов ответили, что не знают ни одной программы.

Далее респондентам было предложено выбрать один или несколько наиболее предпочтительных способов привлечения стартового капитала. Распределение их ответов представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Предпочитаемые инструменты привлечения капитала по мнению респондентов

Инструмент	Количество выборов	Доля респондентов, %
Гранты	26	51,0
Копить самостоятельно	27	52,9
Акселераторы	12	23,5
Кредит	16	31,4
Инвестиции	2	4,0

Грантовую поддержку и участие в акселераторах суммарно выбрали 74,5 % респондентов (51,0 % и 23,5 % соответственно), тогда как банковскому кредитованию отдали предпочтение лишь 31,4 % опрошенных.

Таким образом, студенты в большей степени ориентированы на безвозвратные инструменты финансирования, стремясь избежать долговой нагрузки. При этом наиболее популярным ответом стал вариант «копить самостоятельно» (52,9 %), что может свидетельствовать как о недостатке информации об альтернативных возможностях, так и о выраженном желании сохранять полную финансовую независимость.

При ответе на открытый вопрос «Что необходимо для стимулирования молодежной стартап-активности в Республике Беларусь?» наиболее популярными ответами стали следующие варианты: «увеличение количества грантов», «проведение специализированных мероприятий и конкурсов», «внедрение обучающих программ», «информационная поддержка» и «повышение доступности микрогрантов». Один из респондентов сформулировал комплексное предложение: «создать понятный правовой статус для стартапов с низким порогом входа, запустить образовательные акселераторы в вузах и обеспечить доступ к микрогрантам в размере до 5 000 долларов».

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по стимулированию предпринимательской активности молодёжи. Установлена высокая востребованность грантовых и акселерационных программ среди молодых инновационных предпринимателей. В связи с этим представляется целесообразным формирование в Республике Беларусь экосистемы поддержки молодежных инновационных инициатив. Данная экосистема должна включать развитие институциональной среды в сфере финансовой поддержки, совершенствование каналов информирования о доступных инструментах поддержки, а также интеграцию в университетскую среду как центр концентрации креативной и инициативной молодёжи.

Литература

1 О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов : Указ Президента Республики Беларусь, 20 мая 2013 г., № 229 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300229> (дата обращения: 27.04.2026).

2 О совершенствовании подходов к оказанию государственной поддержки : Указ Президента Республики Беларусь, 5 марта 2026 г., № 84// Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-84-ot-5-marta-2026-g> (дата обращения: 27.04.2026).

3 Стартовал приём заявок на участие в Республиканском конкурсе инновационных проектов 2026 года. – URL: https://www.gknt.gov.by/news/2026/startoval_priem_zayavok_na_uchastie_v_respublikanskom_konkurse_innovatsionnykh_proektov_2026_goda/ (дата обращения: 27.04.2026).

4 В Беларуси расширяют молодежное стартап-движение. Где появятся новые точки притяжения будущих IT-гениев? – URL: <https://belta.by/economics/view/v-belarusi-rasshirjajut-molodezhnoe-startap-dvizhenie-gde-pojavjatsja-novye-tochki-pritjazhenija-775695-2026/> (дата обращения: 27.04.2026).

5 Стартап-марафон. – URL: <https://www.belapb.by/malomu-i-srednemu-biznesu/ekosistema-belagroprombanka/startap-marafon/> (дата обращения: 27.04.2026).

6 Взрастим ваши идеи как собственные: Альфа запускает «Инкубатор инноваций». – URL: https://alfabank.ru/scouting/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 27.04.2026).

7 SmartGomel. – URL: <https://smartgomel.com/contests/smartgomel/> (дата обращения: 27.04.2026).

8 Идеи будущего рождаются здесь: в ГГУ прошел финал The Hackathon Gomel. – URL: <https://gsu.by/ru/node/9171> (дата обращения: 27.04.2026).
9 100 идей для Беларуси. – URL: <https://100ideas.by/> (дата обращения: 27.04.2026).

УДК 658.8:004.89

П. В. Коваль

ЧАТ-БОТЫ КАК КАТАЛИЗАТОР ИЗМЕНЕНИЙ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ МАРКЕТИНГА

В статье рассматриваются нейросетевые чат-боты как фактор трансформации маркетинга в условиях цифрового развития. Анализируются технологические основы их функционирования и экономические эффекты внедрения. Особое внимание уделяется автоматизации маркетинговых коммуникаций и снижению издержек. Обосновывается роль ИИ-ассистентов как стратегического инструмента повышения конкурентоспособности организаций.

Цифровизация экономики и ускоренное развитие информационных технологий XXI века обусловили широкое использование систем искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах социально-экономической деятельности. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений является создание чат-ботов и интеллектуальных ассистентов на основе нейросетевых моделей. Данные технологии активно применяются в маркетинге.

ИИ-ассистенты отличаются от традиционных программных решений вероятностным характером обработки информации и способностью обучаться на больших массивах данных. Это обеспечивает высокую гибкость, адаптивность и масштабируемость систем, что особенно важно в условиях нестабильной внешней среды и быстро меняющихся потребительских предпочтений.

С научной точки зрения чат-боты классифицируются по уровню интеллектуальности. Наиболее развитым типом являются интеллектуальные чат-боты, основанные на нейросетевых моделях, которые способны вести сложный диалог и адаптироваться к запросам пользователей. Отдельную категорию составляют голосовые ассистенты, использующие технологии распознавания и синтеза речи.

Современный рынок ИИ-ассистентов представлен универсальными и специализированными решениями, среди которых наиболее распространены ChatGPT, Яндекс.Алиса, Siri, Google Assistant и Microsoft Copilot.

ChatGPT – текстовый ассистент для аналитических и управленческих задач. Поддерживает глубокий диалог, помогает с генерацией идей и обработкой информации [1].

Яндекс.Алиса – голосовое бытовое решение, интегрированное в экосистему Яндекса. Управляет умным домом, ищет информацию и развлекает своими функциями [2].

Siri – голосовой помощник для быстрых бытовых команд на устройствах Apple. Оптимизирована для коротких действий вроде звонков и напоминаний [3].

Google Assistant – голосовой помощник, сочетающий бытовые сценарии с элементами анализа контекста. Строит маршруты, ищет в интернете, управляет календарём [4].

Microsoft Copilot – текстовый ассистент, встроенный в офисные приложения. Автоматизирует управленческие задачи: отчёты, таблицы, презентации [5].

Они различаются по формату взаимодействия, глубине диалога и возможностям интеграции с бизнес-процессами. Текстовые ассистенты чаще применяются для аналитических и управленческих задач, тогда как голосовые решения ориентированы преимущественно на бытовое использование.

С экономической точки зрения внедрение чат-ботов способствует оптимизации затрат и повышению производительности труда. Использование данных технологий

позволяет сократить время обработки пользовательских запросов, снизить нагрузку на персонал и обеспечить круглосуточную доступность сервисов. Кроме того, чат-боты повышают масштабируемость бизнес-процессов и уровень удовлетворённости клиентов.

ИИ-ассистенты активно применяются не только в бизнесе, но и в образовании, медицине и государственном управлении. В образовательной среде они выполняют функции цифровых консультантов, в медицине – используются для первичного консультирования пациентов, а в государственных сервисах – повышают доступность предоставляемых услуг.

В рамках исследования чат-ботов и их возможности совершенствования маркетинговых технологий был разработан чат-бот, предназначенный для генерации изображений на основе текстовых запросов пользователей. Данный бот реализует принцип text-to-image и позволяет преобразовывать текстовое описание (промт) в визуальный контент с использованием нейросетевых моделей генерации изображений.

Процесс разработки AI-бота включал несколько последовательных этапов. Ключевой задачей стало создание удобного интерфейса, позволяющего пользователю формулировать текстовый запрос и оперативно получать визуальный результат без необходимости владения специализированными знаниями в области искусственного интеллекта.

Для практической реализации проекта была использована платформа Script-Bot-Creator, обеспечивающая инструменты для создания и настройки интеллектуальных ботов без необходимости глубокой программной разработки (рисунок 1). Данная платформа позволяет интегрировать нейросетевую модель генерации изображений, настроить сценарии взаимодействия, а также реализовать механизм обработки пользовательских команд и выдачи результата в визуальной форме [6].

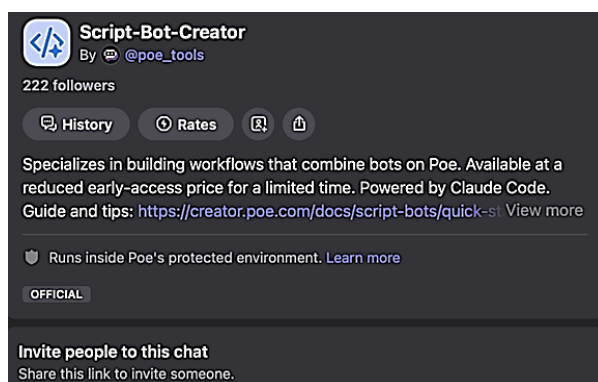

Рисунок 1 – Script-Bot-Creator

По заданному запросу система искусственного интеллекта выполнила автоматизированную разработку AI-бота (рисунок 2). В качестве исходных требований был сформулирован следующий запрос: «Давай создадим бота, который по описанию создает изображение». На основании данного запроса интеллектуальная система инициировала процесс генерации программного кода, включающий формирование логики работы бота и настройку его функциональных компонентов. В течение короткого временного интервала был сгенерирован исполняемый код и предоставлена ссылка для тестирования разработанного бота (рисунки 3–5), что позволило оперативно оценить его работоспособность и корректность реализации заданной функциональности.

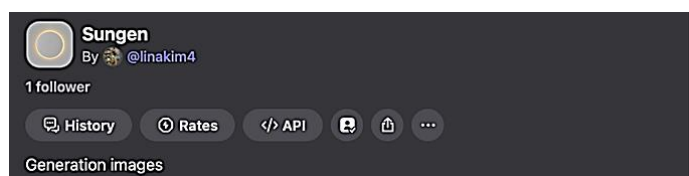

Рисунок 2 – Бот для генерации изображения, опубликованный

Рисунок 3 – Тестирование бота для генерации логотипа

Рисунок 4 – Тестирование на создание реалистичного изображения

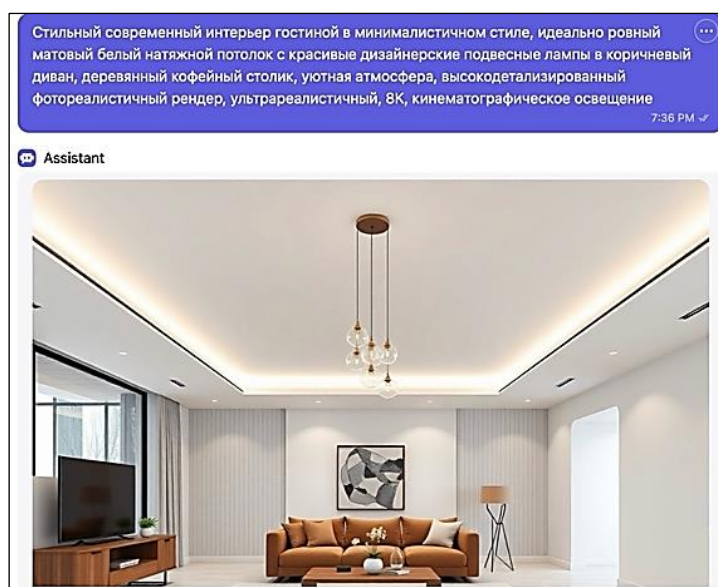

Рисунок 5 – Тестирование бота для генерации дизайна интерьера

Разработанный AI-бот может применяться в различных сферах, включая маркетинг, дизайн, создание визуального контента и образовательные проекты. Использование подобных интеллектуальных решений позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты на создание визуальных материалов, а также расширяет возможности пользователей за счёт доступности современных нейросетевых технологий.

В результате проведённого исследования установлено, что нейросетевые чат-боты выступают значимым инструментом цифровой трансформации маркетинга и бизнес-процессов. Их использование способствует автоматизации коммуникаций, снижению операционных затрат и повышению эффективности управленческих решений. Разработка AI-бота для генерации изображений на основе текстовых запросов продемонстрировала практическую применимость нейросетевых технологий и их потенциал в создании визуального контента. Внедрение подобных интеллектуальных решений расширяет возможности бизнеса и пользователей, обеспечивая повышение конкурентоспособности организаций в условиях цифровой экономики.

Литература

- 1 ChatGPT. – URL: <https://chatgpt.com> (дата обращения: 1.04.2026).
- 2 AI Алиса. – URL: <https://alice.yandex.ru> (дата обращения: 1.04.2026).
- 3 SIRI. – URL: <https://www.apple.com/siri> (дата обращения: 1.04.2026).
- 4 Google assistant. – URL: <https://assistant.google.com> (дата обращения: 04.04.2026).
- 5 Copilot. – URL: <https://copilot.microsoft.com> (дата обращения: 10.04.2026).
- 6 Poe. – URL: <https://poe.com> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 339.97

А. Л. Лашкина

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНЫМИ НАЛОГОВЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

Статья посвящена анализу противоречий между глобализацией и национальными налоговыми интересами в условиях постиндустриальной экономики. В рамках исследования рассматриваются причины возникновения данных противоречий, их влияние на налоговую политику государств, а также основные направления адаптации национальных налоговых систем к новым экономическим условиям.

Развитие постиндустриальной экономики привело к формированию новых форм экономической активности, которые выходят за рамки государственных границ. Компании стали свободно перемещать капиталы, технологии и нематериальные активы, создавая транснациональные производственные и финансовые цепочки. Такая трансформация усилила взаимосвязанность государств, но одновременно вызвала серьезные противоречия между глобальными экономическими процессами и национальными налоговыми интересами. Налоговые системы, исторически основанные на территориальном принципе, оказались перед вызовом: прибыль больше не привязана к конкретной стране, а переходит в ту юрисдикцию, где выгоднее условия налогообложения.

В условиях глобализации государствам стало сложнее контролировать движение налоговой базы [1, с. 6]. Многие компании переносят штаб-квартиры в страны с низкими налоговыми ставками, а прибыль распределяют через сеть дочерних организаций. При

этом основная экономическая деятельность и потребление товаров и услуг могут происходить в совершенно других странах. Возникает противоречие: доход создается на одной территории, но налоги уплачиваются на другой. Для государств с крупными внутренними рынками это означает недополучение значительных бюджетных средств, необходимых для развития социальной политики, инфраструктуры и поддержки инноваций.

Дополнительное напряжение создают офшорные юрисдикции. Их существование позволяет предприятиям законно минимизировать налоговые обязательства, оформляя интеллектуальную собственность, торговые марки и технологические разработки в странах с благоприятными налоговыми режимами [2, с. 41]. Интеллектуальные активы играют ключевую роль в постиндустриальной экономике, поскольку именно они обеспечивают основную долю добавленной стоимости. Когда владение такими активами переносится в юрисдикции с низким уровнем налогообложения, страны, в которых происходит фактическое создание ценности, теряют существенную часть потенциальных налоговых поступлений. Это формирует структурное неравенство между государствами.

Сложность усиливается тем, что транснациональные корпорации часто обладают значительно большими ресурсами, чем налоговые администрации отдельных стран. Современные ТНК строят сложные схемы трансфертного ценообразования, оптимизируют налогообложение через виртуальные операции и используют разницу в законодательных системах. В результате государства вынуждены реагировать на новые глобальные правила игры, перестраивая налоговые механизмы, усиливая контроль и вступая в международные соглашения для координации политики. Однако такие меры нередко приводят к новым противоречиям: каждая страна стремится сохранить финансовую привлекательность, одновременно защищая собственные доходы.

Политические интересы также оказывают значительное влияние на развитие налоговой системы. Государства с исторически низкими налоговыми ставками заинтересованы в сохранении конкурентного преимущества и часто сопротивляются инициативам по введению единых глобальных налоговых стандартов [3, с. 142]. В то же время страны с высоким уровнем социальных обязательств настаивают на согласовании минимальных налоговых ставок, пытаясь предотвратить «налоговую конкуренцию вниз». Такое противостояние затрудняет выработку единой международной налоговой политики и приводит к длительным переговорам на уровне международных организаций.

Особое место в этих спорах занимает вопрос налогообложения цифровых услуг. В постиндустриальной экономике компании нередко оказывают услуги и получают прибыль в странах, где не имеют физического присутствия. Это подрывает традиционные принципы налогообложения, основанные на понятиях «резидентства» и «источника дохода». Попытки отдельных государств ввести налоги на цифровые услуги встречают сопротивление со стороны крупных международных компаний и стран, в которых они зарегистрированы. Конфликт интересов возникает на нескольких уровнях: экономическом, юридическом и дипломатическом.

В таких условиях развивается тенденция к заключению международных налоговых соглашений. Например, глобальная инициатива по установлению минимальной ставки корпоративного налога призвана сократить возможности для агрессивного налогового планирования. Однако даже подобные инициативы не устраняют противоречий полностью, поскольку каждая страна стремится адаптировать условия под собственные экономические цели. Кроме того, остаются сложности, связанные с администрированием таких соглашений и контролем их исполнения.

Отдельного внимания заслуживает проблема распределения налоговых поступлений между странами, где создается и где потребляется продукция. Постиндустриальная экономика подчеркивает значение человеческого капитала, инноваций и цифровых технологий, но определить, где именно создается ценность, становится всё сложнее. Например, программное обеспечение может разрабатываться в одной стране, тестироваться —

в другой, продаваться – в третьей, а серверы, обеспечивающие его работу, могут находиться в четвертой. Такой характер деятельности размывает территориальные границы налогообложения и требует новой логики распределения налоговой базы.

В итоге противоречия между глобализацией и национальными налоговыми интересами отражают глубокое изменение самой природы экономики. Налоговые системы, сформированные в эпоху материального производства, адаптируются к условиям, в которых ценность создается в цифровом пространстве. При этом государствам приходится искать баланс между привлечением инвестиций, обеспечением стабильности бюджета и необходимостью интегрироваться в мировые экономические процессы. Результатом становится постоянный процесс модернизации налоговой политики, где каждое решение влияет не только на внутреннюю экономику, но и на международное распределение финансовых потоков.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что глобализация и развитие постиндустриальной экономики существенно изменили условия функционирования национальных налоговых систем. Экономическая деятельность всё чаще выходит за пределы отдельных государств, а движение капитала, технологий и нематериальных активов приобретает трансграничный характер. Это приводит к тому, что традиционные налоговые подходы, основанные на территориальном принципе, утрачивают свою эффективность и требуют пересмотра с учётом новых экономических реалий.

Одним из ключевых противоречий современного налогообложения является разрыв между местом создания дохода и местом его налогообложения. В условиях глобализации компании могут осуществлять основную экономическую деятельность в одних странах, а уплачивать налоги – в других, более выгодных с точки зрения налогового режима. В результате государства, на территории которых формируется добавленная стоимость и осуществляется потребление, сталкиваются с сокращением налоговых поступлений и ослаблением бюджетной базы. Это особенно негативно отражается на возможностях финансирования социальной политики и поддержки инновационного развития.

Значительную роль в усилении данных противоречий играют транснациональные корпорации и офшорные юрисдикции. Использование сложных корпоративных структур, трансфертного ценообразования и перемещения интеллектуальной собственности позволяет компаниям законно минимизировать налоговые обязательства. При этом национальные налоговые органы часто оказываются в менее выгодном положении из-за ограниченных ресурсов и различий в законодательных системах. Такая ситуация способствует формированию неравных условий между государствами и усиливает международную налоговую конкуренцию.

Дополнительные сложности связаны с ростом цифровой экономики, в рамках которой получение дохода возможно без физического присутствия компании в стране. Это подрывает традиционные понятия налогового резидентства и источника дохода, создавая новые правовые и экономические споры. Попытки отдельных государств самостоятельно решать данные проблемы нередко приводят к конфликтам интересов и усложняют международные экономические отношения.

В ответ на возникающие вызовы государства всё активнее участвуют в разработке международных налоговых соглашений и инициатив, направленных на координацию налоговой политики и ограничение агрессивного налогового планирования. Вместе с тем данные меры не устраняют противоречия полностью, поскольку каждая страна стремится сохранить собственную конкурентоспособность и адаптировать налоговые правила под национальные экономические цели. Это свидетельствует о том, что поиск эффективного баланса между глобальными процессами и национальными интересами остаётся актуальной задачей.

Таким образом, противоречия между глобализацией и национальными налоговыми интересами отражают глубокие изменения в самой структуре современной экономики. В условиях постиндустриального развития налоговая политика становится динамичным и постоянно обновляющимся инструментом государственного регулирования.

Эффективная адаптация налоговых систем к новым условиям требует не только модернизации национального законодательства, но и углубления международного сотрудничества, направленного на формирование более справедливой и устойчивой системы налогообложения в глобальном масштабе.

Литература

1 Тимофеева, И. Ю. Развитие международных налоговых правоотношений в эпоху глобализации и национальные интересы государства / И. Ю. Тимофеева // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunarodnyh-nalogovyh-pravootnosheniy-v-epohu-globalizatsii-i-natsionalnye-interesy-gosudarstva> (дата обращения: 04.04.2026).

2 Боровский, А. А. Налоговый суверенитет в условиях глобализации мирохозяйственных связей / А. А. Боровский. – Мн. : БГЭУ, 2023. – 26 с.

3 Шохин, С. Налогообложение цифровой экономики: конец оптимизма / С. Шохин, Е. Кудряшова, А. Шашкова // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 2 (65). – С. 138–150. – URL: <https://clck.ru/3QUCDd> (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 339.146.4

В. В. Мазурова

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СБЫТОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ В МОДЕЛИ ПРОДАЖ B2B

Статья посвящена вопросам построения сбытовой политики организации в модели продаж B2B и возможностям ее совершенствования, особое внимание уделено моделированию процессов сбытовой деятельности. Представлены результаты исследования сбытовой деятельности ООО «Фрешпак Солюшенс» и направления совершенствования сбытовой политики организации.

Модель продаж “Business to Business” (B2B) предполагает взаимодействие организаций-поставщиков товаров и услуг с бизнесами, предъявляющими спрос на данные товары и услуги – оборудование, технологии, сырье, программный продукт, инженеринговые услуги и др. Рынок B2B во многом зависит от рынка “Business to Consumers” (B2C) и, с другой стороны, влияет на состояние рынка B2C. Исследователь М. А. Бек пишет: «Маркетинг B2B может выступить в роли архитектора более конкурентоспособных цепочек создания ценности, рыночных сетей, кластеров, более эффективных частно-государственных партнерств и национальных инновационных систем и, таким образом, будет способствовать повышению эффективности национальных экономик и мировой экономики в целом» [1, с. 6].

К особенностям B2B-сегмента относят высокую сложность предлагаемого продукта, многоэтапность и длительность его создания, инновационность, повышенные требования к проведению технической экспертизы. Очевидна направленность B2B-маркетинга на построение долгосрочных отношений, готовность к адаптации производства под потребности заказчика.

Модель продаж, встроенная в общую бизнес-модель организации, должна обеспечить эффективность продаж посредством оптимизации цепочек поставки товара и решения других задач сбытовой политики. В рамках модели продаж B2B организация осуществляет выбор модели (или подмодели), отвечающей целям и принципам деятельности, стратегии позиционирования бренда, особенностям формирования добавленной

стоимости, состоянию рынка. В описание модели продаж входят структура каналов сбыта, алгоритмы взаимодействия с группами клиентов, используемые маркетинговые инструменты, подходы к построению системы стимулирования работы персонала.

Согласно исследованиям McKinsey, промышленные организации с системным подходом к B2B-продажам увеличивают конверсию на 30–50 % по сравнению с работой в условиях отсутствия системного подхода, что связано с особенностями производственного бизнеса – длительным циклом принятия решений, высокой стоимостью сделок и др. [2]. Конкурентоспособность промышленной организации, работающей в модели продаж B2B, во многом определяется решениями в сфере управления цепочкой создания ценности, построения бизнес-процессов сбытовой деятельности, что требует проведения маркетинговых исследований на системной основе.

Различают одноуровневую и многоуровневую модели продаж. Одноуровневая модель предполагает осуществление прямых продаж, многоуровневая модель включает промежуточные этапы, характеризуется сложным циклом сделки. Обе модели имеют свои преимущества и могут использоваться организацией в зависимости от рыночной ситуации.

Для продажи стандартизированных продуктов производитель может выбрать так называемую транзакционную модель (Product-Centric Selling) с быстрым циклом сделки и минимальными операционными затратами. Более затратные консультативные продажи соответствуют сложным сделкам, требующим сопровождения покупателя менеджером. Различают также технику «продажи решений» (Solution Selling), основанную на выявлении проблемы клиента с последующей разработкой варианта решения данной проблемы. Наиболее длинный горизонт взаимодействия имеет партнерская модель (Strategic / Enterprise Selling), обеспечивающая поставщику позицию «влияние на развитие организации-партнера» в лестнице ценности. Следует отметить риск, связанный с низкой диверсификацией портфеля продаж, при данной модели.

Выбор модели продаж в рамках сбытовой политики относится к стратегическим решениям организации, поскольку оказывает влияние на структуру и динамику издержек, оборачиваемость капитала, показатели рентабельности, конкурентоспособность продукции и организации в целом, успешность бренд-менеджмента, рыночную стоимость бренда. В научной и практической литературе обоснование выбора модели продаж базируется на комплексном анализе двух групп факторов: факторов внешней среды (макро- и мезоуровень) и факторов внутренней среды (микроуровень). Внешняя среда включает состояние рынка, национальной экономики, конкуренции, географическую концентрацию потребителей, промышленную политику, отраслевые стандарты и др. Внутренняя среда организации определяется конкурентными преимуществами и ограничениями организации, характеристиками производимой продукции.

Современный уровень развития бизнес-среды стимулирует организации, работающие в B2B-сегменте, модернизировать систему управления. Так, наряду с функциональным подходом к управлению используется и процессный подход, нацеленный на создание ценности для конечного потребителя посредством организации бизнес-процессов.

Процессно-ориентированная система управления основана на следующих принципах: деятельность организации описывается совокупностью бизнес-процессов, бизнес-процессы подлежат идентификации, формализации, стандартизации и – с течением времени – модернизации, для каждого бизнес-процесса определяются клиент и владелец, а также основные показатели результативности.

Оценку эффективности сбытовой деятельности организации проводят на основе сопоставления плановых и фактических величин показателей, на основе сравнения результатов деятельности в динамике, на основе использования в качестве ориентира максимально возможных значений показателей. Отдельными направлениями оценки могут выступать эффективность использования CRM-системы, эффективность работы персонала, вовлеченного в бизнес-процесс сбытовой деятельности, эффективность программ по стимулированию продаж и т. д. При анализе сбытовой деятельности организации используются также методы стратегического анализа.

Исследование сбытовой деятельности резидента СЭЗ «Гомель-Ратон» ООО «Фрешпак Солюшенс», работающего в модели продаж B2B и позиционирующего себя поставщиком современных пищевых и непищевых упаковочных решений, позволяет сделать следующие выводы:

1 Составленная в рамках проведения исследования стратегическая карта организации демонстрирует высокий уровень взаимосвязи целей организации с используемыми рыночными стратегиями. Развитие компетенций сотрудников и совершенствование внутренних процессов обеспечивают рост лояльности клиентов, достижение финансовой устойчивости организации.

2 Формирование и совершенствование модели продаж ООО «Фрешпак Солюшенс» происходит под воздействием многоуровневой системы факторов внешней среды. Наибольшее влияние оказывают изменение спроса, развитие системы технических регламентов и стандартов, ужесточение требований в области переработки используемых материалов, экономические факторы (волатильность цен на полимерное сырье и др.), научно-технические факторы.

3 Организация является экспортоориентированным производителем. Степень зависимости от российского рынка сбыта высока. Вместе с тем отмечается тенденция расширения географии продаж.

4 Неценовая конкурентоспособность продукции организации наиболее высока в сегменте высокобарьерной упаковки, что обеспечивается технологическим лидерством и предложением уникальных барьерных решений, наличием собственного R&D-центра.

5 Организация находится в агрессивном квадранте SPACE-матрицы, что указывает на благоприятные возможности для роста и развития, несмотря на наличие определенных внешних рисков.

6 ООО «Фрешпак Солюшенс» уделяет значительное внимание выставочно-ярмарочной деятельности, использует рассылки и другие инструменты. Сайт организации не в полной мере соответствует современным требованиям к веб-ресурсам, что может ограничивать его потенциал как инструмента привлечения и удержания клиентов.

7 Организация не использует фиксированные цены на свою продукцию. Стоимость упаковочных пленок варьируется в зависимости от марки материала, его технических характеристик, объема заказа, индивидуальных условий работы с конкретным клиентом.

Выявленные возможности совершенствования сбытовой политики ООО «Фрешпак Солюшенс» включают следующие направления:

- совершенствование сайта организации (структуры, дизайна, контента) и оптимизация работы по каналам коммуникаций SMM;

- внедрение ABC-анализа, что позволит классифицировать клиентов по группам А, В и С на основе таких объективных критериев, как объем выручки, маржинальность и потенциал долгосрочного сотрудничества;

- внедрение системы КРІ для специалистов по продажам (объем заключенных договоров, количество новых привлеченных клиентов или рост продаж определенным категориям);

- дальнейшее развитие подмодели «Проектные продажи», ориентированной на крупных клиентов и предполагающей глубокую интеграцию в бизнес-процессы заказчика, длительный цикл сделки, персональное закрепление менеджера, разработку уникального продукта;

- приобретение программных продуктов, повышающих уровень цифровизации и эффективности маркетинговых, сбытовых бизнес-процессов, рассмотрение возможности перехода на «Битрикс24» с тарифом «Корпорация»;

- использование возможностей вхождения в инновационно-производственные кластеры, выстраивание взаимоотношений со всеми стейкхолдерами в отрасли, рассмотрение возможности сотрудничества с B2B-маркетплейсами.

Литература

1 Бек, М. А. Маркетинг B2B : учебное пособие / М. А. Бек ; под ред. Н. Н. Бек. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 392 с.

2 Модели продаж – виды и правила выбора // Moscow Business Academy. – URL: <https://moscow.mba/journal/modeli-prodazh-cto-eto-takoe-vybor-modeli-s-uchyotom-produkta-kompanii> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 336.71

А. А. Мануйлова, Б. В. Rogovich

ГИБКОСТЬ СХЕМ АМОРТИЗАЦИИ КРЕДИТА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ И ЭЛЕМЕНТ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье обосновывается необходимость внедрения в коммерческих банках гибкой системы способов амортизации кредитов в практику потребительского кредитования. Анализируются краткосрочные кредитные операции (до года), по которым проценты начисляются ежемесячно по простой процентной ставке. По мнению авторов, гибкость в выборе методов погашения процентов по кредиту и основного долга определенного кредитного продукта – это не просто технический аспект, а мощный инструмент стимулирования потребительского кредитования, делающий его более доступным, безопасным и привлекательным как для заемщика, так и для банка, а потому может стать эффективным элементом кредитной политики банка.

В мировой практике потребительского кредитования в настоящее время разработаны десятки схем амортизации кредита, обладающих друг перед другом определенными преимуществами и отличающихся подходами взимания процентных денег. К основным из них относятся:

– *аннуитетная схема* (система регулярных платежей равными суммами через равные промежутки времени (ежемесячно); фиксированная срочная уплата включает в себя часть основного долга и проценты; в этом случае процентные платежи последовательно сокращаются, а платежи по погашению тела кредита увеличиваются; размер срочной уплаты находится из условия, что сумма дисконтированных величин всех срочных уплат равна величине основного долга) [1, с. 191];

– *дифференцированная схема или правило от 100* (основной долг в каждом периоде выплачивается равными суммами, процентный платеж в каждом периоде начисляется на оставшуюся часть долга, т. е. на величину долга, уменьшенную на уже выплаченную часть; в этом случае срочные уплаты последовательно уменьшаются, так как проценты начисляются на снижающийся остаток долга, что ведет к уменьшению процентных платежей по сравнению с разовой амортизацией) [1, с. 190];

– *правило 78* (название правила вызвано тем, что сумма порядковых номеров месяцев года равна 78; в соответствии с этим правилом при платеже за первый месяц годового кредита уплата процентов составляет величину $12/78$ общей начисленной суммы процентов, а оставшаяся часть платежа идет на уплату основного долга, при втором платеже на оплату процентов пойдет $11/78$ общей начисленной суммы процентов и т. д.; все срочные уплаты одинаковы) [1, с. 193];

– *баллонный кредит (balloon loan)* (схема, при которой заемщик вносит небольшие регулярные платежи в счет уплаты процентов, а основную часть долга выплачивает крупный финальным платежом («баллоном») в конце срока кредита) [2].

Все другие схемы, по сути, являются определенными модификациями приведенных выше четырех схем.

В таблице 1 представлены основные преимущества и недостатки перечисленных выше схем начисления процентов, используемых в практике потребительского кредитования европейских стран.

Таблица 1 – Преимущества и недостатки методов погашения потребительского кредита

Схема погашения кредита	Преимущества и недостатки схемы
Аннуитетная схема	Расчеты срочных уплат требуют использования более сложного математического аппарата. Начальные платежи ниже, чем при дифференцированной схеме, что делает кредит доступнее. Метод удобен для планирования бюджета, так как срочная уплата является фиксированной. Заемщику выгоднее проводить досрочное погашение кредита в первой половине срока
Правило 78	Выгоден кредитору тем, что заемщик платит больше процентов авансом. Заемщику выгоднее проводить досрочное погашение кредита в первой половине срока
Дифференцированная схема (правило от 100)	Логическая и техническая простота расчетов. Начальные платежи выше, чем при аннуитетной схеме. В начале срока срочные уплаты погашения выше, чем в конце его, что часто является нежелательным для заемщика: изменяющиеся срочные уплаты создают у него иллюзию обмана со стороны банка
Баллонный кредит (balloon loan)	Схема достаточно жесткая по отношению к заемщику, так как в ней проценты начисляются на весь срок и на всю сумму кредита. Схема снижает ежемесячную финансовую нагрузку на заемщика, перенося ее на конец срока кредитования. Риск нехватки средств для крупного финального платежа высоким. Кредит подходит тем, кто хочет снизить финансовую нагрузку на старте и ожидает поступления средств в будущем

Оценим количественно различия между схемами погашения процентов, приведенными в таблице 1 (в расчетах применяются традиционные методики, которые описаны, в частности, в [3, с. 25]). Проиллюстрируем их на примере потребительского кредита на сумму 3000 руб. на 12 месяцев, выданного банком по ставке 15 % (такой размер, в частности, имеет средняя ставка по потребительским кредитам на товары отечественного производства в ОАО «Белагропромбанк»). В этом случае наращенная сумма, рассчитанная по простой процентной ставке, составляет 3450 руб., а проценты за весь период равны 450 руб.

1 *Аннуитетная схема*: величина срочной уплаты находится из равенства (формула 1):

$$Y = \frac{250}{\left(\frac{1}{12+0,15} + \frac{1}{12+0,15 \cdot 2} + \frac{1}{12+0,15 \cdot 3} + \dots + \frac{1}{12+0,15 \cdot 12} \right)}, \quad (1)$$

она равна 269,88 руб. Таким образом, суммарные расходы заемщика по амортизации кредита составляют $269,88 \cdot 12 = 3238,58$ руб., расходы на оплату процентов – 238,58 руб. Следовательно, суммарные расходы заемщика при погашении кредита с использованием аннуитетной схемы уменьшаются по сравнению с разовым погашением на 211,42 руб. (или на 6,13 %).

2 Правило 78: суммарные расходы заемщика по амортизации кредита составляют 3450 руб.: из них 3000 руб. – по основному долгу и 450 руб. – по процентам. При этом величина срочной уплаты равна $3450 / 12 = 287,5$ руб., расходы на оплату процентов последовательно уменьшаются от 69,23 руб. (в первом месяце) до 5,77 руб. (в двенадцатом месяце), а расходы на оплату основного долга увеличиваются от 218,27 руб. (в первом месяце) до 281,73 руб. (в двенадцатом месяце). Общие расходы по процентам за первые шесть месяцев составляют $57 / 78$ от всех начисленных процентов, т. е. 73,1 %.

3 Дифференцированная схема: каждая срочная уплата в данной схеме включает погашение двенадцатой части тела, что составляет $300 / 12 = 250$ руб., и расходы по процентам. При этом последние последовательно уменьшаются от 37,5 руб. (в первом месяце) до 3,13 руб. (в двенадцатом месяце). Тогда и срочные уплаты последовательно уменьшаются от 287,5 руб. (в первом месяце) до 253,13 руб. (в двенадцатом месяце). Суммарные расходы заемщика по амортизации кредита с использованием дифференцированной схемы составляют 3243,75 руб., по сравнению с разовым погашением кредита они на 206,25 руб. (или на 5,98 %) меньше.

4 Баллонный кредит: суммарные расходы заемщика составляют 3450 руб.: из них 3000 руб. – по основному долгу и 350 руб. – по процентам (по $450 / 12 = 37,5$ руб. за каждый месяц в случае, если кредитный договор предусматривает равномерное погашение процентов).

Сравним приведенные схемы начисления процентов по кредиту. Отметим, что заемщику, в целом, может быть не столь важно, по какому способу кредитная организация взимает с него проценты. Для него в зависимости от доходов в настоящее время и их перспектив в будущем более важны следующие позиции.

1 Суммарные расходы. Если заемщик хочет минимизировать свои суммарные расходы на амортизацию кредита, то он должен отдать предпочтение либо аннуитетной, либо дифференцированной схеме начисления процентов, экономя при этом в период действия кредитного договора около 6 % своих средств (по сравнению с правилом 78 и баллонным кредитом).

2 Стартовый платеж. Из приведенного примера потребительского кредитного займа следует, что минимальный стартовый платеж имеет место в случае аннуитетной схемы. Он на 6,2 % меньше, чем в дифференцированной схеме, и на столько же меньше, чем по правилу 78.

3 Планирование бюджета. Одинаковые срочные уплаты в каждом периоде делают более предпочтительными и привлекательными аннуитетную схему и правило 78. Это же касается и баллонного кредита, если оплата процентов осуществляется равномерно.

4 Досрочное погашение кредита. Заемщику выгоднее всего проводить досрочное погашение кредита в первой половине срока, если для начисления процентов используется правило 78, так как эта схема имеет явно выраженный антисипативный (авансовый) характер (в этой схеме начисление процентных денег опережает их реальный рост).

5 Понятность логики и техники расчетов срочных уплат. Если говорить о кредитной организации, то для нее с позиции процентного дохода, конечно, предпочтительнее правило 78 по следующим двум соображениям. Во-первых, это правило обеспечивает максимально возможный процентный доход при заданной процентной ставке. Во-вторых, оно позволяет с минимальными потерями для банка внедрять практику использования переменной процентной ставки. Когда основная доля процентов собрана, можно во второй половине срока кредитования процентную ставку резко снизить (так, например, делается в ОАО «Белагропромбанк», где в второй половине кредитного срока ставка по кредитам на товары отечественного производства снижается с 15 до 10 процентов). Такой внешне эффектный ход позволяет заинтересовать в кредитном продукте новых потребителей, расширяя тем самым клиентскую базу коммерческого банка.

К сожалению, действующая практика потребительского кредитования такова, что любой кредитный банковский продукт жестко привязан кредитным договором к какой-то одной вполне определенной схеме и не предоставляет заемщику хоть какого-то выбора. Такая практика коммерческих банков сдерживает развитие потребительского кредитования.

Из изложенного следует, что узаконенная возможность выбора схемы начисления процентов может стать важным фактором развития потребительского кредитования, так как влияет на доступность, привлекательность и управляемость займов для заемщика.

Для банка возможность выбора метода амортизации кредита расширяет клиентскую базу кредитования и снижает кредитный риск. Постепенное погашение основной суммы долга снижает остаток долга и, как следствие, кредитный риск для банка с течением времени, что позволяет предлагать более выгодные условия. Предсказуемый график платежей (особенно аннуитеты) обеспечивает банкам стабильный приток средств, что важно для формирования кредитных портфелей и управления ликвидностью. Многообразие схем амортизации (с льготным периодом, с гибкими платежами) позволяют банкам диверсифицировать предложения и охватывать различные сегменты заемщиков.

Отмеченное направление развития потребительского кредитования, связанное с повышением гибкости в выборе методов погашения, естественно, должно сопровождаться работой, связанной с уточнением кредитной политики банка, развитием финансовой грамотности населения, изменением содержания сайтов коммерческих банков (в частности, с усовершенствованием калькуляторов кредитных продуктов), развитием компетентности персонала.

Литература

1 Четыркин, Е. М. Финансовая математика : учебник / Е. М. Четыркин. – М. : Дело, 2000. – 400 с.

2 Balloon Loan: What It Is, How It Works, Example, and Pros & Cons. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/b/balloonloan.asp> (дата обращения: 10.01.2026).

3 Аванесов, Э. Т. Инвестиционный анализ : пособие / Э. Т. Аванесов, М. М. Ковалев, В. Г. Рудченко. – Мн. : БГУ, 2002. – 247 с.

УДК 658.14:330.34

А. Г. Мельник

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ РЕАЛИЗОВАННОЙ ПРОДУКЦИИ ОАО «ГЗЛиН»

В статье рассматривается эконометрический анализ рентабельности реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН». На основе поквартальных данных организации за 2022–2024 гг. строится и верифицируется модель множественной регрессии, позволяющая оценить влияние выявленных факторов на изменение рентабельности реализованной продукции организации. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации операционной эффективности деятельности организации.

В современных условиях высокой конкуренции и динамичности рыночной среды промышленные предприятия сталкиваются с необходимостью постоянного повышения эффективности своей операционной деятельности. Одним из ключевых показателей, позволяющих оценить успешность управления затратами и производственными процессами, является рентабельность реализованной продукции (Rrp). Этот коэффициент отражает

долю прибыли от продаж, приходящуюся на каждый рубль затрат, связанных с производством и реализацией продукции. Высокий уровень R_{rp} свидетельствует не только об эффективном контроле над издержками, но и о конкурентоспособности продукта, оптимальности ценовой политики и устойчивости бизнес-модели организации в целом.

Эконометрический анализ рентабельности реализованной продукции представляет собой углубленный процесс исследования количественных причинно-следственных связей между множеством факторов и этим ключевым показателем эффективности. В рамках данного анализа строится регрессионная модель, где R_{rp} выступает в роли зависимой переменной (результата), а в качестве независимых переменных (факторов) рассматриваются различные показатели, характеризующие операционную деятельность организации.

Исходя из имеющихся данных о рентабельности реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН» за 2022–2024 годы определяется зависимость рентабельности продукции от рентабельности продаж (x_1), доли управленческих расходов в выручке (x_2) и коэффициента оборачиваемости запасов (x_3). В исследовании используются данные бухгалтерской отчетности, размещенные на сайте ОАО «ГЗЛиН» в 2022–2024 годы, рассматриваемые в разрезе кварталов [1].

Для решения поставленной задачи анализа рентабельности реализованной продукции проводится комплексная процедура статистического моделирования, которая состоит из двух ключевых этапов: отбора факторных признаков и построения уравнения множественной регрессии.

На первом этапе проводится анализ потенциальных факторов, влияющих на R_{rp} . На основе экономической теории и специфики деятельности промышленного предприятия были отобраны три ключевых показателя: рентабельность продаж (ROS) – показатель эффективности ценовой политики и управления себестоимостью; доля управленческих расходов в выручке – показатель контроля накладных расходов; коэффициент оборачиваемости запасов – показатель эффективности управления краткосрочными активами [2, с. 145].

На втором этапе строится уравнение множественной линейной регрессии и оцениваются его коэффициенты и качество уравнения в целом. Оценка значимости коэффициентов регрессии проводится на основе t-критерия Стьюдента, а качества модели – с помощью F-критерия Фишера. Для построения модели используются встроенные инструменты анализа данных Microsoft Excel.

Исходные данные для построения модели приводятся в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные для построения модели

Период	R_{rp} , % (y)	ROS, % (x_1)	Доля управленческих расходов, % (x_2)	К оборачиваемости запасов (x_3)
I квартал, 2022 г.	10,17	11,88	5,37	0,49
II квартал, 2022 г.	11,58	11,11	4,54	0,55
III квартал, 2022 г.	10,78	9,60	4,92	0,52
IV квартал, 2022 г.	9,59	9,52	4,22	0,46
I квартал, 2023 г.	14,74	11,89	5,33	0,70
II квартал, 2023 г.	9,96	11,12	4,51	0,48
III квартал, 2023 г.	7,63	9,61	4,89	0,36
IV квартал, 2023 г.	9,82	9,53	4,19	0,47
I квартал, 2024 г.	9,51	10,53	6,81	0,64
II квартал, 2024 г.	10,44	9,84	5,76	0,70
III квартал, 2024 г.	9,22	8,51	6,24	0,62
IV квартал, 2024 г.	8,11	8,44	5,35	0,55

На основе использования инструмента «Регрессия» в пакете «Анализ данных» Microsoft Excel построена эконометрическая модель множественной линейной регрессии для анализа рентабельности реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН». Результаты регрессионного анализа приводятся на рисунке 1.

Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
0,828131456	2,719085727	0,304562467	0,768471686	-5,442091475	7,098354388
0,769856857	0,213414072	3,607338777	0,006908302	0,277723125	1,261990589
-1,315305816	0,404865313	-3,248749084	0,011723013	-2,248926903	-0,381684729
15,24972113	3,171087981	4,808987082	0,001340064	7,937179138	22,56226313

Рисунок 1 – Результаты множественного регрессионного анализа

Полученное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$y = 0,8281 + 0,7699 \times x_1 - 1,3153 \times x_2 + 15,2497 \times x_3.$$

Все коэффициенты уравнения регрессии являются статистически значимыми на 5 %-ном уровне значимости, что подтверждается их проверкой в соответствии t-критерием Стьюдента.

Результаты построенной модели множественной регрессии могут быть интерпретированы следующим образом.

При увеличении рентабельности продаж (ROS) на 1 % рентабельность реализованной продукции увеличится в среднем на 0,77 %.

При увеличении доли управленческих расходов в выручке на 1 % рентабельность реализованной продукции снизится в среднем на 1,32 %.

При увеличении коэффициента оборачиваемости запасов на 0,1 единицы рентабельность реализованной продукции увеличится в среднем на 1,52 %.

На основе использования инструмента «Регрессия» получают данные регрессионной статистики, а также данные дисперсионного анализа (рисунок 2).

Регрессионная статистика					
Множественный R	0,925429543				
R-квадрат	0,85641984				
Нормированный R-квадрат	0,80257728				
Стандартная ошибка	0,801958021				
Наблюдения	12				
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	3	30,68919833	10,22973278	15,90600148	0,000983888
Остаток	8	5,145093337	0,643136667		
Итого	11	35,83429167			

Рисунок 2 – Результаты регрессионной статистики и дисперсионного анализа

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,8564$ означает, что изменчивость рентабельности реализованной продукции на 85,64 % объясняется изменчивостью включенных в модель переменных (ROS, доля управленческих расходов и оборачиваемость запасов).

Путем проверки качества полученного уравнения регрессии с помощью F-теста выясняется, что F-статистика (15,906) превышает критическое значение при уровне значимости 0,05, а p-value (0,00098) < 0,05, что означает статистическую значимость модели в целом.

Построенные доверительные интервалы для коэффициентов регрессии при уровне значимости 5 % показывают:

– для ROS: $0,2777 < \beta_1 < 1,2620$ означает с надежностью 0,95, что при изменении рентабельности продаж на 1 % рентабельность реализованной продукции будет изменяться на величину, заключенную в интервале от 0,28 % до 1,26 %;

– для доли управленческих расходов: $-2,2489 < \beta_2 < -0,3817$ означает с надежностью 0,95, что при изменении доли управленческих расходов в выручке на 1 % рентабельность реализованной продукции будет изменяться на величину, заключенную в интервале от -2,25 % до -0,38 %;

– для оборачиваемости запасов: $7,9372 < \beta_3 < 22,5623$ означает с надежностью 0,95, что при изменении оборачиваемости запасов на 0,1 единицы рентабельность реализованной продукции будет изменяться на величину, заключенную в интервале от 0,79 % до 2,26 %.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что с помощью эконометрических моделей и методов можно определить, какие факторы имеют наибольшее влияние на рентабельность реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН». Наибольшее положительное влияние оказывает оборачиваемость запасов, что свидетельствует о важности эффективного управления краткосрочными активами. Значительное отрицательное влияние доли управленческих расходов указывает на необходимость контроля этих расходов для повышения рентабельности.

В целом использование таких инструментов анализа позволяет оценить возможности и перспективы повышения эффективности деятельности организации, а также разработать конкретные рекомендации по оптимизации ключевых операционных показателей.

На основе полученных результатов для руководства ОАО «ГЗЛиН» можно сформулировать следующие практические рекомендации:

1 Приоритет оптимизации управления запасами. Необходимо внедрить или усовершенствовать систему управления запасами (например, с использованием ABC-XYZ анализа), направленную на сокращение страховых запасов, ускорение оборачиваемости и снижение затрат на хранение. Это окажет наиболее сильное положительное воздействие на Rpp.

2 Строгий контроль и оптимизация управленческих расходов. Рекомендуется провести аудит управленческих расходов, выявить статьи с потенциалом к сокращению без ущерба для эффективности управления. Следует рассмотреть возможность централизации отдельных функций, внедрения систем бюджетирования и контроля затрат.

3 Комплексный мониторинг операционных показателей. Полученная модель может быть использована для оперативного анализа и прогнозирования уровня рентабельности в зависимости от плановых изменений в ROS, управленческих расходах и оборачиваемости. Это позволит оценивать финансовые последствия управленческих решений до их реализации.

Таким образом, применение эконометрических методов предоставляет менеджменту предприятия не просто описательную аналитику, а конкретный инструмент для целевого воздействия на ключевые драйверы рентабельности, способствуя тем самым повышению операционной эффективности и конкурентоспособности бизнеса в долгосрочной перспективе.

Литература

1 Бухгалтерская отчетность ОАО «ГЗЛиН» за 2022–2024 гг. [сайт]. – URL: <https://www.gzn.by/investoram/otchetnost/> (дата обращения: 27.12.2025).

2 Орлова, И. В. Экономико-математические методы и компьютерное моделирование : учеб. пособие / И. В. Орлова, В. А. Половников. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2013. – 389 с.

В. А. Нестерчук

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ АКТИВОВ ОАО «РАТОН»

В статье анализируется рентабельность активов ОАО «Ратон» на основе использования эконометрической модели. С этой целью рассматриваются различные показатели, влияющие на рентабельность совокупных активов организации, определяются оценки этих показателей и их значимость. Использование эконометрической модели позволяет сделать вывод о том, какие факторы и как оказывают влияние на рентабельность совокупных активов организации.

Рентабельность совокупных активов (ROA) является ключевым показателем, отражающим эффективность использования всех ресурсов предприятия, находящихся в его распоряжении. Этот коэффициент демонстрирует, сколько денежных единиц прибыли организация способна извлечь из каждой единицы капитала, вложенной в свои активы. Высокий уровень ROA не только сигнализирует об операционной эффективности, но и служит важным индикатором инвестиционной привлекательности организации для потенциальных инвесторов и кредиторов.

Эконометрический анализ рентабельности активов представляет собой углубленный процесс исследования количественных причинно-следственных связей между множеством факторов и этим ключевым показателем эффективности. В рамках данного анализа строится регрессионная модель, где ROA выступает в роли зависимой переменной (результата), а в качестве независимых переменных (факторов) рассматриваются различные показатели, характеризующие предприятия.

Исходя из имеющихся данных о рентабельности совокупных активов ОАО «Ратон» за несколько лет определяется зависимость рентабельности активов (y) от рентабельности краткосрочных активов ($R_{КА}, x_1$), рентабельности долгосрочных активов ($R_{ДА}, x_2$) и от доли краткосрочных активов в структуре активов ($Д_{КА}, x_3$).

В исследовании используются данные бухгалтерской отчетности, размещенные в открытом доступе на официальном сайте ОАО «Ратон» [1]. Анализ охватывает трехлетний период, с 2022 по 2024 год, при этом для обеспечения детальности и отслеживания сезонных динамик все финансовые показатели рассматриваются поквартально. Такой подход позволяет не только оценить общие годовые тренды, но и выявить точечные изменения, кризисные моменты или периоды роста внутри каждого финансового года, что значительно повышает глубину и надежность проводимого анализа.

Для решения поставленной задачи анализа рентабельности совокупных активов (ROA) необходимо провести комплексную процедуру статистического моделирования, которая состоит из двух ключевых этапов: отбора факторных признаков и построения уравнения множественной регрессии на основе исходных данных, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные для проведения анализа

Период	ROA, % (y)	$R_{КА}$, % (x_1)	$R_{ДА}$, % (x_2)	$Д_{КА}$ (x_3)
1	2	3	4	5
I квартал, 2022 г.	3,6957	7,5556	7,2340	0,4891
II квартал, 2022 г.	4,2105	8,8106	8,0645	0,4779
III квартал, 2022 г.	3,9175	8,2609	7,4510	0,4742
IV квартал, 2022 г.	3,4866	7,5002	6,5154	0,4649

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
I квартал, 2023 г.	2,6415	5,8824	4,7945	0,4491
II квартал, 2023 г.	1,7857	4,1841	3,1153	0,4268
III квартал, 2023 г.	1,3675	3,3333	2,3188	0,4103
IV квартал, 2023 г.	1,7599	4,5311	2,8776	0,3884
I квартал, 2024 г.	2,8346	7,3171	4,6272	0,3874
II квартал, 2024 г.	3,1104	8,0321	5,0761	0,3872
III квартал, 2024 г.	2,7469	7,1071	4,4775	0,3865
IV квартал, 2024 г.	2,4184	6,2686	3,9374	0,3858

Построение модели осуществляется следующим образом [2, с. 228].

Для построения уравнения множественной регрессии на основе отобранных факторных признаков используется встроенный инструмент «Регрессия» в пакете «Анализ данных» Microsoft Excel.

Данный инструмент применяет метод наименьших квадратов (МНК) для расчета параметров модели и предоставляет комплексный отчет, необходимый для ее статистической оценки. Результаты множественного регрессионного анализа, полученные с использованием рассматриваемого инструмента, приводятся на рисунке 1.

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	-0,328273801	0,177476567	-1,849674048	0,101527419	-0,737535498	0,080987897
Переменная X 1	0,207711345	0,013514223	15,36983244	3,18993E-07	0,17654749	0,238875199
Переменная X 2	0,285937836	0,018075361	15,81920513	2,54993E-07	0,24425598	0,327619692
Переменная X 3	0,829686551	0,423064095	1,961136765	0,085507648	-0,145901002	1,805274104

Рисунок 1 – Результаты множественного регрессионного анализа

Полученное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$y = -0,33 + 0,21x_1 + 0,29x_2 + 0,83x_3.$$

В данном случае коэффициент уравнения регрессии при x_3 незначим при 5 %-ном уровне значимости. После построения уравнения регрессии и оценки значимости всех коэффициентов регрессии из модели исключают тот фактор, коэффициент при котором незначим и имеет наименьший по абсолютной величине коэффициент, а именно x_3 .

В результате процедуры пошагового отбора факторов получается новое уравнение множественной регрессии:

$$y = 0,02 + 0,19x_1 + 0,32x_2.$$

На основе использования инструмента «Регрессия» получают данные регрессионной статистики (рисунок 2), дисперсионного анализа (рисунок 3) и результаты множественного регрессионного анализа (рисунок 4) для нового уравнения множественной регрессии.

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,999952624
R-квадрат	0,999905251
Нормированный R-квадрат	0,999884196
Стандартная ошибка	0,009698166
Наблюдения	12

Рисунок 2 – Результаты регрессионной статистики

Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	2	8,933181914	4,466590957	47489,43149	7,84485E-19
Остаток	9	0,00084649	9,40544E-05		
Итого	11	8,934028404			

Рисунок 3 – Данные дисперсионного анализа

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	0,019172425	0,012045583	1,5916561	0,145925748	-0,008076576	0,046421426
Переменная X 1	0,181914599	0,003556009	51,15695009	2,09233E-12	0,173870347	0,189958852
Переменная X 2	0,320940099	0,003279161	97,87262749	6,15533E-15	0,313522122	0,328358077

Рисунок 4 – Результаты множественного регрессионного анализа

Новое уравнение множественной регрессии означает, что при увеличении только рентабельности краткосрочных активов на 1 % рентабельность активов увеличится на 0,19 %. При увеличении только рентабельности долгосрочных активов на 1 % рентабельность активов увеличится в среднем на 0,32 %.

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,9999$ означает, что изменчивость рентабельности активов на 99,99 % объясняется изменчивостью включенных в модель переменных x_1, x_2 .

Путем проверки качества полученного уравнения регрессии с помощью F-теста выясняется, что $F_{тест} > F_{кр}$, а значит, коэффициент детерминации значим.

Совокупность полученных результатов – чрезвычайно высокий F-тест и коэффициент детерминации, близкий к 100 %, – является безусловно сильной, но требующей внимательной содержательной интерпретации характеристикой модели. На практике такие «идеальные» показатели могут указывать на несколько возможных ситуаций.

Во-первых, идеальное соответствие модели данным. Теоретически это может означать, что модель идеально точно описывает исследуемый процесс, и все ключевые драйверы рентабельности активов были корректно идентифицированы и включены в уравнение. Это наилучший сценарий.

Во-вторых, статистически значимая взаимосвязь может быть следствием нестационарности данных, когда переменные имеют синхронные временные тренды. В такой ситуации высокие значения R^2 и F-статистики отражают не реалю причинно-следственную зависимость, а параллельную динамику показателей во времени, создающую иллюзию наличия устойчивой связи между ними.

Поскольку на этапе отбора факторов в модель множественной регрессии проверялась значимость каждой из них, полученный результат показывает, что все переменные, включенные в новое уравнение множественной регрессии, значимы.

Построим доверительные интервалы для каждой переменной.

Для x_1 доверительный интервал, равный $0,17 < \beta < 0,19$, показывает, что с надежностью 0,95 при изменении рентабельности краткосрочных активов на 1 % рентабельность активов будет изменяться на величину, заключенную в интервале от 0,17 % до 0,19 %.

Для x_2 доверительный интервал, равный $0,31 < \beta < 0,33$, показывает, что с надежностью 0,95 при изменении рентабельности долгосрочных активов на 1 % рентабельность активов будет изменяться на величину, заключенную в интервале от 0,31 % до 0,33 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования убедительно демонстрируют, что применение эконометрического моделирования является эффективным и научно обоснованным инструментом для финансового анализа. Построенная модель не только подтверждает саму возможность, но и предоставляет конкретный количественный метод для выявления ключевых факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на уровень рентабельности активов ОАО «Ратон». Установление четкой взаимосвязи между управляемыми параметрами деятельности и результирующим финансовым показателем переводит управленческие решения из плоскости интуитивных предположений в

плоскость данных. Полученные выводы создают прочную аналитическую базу для разработки целенаправленных мер и стратегических инициатив, позволяя руководству предприятия не только оценить, но и конкретно спланировать перспективы повышения экономической эффективности и устойчивости организации в долгосрочной перспективе.

Литература

1 Бухгалтерская отчетность ОАО «Ратон» // ОАО «Ратон». – URL: <https://raton.by/docs> (дата обращения: 26.10.2025).

2 Орлова, И. В. Экономико-математические методы и компьютерное моделирование : учеб. пособие / И. В. Орлова, В. А. Половников. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2013. – 389 с.

УДК 004.9:659.1:658.5

А. С. Новак

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В МАРКЕТИНГЕ, БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИИ И СОЗДАНИИ КОНТЕНТА

В статье рассматриваются возможности применения нейросетей в современном маркетинге для создания бизнес-плана инвестиционного проекта и его продвижения; анализируются изменения маркетинговых подходов в бизнесе от традиционных методов к использованию интеллектуальных технологий; исследуются возможности нейросетей в анализе данных, персонализации контента и автоматизации маркетинговых задач.

Маркетинг всегда был направлен на то, чтобы понять потребности людей и эффективно донести до них ценность товара или услуги, однако подходы к этому значительно изменились с развитием технологий. Раньше маркетинг строился в основном на опыте специалистов, интуиции и ограниченном объеме данных. Информация о клиентах собиралась вручную или с помощью простых аналитических инструментов, анализ занимал много времени и часто давал неточные результаты. Аудитория делилась на крупные группы по возрасту, полу, доходу или месту проживания, поэтому реклама носила массовый характер и была слабо персонализированной. Контент – тексты, изображения и рекламные материалы – полностью создавался человеком, а тестирование эффективности кампаний требовало значительных финансовых и временных затрат. Изменить стратегию после запуска рекламы было сложно, так как обратная связь поступала с большим запозданием [1].

С появлением нейросетей маркетинг перешёл на качественно новый уровень. Современные алгоритмы способны обрабатывать огромные массивы данных в реальном времени, выявлять скрытые закономерности в поведении потребителей и прогнозировать их интересы и спрос. Благодаря этому сегментация аудитории стала более глубокой, а персонализация – практически индивидуальной: каждому пользователю показывается контент, максимально соответствующий его предпочтениям и прошлому опыту. Нейросети активно применяются для автоматизации создания маркетинговых материалов, позволяя генерировать тексты, изображения и рекламные объявления, а также быстро тестировать разные варианты и выбирать наиболее эффективные. Рекламные кампании сегодня оптимизируются автоматически: системы сами распределяют бюджет, выбирают каналы продвижения и корректируют стратегию в зависимости от реакции аудитории. Дополнительно нейросети улучшают взаимодействие с клиентами через чат-ботов и виртуальных ассистентов, которые работают круглосуточно и повышают уровень сервиса [2].

Рассмотрим возможности нейросетевых технологий при создании различных аспектов бизнес-плана инвестиционного проекта и его продвижении на примере бизнес-план проекта кафе-бистро “Мядовая Хата”.

Для создания слогана кафе-бистро “Мядовая Хата” можно воспользоваться возможностями нейросети Copilot [3] с помощью следующего промта: «Напиши 10 слоганов для кафе с названием “Мядовая хата”» и получить следующий результат (рисунок 1).

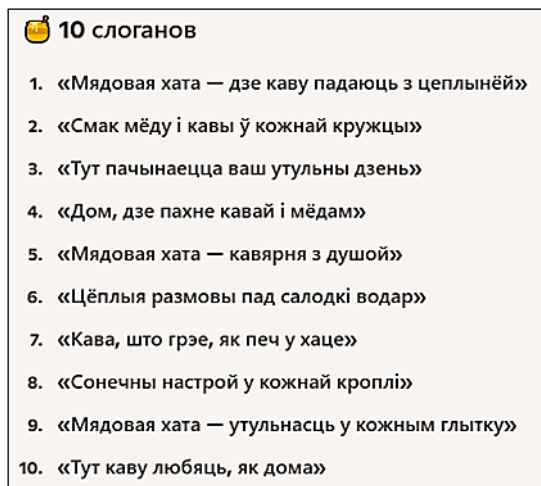

Рисунок 1 – Результат генерации слогана в Copilot

Из десяти предложенных вариантов был выбран слоган “Сонечны настрой у кожнай кроплі”. Таким образом, использование нейросети значительно упростило процесс написания слогана для проекта. Если раньше создание слогана требовало длительных мозговых штурмов, работы копирайтеров и множества правок, то теперь большая часть рутинной и аналитической работы выполняется автоматически. Кроме того, нейросеть упрощает процесс доработки: можно мгновенно изменить тон, длину или акценты слогана, адаптировать его под разные каналы коммуникации и проверить, насколько он соответствует концепции бренда.

Далее следовало создать логотип проекта кафе-бистро “Мядовая Хата”. Для этого использовались возможности нейросетевого инструмента Logomaster AI [4]. Примеры запроса и сам логотип представлены на рисунках 2, 3.

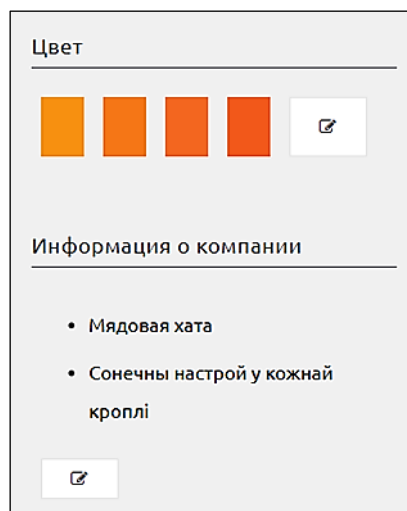

Рисунок 2 – Пример запроса о создании логотипа в Logomaster AI

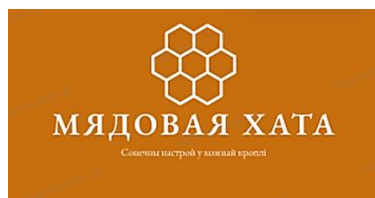

Рисунок 3 – Результат генерации логотипа в Logomaster AI

Так же при помощи нейросетей можно сгенерировать команду участников проекта и его руководителя. Пример промта и результат генерации изображения руководителя бизнес-проекта при помощи нейросети SeaArt AI [5] (рисунки 4, 5).

Изобрази мне мужчину 35-40 лет управляющий партнёр – опыт в HoReCa-менеджменте более 7 лет. Уверенный взгляд но мягкая улыбка   повторное использование подсказок

Рисунок 4 – Промт для SeaArt AI

Рисунок 5 – Результат генерации образа руководителя проекта в SeaArt AI

Нейросеть достаточно точно интерпретировала запрос и создала визуальный образ, который хорошо читается как «управляющий партнёр с опытом в HoReCa». SeaArt AI успешно справилась с задачей: образ выглядит профессионально, внушает доверие и соответствует роли управляющего партнёра с опытом. Изображение подходит для презентации проекта, сайта, pitch-документа или бренд-материалов.

В качестве инструмента для демонстрации проекта в интернете был подготовлен контент сайта кафе-бистро “Мядовая Хата” на платформе Tilda [6] с использованием следующего промта (рисунок 6).

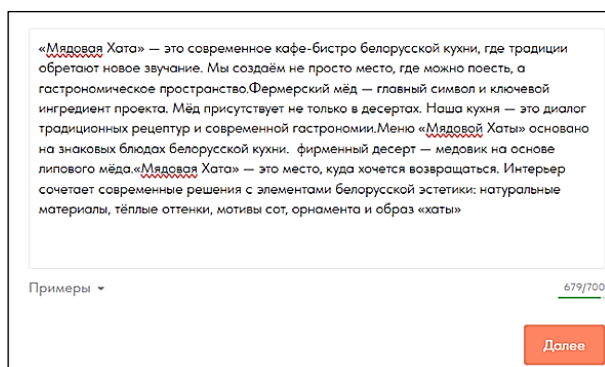

Рисунок 6 – Промпт для создания контента сайта бизнес-проекта

Далее приводится страница сайта, которая передаёт концепцию кафе-бистро “Мядовая Хата” (рисунок 7).

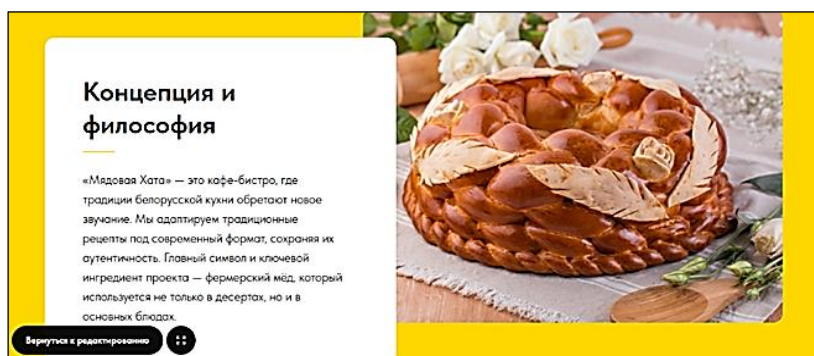

Рисунок 7 – Результат генерации контента сайта

Как показывает изображение, результат получился очень хороший. На фоне – жёлтый цвет напоминающий мёд, слева – текст рассказывающий, что из себя представляет “Мядовая хата”, и рядом картинка национального пирога.

Таким образом, нейросети позволяют автоматизировать творческие и аналитические задачи, которые ранее требовали значительных временных, финансовых и человеческих ресурсов. На примере проекта кафе-бистро “Мядовая Хата” видно, что нейросети эффективно применяются при создании слогана, разработке логотипа, генерации визуальных образов участников проекта и формировании концепции сайта. Использование таких инструментов, как Copilot, Logomaster AI, SeaArt AI и платформы Tilda, позволило быстро получить качественные маркетинговые материалы, соответствующие идее бренда и его целевой аудитории. В результате маркетинг становится более гибким, наглядным и доступным, а бизнес получает возможность быстрее адаптироваться к требованиям рынка и формировать целостный, узнаваемый образ проекта.

Литература

- 1 Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – СПб. : Питер, 2016. – 800 с.
- 2 Дейнекин, Т. В. Искусственный интеллект в маркетинге / Т. В. Дейнекин // Маркетинг в России и за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 15–22.
- 3 Copilot. – URL: <https://copilot.microsoft.com> (дата обращения: 07.03.2026).
- 4 Logomaster AI. – URL: <https://logomaster.ai/ru> (дата обращения: 10.03.2026).
- 5 SeaArt AI. – URL: <https://www.seaart.ai> (дата обращения: 18.03.2026).
- 6 Tilda. – URL: <https://tilda.by/ru> (дата обращения: 18.03.2026).

УДК 336.225+347.73:336.22

А. А. Новикова

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу современных тенденций в области налогового администрирования в Республике Беларусь, а также исследованию правовых аспектов, регулирующих эти процессы. Рассматриваются ключевые направления развития, такие как

углубление применения цифровых технологий, внедрение искусственного интеллекта для аналитической работы и оптимизации процессов, усиление механизмов прослеживаемости и противодействия теневой экономике.

Современное налоговое администрирование в Республике Беларусь находится на стадии глубокой цифровой трансформации, опирающейся на ряд новых ключевых концепций, ведущих к экономически обоснованной и социально приемлемой системе. Необходимость развития налогового администрирования продиктована объективными ограничениями классических моделей «принудительного взимания», которые в современных условиях становятся неэффективными, приводят к огромным затратам времени камеральных и выездных проверок (административные издержки), одинаково высокому давлению на добросовестных и недобросовестных плательщиков, низкой собираемости налогов при высоких бюджетах контрольной деятельности.

Основными современными концепциями развития налогового администрирования являются [1–5]:

- концепция сервисного государства, в основе которой лежит клиентоориентированный подход, акцент смещается с контрольных функций на обслуживание налогоплательщиков. Налоговые органы выступают как партнеры, предоставляя консультации, упрощая отчетность и повышая добровольность уплаты налогов;

- концепция управления налоговыми рисками, строящаяся на системе выявления, оценки и минимизации рисков неисполнения налоговых обязательств путем разделения налогоплательщиков по категориям риска и выборе форм контроля (от камеральных проверок до углубленного аудита);

- концепция «узких горлышек», фокусирующаяся на критических точках налоговых процессов (регистрация, декларирование, уплата, возмещение НДС и т. д.), где происходят основные задержки и нарушения. Оптимизация этих этапов повышает общую эффективность администрирования;

- концепция добровольного соблюдения налогового законодательства, основанная на психологических и экономических факторах, влияющих на готовность платить налоги, например, модели «санкции – риск – справедливость» и инструменты «мягкого» воздействия (напоминания, разъяснения, репутационные механизмы);

- концепция налогового мониторинга, предполагающая горизонтальный мониторинг, непрерывное онлайн-взаимодействие крупных налогоплательщиков и налоговых органов на основе доверия и взаимной открытости, замену выездных проверок удаленным доступом к учетным системам компании;

- концепция процессного подхода, рассматривающая налоговое администрирование как совокупность сквозных бизнес-процессов (регистрацию, прием отчетности, обработку платежей, контроль, взыскание), а также оптимизацию процессов через стандартизацию и автоматизацию, что повышает скорость и качество;

- концепция экономической эффективности, направленная на минимизацию административных издержек налогоплательщиков и бюджетных расходов налоговой службы. Любое контрольное мероприятие должно быть оправдано соотношением «затраты – дополнительный сбор»;

- институциональная концепция, учитывающая влияние формальных (законы, нормы) и неформальных (традиции, доверие, налоговая культура) институтов на поведение участников, упор на создание устойчивых правил игр и борьбу с коррупцией;

- концепция управления по результатам, предполагающая оценку деятельности налоговых органов не только по объему собранных средств, а по показателям качества (удовлетворенность налогоплательщиков, снижение задолженности, сокращение сроков возмещения НДС, прозрачность процессов).

К основным задачам современной системы налогового администрирования можно отнести [4–5]:

- повышение уровня собираемости налогов;
- создание справедливой и прозрачной системы, которая помимо прочего предусматривает также сокращение издержек налогоплательщика на выполнение требований налогового законодательства и создание для него максимально удобных условий для уплаты налогов;
- обеспечение справедливых и равных условий налогообложения для юридических лиц, работающих в одной сфере хозяйственной деятельности.

К основным функциям современного налогового администрирования относят [5]:

- функцию налогового планирования, основной целью которого является обеспечение обоснованных качественных и количественных параметров заданий по формированию доходной части бюджетов различного уровня. Основными формами являются стратегическое и текущее налоговое планирование;
- функцию налогового контроля, в процессе реализации которой обеспечивается такой уровень налогового производства, при котором исключаются или сводятся к минимуму нарушения законодательства о налогах и сборах, а также выявляются и предупреждаются эти нарушения;
- функцию налогового регулирования, направленную на достижение компромисса между фискальными интересами государства и экономическими интересами налогоплательщиков;
- функцию учета и отчетности, представляющую собой систему сбора, фиксации и обработки информации о налогоплательщиках, необходимой для правильного исчисления их налоговых обязательств, контроля своевременности поступления платежей, формирования системы учетно-аналитических показателей в виде отчетности, пригодной для принятия управленческих решений и оценки налогового потенциала страны;
- функцию принуждения, обеспечивающую обязательность исполнения всеми субъектами законодательства о налогах и сборах, в том числе принудительного исполнения налоговых обязательств налогоплательщиками. Основными формами принуждения являются формы ответственности за нарушение законодательства: налоговая, административная и уголовная. К основным методам можно отнести добровольное и принудительное исполнение выявленного нарушения законодательства.

Важной задачей является совершенствование законодательства Республики Беларусь, которое в свою очередь представляет собой систему принятых в соответствии с Конституцией Республики Беларусь нормативных правовых актов, регулирующих отношения между субъектами налоговой сферы. Совокупность актов налогового законодательства условно можно разделить на два уровня.

Первый уровень образуют законодательные акты высшей юридической силы: Налоговый кодекс Республики Беларусь и принятые в соответствии с ним Законы; Декреты, Указы и Распоряжения Президента Республики Беларусь; международные договоры Республики Беларусь.

Второй уровень актов налогового законодательства – это нормативные правовые документы, обеспечивающие практическое применение актов первого уровня и регулирующие отдельные вопросы налоговой сферы. К ним относятся Постановления Правительства Республики Беларусь, нормативные правовые акты республиканских органов государственного управления, органов местного управления и самоуправления.

В Республике Беларусь к государственным органам, осуществляющим налоговое администрирование, относятся налоговые, таможенные органы и органы Комитета государственного контроля.

Задачи, функции, права и обязанности вышеназванных органов закреплены такими законодательными актами, как:

- Положение о Министерстве по налогам и сборам Республики Беларусь (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1592);

– Закон Республики Беларусь от 10.01.2014 № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»;

– Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-З «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» и др.

Развитие налогового администрирования в Республике Беларусь сегодня сосредоточено на нескольких ключевых направлениях, направленных на дальнейшее повышение эффективности, снижение нагрузки на добросовестный бизнес и адаптацию к новым экономическим реалиям [5–8]:

- углубление цифровой трансформации и применение искусственного интеллекта;
- усиление прослеживаемости и борьба с теневой экономикой;
- развитие сервисов для налогоплательщиков и упрощение отчетности;
- международное сотрудничество и гармонизация;
- обеспечение кибербезопасности и защиты данных;
- адаптация к новым экономическим моделям.

Эти направления развития направлены на создание современной, гибкой, эффективной и прозрачной налоговой системы, способной отвечать вызовам времени и поддерживать устойчивое экономическое развитие страны.

Четкое разграничение полномочий, использование современных технологий, наличие механизмов обратной связи и ориентация на снижение издержек для бизнеса – все это свидетельствует о стремлении создать институты, отвечающие вызовам времени. В совокупности эти теоретические подходы определяют вектор развития налогового администрирования в Республике Беларусь, направленный на повышение прозрачности и справедливости налоговой системы.

Таким образом, налоговое администрирование в Республике Беларусь находится на этапе динамичного развития, где цифровые технологии и передовые теоретические подходы позволяют повышать эффективность и клиентоориентированность фискальной системы, что подтверждается статистическими данными и отражено в актуальных стратегических документах.

Литература

1 Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. : в 2 т. / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Мн. : Право и экономика, 2023. – Т. 1. – 672 с.

2 Государственная программа «Цифровая Беларусь на 2021–2025 годы»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февр. 2021 г. № 66. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066> (дата обращения: 22.04.2026).

3 Отчет о реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы / М-во связи и информатизации Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – 156 с.

4 О цифровом развитии: Указ Президента Респ. Беларусь от 7 апр. 2022 г. № 136 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru> (дата обращения: 22.04.2026).

5 Стратегия развития налоговых органов Республики Беларусь на 2024–2026 годы: утв. решением коллегии МНС Респ. Беларусь от 22 дек. 2023 г. – URL: <https://www.nalog.gov.by/analytics> (дата обращения: 22.04.2026).

6 Методические рекомендации по проведению камерального контроля с применением технологий искусственного интеллекта / М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – 93 с.

7 Налоговое администрирование в цифрах: стат. сб. / М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – 89 с.

8 Обзор электронных сервисов для налогоплательщиков / М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – 67 с.

А. В. Остапов

ПРОБЛЕМЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В работе раскрываются теоретические основы макроэкономической нестабильности, анализируются особенности её проявления в Беларуси с учётом актуальных данных за 2024–2026 годы, а также определяются ключевые направления государственной политики по обеспечению устойчивого развития. Цель работы – комплексный анализ проблем макроэкономической нестабильности и разработка рекомендаций по её минимизации в целях обеспечения устойчивого экономического роста.

Макроэкономическая нестабильность представляет собой состояние национальной экономики, при котором наблюдаются существенные и часто непредсказуемые отклонения основных агрегированных показателей от их долгосрочного тренда или потенциального уровня. Ключевыми индикаторами выступают динамика реального ВВП, темпы инфляции, уровень безработицы, дефицит государственного бюджета, состояние платёжного баланса и волатильность валютного курса.

В условиях макроэкономической стабильности экономика демонстрирует устойчивый рост производства, умеренную инфляцию (обычно в пределах 2–4 %), высокий уровень занятости, сбалансированность государственных финансов и внешнеэкономических операций [1]. Нестабильность нарушает общее экономическое равновесие, приводит к снижению реальных доходов населения, росту неопределённости для бизнеса, сокращению инвестиций и усилению социальных рисков. Хотя периодические колебания неизбежны в любой экономической системе, проблема возникает, когда они становятся чрезмерными, затяжными или приобретают системный характер, угрожая экономической безопасности государства. Особенно остро нестабильность проявляется в странах с переходной экономикой, к которым относится и Республика Беларусь.

Причины макроэкономической нестабильности носят как внутренний, так и внешний характер. К внутренним относятся структурные диспропорции в экономике, низкая эффективность использования ресурсов, слабость рыночных институтов и ошибки макроэкономической политики (например, избыточная денежная эмиссия или неоправданный рост государственных расходов). При этом важную роль играют институциональные факторы – качество государственного управления, уровень развития конкуренции и правовой защиты. Внешние причины включают мировые финансовые кризисы, резкие колебания цен на сырьевые ресурсы, изменения условий международной торговли, санкционные ограничения и экономические проблемы основных торговых партнёров. Для небольшой открытой экономики Беларуси внешние шоки имеют особенно высокую значимость, поскольку они быстро передаются на внутренний рынок [2].

Одной из наиболее заметных и социально значимых форм макроэкономической нестабильности в Республике Беларусь остаётся инфляция. Однако к положительным аспектам относится рекордно низкий уровень инфляции в Республике Беларусь за ряд лет. Так, в марте 2026 года годовой прирост потребительских цен замедлился до 5,4 %, что стало самым низким показателем с января 2025 года. Тем не менее сохраняются проинфляционные риски, связанные с ростом издержек производства, высокой импортозависимостью, зависимостью от обменного курса и инерцией инфляционных ожиданий населения и бизнеса [3].

Ещё одной важной проблемой является состояние рынка труда. Официальный уровень безработицы в Беларуси традиционно остаётся одним из самых низких в регионе.

По данным выборочного обследования Белорусского статистического комитета за 2025 год, уровень безработицы по методологии МОТ составил 2,5 % среди населения трудоспособного возраста (у мужчин – 2,9 %, у женщин – 2,2 %). Однако к потенциальным рискам относятся структурные диспропорции (несоответствие квалификации и навыков работников потребностям современной экономики), региональные различия (наиболее благоприятная ситуация в Минске и крупных городах) и демографические вызовы – старение населения, сокращение трудоспособного контингента и отток квалифицированных кадров за рубеж.

Проблема макроэкономической нестабильности тесно связана с динамикой экономического роста. В 2025 году рост ВВП составил 1,3 % (объём ВВП в текущих ценах – 286,7 млрд рублей). При этом прогноз на 2026 год предполагает умеренные темпы роста [4].

Одним из важнейших инструментов обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь выступает совершенствование денежно-кредитной политики. Национальный банк Республики Беларусь ориентируется на сдерживание инфляции (не более 7 % по итогам 2026 года), укрепление независимости регулятора, снижение уровня долларизации экономики и развитие рыночных механизмов регулирования. Планируется умеренный прирост широкой денежной массы, кредитование экономики в разумных пределах и поддержание процентных ставок на нейтральном уровне. Ключевыми задачами остаются укрепление банковской системы, снижение доли проблемных активов и повышение доверия населения и бизнеса к национальной валюте [5].

Наряду с монетарной политикой важную стабилизирующую роль играет бюджетно-налоговая политика, которая должна обеспечивать сбалансированность государственных финансов, рациональное использование бюджетных средств, оптимизацию налоговой системы и эффективное управление государственным долгом. Бюджетная политика призвана сдерживать неэффективные расходы и направлять средства на инвестиции в инфраструктуру, образование, здравоохранение и инновации, которые способствуют долгосрочному экономическому росту.

Обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь включает модернизацию государственного сектора экономики, повышение его эффективности за счёт внедрения современных методов управления, активную поддержку малого и среднего бизнеса, диверсификацию производства и экспорта, развитие высокотехнологичных отраслей и инвестиции в человеческий капитал. Не менее важно совершенствование институциональной среды: укрепление защиты прав собственности, развитие конкуренции и цифровизация государственного управления. Только сочетание взвешенной краткосрочной макроэкономической политики с модернизацией институциональной и цифровой инфраструктуры позволит обеспечить устойчивый экономический рост и повысить устойчивость белорусской экономики к внешним и внутренним шокам.

Литература

- 1 Агапова, Т. А. Макроэкономика / Т. А. Агапова, С. Ф. Серёгина. – М. : Дело и Сервис, 2020. – 416 с.
- 2 Макроэкономика : учебник / под ред. Л. С. Тарасевича. – М.: Юрайт, 2021. – 528 с.
- 3 Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 24.04.2026).
- 4 Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. – URL: <https://www.nbrb.by> (дата обращения: 24.04.2026).
- 5 Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: <https://www.nbrb.by> (дата обращения: 24.04.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИБЫЛИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНАЦИИ

Статья посвящена вопросам формирования, распределения и использования прибыли предприятий в условиях санации. Рассматриваются изменения функций прибыли в период финансового оздоровления, её роль как ключевого инструмента антикризисного управления, а также приоритетные направления её использования. Проанализированы особенности налогового регулирования в соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь и их влияние на устойчивость предприятия. Приведён практический пример санации ОАО «САЛЕО-Гомель», включающий оценку эффективности антикризисных мер, динамику финансовых показателей и результаты оптимизации затрат. Сформулированы выводы о значении рационального управления прибылью для восстановления платёжеспособности и обеспечения дальнейшего устойчивого развития организации.

Прибыль в рыночной экономике является ключевым показателем результативности предприятия и основным источником его развития. Она отражает эффективность использования ресурсов, уровень конкурентных преимуществ и способность организации адаптироваться к изменениям внешней среды.

В нормальных условиях прибыль выполняет оценочную, стимулирующую, инвестиционную, распределительную и резервную функции. Она позволяет оценивать результаты деятельности, мотивировать персонал, финансировать модернизацию, выполнять обязательства перед государством и акционерами, а также формировать резервы для покрытия возможных убытков. Таким образом, прибыль выступает не только итогом финансовых операций, но и важным инструментом управления [1, с. 46].

В условиях санации её значение существенно меняется. Санация направлена на восстановление платёжеспособности, снижение риска банкротства и стабилизацию деятельности предприятия. В этот период прибыль становится центральным элементом антикризисной стратегии: она перестаёт быть свободным ресурсом и направляется, прежде всего, на погашение задолженности, покрытие убытков, формирование резервов и обеспечение текущей устойчивости. Дивиденды и социальные расходы временно утрачивают приоритет [2, с. 98].

Для наглядного представления ключевых задач антикризисного управления выделяют основные направления использования прибыли в условиях санации (таблица 1).

Таблица 1 – Основные направления использования прибыли в условиях санации

Направления использования прибыли	Содержание и цель применения	Приоритет в условиях санации
1	2	3
1 Погашение задолженности	– выплаты кредиторам, снижение долговой нагрузки	Высокий
2 Покрытие убытков прошлых лет	– восстановление балансовой устойчивости, ликвидация накопленных потерь	Высокий
3 Формирование резервов	– создание страховых фондов для непредвиденных расходов и рисков	Средний
4 Инвестиции в модернизацию	– обновление оборудования, внедрение технологий, повышение конкурентоспособности	Средний

Окончание таблицы 1

1	2	3
5 Социальные расходы	– финансирование программ для персонала, поддержка корпоративной культуры	Низкий
6 Дивиденды акционерам	– распределение прибыли между собственниками	Низкий

Таким образом, данные таблицы 1 показывают, что в условиях санации приоритет смещается на направления, связанные с восстановлением финансовой устойчивости и снижением риска банкротства. Прибыль направляется, прежде всего, на укрепление платёжеспособности и обеспечение стабильности текущей деятельности, тогда как дивиденды и социальные программы временно теряют значимость.

Финансовое планирование в этот период требует не только пересмотра расходов и инвестиционной политики, но и глубокого понимания налоговых инструментов, влияющих на устойчивость предприятия. В антикризисном управлении налоговая нагрузка становится важным фактором, определяющим скорость восстановления.

Налоговая политика также претерпевает изменения. Налоговый кодекс Республики Беларусь предусматривает отсрочку и рассрочку уплаты налогов, освобождение от отдельных имущественных налогов и упрощение отчётности [3, 4]. Эти меры снижают фискальное давление и создают условия для восстановления платёжеспособности. Особое значение приобретает налог на прибыль, расчёт которого в период санации должен быть максимально точным. Ошибки могут привести к санкциям или утрате льгот. Кроме того, использование прибыли строго регламентируется: средства, направленные на погашение задолженности или формирование резервов, не могут быть перераспределены без согласования с антикризисным управляющим и налоговыми органами. Таким образом, система налогообложения в условиях санации превращается в инструмент стратегического управления. Она требует прозрачности, дисциплины и адаптации налоговых расчётов к текущему финансовому состоянию. Грамотное применение налоговых механизмов снижает нагрузку и ускоряет выход из кризиса, повышая устойчивость и инвестиционную привлекательность.

Законодательство предоставляет предприятиям ряд мер поддержки, однако для их эффективного применения важно учитывать не только формальные нормы, но и их практическое влияние на деятельность организации. Поэтому нормативный материал целесообразно дополнять аналитическим обзором, отражающим влияние налоговых инструментов на устойчивость предприятия (таблица 2).

Таблица 2 – Особенности налогообложения организаций в условиях санации

Направление налоговой политики	Содержание	Практическое значение для предприятия
1	2	3
I. Отсрочка и рассрочка налоговых обязательств (ст. 107 НК РБ)	– возможность переноса сроков уплаты налогов или их поэтапного погашения	– снижение нагрузки; – высвобождение средств для погашения долгов и зарплат
II. Освобождение от имущественных налогов (ст. 288, 239 и 244 НК РБ)	– в отдельных случаях предприятия освобождаются от налога на недвижимость и земельного налога	– снижение затрат на содержание активов; – поддержка производственной базы
III. Упрощение налоговой отчетности (ст. 22 НК РБ)	– санационные предприятия могут представлять сокращённые формы отчетности	– снижение административных издержек; – концентрация ресурсов на оздоровлении

Окончание таблицы 2

1	2	3
IV. Особенности налога на прибыль (ст. 172–173 НК РФ)	– прибыль направляется преимущественно на покрытие убытков и формирование резервов	– ограничение свободного распределения; – усиление роли прибыли как антикризисного инструмента
V. Контроль со стороны налоговых органов (ст. 88 НК РФ)	– использование прибыли строго регламентируется и согласуется с управляющим	– повышение прозрачности; – укрепление доверия кредиторов

Таблица 2 показывает практическое значение налоговой политики, демонстрируя преимущества, которые получают предприятия в период санации, и результат, который отражается на их финансовой стратегии. Совместный анализ таблиц позволяет увидеть связь между нормативными мерами и реальными результатами их применения.

Формирование прибыли в условиях санации требует особого подхода к управлению доходами и расходами. Основные усилия направляются на оптимизацию затрат, снижение себестоимости и повышение рентабельности. Контроль расходов и прозрачность финансовых потоков укрепляют доверие инвесторов и кредиторов [5].

Прибыль должна использоваться в увязке с модернизацией производственной базы: обновление оборудования и внедрение технологий повышают конкурентоспособность и снижают зависимость от внешнего финансирования. В этих условиях прибыль становится инструментом адаптации предприятия к кризису [2, с. 302]. Важной остаётся резервная функция прибыли: формирование страховых фондов позволяет покрывать непредвиденные расходы и снижать риски, обеспечивая устойчивость производства [1, с. 213]. Поддержание мотивации персонала также критично, поскольку человеческий капитал является ключевым фактором выхода из кризиса. Таким образом, управление прибылью в период санации представляет собой комплексную систему, требующую дисциплины и системного подхода. Прибыль выступает многофункциональным ресурсом, обеспечивающим восстановление платёжеспособности и устойчивое развитие.

Практика подтверждает эффективность такого подхода. Анализ ОАО «САЛЕО-Гомель» показал, что рациональное управление прибылью способствует снижению убытков и созданию предпосылок для роста. Оптимизация затрат, повышение эффективности использования ресурсов и укрепление финансовой дисциплины улучшили производственные показатели. Предприятие сохранило коллектив, модернизировало оборудование и повысило заработную плату.

В 2023 году предприятие получило прибыль 4 060 тыс. руб., а в 2024 году – убыток 3 944 тыс. руб. При этом себестоимость снизилась на 14 560 тыс. руб., численность работников выросла на 6,65 %, фонд оплаты труда – на 45,53 %. Несмотря на снижение рентабельности продаж, предприятие сохранило положительную маржу и производственный потенциал.

Производительность труда осталась стабильной. Финансовая дисциплина также сыграла значимую роль: при росте краткосрочных обязательств на 10 799 тыс. руб. активы увеличились на 9 496 тыс. руб., что позволило поддерживать ликвидность. Эти результаты подтверждают, что даже при временных убытках предприятие сформировало основу для дальнейшего развития. Основные результаты антикризисных мер представлены в таблице 3, которая показывает, что эффективное использование прибыли в период санации позволяет предприятию не только выйти из кризиса, но и сформировать основу для дальнейшего развития.

Таблица 3 – Основные результаты антикризисных мер в условиях санации

Направление	Показатели	Результат
Оптимизация затрат	Себестоимость ↓ на 14 560 тыс. руб.	Снижение расходов, повышение устойчивости
Сохранение коллектива	Численность ↑ на 6,6 % (752 → 802 чел.)	Удержание кадрового потенциала
Рост заработной платы	Фонд оплаты труда ↑ на 45,5 %; средняя зарплата ↑ на 482,67 руб.	Поддержка мотивации персонала
Модернизация производства	Производительность труда стабильна (1,250 → 1,247 тыс. руб.)	Сохранение производственного потенциала
Финансовая дисциплина	Краткосрочные активы ↑ на 9 496 тыс. руб.; обязательства ↑ на 10 799 тыс. руб.	Поддержание ликвидности и обслуживания долгов

Опыт белорусских предприятий подтверждает, что грамотное управление прибылью в сочетании с налоговыми льготами и строгой финансовой дисциплиной создаёт условия не только для преодоления кризиса, но и для формирования базы устойчивого развития.

Литература

- 1 Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г. В. Савицкая. – Мн. : Новое знание, 2023. – 688 с.
- 2 Санация предприятия в условиях кризиса / В. С. Кивачук, Т. В. Волчик, Н. В. Глушук, Т. М. Драган. – Брест : Брестский государственный технический университет, 2004. – 620 с.
- 3 Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) от 19.12.2002 № 166-3 (в ред. 2025 г.) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166> (дата обращения: 14.03.2026).
- 4 Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29.12.2009 № 71-3 (в ред. 2025 г.) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071> (дата обращения: 14.03.2026).
- 5 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 415-3 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11200415> (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 658.168.3

А. В. Прибыток

SPACE-АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ САНАЦИИ

В статье рассмотрено использование SPACE-анализа как основы разработки стратегии развития организации, находящейся в процедуре санации. Апробация методики произведена на материалах ОАО «САЛЕО-Гомель». По результатам анализа определены факторы, оказывающие влияние на стабильность рыночной позиции организации и перспективы ее стратегического развития.

В системе управления деятельностью любой организации в современных условиях наиболее сложным звеном является управление финансами. Управление финансами

в бизнесе означает планирование, использование и управление финансовыми ресурсами организации, которые она генерирует в результате своей деятельности, и капиталом, получаемым от инвесторов или кредиторов.

При управлении финансами организации, находящейся в состоянии кризиса, особое внимание уделяется разработке стратегии выхода из него, разрабатываемой на основе проведения стратегической диагностики. Для определения обоснованной стратегии выхода из кризиса проводится SPACE-анализ, который позволяет оценить совокупное влияние факторов внешней среды и внутреннего потенциала организации.

Аббревиатура SPACE (используются такие понятия, как SPACE-анализ, SPACE-пространство, SPACE-матрица) расшифровывается как Strategic Position and Action Evaluation (в дословном переводе – оценка стратегического положения и действия) [1]. SPACE-анализ является одним из инструментов диагностики положения организации на рынке и определения стратегических альтернатив её развития. В основе методики лежит анализ рыночной позиции организации и условий её функционирования в отрасли по четырем группам факторов:

- промышленному потенциалу (industry strength, IS) – определение привлекательности, перспективности отрасли, в которой функционирует организация;
- финансовому потенциалу (financial strength, FS) – оценка финансового положения организации;
- стабильности обстановки (environmental stability, ES) – характеристика степени стабильности внешней среды;
- факторам конкурентных преимуществ (competitive advantage, CA) – учёт конкурентных преимуществ организации.

Апробация методики производилась на материалах ОАО «САЛЕО-Гомель» – крупного производителя гидравлической продукции. В настоящее время ОАО «САЛЕО-Гомель» имеет статус несостоятельной организации, в отношении которой было открыто конкурсное производство и реализуется «План санации 2023–2028» [2].

На основе экспертных оценок, приведённых в таблицах 1–4, были рассчитаны средние значения по каждой группе.

Таблица 1 – Факторы стабильности обстановки (ES) для ОАО «САЛЕО-Гомель»

Фактор	Критерий	Оценка								Критерий
		0	1	2	3	4	5	6		
Технологические изменения	Мало	0	1	2	3	4	5	6	Много	
Изменчивость спроса	Малая	0	1	2	3	4	5	6	Большая	
Диапазон цен конкурирующих продуктов	Малый	0	1	2	3	4	5	6	Большой	
Препятствия для доступа на рынок	Мало	0	1	2	3	4	5	6	Много	
Давление конкурентов	Слабое	0	1	2	3	4	5	6	Сильное	
Итог	4,4									

Исходя из таблицы 1 видно, что внешняя среда функционирования ОАО «САЛЕО-Гомель» характеризуется высокой степенью нестабильности, о чём свидетельствует итоговая оценка 4,4. Существенное влияние оказывают технологические изменения, колебания спроса и усиленное конкурентное давление. Учитывая зависимость от внешних рынков и отраслевой конъюнктуры, данные факторы значительно усложняют деятельность, что требует высокой гибкости управления и способности быстро адаптироваться к изменениям внешней среды.

Таблица 2 – Факторы промышленного потенциала (IS) для ОАО «САЛЕО-Гомель»

Фактор	Критерий	Оценка								Критерий
Потенциал роста	Малый	0	1	2	3	4	5	6		Большой
Потенциал прибыли	Малый	0	1	2	3	4	5	6		Большой
Финансовая стабильность	Низкая	0	1	2	3	4	5	6		Высокая
Уровень технологии	Простая	0	1	2	3	4	5	6		Сложная
Степень использования ресурсов	Неэффективное	0	1	2	3	4	5	6		Эффективное
Легкость доступа на рынок	Легко	0	1	2	3	4	5	6		Сложно
Итог		3,8								

По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что оценка промышленного потенциала организации свидетельствует о среднем уровне его развития (3,8), что указывает на наличие как возможностей, так и ограничений. Несмотря на сохранение производственного потенциала, эффективность использования ресурсов остаётся недостаточной. Это подтверждается значительным износом оборудования и необходимостью его модернизации. Организация обладает базой для развития, однако нуждается в технологическом обновлении и повышении эффективности производства.

Таблица 3 – Факторы конкурентных преимуществ (СА) для ОАО «САЛЕО-Гомель»

Фактор	Критерий	Оценка								Критерий
Доля рынка	Большая	0	1	2	3	4	5	6		Небольшая
Качество продукции	Высокое	0	1	2	3	4	5	6		Низкое
Жизненный цикл продукта	Начальный	0	1	2	3	4	5	6		Конечный
Лояльность покупателей	Сильная	0	1	2	3	4	5	6		Слабая
Итог		4								

По данным таблицы 3 – матрице конкурентных преимуществ видно, что организация занимает средние позиции на рынке (4,0) и не обладает выраженным конкурентным превосходством. Качество продукции и накопленный производственный опыт не обеспечивают устойчивого лидерства. Дополнительно на позиции организации влияет зависимость от спроса на продукцию смежных отраслей. В связи с этим требуется усиление маркетинговой деятельности и обновление продуктового ассортимента.

Таблица 4 – Факторы финансового потенциала (FS) для ОАО «САЛЕО-Гомель»

Фактор	Критерий	Оценка								Критерий
Финансовая зависимость	Несбалансированная	0	1	2	3	4	5	6		Сбалансированная
Ликвидность	Несбалансированная	0	1	2	3	4	5	6		Сбалансированная
Необходимый / имеющийся капитал	Большой	0	1	2	3	4	5	6		Малый
Легкость ухода с рынка	Малая	0	1	2	3	4	5	6		Большая
Риск предприятия	Большой	0	1	2	3	4	5	6		Малый
Итог		2,8								

Исходя из таблицы 4 видно, что финансовый потенциал ОАО «САЛЕО-Гомель» оценивается как низкий (2,8), что свидетельствует о наличии серьёзных финансовых проблем. Организация характеризуется недостаточной ликвидностью и высокой зависимостью от заемных средств. Это соответствует его состоянию как организации, находящейся в процессе санации. В данных условиях приоритетными задачами являются восстановление платёжеспособности и укрепление финансовой устойчивости.

Исходя из данных по анализу, которые представлены в таблицах 1–4, можно составить SPACE-матрицу, которая представлена на рисунке 1.

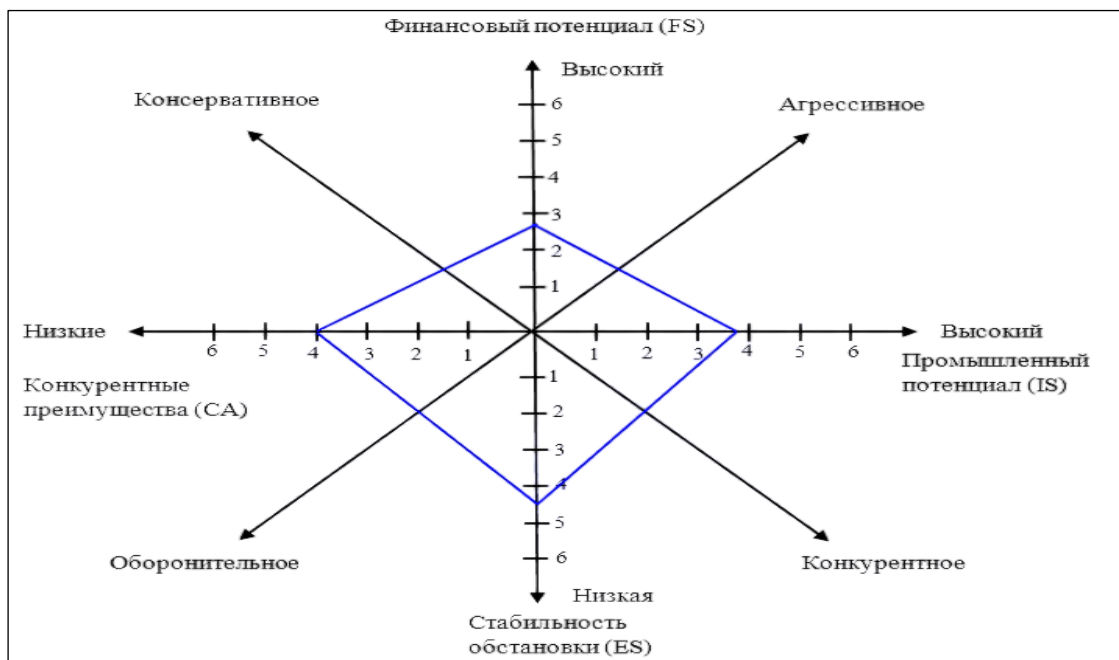

Рисунок 1 – Графическое изображение SPACE-матрицы ОАО «САЛЕО-Гомель»

ОАО «САЛЕО-Гомель» по результатам SPACE-анализа располагается на границе между оборонительной и конкурентной стратегией. Высокая нестабильность внешней среды ($ES = 4,4$) указывает на значительное давление со стороны конкурентов, технологические изменения и колебания спроса. При этом организация обладает умеренным промышленным потенциалом ($IS = 3,8$), средним уровнем конкурентных преимуществ ($CA = 4,0$) и относительно низкой финансовой устойчивостью ($FS = 2,8$).

Проведённое исследование подтверждает, что эффективное управление финансами организации возможно на основе использования инструментов стратегической диагностики. Стратегия для ОАО «САЛЕО-Гомель» должна быть направлена на восстановление платёжеспособности, повышение ликвидности, оптимизацию издержек и укрепление конкурентных позиций за счёт качества и реализации политики импортозамещения.

Литература

1 Михайлова, Э. А. Применение SPACE-анализа для разработки стратегии машиностроительных предприятий / Э. А. Михайлова, П. Е. Ефимова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-space-analiza-dlya-razrabotki-strategii-mashinostroitelnyh-predpriyatiy/viewer> (дата обращения: 17.04.2026).

2 Официальный сайт ОАО «САЛЕО» [сайт]. – URL: <http://www.gidroprivod.by> (дата обращения: 17.04.2026).

П. Д. Ромасенко

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ
И НЕФИНАНСОВЫХ ДЕТЕРМИНАНТ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ
К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ В СФЕРАХ ТРАДИЦИОННОГО БИЗНЕСА
И ИННОВАЦИОННОГО СТАРТАПА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Статья посвящена сравнительному анализу мотивационных факторов, влияющих на выбор студенческой молодежью между традиционным малым бизнесом и инновационным предпринимательством. Эмпирическая база исследования сформирована путем проведения опроса 60 студентов белорусских высших учебных заведений. Установлено, что распределение предпочтений между указанными типами предпринимательства является сбалансированным (50 % на 50 %), а основными барьерами выступают не психологические страхи, а нехватка капитала, знаний и времени. Обосновано, что мотивация студентов носит ситуативный характер и определяется доступностью ресурсов. Внешние барьеры (дефицит финансовых средств, знаний, времени) оказывают более выраженное влияние на выбор типа предпринимательской деятельности, нежели устойчивая внутренняя предрасположенность к тому или иному виду бизнеса.

В контексте стран с переходной экономикой вопрос стимулирования предпринимательской активности молодежи приобретает важное значение. Результаты многочисленных исследований указывает на наличие у студенческой молодежи значительного инновационного потенциала, однако его эффективная реализация ограничивается совокупностью институциональных и психологических барьеров [1, с. 45].

В Республике Беларусь среда малого и среднего предпринимательства включает в себя как традиционные формы бизнеса (сфера общественного питания, розничной торговли, услуг), так и инновационные предприятия (разработчики программного обеспечения, поставщики технологических решений). Также нужно отметить, что каждый из указанных сегментов характеризуется собственными регуляторными механизмами, что создает дополнительные препятствия и стимулы одновременно [2, с. 46].

В научном сообществе сформировалось несколько подходов для исследования мотивационных факторов предпринимательской деятельности. Теория самодетерминации предлагает различать внутренние побуждения, связанные с удовольствием от процесса и стремлением к самосовершенствованию, и внешние, продиктованные такими факторами, как заработок, статус или одобрение общества [3, с. 78]. Применительно к предпринимательству внутренняя мотивация зачастую ассоциируется с инновационными начинаниями, тогда как внешняя – с устоявшимися бизнес-моделями. Однако важно понимать, что эта грань не всегда является абсолютной.

Более продуктивным представляется подход, выделяющий мотиваторы (факторы притяжения) и барьеры (факторы, препятствующие деятельности). Исследование, проведенное международным консорциумом «Глобальный мониторинг предпринимательства», выявило, что в государствах с переходной экономикой преобладают препятствия, связанные с доступом к ресурсам, по сравнению с психологическими факторами, сдерживающими предпринимательскую активность [4, с. 12].

Институциональная среда Республики Беларусь создаёт парадоксальную ситуацию. Традиционный малый бизнес сталкивается с бюрократическими препятствиями, дороговизной кредитов (порядка 10 % годовых) и невыгодными условиями аренды [5].

Инновационные предприятия, напротив, пользуются поддержкой различных субъектов инфраструктуры: СЭЗ, технопарков, Парка высоких технологий и Индустриального парка «Великий камень», предоставляющих налоговые льготы и другие преференции.

Грантовые программы пока немногочисленны и труднодоступны для студентов, но получают все большее развитие. Как следствие, студент с технологической идеей имеет весьма ограниченные возможности для получения первых инвестиций, в то время как студент с идеей традиционного бизнеса сталкивается с серьезными бюрократическими и финансовыми преградами. И эта проблематика достойна отдельного исследования.

Проведенные нами исследования были направлены на выявление и сравнение мотивационных и ограничивающих факторов, определяющих склонность белорусских студентов к созданию традиционного бизнеса и инновационного предприятия. Исследование проводилось в апреле 2026 года методом онлайн-анкетирования с применением гугл-формы.

Выборка составила 60 человек – студентов очной формы обучения белорусских вузов. Структура выборки: 73,3 % – женского пола, 80 % – студенты 1–2 курсов, 68 % – не имеют опыта ведения бизнеса, но выражают желание попробовать себя в предпринимательстве.

Исследование опиралось на анкету, содержащую закрытые вопросы, касающиеся демографических данных респондентов, их предпринимательского опыта, выявленных барьеров, а также оценки ими возможных рисков. Дополнительно был задан прямой вопрос для определения предпочтительного типа бизнеса. Анализ собранных данных осуществлялся с применением методов описательной статистики. Следует отметить, что выявленные ограничения, в частности, недостаточная репрезентативность выборки по половому признаку и профессиональной принадлежности, обуславливают пилотный характер полученных результатов и необходимость их дальнейшей верификации на более обширной совокупности.

Распределение ответов на вопрос о предпочтении между традиционным бизнесом и инновационным предприятием оказалось равным: 50 % респондентов (6,7 % однозначно и 43,3 % скорее) выбрали традиционный бизнес, 50 % (5,0 % однозначно и 45,0 % скорее) – инновационный стартап.

Анализ барьеров (таблица 1) показывает, что ключевыми препятствиями являются нехватка стартового капитала (56,7 %), недостаток знаний и компетенций (56,7 %) и нехватка времени из-за учёбы (51,7 %). Страх неудачи занимает четвёртое место (31,7 %).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос относительно барьеров на пути создания бизнеса (N = 60)

Барьер	Количество человек	Доля респондентов, %
Нехватка стартового капитала	34	56,7
Недостаток знаний и компетенций	34	56,7
Нехватка времени из-за учёбы	31	51,7
Страх неудачи	19	31,7

На утверждение «Инновационный стартап слишком рискован для студента» 65 % респондентов ответили отрицательно (53,3 % – «скорее не согласен», 11,7 % – «полностью не согласен»). Таким образом, студенты не воспринимают инновационную деятельность как чрезмерно рискованную. Основная трудность заключается в дефиците практических инструментов, необходимых для инициирования первого шага в этом направлении.

На вопрос о мерах поддержки наиболее востребованными оказались гранты (58,3 %) и наставничество (53,3 %). Курсы и тренинги выбрали 36,7 %, университетские центры поддержки стартапов – 26,7 %. Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты в большей степени заинтересованы не в теоретических знаниях, а в получении практических ресурсов и экспертных консультаций.

Полученные результаты согласуются с выводами исследования предпринимательской активности студенческой молодёжи Беларуси, проведённого И. В. Пинчук и соавторами. Согласно этому исследованию, ключевыми барьерами для студентов выступают не психологические барьеры, а именно недостаток ресурсов [2, с. 52].

В настоящем исследовании страх неудачи занимает лишь четвёртое место, уступая нехватке капитала, знаний и времени. Это также подтверждается данными Глобального мониторинга предпринимательства, которые показывают, что в Беларуси страх неудачи не является определяющим барьером для развития предпринимательства [4, с. 18].

В ходе исследования также выявлен разрыв между декларируемой готовностью к предпринимательству (68 % респондентов хотят попробовать) и реальным опытом (действующий бизнес есть у 3,3 %, а опыт в прошлом – у 6,7 %). Данный феномен обозначается в литературе как «латентная предпринимательская активность» [1, с. 48]. Его преодоление требует институциональных решений.

На основе проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы:

1 Мотивация студентов к предпринимательской деятельности носит скорее ситуативный, нежели устойчивый характер. Установлено равное распределение предпочтений между традиционным бизнесом и инновационным предприятием (50 % на 50 %).

2 Ключевой проблемой является разрыв между желанием и действием: 68 % студентов хотят попробовать себя в предпринимательстве, однако практический опыт имеют 10 % (3,3 % – действующий бизнес, 6,7 % – опыт в прошлом).

3 Основными барьерами выступают не психологические страхи (страх неудачи – 31,7 %), а ресурсные ограничения: нехватка капитала (56,7 %), знаний (56,7 %) и времени (51,7 %). При этом 65 % респондентов не считают инновационную деятельность за пределами рискованной.

4 Наиболее востребованными мерами поддержки являются гранты (58,3 %) и наставничество (53,3 %), а не образовательные курсы (36,7 %) или университетские центры поддержки стартапов (26,7 %).

Исследование, направленное на выявление барьеров развития молодежного инновационного предпринимательства, позволило сформулировать ряд предложений по совершенствованию системы его поддержки. Одним из действенных механизмов стимулирования студенческих инициатив могут стать микрогранты. Однако выявленный запрос на наставничество и получение специальных компетенций дает основание полагать, что наиболее эффективным решением представляется внедрение университетских акселерационных программ, объединяющих образовательные блоки, менторское сопровождение и финансирование в форме грантовой поддержки или привлечения посевных инвестиций.

Литература

1 Рис, Э. Бизнес с нуля: Бережливый стартап / Э. Рис. – М. : Альпина Пабlishер, 2019. – 312 с.

2 Пинчук, И. В. Предпринимательская активность студенческой молодёжи Беларуси / И. В. Пинчук, А. А. Похомова, Л. В. Филинская // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2025. – № 2. – С. 45–58.

3 Гордеева, Т. О. Психология мотивации достижения / Т. О. Гордеева. – М. : Смысл, 2015. – 336 с.

4 Глобальный мониторинг предпринимательства. Отчёт по Беларуси 2024–2025. – URL: <https://www.gemconsortium.org/report/51837> (дата обращения: 20.04.2026).

5 Кредиты для малого бизнеса. – URL: <https://myfin.by/kredity/dlya-malogo-biznesa?page=2> (дата обращения: 20.04.2026).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА ОАО «САЛЕО-ГОМЕЛЬ» В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Статья посвящена вопросу структуры и эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель», а также определению приоритетных направлений повышения результативности его эксплуатации в условиях кризиса. На основе данных финансовой отчетности предприятия ОАО «САЛЕО-Гомель» рассматриваются динамика основного капитала, проблемы его использования и влияние амортизационной, инвестиционной и управленческой политики на показатели эффективности. Сформулированы выводы о значении рационального управления основным капиталом для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития предприятия.

В процессе своей деятельности многие предприятия сталкиваются со сложностями и могут оказаться в кризисной ситуации. Этому подвержены в том числе крупные компании с большим опытом и мощной производственной базой. ОАО «САЛЕО-Гомель» в настоящее время является одним из ведущих производителей гидравлики в Республике Беларусь, работающим по принципу полного цикла: начиная от проектирования продукции и ее производства, заканчивая сервисным обслуживанием. Вместе с тем предприятие оказалось в кризисной ситуации и с 2021 года находится в процедуре санации. Как правило, с подобной проблемой предприятия сталкиваются в результате воздействия нескольких факторов, как внутренних, связанных непосредственно с управленческими решениями внутри компании, состоянием ее технической базы и другими, так и внешними факторами. В рамках данного исследования проведен анализ и определены возможные направления повышения эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» в условиях кризиса.

Основной капитал является неотъемлемой частью имущества организации и представляет собой ту его часть, которая используется на протяжении длительного периода. Он определяет технический уровень производства, его мощность, ритмичность и качество выпускаемой продукции. Основной капитал формирует основу производственного потенциала организации и напрямую влияет на показатели эффективности ее деятельности. Структурно основной капитал включает основные средства, нематериальные активы, долгосрочные финансовые вложения и некоторые другие элементы. Их соотношение может отличаться в зависимости от типа предприятия и характера его деятельности. Представим результаты исследования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель».

В таблице 1 представим состав и динамику основного капитала предприятия за 2023–2024 годы.

Таблица 1 – Динамика основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» за 2023–2024 гг.

Показатели	В тысячах рублей			
	На 31.12.2023 года	На 31.12.2024 года	Отклонение, (+ / –)	Темп роста, %
Основные средства	79 785	73 991	–5 794	92,74
Нематериальные активы	135	119	–16	88,15
Вложения в долгосрочные активы	19 540	14 658	–4 882	75,02
ИТОГО	99 460	88 768	–10 692	89,25

Из данных таблицы 1 видно, что за анализируемый период общая стоимость основного капитала организации снизилась на 11,75 % (на 10 692 тыс. руб.), при этом снижение имело место по всем его элементам. Нематериальные активы сократились на 16 тыс. руб., или на 11,85 %, что может быть связано с амортизацией ранее приобретенных объектов интеллектуальной собственности и отсутствием новых поступлений в отчетном году. Подобная динамика характерна для предприятий промышленного профиля, где доля нематериальных активов традиционно невелика.

Более существенное снижение отмечается по вложениям в долгосрочные активы – на 4 882 тыс. руб., или почти на 25 %. Это указывает на уменьшение объемов капитальных инвестиций, направленных на модернизацию и развитие производственного потенциала. Сокращение инвестиционной активности может быть обусловлено завершением крупных проектов, оптимизацией инвестиционной программы или ограниченностью финансовых ресурсов предприятия в условиях снижения прибыли. На рисунке 1 представлена структура основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» в 2024 году.

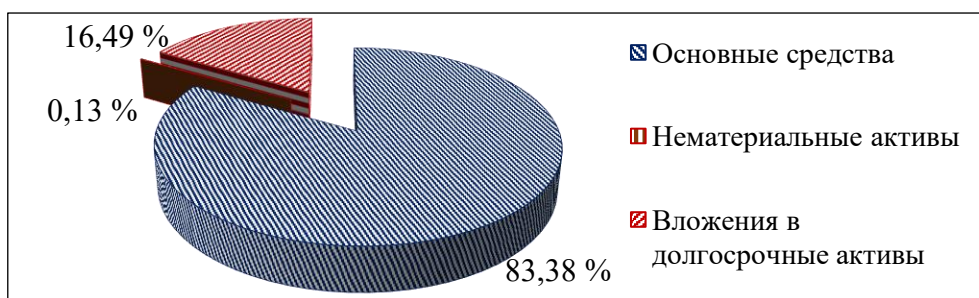

Рисунок 1 – Структура основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» в 2024 году, в процентах

Самую большую долю (83,38 %) в структуре основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» занимают основные средства, что ожидаемо и типично для такого рода предприятий. В связи с этим проведем более подробное исследование состава и эффективности использования этой части долгосрочных активов. На рисунке 2 представлена структура основных средств организации в 2024 году.

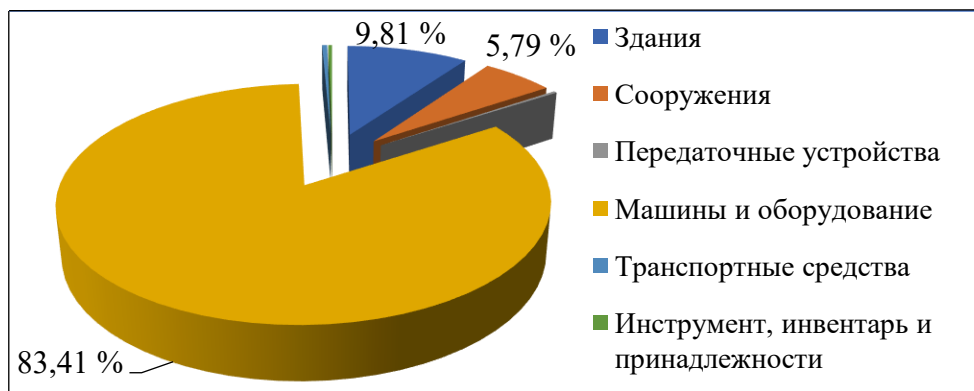

Рисунок 2 – Структура основных средств ОАО «САЛЕО-Гомель» в 2024 году, в процентах

На 99,01 % основные средства ОАО «САЛЕО-Гомель» представлены тремя ключевыми компонентами: машинами и оборудованием (83,41 %), зданиями (9,81 %) и сооружениями (5,79 %).

В таблице 2 приведем данные о показателях эффективности использования основных средств ОАО «САЛЕО-Гомель».

Таблица 2 – Показатели эффективности использования основных средств ОАО «САЛЕО-Гомель» в 2023–2024 годах

Показатели	В тысячах рублей			
	2023 год	2024 год	Отклонение, (+; –)	Темп роста, %
Выручка от реализации	85 247	66 869	–18 378	78,44
Среднегодовая стоимость основных средств	84 507	76 888	–7 619	90,98
Фондоотдача, руб.	1,01	0,87	–0,14	86,21
Фондоёмкость, руб.	0,99	1,15	+0,16	115,99
Прибыль, убыток (–) от реализации продукции	7 602	3 266	–4 336	42,96
Рентабельность основных средств, %	9,00	4,25	–4,75	x

По данным таблицы 2 видно, что в 2024 году предприятие столкнулось с ухудшением ключевых показателей. Снижение среднегодовой стоимости основных средств на 7 619 тыс. руб. отражает недостаточный уровень обновления активов, что ограничивает производственные возможности предприятия. Выручка снизилась на 18 378 тыс. руб., прибыль от реализации – на 4 336 тыс. руб., рентабельность основных средств уменьшилась более чем в два раза и составила только 4,25 %. Фондоотдача сократилась с 1,01 руб. до 0,87 руб., тогда как фондоёмкость выросла до 1,15 руб. Такая динамика свидетельствует о снижении эффективности использования основных средств и необходимости пересмотра подходов к управлению ими.

Для повышения эффективности использования основного капитала необходим комплекс мер, направленных на оптимизацию его структуры и совершенствование системы управления [1, с. 97]. Одним из приоритетных направлений является модернизация оборудования, внедрение современных технологий и автоматизация производственных процессов, что позволяет повысить производительность труда и снизить затраты. Что касается модернизации, стоит, однако, отметить, что несколько лет назад ОАО «САЛЕО-Гомель» осуществило закупку роботизированного комплекса для производства новой продукции, однако сопутствующие проблемы, рост долговых обязательств не позволил в полной мере получить эффект от проведенной модернизации. С учетом этого стоит сказать, что модернизация все еще актуальна для предприятия, однако в условиях кризиса первоочередными задачами должны стать несколько другие направления деятельности. В частности, это решение долговых проблем, снижение прочих расходов по текущей деятельности и в целом оптимизация расходов, работа с покупателями и расширение рынка сбыта.

В таблице 3 представим возможные организационные и управленческие резервы повышения эффективности использования оборудования ОАО «САЛЕО-Гомель».

Таблица 3 – Организационные и управленческие резервы повышения эффективности использования оборудования ОАО «САЛЕО-Гомель»

Источник потерь	Характеристика	Возможный эффект
Простои оборудования в связи с организационными ошибками	Ожидание комплектующих, материалов, инструментов, персонала	Сокращение до 10–15 % времени простоев оборудования
Несогласованность графиков поставки и производства	Временной разрыв между планами и фактической загрузкой	Рост значения коэффициента использования оборудования
Нехватка мониторинга должного уровня на постоянной основе	Несвоевременное выявление проблем, реактивное управление	Уменьшение количества остановок и внеплановых ремонтов

Существенное значение имеет повышение загрузки оборудования, сокращение простоев, улучшение организации труда и переход к прогнозной системе технического обслуживания. В таблице 4 представим главные предлагаемые направления повышения эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель».

Таблица 4 – Предлагаемые направления повышения эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель»

Направление	Конкретные меры	Ожидаемый эффект
Модернизация производства	– повышение энергоэффективности; – внедрение автоматизированных систем	Рост производительности, снижение себестоимости, повышение энергоэффективности
Оптимизация структуры основного капитала	– инвентаризация основных средств; – списание устаревших основных средств	Рост фондоотдачи, рациональное использование ресурсов
Повышение эффективности использования оборудования	– планово-предупредительные ремонты; – цифровой мониторинг состояния оборудования	Сокращение простоев оборудования, рост объемов производства
Инвестиционная политика предприятия	– участие в госпрограммах; – использование лизинга	Оптимизация источников финансирования, обновление активной части основных средств

Таким образом, анализ данных ОАО «САЛЕО Гомель» выявил ряд проблем: снижение фондоотдачи, недостаточный уровень обновления активов, простои. Эти факторы требуют комплексного подхода к управлению основным капиталом. Повышение эффективности использования основного капитала возможно при реализации системных мер, включающих модернизацию оборудования, оптимизацию структуры активов, совершенствование амортизационной и инвестиционной политики, внедрение цифровых технологий и усиление контроля за результативностью вложений.

Литература

1 Измайлов, М. К. Способы повышения эффективности использования основных средств / М. К. Измайлов // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. – Серия 1. Экономика и управление. – 2019. – № 3 (30). – С. 95–101.

УДК 330.567.2(476)

П. С. Санкова

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследованы динамика и структура потребительских расходов домашних хозяйств Республики Беларусь, являющихся одним из ключевых макроэкономических индикаторов и характеризующих уровень жизни и благосостояния граждан. Выявлены

факторы, оказывающие влияние на потребительское поведение: инфляция, реальных доходы населения, ключевые экономические шоки, макроэкономическая политика государства. Проведён сравнительный анализ структуры потребительских расходов населения Беларуси и ряда зарубежных государств.

Расходы домашних хозяйств на конечное являются основным компонентом использования ВВП в Республике Беларусь, что определяет их значимость как объекта исследования. Цель данной статьи – исследовать динамику и структуру потребительских расходов населения Беларуси, а также выявить факторы, влияющие на их изменение.

Потребительские расходы представляют собой совокупные денежные затраты домашних хозяйств на приобретение товаров и услуг, предназначенных для удовлетворения текущих потребностей. В экономической теории понятие потребительских расходов неразрывно связано с теорией поведения потребителя: согласно ординалистской концепции, потребитель распределяет бюджет так, чтобы максимизировать совокупную полезность при заданном бюджетном ограничении [1, с. 80].

Динамика потребительских расходов домашних хозяйств Беларуси на протяжении последнего десятилетия отличается неравномерностью, обусловленной чередованием периодов роста и кризисных явлений (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика потребительских расходов домашних хозяйств Республики Беларусь

Год	Расходы, руб./мес.	Темп прироста, %	Реальные располагаемые доходы (к 2015 году), %
2016	677,7	10,7	93,1
2017	756,2	11,6	95,7
2018	872,3	15,4	103,3
2019	966,5	10,8	109,6
2020	1028,0	6,4	114,8
2021	1129,2	9,8	112,0
2022	1249,1	10,6	108,3
2023	1429,6	14,5	112,8
2024	1632,0	14,2	115,0

Источник: [2; 3; 4]

В 2016 году под влиянием девальвации и внешних шоков реальные доходы населения сократились на 6,9 %, в 2017 году – на 4,3 %. В последующие годы доходы превышали уровень 2015 года, обеспечив максимальный прирост расходов в 2018 году (15,4 %). Пандемия 2020 года вызвала двоякий эффект: всплеск ажиотажного спроса на продовольствие в первом квартале сменился общим снижением прироста расходов до уровня 6,4 %. В 2022 году индекс потребительских цен достиг 15,2 %, что существенно осложнило планирование семейных бюджетов, обусловив увеличение потребительских расходов. Несмотря на указанные сложности, к 2024 году реальные доходы достигли максимума, что свидетельствует об адаптации экономики к складывающимся условиям. Рост расходов в 2023–2024 годах обусловлен повышением реальных доходов и умеренной инфляцией.

Структура потребительских расходов отражает приоритеты домашних хозяйств в распределении бюджета. В статистической практике Беларуси расходы классифицируются по КИПЦ/СОICOP на тринадцать групп – от продовольственных товаров до образования и прочих услуг. Основные группы потребительских расходов белорусских домашних хозяйств представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Структура потребительских расходов домашних хозяйств Республики Беларусь

В процентах						
Статья расходов	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Продукты питания	35,7	36,8	37,6	36,8	35,4	34,0
Алкогольные напитки, табачные изделия	2,8	2,7	2,5	2,5	2,6	2,5
Жилье, в т.ч.	9,8	10,4	10,2	10,0	9,6	9,4
жилищно-коммунальные услуги	7,3	7,6	6,4	6,5	6,2	6,0
Здравоохранение	4,5	5,7	6,2	6,3	6,1	6,3
Транспорт	10,4	10,3	10,2	10,1	10,9	12,1
Одежда и обувь	7,5	6,5	6,5	6,5	6,8	6,8
Информация и связь	6,3	6,6	7,4	7,6	7,3	7,1
Образование	1,7	1,6	1,5	1,5	1,6	1,4
Культура, отдых и спорт	5,9	4,8	3,6	3,6	4,1	4,2

Источник: [2]

Как видно из данных таблицы 2, более трети всех расходов традиционно приходится на продукты питания (34–37,6 %). Следующие по значимости статьи – транспорт (10,4–12,1 %) и жилье (9,4–10,2 %). Удельный вес расходов на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) снижается в анализируемом периоде до минимального в интервале 6,0–7,6 %. Более 6 % в расходах потребителей занимают статьи «одежда и обувь» и «информация и связь», характеризующиеся разнонаправленной динамикой. Наблюдается рост доли расходов на культуру, спорт и отдых до 4,2 %, сменивший тенденцию их падения до 2022 года с 5,9 % до 3,6 %. Достаточно стабильным является потребление алкогольной продукции и табачных изделий (2,5–2,8 %). Последовательно сокращается доля расходов на образование (с 1,7 % в 2019 году до 1,4 % в 2024 году).

Ключевыми факторами, определяющими объем и структуру потребительских расходов в анализируемом периоде, стали уровень располагаемых доходов; инфляция, воздействующая как на номинальный, так и на реальный объем расходов; доступность потребительского кредита; демографические характеристики домохозяйств; территориальный фактор (городское население тратит в среднем на 35–40 % больше, чем сельское).

Сравнительный анализ с зарубежными странами выявляет существенные структурные различия (таблица 3).

Таблица 3 – Структура потребительских расходов домашних хозяйств в 2022–2023 гг.

В процентах				
Страна	Питание	ЖКУ	Транспорт	Здравоохранение
Беларусь	36–37	6–7	11–12	6,1–6,3
Россия	30–31	10–11	14–16	4,0–4,1
Казахстан	51,1–51,3	8–10	10–12	2–4
Польша	22–25	18–20	12–14	5–6
Литва	20–23	16–18	14–16	6–8
Германия	12–15	24–26	13–15	10–12

Источник: [2; 5; 6; 7]

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, в странах Западной Европы доля продовольственных расходов значительно ниже, что обусловлено более высоким уровнем доходов и согласуется с законом Энгеля, в соответствии с которым при увеличении доходов доля расходов на питание снижается и большая часть остается на оплату услуг и

развитие. Страны СНГ характеризуются схожей с Республикой Беларусь структурой потребительских расходов населения. При этом в ЕС выше доля расходов жилищно-коммунальные услуги вследствие отсутствия государственного субсидирования тарифов.

Таким образом, потребительские расходы белорусских домашних хозяйств демонстрируют устойчивый номинальный рост при неравномерной реальной динамике. В структуре расходов преобладает продовольственная составляющая, доля которой постепенно снижается по мере роста доходов. В перспективе можно ожидать дальнейшего сближения структуры белорусских расходов с европейскими по мере роста благосостояния населения и либерализации тарифной политики.

Литература

1 Пиндайк, Р. С. Микроэкономика / Р. С. Пиндайк, Д. Л. Рубинфельд ; пер. с англ. – М. : Дело, 2002. – 608 с.

2 Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2025 / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 12.04.2026).

3 Статистика денежных доходов населения / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by> (дата обращения: 12.04.2026).

4 Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2025 / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 12.04.2026).

5 Eurostat. Household budget surveys. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (date of access: 12.04.2026).

6 Расходы и доходы населения Республики Казахстан / Бюро нац. статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Респ. Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 12.04.2026).

7 Доходы и расходы домашних хозяйств на потребление / Федеральная служба гос. статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 330.16

П. А. Сторчевая

ВИЗУАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ В УПРАВЛЕНИИ ПОВЕДЕНИЕМ ПОКУПАТЕЛЯ

Статья посвящена современным инструментам взаимодействия организации с потребителями, основанным на нейромаркетинге. Раскрываются основные особенности использования визуальных стимулов для управления поведением потребителя. Анализируются роль и преимущества визуальных стимулов в современной рыночной экономике, характеризующейся высоким уровнем конкуренции и цифровизацией. Особое внимание уделено организационным условиям использования визуальных стимулов для управления поведением потребителя.

Стремительный рост онлайн-продаж и активное развитие электронной коммерции существенно изменили принципы взаимодействия компаний с потребителями, сделав цифровые каналы одним из ключевых пространств формирования спроса и принятия покупательских решений. В связи с этим особую значимость приобретает выбор наиболее эффективных способов коммуникационного воздействия, способных выделить предложение среди множества альтернатив и привлечь внимание потенциального клиента.

При взаимодействии с цифровым контентом пользователь, как правило, не анализирует информацию последовательно и в полном объеме, а воспринимает её фрагментарно, концентрируясь прежде всего на наиболее заметных элементах интерфейса.

В процессе восприятия внимание избирательно фиксируется на отдельных визуальных сигналах – контрасте, размере, движении, лицах, структурных элементах – на основе которых формируется упрощённое представление о значимости информации. Это связано с особенностями работы зрительной системы, которая обрабатывает базовые признаки сцены и формирует так называемую «карту заметности», определяющую, какие элементы с наибольшей вероятностью привлекут внимание. В связи с этим решающую роль приобретает не только содержание, но и его визуальная организация. Управление вниманием потребителя осуществляется посредством различных визуальных стимулов, позволяющих структурировать восприятие, снижать когнитивную нагрузку, направлять и определять процесс выбора [1, с. 25]. Рассмотрим данные инструменты подробнее.

1 Цвет как визуальный стимул в продажах представляет собой инструмент быстрого управления вниманием и упрощения выбора за счёт выделения приоритетных элементов и кодирования информации. Его эффективность обусловлена тем, что цвет воспринимается до осознанного анализа содержания [2, с. 17], что позволяет направлять поведение пользователя ещё до включения рациональной оценки. Наиболее распространённые инструменты включают:

- выделение кнопок целевого действия (Call To Action, СТА) за счёт контрастного цвета по отношению к фону, что позволяет направить внимание пользователя к точке конверсии;
- акцентирование цены и скидки с помощью насыщенных или «сигнальных» оттенков, усиливающих восприятие выгоды;
- цветовую индикацию статусов товара (например, «в наличии», «осталось мало», «нет в наличии»), позволяющую быстро оценить доступность без чтения текста;
- использование цветовых акцентов на лендингах, где вся визуальная структура подчинена одному действию (регистрация, покупка, заявка);
- оформление рекламных баннеров и постов с применением контрастных цветовых рамок, выделяющих оффер в информационном потоке.

Ключевую роль играет не сам выбор конкретного цвета, а степень его контрастности и согласованности с остальной визуальной средой. В связи с этим в практике применяются следующие приёмы: создание контраста по яркости и насыщенности между фоном и целевым элементом (кнопка, цена, баннер); ограничение цветовой палитры до 1–2 акцентных цветов, что снижает визуальный шум и усиливает эффект выделения; цветовая кодировка тарифов или пакетов услуг.

2 Выделение «выгодного» варианта представляет собой целенаправленное визуальное и структурное оформление продуктовой линейки таким образом, чтобы один из вариантов воспринимался как наиболее рациональный и предпочтительный. В отличие от прямого убеждения, данный инструмент работает через изменение контекста выбора, в котором пользователь принимает решение, к принятию которого его косвенно направляют. Основные инструменты включают:

- визуальное выделение одного варианта (рамка, тень, цвет, увеличение размера карточки);
- размещение целевого тарифа в центральной позиции, соответствующей зоне наибольшего внимания;
- использование бейджей («рекомендуем», «популярно», «лучший выбор»), усиливающих социальное подтверждение;
- упрощённое сравнение через ограниченное количество критериев (3–5 ключевых различий), позволяющее быстро принять решение.

И основной пункт – включение дополнительного варианта, который делает целевой тариф визуально и функционально более привлекательным [3].

С точки зрения композиции важно не только наличие нескольких вариантов, но и их правильная структуризация. Избыточное количество опций увеличивает когнитивную

нагрузку и снижает вероятность выбора, поэтому в практике часто используется ограничение до трёх альтернатив. При этом целевой вариант должен быть не просто выделен, но и логически обоснован через набор характеристик и преимуществ.

3 Использование изображений, особенно с участием людей, выступает эффективным инструментом управления вниманием и формированием доверия за счёт активации социальных механизмов восприятия. Визуальные образы обрабатываются быстрее текста, а наличие лица усиливает вовлечённость, поскольку человек автоматически реагирует на взгляд, эмоции и признаки «человеческого присутствия». Это позволяет не только привлечь внимание, но и снизить неопределённость при принятии решения. В практическом применении данный инструмент реализуется через:

- демонстрацию продукта в контексте использования (в руках, на человеке, в реальной ситуации), что снижает барьер восприятия и облегчает представление результата;
- использование форматов «до / после», визуально подтверждающих эффективность продукта;
- внедрение пользовательского контента, включая реальные фото клиентов, усиливающие доверие и аутентичность;
- размещение изображений людей на лендингах рядом с формами или СТА, что усиливает вовлечённость и снижает психологическое сопротивление;
- использование эмоционально выраженных лиц в рекламных и социальных форматах, что повышает вероятность остановки внимания в потоке контента.

4 Ограниченность и срочность представляют собой визуальные стимулы, направленные на ускорение принятия решения за счёт создания ощущения дефицита времени, количества или доступности. Их воздействие основано на повышении воспринимаемой ценности предложения и активации механизмов избегания потерь, при которых откладывание решения начинает восприниматься как риск упущенной выгоды [4, с. 125]. В практическом применении данные стимулы реализуются через:

- отображение количественного остатка товара или доступных единиц, что снижает неопределённость и усиливает ощущение дефицита;
- использование таймеров обратного отсчёта, фиксирующих временные ограничения акции или предложения, указание на ограниченность доступа;
- демонстрацию текущего спроса («сейчас смотрят», «покупают прямо сейчас»), создающую эффект социального давления;
- форматы ограниченных запусков (дропы, временные предложения), усиливающие эксклюзивность;
- размещение индикаторов срочности и ограниченности рядом с ценой или СТА, что сокращает дистанцию между стимулом и действием;

5 Визуализация социального доказательства представляет собой использование количественных и качественных сигналов поведения других пользователей для снижения неопределённости и формирования доверия к продукту. В условиях отсутствия полной информации потребитель ориентируется на действия и оценки других как на эвристику, позволяющую быстро принять решение. В практической реализации данный инструмент включает:

- отображение рейтингов (звёзды) и количества отзывов, позволяющее быстро оценить качество продукта;
- указание числа пользователей или покупателей («купили N», «уже используют»), формирующее ощущение распространённости;
- использование бейджей («хит», «популярно», «выбор клиентов»), усиливающих восприятие предпочтительности;
- демонстрацию логотипов клиентов или партнёров, особенно в B2B-сегменте;
- отображение текущей активности («сейчас смотрят», «только что купили»), усиливающее эффект социального присутствия и интеграцию пользовательского контента (отзывы, фото), повышающего достоверность.

6 Визуальные якоря и направляющие элементы представляют собой средства, которые помогают пользователю быстрее ориентироваться в интерфейсе и понимать, куда

направить внимание и какое действие совершить. Их основная функция заключается в снижении неопределённости и упрощении навигации за счёт явного указания на значимые элементы. С точки зрения психологии восприятия данные элементы работают как ориентирующие сигналы, которые направляют взгляд пользователя и упрощают поиск нужной информации [5, с. 104]. Они активируют автоматические механизмы внимания, благодаря которым пользователь быстрее распознаёт интерактивные элементы и логическую структуру интерфейса. В практическом применении визуальные якоря реализуются через:

- выделение кликабельных элементов (кнопки, ссылки) с помощью формы, цвета и подчёркивания, что делает их очевидными для взаимодействия;
- использование стрелок и линий, направляющих внимание к ключевым зонам (СТА, форма, цена);
- оформление логических шагов (например, «шаг 1–2–3»), позволяющее пользователю понимать последовательность действий и добавление подсказок («листайте», «нажмите»), снижающих неопределённость при взаимодействии;
- размещение связанных элементов (например, цена, описание и кнопка «Купить») рядом друг с другом и в одном визуальном блоке, чтобы пользователь воспринимал их как одну зону, где принимается решение и сразу выполняется действие.

Таким образом, визуальные стимулы являются эффективным инструментом управления вниманием и поведением потребителей, однако их результативность зависит не от количества используемых акцентов, а от уместности и грамотности их применения. На практике важно учитывать соответствие визуальных элементов контексту, особенностям продукта и ожиданиям целевой аудитории, а также сохранять баланс между заметностью и удобством восприятия. Избыточное использование акцентов, анимации или искусственной срочности может снижать доверие и ухудшать пользовательский опыт. Следовательно, эффективное применение визуальных стимулов должно основываться на прозрачности, логике пользовательского поведения и системном тестировании, что позволяет не только стимулировать целевое действие, но и формировать долгосрочную лояльность потребителей.

Литература

- 1 Линдстром, М. Buyology: увлекательное путешествие в мозг современного потребителя / М. Линдстром. – М. : Альпина Паблишер, 2022. – 240 с.
- 2 Иттен, И. Искусство цвета / И. Иттен. – М. : Издательство Д. Аронов, 2022. – 96 с.
- 3 Ариели, Д. Предсказуемая иррациональность в маркетинге / Д. Ариели // Marketing-course.ru. – URL: <https://marketing-course.ru/arieli-predskazuemaya-irrationalnost> (дата обращения: 10.04.2026).
- 4 Чалдини, Р. Б. Психология влияния / Р. Б. Чалдини ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2014. – 336 с.
- 5 Норман, Д. Дизайн привычных вещей / Д. Норман. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 384 с.

УДК 004.9:001.8

Е. А. Стригалёва

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В статье анализируются возможности и ограничения нейросетей систем (ChatGPT, Julius AI, DeepSeek, Gemini, Perplexity AI) для выполнения исследовательских задач.

На примере написания краткого аналитического обзора по теме «Нейросети в экономике» оцениваются точность фактов, работа с источниками, доступность и удобство использования. Результаты показывают, что каждая модель обладает уникальными сильными сторонами, что позволяет рекомендовать их для разных этапов исследовательской работы.

Современные технологии искусственного интеллекта активно преобразуют способы, которыми исследователи работают с информацией и научными данными. Нейросети становятся инструментами, способными обрабатывать сложные массивы сведений, выявлять закономерности и формировать содержательные материалы на основе заданных запросов. Их использование позволяет ускорять аналитическую работу, облегчать подготовку научных материалов и делать исследовательские процессы более эффективными и гибкими [1].

Актуальность исследования возможностей нейросетей для поддержки научных исследований обусловлена тем, что они стремительно входят в повседневную научную практику. Такие системы помогают оптимизировать рабочие процессы, повышать точность анализа и расширять возможности научной коммуникации. Целью данной работы является сравнительный анализ пяти нейросетевых сервисов (ChatGPT, Julius AI, DeepSeek, Gemini, Perplexity AI) на примере выполнения конкретной исследовательской задачи – написания краткого научного обзора по теме «Нейросети в экономике».

Для сравнения нейросетей использовался единый запрос: «Сформулируй краткий научный обзор по теме “Нейросети в экономике” (150 слов, академический стиль, с источниками)». Ответы каждой нейросети оценивались по нескольким критериям: точность, соответствие теме, наличие и оформление источников, соответствие академическому стилю, удобство использования и дополнительные возможности, такие как работа с файлами.

ChatGPT продемонстрировал высокое соответствие академическому стилю, четкую логическую структуру и использование научной лексики [2]. В обзоре были охвачены ключевые области применения нейросетей в экономике, а также указаны проблемы интерпретируемости и переобучения. Однако слабой стороной стало оформление источников: они были приведены в конце текста, но не встроены в сам обзор, что снизило академическую связность. Также отмечен общий риск генерации неточных или вымышленных фактов, требующий обязательной перепроверки. Результат, полученный по запросу от ChatGPT, приводится на рисунке 1.

Нейросетевые методы занимают ключевое место в современной экономической аналитике, обеспечивая обработку высокоразмерных данных и выявление скрытых закономерностей. Их применение усиливает точность прогнозирования макроэкономических индикаторов, оптимизацию цепочек поставок, ценовую дискриминацию и управление рисками. Глубокие нейронные сети демонстрируют высокую эффективность в задачах прогнозирования временных рядов, включая динамику финансовых рынков, инфляцию и спрос. Рекуррентные и трансформерные архитектуры позволяют учитывать нелинейность и долгосрочные зависимости, что повышает устойчивость моделей к шуму и структурным сдвигам. Кроме того, нейросети используются в оценке кредитоспособности и обнаружении аномалий, дополняя традиционные статистические методы. Однако сохраняются вызовы, связанные с объяснимостью моделей и рисками переобучения, что требует развития гибридных подходов и интерпретируемого машинного обучения. В совокупности нейросети становятся фундаментальным инструментом повышения эффективности экономического анализа и управления.

Источники:

1. Goodfellow, I., Bengio, Y., Courville, A. *Deep Learning*. MIT Press, 2016.
2. Mullainathan, S., Spiess, J. "Machine Learning: An Applied Econometric Approach." *Journal of Economic Perspectives*, 2017.
3. Makridakis, S. et al. "Statistical and Machine Learning Forecasting Methods." *International Journal of Forecasting*, 2018.

📄 📌 🔍 ↻ ⌂ ...

Рисунок 1 – Результат, полученный от ChatGPT

Julius AI показал уверенное владение аналитической терминологией и акцент на прикладные аспекты [3]. В тексте были чётко выделены области применения нейросетей в экономике, проведено сравнение с классическими подходами, а источники были органично встроены в текст. Это делает результат Julius AI информативным и академически корректным. Результат, полученный по запросу от Julius AI, приводится на рисунке 2.

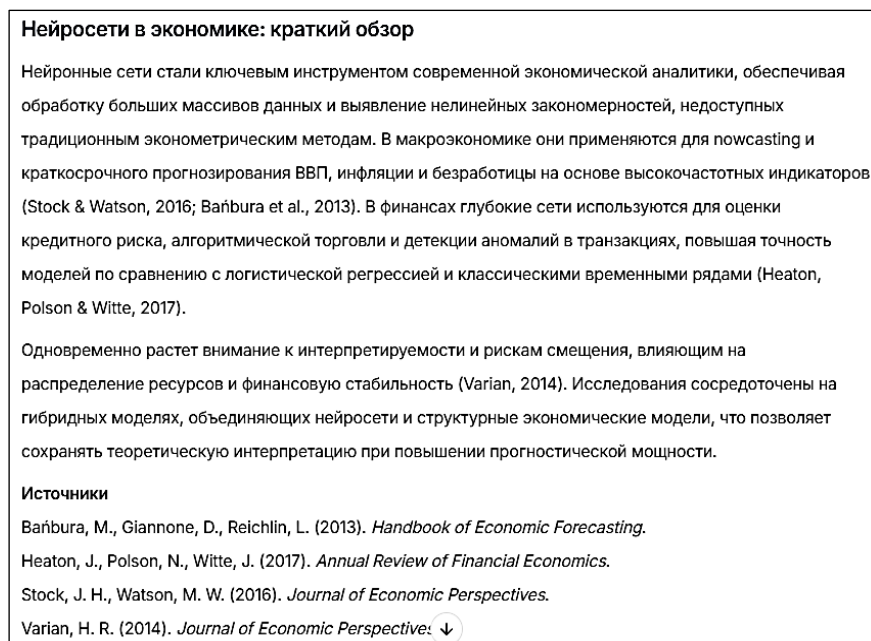

Рисунок 2 – Результат, полученный от Julius AI

DeerSeek продемонстрировал высокий уровень аналитической проработки и тематической широты [4]. В тексте были затронуты как прикладные аспекты (прогнозирование котировок, оценка рисков), так и макроэкономические последствия внедрения ИИ. Сильной стороной стало включение геоэкономического контекста. Однако качество источников оказалось ограниченным, а стиль – менее строгим в академическом плане. Результат, полученный по запросу от DeerSeek, приводится на рисунке 3.

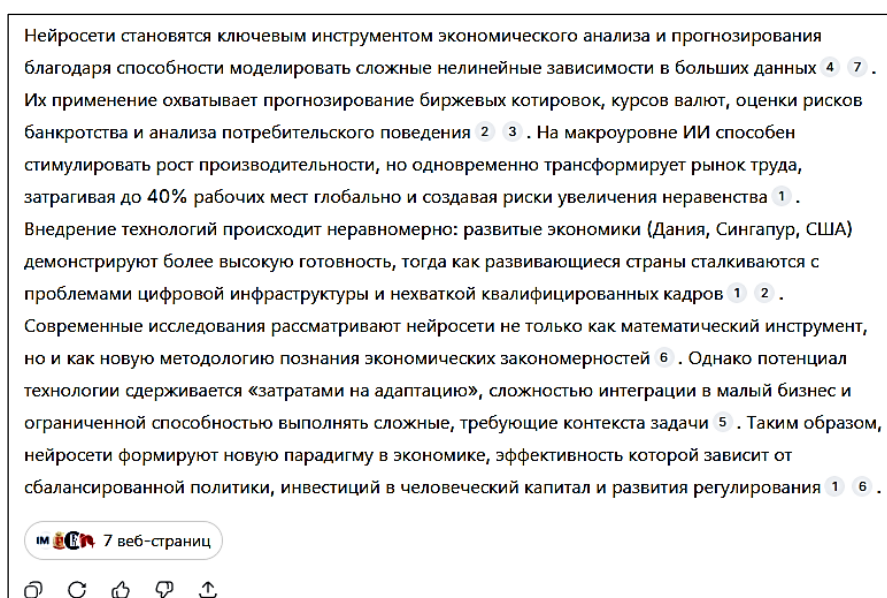

Рисунок 3 – Результат, полученный от DeerSeek

Gemini показал академическую строгость и техническую глубину, особенно в области финансовых временных рядов [5]. Текст был хорошо структурирован, а источники корректно встроены. Однако обзор оказался сфокусированным в основном на финансовых рынках, без учёта широкого социально-экономического контекста. Результат, полученный по запросу от Gemini, приводится на рисунке 4.

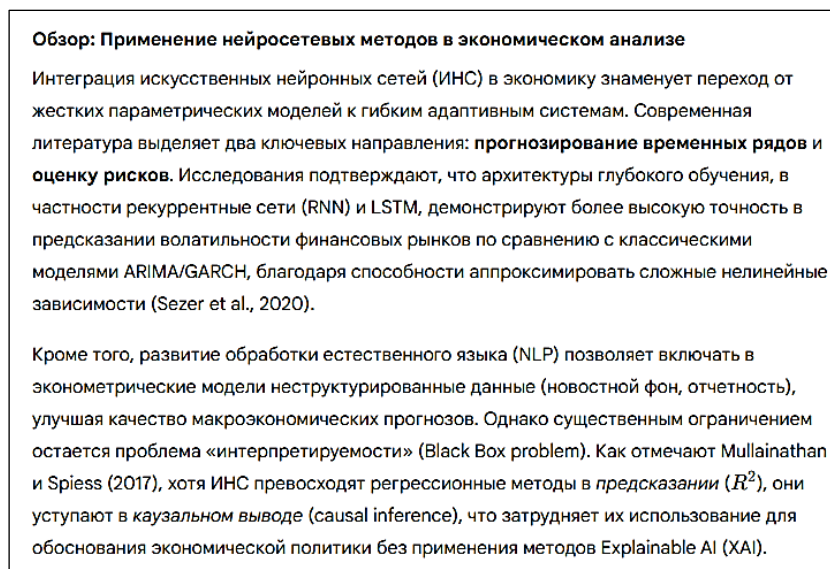

Рисунок 4 – Результат, полученный от Gemini

Perplexity AI выделился высокой точностью и актуальностью данных благодаря поиску информации в реальном времени [6]. Каждый ответ сопровождался ссылками на первоисточники, что повысило доверие к результатам. Однако стиль изложения оказался менее формальным, а структура текста – несколько фрагментированной. Результат, полученный по запросу от Perplexity AI, приводится на рисунке 5.

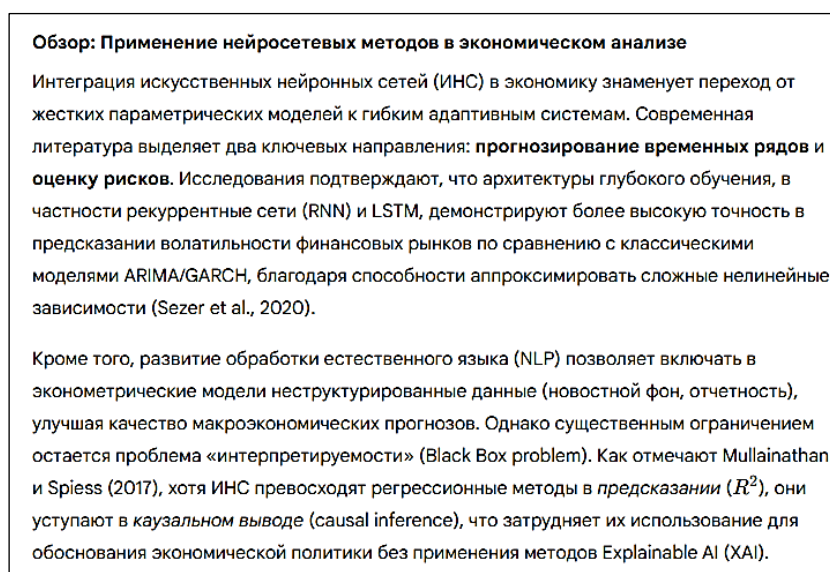

Рисунок 5 – Результат, полученный от Perplexity AI

Результаты сравнительного анализа возможностей и ограничений применения нейросетей в научных исследованиях приводятся в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ нейросетевых моделей

Параметры	Нейросети				
	ChatGPT	Julius AI	DeepSeek	Gemini	Perplexity
Точность	Средняя	Высокая	Высокая	Хорошая	Очень высокая
Соответствие теме	Высокое	Высокое	Высокое	Высокое	Высокое
Качество источников	Среднее	Высокое	Источники ограничены	Хорошее	Высокое
Плюсы	Академический стиль	Аналитическая глубина	Глубокая аналитика	Техническая глубина	Точные ссылки
Минусы	Неточные ссылки	Требуется проверка	Стиль менее формальный	Упрощение тем	Стиль менее формальный

Проведённый анализ показывает, что каждая из рассмотренных нейросетевых моделей обладает уникальными преимуществами и ограничениями. ChatGPT универсален и стабилен, но требует проверки фактов. Julius AI демонстрирует высокую точность и академическую структуру. DeepSeek силён в техническом анализе, но менее академичен. Gemini хорошо справляется с экономическими кейсами, но иногда упрощает сложные темы. Perplexity AI обеспечивает точные ссылки и высокую достоверность, хотя стиль может быть менее формальным.

Литература

- 1 Пугачева, О. В. Использование информационных технологий в образовательной сфере и цифровая безопасность / О. В. Пугачева // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2025. – № 5 (152). – С. 155–161.
- 2 ChatGPT. – URL: <https://chatgpt.com> (дата обращения: 01.03.2026).
- 3 Julius AI. – URL: <https://julius.ai> (дата обращения: 03.03.2026).
- 4 DeepSeek. – URL: <https://chat.deepseek.com> (дата обращения: 06.03.2026).
- 5 Gemini. – URL: <https://gemini.google.com> (дата обращения: 13.03.2026)
- 6 Perplexity AI. – URL: <https://www.perplexity.ai> (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 338.242

В. Д. Титкова

«ЗЕЛЁНЫЕ» ИНВЕСТИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается комплексная природа «зелёного» инвестирования как фундаментального элемента перехода к устойчивому развитию. Проведен глубокий ретроспективный анализ динамики, структуры и источников природоохранного финансирования в Республике Беларусь за период 2020–2024 гг. Особое внимание уделено сравнительному анализу мировых моделей стимулирования эко-инвестиций и возможности их адаптации к национальным условиям. Выявлены системные барьеры, препятствующие росту «зелёного» капитала, и обоснована роль цифровых финансовых активов (токенов) в привлечении внебюджетных ресурсов. Предложены стратегические направления совершенствования национального законодательства в рамках реализации НСУР-2040.

В условиях глобальной климатической нестабильности и ужесточения международных экологических стандартов концепция «зелёного» роста становится безальтернативным

вектором развития национальных экономик. Для Республики Беларусь, обладающей значительным природным потенциалом и развитым промышленным сектором, формирование эффективных механизмов «зелёного» инвестирования является критически важным. Это обусловлено не только необходимостью выполнения международных обязательств по Парижскому соглашению, но и потребностью в глубокой технологической модернизации производства, снижении энергоемкости ВВП и обеспечении доступа к новым рынкам капитала.

В современной экономической науке «зелёные» инвестиции определяются как вложения капитала в активы и проекты, обеспечивающие минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и способствующие рациональному природопользованию. В отличие от традиционной финансовой модели, ориентированной исключительно на максимизацию прибыли в плоскости «риск-доходность», «зелёная» модель вводит фундаментальный критерий экологического импакта (воздействия).

Ключевым понятием в этой сфере является «зелёная премия» (greenium) – феномен, при котором инвесторы сознательно выбирают финансовые инструменты с более низкой доходностью при условии их высокой экологической значимости. Однако развитие этого рынка невозможно без научно обоснованной системы классификации – таксономии. Она позволяет четко разграничить истинно экологические проекты от практики «зелёного камуфляжа» (greenwashing), когда компании используют экологическую риторику для маскировки неустойчивой деятельности [1].

Анализ международной практики позволяет выделить три основные модели стимулирования экологических преобразований.

Налогово-субсидиарная модель (США). Центральным элементом является Закон о снижении инфляции (IRA), который предусматривает масштабные налоговые льготы (до 30 % от объема инвестиций) для проектов в сфере чистой энергетики и производства электромобилей.

Рыночно-регуляторная модель (Европейский союз). Основана на Системе торговли квотами на выбросы (EU ETS) и внедрении механизма пограничной углеродной корректировки (СВАМ). Здесь загрязнение становится финансовым бременем, что вынуждает бизнес инвестировать в эко-инновации.

Кредитно-монетарная модель (Китай). Народный банк Китая интегрирует экологические показатели в систему банковского надзора, предоставляя дешевую ликвидность тем банкам, в чьих портфелях преобладают «зелёные» кредиты.

Для Республики Беларусь, учитывая структуру ее финансовой системы, наиболее перспективным представляется гибридный подход, сочетающий прямое бюджетное участие в крупных инфраструктурных проектах с созданием рыночных стимулов для частного капитала.

В период 2020–2024 гг. инвестиционная политика страны претерпела качественную трансформацию. Несмотря на волатильность внешних рынков, объем средств, направляемых на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, продемонстрировал устойчивый рост (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика природоохранных инвестиций в Республике Беларусь за 2020–2024 гг. [2, с. 34]

Год	Инвестиции в фактически действовавших ценах, млн руб.	Индексы в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году
2020	204,5	128,5
2021	218,5	100,2
2022	230	92,5
2023	259,2	107,4
2024	472,3	114,9

Анализ данных показывает, что за пять лет номинальный объем инвестиций вырос более чем в два раза. Характерно, что после некоторого замедления в 2021–2022 гг., вызванного перестройкой логистики и поиском новых поставщиков высокотехнологичного очистного оборудования, в 2024 году произошел значительный рывок.

Особый интерес представляет структура источников финансирования. В 2024 году впервые отчетливо проявился тренд на преобладание собственных средств организаций (44,1 % от общего объема). Это свидетельствует о том, что белорусские предприятия начинают рассматривать «зелёные» технологии не как вынужденные расходы, а как стратегические инвестиции в эффективность. Доля средств местных бюджетов составила 25,3 %, кредитов банков – 24,4 %, в то время как средства республиканского бюджета составили лишь 5,4 %. Иностранные инвестиции пока занимают незначительную долю (0,7 %), что указывает на потенциал для роста в случае улучшения инвестиционного климата [2, с. 34].

В разрезе направлений использования средств лидируют:

- охрана и рациональное использование водных ресурсов (сбор и очистка сточных вод) – 41,1 %;
- обращение с отходами и развитие циркулярных технологий – 36,0 %;
- охрана атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата – около 16,0 %.

Результатом данных вложений стало планомерное снижение энергоемкости ВВП (на 2,6 % за 2021–2024 гг.) и рост мощностей возобновляемой энергетики, которая к 2025 году должна достичь 656 МВт [2, с. 13; 3].

Несмотря на количественный рост, качественное развитие сегмента сдерживается рядом системных проблем.

Во-первых, в Беларуси отсутствует завершенная национальная «зелёная» таксономия. Без четких, юридически закреплённых критериев того, какой проект считать «зелёным», коммерческие банки сталкиваются с трудностями при формировании специализированных кредитных продуктов, а инвесторы опасаются рисков некорректной оценки активов.

Во-вторых, наблюдается дефицит специализированных финансовых институтов («зелёных» банков, венчурных фондов чистых технологий).

В-третьих, санкционное давление ограничило доступ к международным верификаторам и рынкам ESG-облигаций, что вынуждает страну искать внутренние инновационные источники финансирования.

Одним из наиболее перспективных направлений является использование цифровых финансовых активов. Благодаря Декрету № 8 «О развитии цифровой экономики», Беларусь создала уникальную правовую среду для выпуска токенов. Практический опыт платформы Finstore показывает, что экологические проекты вызывают живой интерес у населения. Например, выпуск «зелёных» токенов компании «А-Лизинг» на сумму 1 млн. долл. был выкуплен инвесторами за рекордные сроки [4].

С 2025 года вступили в силу изменения в Налоговый кодекс, которые сохраняют льготный режим для операций с токенами через резидентов ПВТ (освобождение от подоходного налога). Это превращает токены в мощный инструмент привлечения «народных» инвестиций в экологическую модернизацию. Для эмитентов это возможность получить капитал быстрее и зачастую дешевле, чем через традиционные банковские кредиты, а для граждан – способ диверсифицировать сбережения с пользой для экологии [5].

Согласно проекту Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года (НСУР-2040), стратегической целью государства выступает достижение высокого качества жизни населения на фундаменте экологически безопасного экономического роста. В отличие от программных документов прошлых периодов, новая стратегия качественно усиливает акцент на декарбонизации и технологическом обновлении. Ключевыми приоритетами становятся достижение климатической нейтральности через предотвращение выбросов (а не только их последующую очистку), переход к полномасштабной циркулярной экономике («замкнутому циклу») для крупных промышленных узлов, а также расширение финансирования сохранения экосистемных услуг [6].

Реализация положений НСУР-2040 требует системного перехода от компенсационных мер к модели глубокой декарбонизации. Исследование позволяет сделать вывод, что для достижения заявленных целей необходимо обеспечить ежегодный рост «зелёных» инвестиций на уровне не менее 12–18 % в сопоставимых ценах. Для обеспечения долгосрочного благополучия страны рекомендуется сосредоточить усилия на:

- институциональном закреплении «зелёных» стандартов – ускорение принятия национальной таксономии проектов, гармонизированной с ЕАЭС, для создания прозрачной среды планирования;

- стимулировании структурной перестройки – внедрение системы дифференцированной господдержки (субсидирование процентных ставок, налоговые преференции) для проектов, обеспечивающих климатическую нейтральность;

- цифровой интеграции финансовых рынков – масштабирование использования токенов как адаптивного инструмента привлечения инвестиций в условиях санкционного давления.

Синхронизация инвестиционных механизмов с векторами НСУР-2040 позволит трансформировать экологические вызовы в драйверы инновационного роста и технологического суверенитета Республики Беларусь.

Литература

1 Van Niekerk, A. J. Economic Inclusion: Green Finance and the SDGs / A. J. Van Niekerk // Sustainability. – 2024. – № 16 (1128). – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/16/3/1128> (date of access: 01.04.2026).

2 Охрана окружающей среды Республики Беларусь, 2025: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мн. : Изд. центр Белстата, 2025. – 195 с.

3 О Национальном плане действий по развитию «зелёной» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 дек. 2021 г., № 710 [сайт] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2022. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100710> (дата обращения: 02.04.2026).

4 Инвестиции в зелёные токены с «А-Лизинг». – URL: <https://a-leasing.by/about/investment> (дата обращения: 02.04.2026).

5 Изменения в Налоговом кодексе 2025 года и профилактика основных рисков – URL: <https://mtblog.mtbank.by/izmeneniya-v-nalogovom-kodekse-2025-goda-i-profilaktika-osnovnyh-riskov> (дата обращения: 02.04.2026).

6 Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года (проект) [сайт] / Министерство экономики Республики Беларусь. – Мн., 2025. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaya-strategiya-ustojchivogo-razvitiya-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 378.147

А. А. Тутов, П. А. Шипилов

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в системе высшего образования Республики Беларусь. Результаты исследования показывают, что искусственный интеллект способен повышать мотивацию, вовлеченность и качество усвоения знаний, одновременно стимулируя развитие навыков “soft skills”. При этом необходимо соблюдение баланса между технологическими возможностями и педагогическим руководством.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) становятся неотъемлемой частью повседневной жизни людей.

Одним из наиболее обсуждаемых направлений применения ИИ в образовании является автоматизация оценки знаний обучающихся. Современные исследования показывают, что алгоритмы искусственного интеллекта позволяют осуществлять автоматическую проверку тестовых заданий, анализировать письменные ответы и даже оценивать развернутые тексты. Преимущество такого подхода заключается в том, что система действует по заранее заданным критериям, исключая влияние личных симпатий или настроения проверяющего. Традиционная система проверки работ во многом зависит от человеческого фактора: преподаватель может испытывать усталость, субъективно воспринимать стиль изложения, а в отдельных случаях – допускать неосознанную или осознанную предвзятость. В этих условиях использование ИИ рассматривается как инструмент, способный повысить объективность и единообразие оценивания. Кроме того, ИИ способен обрабатывать значительные объемы работ за короткое время, что особенно актуально в условиях массового образования и онлайн-курсов [1, 2].

Важным моментом при применении ИИ для оценивания знаний обучающихся, на наш взгляд, является также возможность детализированной обратной связи. В отличие от традиционной практики, когда студент получает лишь итоговую оценку и краткий комментарий, системы на основе ИИ могут указывать на конкретные ошибки, предлагать рекомендации по улучшению и даже адаптировать дальнейшие задания с учетом выявленных пробелов в знаниях. Таким образом, оценивание перестает быть исключительно контрольной процедурой и превращается в элемент обучения.

Исследователи искусственного интеллекта в образовании сходятся во мнении, что представление об ИИ как о полностью «слепом экзаменаторе», лишенном каких-либо недостатков, является упрощенным. На практике алгоритмы функционируют на основе обучающих данных и заданных моделей, что делает их уязвимыми к системным ошибкам. Например, нестандартные или творческие ответы могут быть оценены ниже из-за несоответствия шаблонам, заложенным в системе. Это ставит под сомнение абсолютную объективность ИИ и требует постоянного контроля со стороны человека. В научной литературе подчеркивается, что полностью исключить участие преподавателя в оценивании на данном этапе развития технологий невозможно, поскольку именно он обеспечивает контекстуальную интерпретацию результатов и корректирует возможные ошибки системы [3, 4].

Одним из перспективных направлений применения искусственного интеллекта в образовательной среде эксперты называют интеграцию геймификации, т. е. использования игровых механик в учебном процессе. В традиционной системе обучения многие дисциплины, особенно связанные с расчётами и теоретическими моделями, воспринимаются студентами как «сухие» и мало мотивирующие. В этой связи внедрение ИИ открывает новые возможности для повышения интереса к обучению за счёт создания динамичной и персонализированной образовательной среды [5].

Ключевая особенность использования ИИ в геймификации, на наш взгляд, заключается в способности адаптировать содержание учебных заданий под индивидуальные особенности обучающегося. Например, при изучении таких дисциплин экономического профиля, как «Бухгалтерский учет», «Управленческий учет», «Экономический анализ», система ИИ способна формировать задачи, связанные с реальными или близкими студенту ситуациями: расчет бюджета для открытия небольшого бизнеса, анализ финансовых показателей в сфере, представляющей личный интерес. Такой подход делает обучение более осмысленным и практически ориентированным.

Кроме того, технологии ИИ позволяют создавать элементы игрового взаимодействия в режиме реального времени. Это может выражаться в генерации образовательных «квестов», системе достижений, уровнях сложности и мгновенной обратной связи. В отличие от статичных учебных материалов, подобные системы реагируют на действия

обучающегося, предлагая новые задания в зависимости от его успехов или затруднений. В результате формируется эффект вовлеченности, при котором студент становится активным участником образовательного процесса, а не пассивным получателем информации. Исследования показывают, что персонализированные задания и интерактивные форматы увеличивают время, затрачиваемое студентами на работу с материалом, а также способствуют более глубокому его усвоению [5, с. 165].

Вместе с тем, по мнению авторов, существуют и недостатки данного подхода. Существует риск смещения акцента с содержания обучения на игровые элементы, что может привести к поверхностному восприятию материала. Кроме того, чрезмерная адаптация заданий под интересы студента снижает универсальность получаемых знаний. В этой связи важным является соблюдение баланса между игровыми механизмами и академической строгостью содержания.

Современная образовательная среда, насыщенная цифровыми технологиями и инструментами искусственного интеллекта, формирует новые требования к компетенциям студентов. Помимо традиционных знаний и профессиональных навыков особое значение приобретают так называемые “soft skills” – коммуникативные умения, критическое мышление, способность работать в команде и адаптироваться к изменяющимся условиям. Использование ИИ в образовательном процессе открывает уникальные возможности для развития этих навыков, требуя от обучающихся активного взаимодействия с технологией и более осознанного подхода к выполнению учебных задач [6, с. 130].

Во-первых, взаимодействие с интеллектуальными системами стимулирует формулирование точных и корректных запросов. Для того чтобы получить полезный результат от ИИ, студенту необходимо ясно обозначить цель, структуру задачи и ожидаемый формат ответа. Такой процесс способствует развитию навыков аргументации, структурирования информации и способности четко выражать мысли. Во-вторых, критическая оценка результатов, предоставленных ИИ, развивает аналитическое мышление и умение сопоставлять различные источники информации. Студент учится проверять корректность данных, выявлять ошибки и оценивать адекватность предложенных решений. Постоянная практика критической верификации информации формирует устойчивые навыки самостоятельного мышления и ответственности за результаты своей работы [6, с. 131].

Несмотря на очевидные преимущества, следует учитывать и потенциальные ограничения. Например, чрезмерная зависимость от ИИ может привести к снижению самостоятельности мышления, а также к формированию привычки полагаться на автоматизированные решения вместо собственной инициативы.

В целом, работа с искусственным интеллектом в образовательной среде предоставляет уникальные возможности для формирования “soft skills”, сочетая развитие критического мышления, коммуникативных компетенций и командного взаимодействия. При правильной организации обучения студенты получают не только знания по предмету, но и навыки, необходимые для успешной адаптации в цифровой эпохе и будущей профессиональной деятельности.

Как уже отмечалось выше, внедрение технологий ИИ в образовательный вопрос носит дуальный характер, т. е. помимо положительных имеет и ряд отрицательных моментов, к рассмотрению которых мы перейдем далее.

Внедрение искусственного интеллекта в систему высшего образования ставит перед учреждениями образования сложные этические и юридические вопросы, связанные с определением авторства работ студентов. Традиционное представление о выполнении задания предполагает, что все идеи и текстовые формулировки исходят непосредственно от обучающегося. Использование ИИ для генерации текста, анализа данных или формулирования идей создает ситуацию, в которой границы самостоятельности становятся размытыми. В научной литературе подчеркивается, что необходимость формулировать четкие правила использования интеллектуальных систем становится критически важной для сохранения академической добросовестности [7].

Одной из основных проблем, на наш взгляд, является различие между «генерацией идей» и «передачей работы в готовом виде». Если студент использует ИИ для поиска источников, анализа информации или предложения структуры работы, но самостоятельно формулирует текст и делает выводы, можно говорить о совместном использовании инструментов. Однако при полном копировании результатов ИИ или минимальной доработке текстов возникает риск нарушения принципов авторства и плагиата.

По мнению экспертов, широкое внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс может также негативно сказаться на способности студентов самостоятельно анализировать и усваивать информацию. Когда студенты имеют постоянный доступ к алгоритмам, способным решать задачи, генерировать ответы или предлагать готовые решения, возрастает риск формирования привычки полагаться на технологию, а не на собственное мышление. В результате снижается критическая активность обучающихся, уменьшается умение строить логические цепочки и самостоятельно искать оптимальные решения [1, 2, 3].

Для минимизации подобных рисков рекомендуется внедрять комбинированные подходы, где ИИ используется не для полного решения задач, а как вспомогательный инструмент, предоставляющий подсказки, варианты или обратную связь, стимулируя при этом самостоятельное размышление и проверку полученных результатов.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что искусственный интеллект способен значительно обогатить образовательный процесс, повышая мотивацию, вовлеченность и качество усвоения знаний, одновременно стимулируя развитие навыков “soft skills”. Эффективное внедрение ИИ возможно при соблюдении баланса между технологическими возможностями и педагогическим руководством, при этом особое внимание должно уделяться поддержанию самостоятельности студентов и объективности оценки результатов.

Литература

1 Чулюков, В. А. Искусственный интеллект и будущее образования / В. А. Чулюков, // Педагогические исследования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-budushee-obrazovaniya>.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

2 Конколь, М. М. Трансформация образовательного процесса через призму искусственного интеллекта и нейросетевого прогресса / М. М. Конколь // Мир науки, культуры, образования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obrazovatel'nogo-protsessachere-z-prizmu-iskusstvennogo-intellekta-i-neyrosetevogo-progressa/pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

3 Алейникова, Д. В. Искусственный интеллект в преподавании и учении: к вопросу о качестве образовательного продукта / Д. В. Алейникова // Вестник МГЛУ. – URL: <https://journals.rcsi.science/2500-3488/article/view/336206> (дата обращения: 26.03.2026).

4 Искусственный интеллект в образовании // Официальный сайт Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). – URL: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/education> (дата обращения: 26.03.2026).

5 Ожиганова, Я. О. Геймификация и ИИ: новые подходы к вовлечению студентов в образовательный процесс / Я. О. Ожиганова // Вестник науки. – 2025. – № 7. – С. 163–168.

6 Гридасова, А. В. Развитие soft skills (социальных навыков) как необходимое условие воспитания инновационной личности / А. В. Гридасова // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 4. – С. 128–133.

7 Порайска-Помста, К. Этика искусственного интеллекта в образовании. – URL: <https://arxiv.org/abs/2406.11842> (дата обращения: 27.03.2026).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ

Статья посвящена комплексному анализу практического применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейронных сетей в профессиональной деятельности дизайнеров различных специализаций. На основе анализа специализированных сервисов и практического примера создания студии веб-дизайна исследованы ключевые направления интеграции ИИ-инструментов на этапе стартапа, позволяющие оптимизировать ресурсы и ускорить выход на рынок.

Введение цифровых технологий в креативные индустрии кардинально меняет ландшафт профессиональной деятельности. Дизайн, находясь на пересечении эстетики, функциональности и технологий, становится одной из наиболее восприимчивых к инновациям областей [1, с. 45]. Активное внедрение методов искусственного интеллекта и глубокого обучения открывает не только новые возможности для генерации контента, но и трансформирует бизнес-модели и процессы [2, с. 112]. Целью исследования является анализ конкретных инструментов ИИ для дизайна, оценка их практической эффективности на примере реальных сервисов и демонстрация их интеграции в бизнес-практику на примере проекта студии веб-дизайна.

Современные ИИ-инструменты для дизайна можно классифицировать по решаемым задачам и специализации. Универсальные сервисы, такие как Khroma, решают фундаментальные задачи, например подбор цветовых палитр. Алгоритм анализирует предпочтения пользователя на основе выбранных 50 оттенков и генерирует гармоничные сочетания, которые можно сразу тестировать в макетах постеров, градиентов или веб-страниц [3]. Данный инструмент устраняет субъективность и ускоряет процесс утверждения фирменного стиля, что критически важно на старте любого проекта.

Результат работы сервиса Khroma представлен на рисунке 1. Сервис подобрал несколько цветовых сочетаний исходя из предпочтений пользователя.

Рисунок 1 – Результат работы сервиса Khroma

Для генерации уникального визуального контента с сохранением авторского стиля можно использовать сервис Exactly.ai, который создает персональную генеративную модель на основе загруженных пользователем работ, позволяя иллюстраторам и дизайнерам быстро производить новый контент в узнаваемой манере, экономя время на ручное исполнение [4].

Практическое использование сервиса Exactlly.ai представлено на рисунке 2. Согласно запросу «Осенний парк с золотыми листьями, атмосферная иллюстрация» нейросеть демонстрирует способность алгоритма воспроизводить заданную стилистику и цветовую гамму.

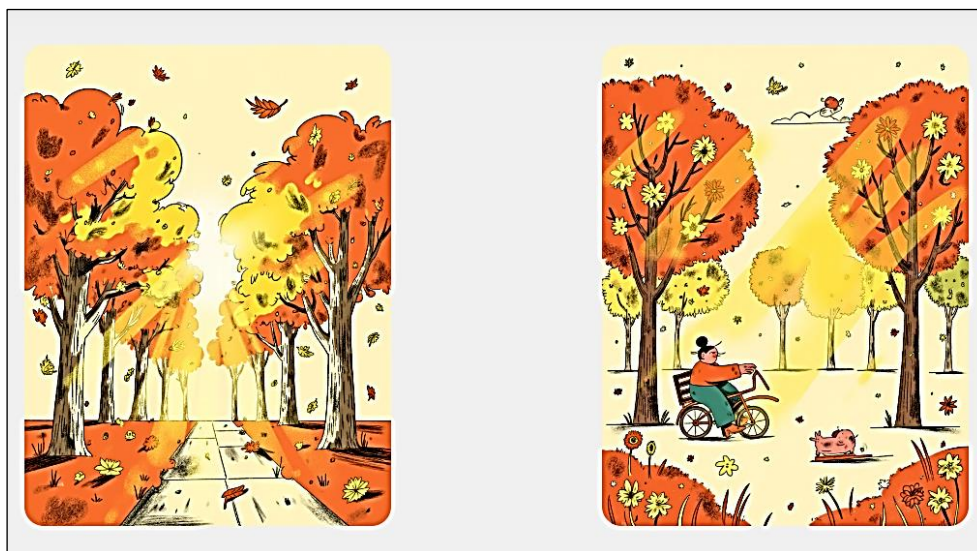

Рисунок 2 – Результат работы сервиса Exactlly.ai

В сфере веб-дизайна и разработки инструменты ИИ переходят от генерации отдельных элементов к созданию целостных цифровых продуктов. Так, платформа Framer позволяет автоматически генерировать адаптивные макеты сайтов на основе выбранных шаблонов, интегрируется с Figma и предлагает варианты анимации [5]. Это существенно сокращает время на прототипирование и позволяет дизайнерам фокусироваться на стратегических задачах пользовательского опыта.

Результат работы инструмента Framer при генерировании макета сайта представлен на рисунке 3.

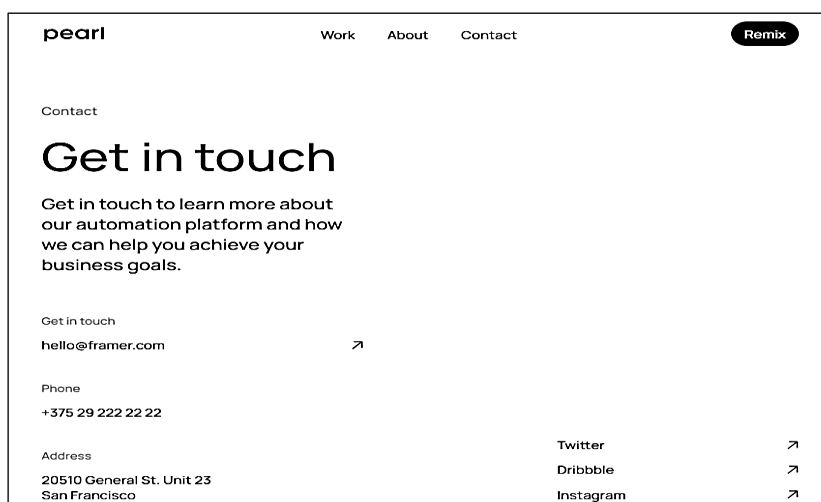

Рисунок 3 – Результат работы инструмента Framer

Другой пример – My Free Logo Maker, который по названию компании и ключевым словам генерирует десятки вариантов логотипов, предоставляя готовый к использованию базовый актив [6].

Результат работы сервиса My Free Logo Maker по выполнению запроса «логотип для ресторана “Golden Dragon” со слоганом “Taste the Legend” изображен на рисунке 4.

Рисунок 4 – Результат работы сервиса My Free Logo Maker

Отдельное направление – инструменты для 3D-дизайна. Сервис Tripo AI for Web создает трехмерные модели по текстовому описанию, предоставляя файл в формате OBJ для дальнейшей работы в профессиональных редакторах [7].

Результат работы сервиса Tripo AI for Web представлен на рисунке 5. Создана 3D-модель по запросу «средневековый фонарь».

Рисунок 5 – Результат работы сервиса Tripo AI for Web

Нейросеть Asseter.ai решает задачу поиска PBR-текстур для 3D-моделей по загруженному изображению, сканируя крупнейшие стоки и предлагая готовые к использованию материалы [8].

Результат работы сервиса Asseter.ai представлен на рисунке 6.

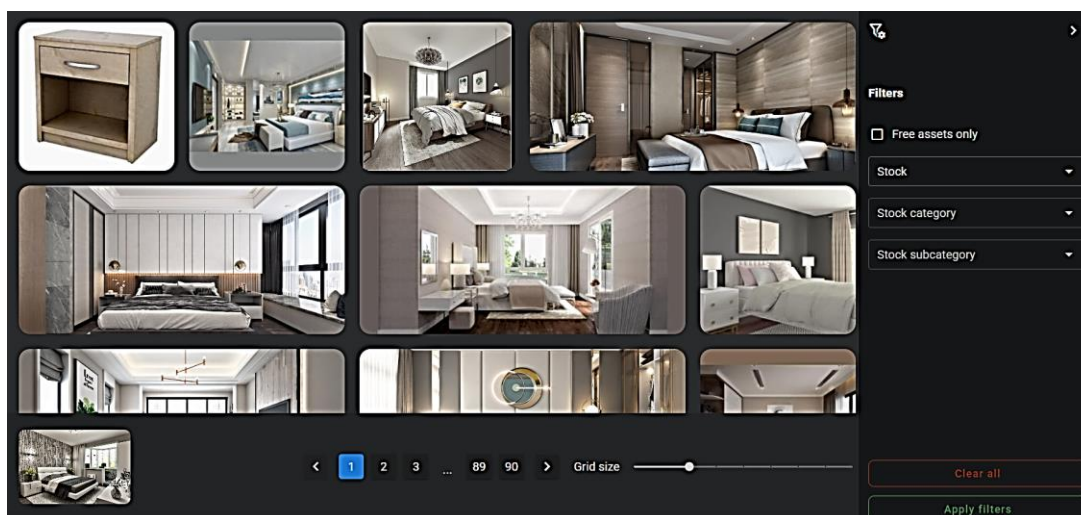

Рисунок 6 – Результат работы сервиса Asseter.ai

Данные сервисы демонстрируют, как ИИ оптимизирует подготовительные и технические этапы в сложных проектах.

Практическая интеграция рассмотренных инструментов в бизнес-процессы может быть продемонстрирована на примере создания студии веб-дизайна PixelCraft. На этапе формирования бизнес-идеи и бренда были использованы нейросети ChatGPT и DeepSeek для креативной генерации названия компании, слоганов и текстов для описания деятельности компании. Для визуализации концепции использовались ИИ-инструменты создания логотипов и изображений, что позволило быстро сформировать первичные бренд-активы без привлечения дорогостоящих специалистов на старте.

Ключевая роль ИИ в данном примере – оптимизация ресурсов и повышение операционной эффективности. Инструменты использовались на всех этапах: анализ целевой аудитории и конкурентов (DeepSeek), генерации прототипа лендинга (Mobirise), создание маркетинговых материалов, включая имиджевые фотографии команды и рекламные видеоролики (HailuoAI, Pika, PixVerse). Это позволило минимизировать первоначальные затраты, сфокусировав человеческие ресурсы на ключевых компетенциях – стратегии, управлении проектами и глубокой работе с клиентами.

Анализ проекта создания студии веб-дизайна PixelCraft выявил, что использование ИИ создает новые возможности для бизнес-модели: быстрый старт, низкий порог входа, способность предлагать клиентам инновационные услуги. Однако возникают и новые риски, связанные с необходимостью постоянного отслеживания быстро меняющегося технологического ландшафта и этическими вопросами авторства генерируемого контента.

Таким образом, искусственный интеллект трансформирует дизайн из сугубо креативной деятельности в технологически насыщенную гибридную практику. Проведенное исследование конкретных инструментов и бизнес-кейса подтверждает, что ИИ сегодня – это не просто генератор изображений, а комплексная экосистема для поддержки принятия решений, автоматизации рутины и создания конкурентных преимуществ. Успешная интеграция требует от специалистов развития навыков prompt-инжиниринга, критической оценки результатов алгоритмов и стратегического управления процессами. Перспективы видятся в дальнейшем углублении коллаборации человека и ИИ по модели «со-творчества», где технология расширяет творческие и операционные возможности, а человек обеспечивает смысловое наполнение, контроль качества и стратегическое видение.

Литература

- 1 Душкина, О. В. Цифровая трансформация креативных индустрий: тенденции и вызовы / О. В. Душкина. – М. : Издательский дом «Инфра-М», 2023. – 208 с.
- 2 Новиков, А. С. Искусственный интеллект в бизнесе: инструменты и кейсы / А. С. Новиков. – М. : Эксмо, 2022. – 256 с.
- 3 Khroma. – URL: <https://www.khroma.co> (дата обращения: 19.12.2025).
- 4 Exactly.ai. – URL: <https://exactly.ai> (дата обращения: 13.02.2026).
- 5 Framer: дизайн и прототипирование. – URL: <https://www.framer.com> (дата обращения: 19.02.2026).
- 6 My Free Logo Maker. – URL: <https://myfreelogomaker.com> (дата обращения: 11.03.2026).
- 7 Tripo AI for Web. – URL: <https://www.tripo3d.ai> (дата обращения: 14.03.2026).
- 8 Asseter.ai: поиск 3D-ассетов. – URL: <https://asseter.ai> (дата обращения: 29.03.2026).

Е. В. Шантар

КРЕДИТНЫЙ СКОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫМИ РИСКАМИ В КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ

В статье рассмотрена роль кредитного скоринга как ключевого инструмента управления кредитными рисками в коммерческом банке. Рассмотрена сущность кредитного риска и его влияние на капитал, прибыльность и регуляторные показатели. Проанализированы современные модели скоринга и источники данных в белорусских банках. Выявлены преимущества и ограничения использования скоринга с учетом требований НБРБ.

В современных условиях развития банковского сектора управление кредитными рисками приобретает особую значимость, поскольку напрямую влияет на финансовую устойчивость кредитных организаций и стабильность экономики в целом. Для коммерческих банков Республики Беларусь данная проблема особенно актуальна в условиях роста кредитного портфеля, увеличения задолженности населения и одновременного ужесточения регуляторных требований в сфере риск-менеджмента. По данным Национального банка Республики Беларусь (НБРБ), по итогам 2025 года объем кредитного портфеля банков увеличился на 12,8 %, а задолженность физических лиц по кредитам выросла на 17 % и к 1 декабря 2025 года составила 29,186 млрд. рублей [1]. При этом темпы выдачи новых кредитов населению снизились по сравнению с предыдущим годом, что отражает усиление контроля за кредитными рисками. Дополнительным фактором является рост доли кредитов на недвижимость, достигшей 60,3 % в структуре задолженности, что повышает чувствительность банковских портфелей к макроэкономическим колебаниям.

Целевые ориентиры денежно-кредитной политики на 2026 год предусматривают удержание доли необслуживаемых активов в активах, подверженных кредитному риску, на уровне не более 10 % [2]. В совокупности с инфляционными ожиданиями и внешними экономическими вызовами это обуславливает необходимость применения эффективных инструментов оценки.

Кредитный риск является одной из базовых категорий банковской деятельности и определяется как вероятность возникновения убытков в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения заемщиком своих обязательств по кредитным договорам. Его экономическая сущность связана с неопределенностью способности заемщика своевременно и в полном объеме вернуть основной долг и проценты, что обусловлено как асимметрией информации между кредитором и заемщиком, так и влиянием внешних макроэкономических факторов. В практике коммерческих банков кредитный риск проявляется в различных формах. Наиболее значимым является риск дефолта, связанный с полной или частичной неуплатой обязательств. Наряду с ним выделяется риск миграции кредитного качества заемщика, требующий формирования дополнительных резервов, а также риск концентрации, возникающий при чрезмерной зависимости кредитного портфеля от отдельных отраслей или групп заемщиков. Существенное влияние кредитного риска отражается не только на качестве активов, но и на капитале и прибыльности банков [3]. Рост уровня проблемной задолженности приводит к увеличению резервов на возможные потери по кредитам, снижая собственный капитал и ограничивая возможности расширения кредитования. Кроме того, дефолты заемщиков негативно сказываются на процентных доходах и повышают операционные издержки банков. В условиях применения требований Basel III/IV и национальных нормативов Национального банка Республики Беларусь кредитный риск напрямую влияет на расчет риск-взвешенных активов

и показатели достаточности капитала, несоблюдение которых может повлечь регуляторные санкции. Кредитный скоринг представляет собой автоматизированную систему оценки кредитоспособности заемщиков на основе статистических и аналитических моделей, позволяющую количественно определить вероятность дефолта и принять обоснованное кредитное решение. В основе скоринга лежит присвоение заемщику интегральной оценки (score), отражающей уровень его кредитного риска. Использование таких моделей снижает субъективность решений и повышает единообразие кредитной политики банка [4]. В Республике Беларусь кредитный скоринг интегрирован в инфраструктуру Кредитного регистра Национального банка, который аккумулирует информацию о кредитной истории заемщиков. Современные скоринговые оценки включают показатели вероятности дефолта и сравнительный анализ заемщика относительно среднерыночных значений, что расширяет аналитические возможности банков. Процесс функционирования скоринга в банке можно представить, как последовательный алгоритм: от автоматического запроса в Кредитный регистр и агрегации анкетных данных до их препроцессинга (очистки и кодирования). Далее математическая модель сопоставляет характеристики заемщика с историческими паттернами риска и генерирует интегральный балл. На финальном этапе система сопоставляет этот балл с установленным уровнем отношения к риску (cut-off), выдавая мгновенное решение: одобрение, отказ или передачу на верификацию человеку. На практике применяются как традиционные, так и современные модели кредитного скоринга. Классические подходы основаны на логистической регрессии и балльных моделях, аналогичных системе FICO, широко используемой в международной практике. С развитием цифровых технологий все большее распространение получают методы машинного обучения, такие как градиентный бустинг, случайные леса и нейронные сети, способные обрабатывать большие массивы данных и учитывать сложные нелинейные зависимости. Однако использование таких методов порождает проблему «черного ящика» – сложности в объяснении причин конкретного решения. В контексте требований НБРБ к прозрачности моделей для белорусских банков становится критически важным внедрение методов Объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ). Это позволяет декомпозировать сложный балл нейросети на понятные факторы, обеспечивая аудит модели со стороны регулятора и обоснованность ответов заемщикам.

Данные для построения скоринговых моделей формируются на основе кредитной истории, финансовых и демографических характеристик заемщика, а также макроэкономических факторов. Расширение использования big data позволяет банкам более точно оценивать динамику кредитного поведения и своевременно выявлять признаки ухудшения платежеспособности. Интеграция кредитного скоринга в банковские процессы осуществляется на нескольких этапах. На стадии рассмотрения заявки скоринг используется для предварительной оценки и формирования рекомендаций по одобрению или отказу в кредите. В дальнейшем скоринговые модели применяются для мониторинга кредитного портфеля и раннего выявления потенциальных проблемных заемщиков, что способствует более эффективному управлению резервами и капиталом. Применение кредитного скоринга в коммерческих банках Республики Беларусь обладает рядом существенных преимуществ. К ним относятся высокая скорость обработки заявок, снижение операционных затрат и повышение объективности принимаемых решений. Масштабируемость скоринговых систем позволяет эффективно работать с растущими объемами кредитования, в том числе в сегментах розничного и инвестиционного кредитования.

Вместе с тем использование скоринга сопровождается определенными ограничениями. Ключевыми из них являются зависимость качества оценки от полноты и достоверности данных, риск встроенной предвзятости моделей, а также ограниченная способность прогнозировать влияние редких экономических шоков. Дополнительным фактором выступают регуляторные требования, предъявляющие высокие требования к прозрачности и верифицируемости используемых моделей.

Минимизация указанных ограничений возможна за счет регулярной актуализации моделей, повышения качества данных, применения стресс-тестирования и комбинирования скоринговых оценок с экспертным анализом. Такой подход позволяет повысить устойчивость кредитного портфеля и адаптивность банков к изменяющимся экономическим условиям [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос влияния кредитного скоринга на формирование риск-ориентированной модели управления коммерческим банком. В современных условиях скоринговые системы выходят за рамки инструмента принятия единичных кредитных решений и становятся элементом стратегического управления кредитным портфелем. Использование агрегированных скоринговых показателей позволяет банкам сегментировать заемщиков по уровням риска, оптимизировать структуру кредитного портфеля и формировать дифференцированную процентную политику с учетом вероятности дефолта. На основе скоринговых оценок банки получают возможность более точно рассчитывать ожидаемые кредитные потери (Expected Credit Loss, ECL) в соответствии с требованиями МСФО (IFRS) 9. Это особенно актуально в условиях перехода к перспективной модели резервирования, при которой финансовые организации обязаны учитывать не только текущие показатели заемщика, но и прогнозные макроэкономические сценарии. Интеграция скоринга с моделями ECL позволяет повысить обоснованность расчетов резервов и снизить волатильность финансовых результатов банка. Кроме того, скоринговые системы играют важную роль в системе раннего предупреждения (Early Warning System). Динамический анализ изменений скоринговых баллов заемщиков дает возможность выявлять ухудшение кредитоспособности на ранних стадиях, еще до возникновения фактической просрочки. Это создает условия для проактивного управления кредитными рисками, включая реструктуризацию задолженности, пересмотр условий кредитования или усиление мониторинга отдельных сегментов портфеля. В условиях цифровизации банковского сектора возрастает значение интеграции кредитного скоринга с другими цифровыми платформами банка, включая CRM-системы, автоматизированные системы управления рисками и платформы дистанционного банковского обслуживания. Такая интеграция обеспечивает сквозную аналитику клиентских данных и позволяет формировать единый профиль заемщика, учитывающий его финансовое поведение, кредитную историю и взаимодействие с банком по различным продуктам. В результате повышается точность оценки риска и качество клиентских решений.

Для банков Республики Беларусь развитие скоринговых технологий также связано с задачами повышения конкурентоспособности на финансовом рынке. Сокращение сроков рассмотрения заявок и повышение прозрачности кредитных решений способствуют росту доверия клиентов и расширению клиентской базы. Одновременно использование скоринга снижает нагрузку на кредитных специалистов, позволяя перераспределить ресурсы в пользу аналитической и контрольной функций. Таким образом, кредитный скоринг трансформируется из вспомогательного инструмента оценки заемщиков в ключевой элемент комплексной системы управления кредитными рисками коммерческого банка. Его дальнейшее развитие связано с углублением использования цифровых данных, внедрением интеллектуальных аналитических моделей и усилением роли скоринга в стратегическом управлении банковской деятельностью. Это делает кредитный скоринг одним из базовых факторов устойчивости и эффективности банковской системы в условиях нестабильной экономической среды. В целом кредитный скоринг выступает важнейшим инструментом управления кредитными рисками в коммерческом банке. Его применение способствует снижению уровня проблемной задолженности, повышению эффективности кредитных решений и укреплению финансовой устойчивости банковской системы Республики Беларусь. В условиях дальнейшей цифровизации и развития аналитических технологий роль кредитного скоринга будет возрастать, формируя основу для более устойчивого и сбалансированного развития банковского сектора.

Литература

1 Меньше кредитов, отказ от пластика, рекордная прибыль – как банки пережили 2025 год: дайджест. – URL: <https://money.onliner.by/2026/01/26/kak-banki-perezgili-2025-god> (дата обращения: 09.02.2026).

2 Утверждены целевые показатели денежно-кредитной политики на 2026 год. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/utverzdeny-celevye-pokazateli-denezno-kreditnoj-politiki-na-2026-god> (дата обращения: 09.02.2026).

3 Расчетные величины стандартного риска. – URL: <https://www.nbrb.by/finsector/financialstability/macprudentialregulation/raschetnye-velichiny-standartnogo-riska> (дата обращения: 09.02.2026).

4 Кредитная история: как ее улучшить и зачем она нужна. – URL: <https://mtblog.mtbank.by/kreditnaja-istorija-kak-ee-uluchshit-i-zachem-ona-nuzhna> (дата обращения: 09.02.2026).

5 Credit Risk in Belarusian Banks and Ways to Minimize It. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/294379/1/714-717.pdf> (date of access: 09.02.2026).

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Статья посвящена анализу права на справедливое судебное разбирательство как эволюционно развивающегося правового института, занимающего особое место среди основных прав человека. Рассмотрено соотношение общего права на судебную защиту и детализированного права на справедливое правосудие, закреплённого в международных актах, включая Европейскую конвенцию по правам человека. Проанализированы подходы учёных к пониманию данного права как общепризнанного принципа международного права, включающего не только правовые, но и моральные нормы. Особое внимание уделено реализации этого права в Республике Беларусь.

Одной из наиболее распространённых и эффективных форм защиты прав и свобод граждан является судебная защита, которая обеспечивает восстановление нарушенных интересов через независимые и беспристрастные суды. Однако для её реализации принципиально важно соблюдение принципов справедливости, закреплённых в конституционном и международном праве. Именно поэтому справедливый суд – мечта людей со времен глубокой древности. В документах многовековой давности право на правосудие закреплено в одном ряду с правом на жизнь и правом на обеспечение сохранности собственности. В современном мире право граждан на доступ к правосудию признается всеми государствами [1, с. 20].

Я. С. Хафизов определяет, что верховенство и непосредственное действие прав и свобод человека определяет содержание законодательной и правоприменительной деятельности в государстве. Реальная защита и полное обеспечение реализации законных интересов граждан осуществляется посредством права на свободный доступ к правосудию [2, с. 46].

Мы считаем, что судебная защита является одной из основных гарантий прав и свобод человека, а право на справедливое судебное разбирательство связано с доступом к правосудию, независимостью и беспристрастностью суда. Также нужно отметить, что Я. С. Хафизов показывает не только значение самого суда, но и его роль как механизма реальной защиты нарушенных прав.

Право на справедливое судебное разбирательство не возникает изолированно – оно эволюционно развивается на основе более общего права на судебную защиту (право на судебное разбирательство). Это базовое право, признанное ещё в эпоху становления концепции прав человека, изначально гарантировало доступ к суду как таковому. Однако с развитием правовых стандартов и укреплением идеи верховенства права стало очевидно, что одного лишь доступа недостаточно: необходимо гарантировать качество правосудия. Именно поэтому современное правопонимание выработало более детализированное и содержательное право на справедливое судебное разбирательство, включающее целый комплекс гарантий. Так, согласно п. 1 ст. 6 Конвенции прав человека и основных свобод, «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [3, с. 1252].

Данное право гарантировано и Конституцией Республики Беларусь, а именно ст. 60, которая гласит, что каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом. Решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суде [4].

По мнению Е. А. Лукашевой, под основными правами следует понимать права, содержащиеся в конституции государства, международно-правовых актах по правам человека, например, в Международном билле о правах человека, Европейской конвенции по правам человека, а также Европейской социальной хартии. Общеизвестно, что право на судебное разбирательство относится к первому «поколению» прав и свобод человека. Этот факт определил его закрепление в Международном билле о правах человека в международном праве [5, с. 114].

Как отмечают некоторые учёные-процессуалисты, право на справедливое судебное разбирательство охватывает не только положения, прямо закреплённые в Конвенции, но и дополнительные гарантии, выработанные практикой Европейского суда по правам человека. Среди них – право на доступ к правосудию, законность и независимость суда, равенство сторон, публичность процесса, мотивированность и возможность обжалования судебных решений, их исполнение, а также рассмотрение дела в разумные сроки. В итоге право на справедливое судебное разбирательство предстаёт как система нормативно закреплённых прав и гарантий, призванных обеспечить беспристрастное и справедливое рассмотрение дел при спорах о гражданских правах и обязанностях [3, с. 1252].

Схожей позиции придерживается С. Ф. Афанасьев, который утверждает, что право на справедливое судебное разбирательство, закреплённое в таких авторитетных международных актах, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, занимает особое место в ряду основных прав человека.

Другие процессуалисты отмечают, что право на справедливое судебное разбирательство включает не только «чисто» правовое предписание, но и моральные, корпоративные и иные социальные нормы.

Как отмечает Л. Б. Алексеева, фундаментальность и общий характер права на справедливое судебное разбирательство дают основания считать его общепризнанным принципом международного права, который не может быть ограничен ни при каких условиях. Эту мысль развивает М. Я. Любченко: по его мнению, право на справедливое судебное разбирательство сформировалось эволюционно – в ходе развития национальных цивилистических процессов. Впоследствии оно получило международное признание (в частности, в ст. 6 ЕКПЧ) и, аккумулировав ключевые ценности, вновь повлияло на национальные системы правосудия уже как общепризнанный международный принцип [3, с. 1253].

Нам представляется особенно ценной позиция Л. Б. Алексеевой и М. Я. Любченко, которые относят это право к общепризнанным принципам международного права, не подлежащим ограничению ни при каких обстоятельствах: это подчёркивает его фундаментальность и универсальность. Мысль о том, что право на справедливое разбирательство включает не только правовые предписания, но и моральные, корпоративные, социальные нормы, добавляет глубины пониманию справедливости – она не исчерпывается соблюдением процедур, а затрагивает этические аспекты и ожидания общества. При этом эволюционный путь развития этого права (от национальных систем к международному закреплению и обратно – к влиянию на национальные процессы, как отмечает М. Я. Любченко) показывает его динамичный характер: международные стандарты не просто навязываются, а взаимодействуют с национальными традициями правосудия.

Регулирование права на справедливое судебное разбирательство в Республике Беларусь не закрепляет это право в прямой формулировке, однако оно косвенно раскрывается через систему взаимосвязанных норм, устанавливающих обязанности судей и гарантии правосудия. Так, согласно ст. 71 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекса о судостроительстве и статусе судей), «при осуществлении правосудия судьи и народные заседатели должны неукоснительно соблюдать Конституцию Республики Беларусь, законы и иные законодательные акты, обеспечивать защиту прав и свобод граждан, охраняемых законодательством интересов государства и организаций, граждан, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность, высокую культуру судебной деятельности, быть справедливыми и беспристрастными» [6].

Эти требования создают нормативную основу для справедливого судебного разбирательства: если судья исполняет свои обязанности в соответствии с законом, это автоматически обеспечивает соблюдение ключевых принципов правосудия – независимости, беспристрастности, законности и защиты прав участников процесса.

Также при вступлении в должность судьи судов общей юрисдикции, перед тем как начать осуществлять правосудие, лицо, претендующее на данный статус, обязано принести присягу, содержание которой закреплено в ч. 9 ст. 82 Кодекса о судоустройстве и статусе судей [6]. Мы считаем, что эта присяга символизирует высшую гарантию независимого правосудия, обеспечивая реализацию конституционного права на защиту прав и свобод в судебном порядке. Положения данных статей дают нам некую убежденность в том, что судебная защита прав и свобод будет реализовываться справедливо, так, как, например, эта торжественная клятва перед народом создает надежную основу для защиты прав и свобод граждан в судебном порядке.

Таким образом, хотя в указанных нормах прямо не говорится о «праве на справедливое судебное разбирательство», совокупность закреплённых в них обязанностей и гарантий фактически обеспечивает его реализацию. Принципы справедливости, беспристрастности и законности, возложенные на судей, создают необходимые условия для того, чтобы судебная защита прав и свобод была не формальной, а реальной – то есть соответствовала стандартам справедливого правосудия. Иными словами, право на справедливое судебное разбирательство в национальном законодательстве проявляется не как отдельная правовая норма, а как результат соблюдения целого комплекса процессуальных и этических норм, регулирующих деятельность судебной системы.

На основе вышеизложенного отметим, что право на справедливое судебное разбирательство представляет собой эволюционное развитие более общего права на судебную защиту. Изначально гарантировавший лишь доступ к суду, этот правовой институт со временем обогатился комплексом конкретных гарантий – они призваны обеспечить не формальное, а реальное качество правосудия. Данное право относится к основным правам человека, оно закреплено в ключевых международных актах, гарантирующих защиту прав и свобод, что подчёркивает его фундаментальность и универсальность. В Республике Беларусь это право не закреплено отдельной нормой с прямой формулировкой «право на справедливое судебное разбирательство», однако его реализация обеспечивается через комплекс взаимосвязанных правовых норм и гарантий. В частности, законодательство устанавливает строгие требования к деятельности судей: они обязаны действовать беспристрастно, подчиняться исключительно закону и обеспечивать защиту прав и свобод граждан. Особую роль играет торжественная присяга судьи – она выступает символической и практической гарантией независимого правосудия, подчёркивая личную ответственность перед обществом. Содержание рассматриваемого права фактически раскрывается через систему процессуальных и этических норм. Эти нормы задают ключевые принципы работы судебной системы – справедливость, беспристрастность и законность. В результате создаётся прочная основа для реальной защиты прав и свобод граждан: судебная защита перестаёт быть формальной процедурой и действительно соответствует стандартам справедливого правосудия. Подытожив, мы определяем, что, право на справедливое судебное разбирательство выступает не только как институциональная и процессуальная гарантия, но и как ключевой элемент демократического правового государства, обеспечивающий доверие граждан к правосудию и консолидацию конституционного и международного регулирования в сфере защиты прав и свобод.

Литература

1 Дмитриева, В. В. К вопросу о праве на справедливое судебное разбирательство / В. В. Дмитриева // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15). – С. 20–28.

2 Хафизов, Я. С. Право на справедливое судебное разбирательство: институциональный и процессуальный элементы / Я. С. Хафизов // E-Scio. – 2020. – № 3 (42). – С. 46–51.

3 Сахнова, Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: юридическая квалификация / Т. В. Сахнова, Д. И. Костянюк // StudNet. – 2020. – Т. 3, № 9. – С. 1250–1255.

4 Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2026. – 77 с.

5 Сулейманова, К. М. Право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство / К. М. Сулейманова // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 114–120.

6 Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей : 29 июня 2006 г. № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

УДК 340.124:342.72/.73(476)

К. А. Анисимова

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В работе анализируется теоретическая модель правового государства и особенности её воплощения в Республике Беларусь. Изучены взгляды таких авторов, как А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский, С. Г. Дробязко и В. С. Козлов, на сущность, признаки и значение правового государства. Среди ключевых признаков выделены верховенство права, разделение властей и реальная гарантированность прав и свобод человека. На примере Конституции Республики Беларусь (включая изменения 2022 года) показано закрепление данных принципов в национальном законодательстве. Особое внимание уделено роли Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, усиливающего механизмы сдержек и противовесов между ветвями власти. Выявлены характерные черты белорусской модели правового государства, в том числе сочетание разделения властей с сильной исполнительной властью и высоким уровнем социальных обязательств государства. Рассмотрено соотношение государства и гражданского общества в белорусской модели, а также необходимость соблюдения баланса между интересами личности и государства. Сделан вывод, что построение правового государства предполагает не только совершенствование законодательства, но и реальное соблюдение права всеми субъектами общественных отношений, а также дальнейшее развитие судебной защиты и институтов гражданского общества.

Понятие правового государства является одним из основных в юридической науке. Это теоретическая модель организации государственной власти, которая также служит ориентиром для развития правовых систем. В теории права данное понятие рассматривается как сложное явление, включающее в себя идеи верховенства права, подчинения государства праву, защиты прав и свобод личности, а также разделения властей.

В работах А. Ф. Вишневского, Н. А. Горбатова и В. А. Кучинского указывается, что представления о правовом государстве зародились много веков тому назад. В основе этих представлений лежит идея о том, что государственная власть должна действовать в установленных правом границах. Авторы отмечают, что сущность правового государства состоит в формальной определенности законов, их непротиворечивости и реальном действии. В такой модели государственная власть считается законной, если она создана

на основе права, действует в пределах, установленных правом, и подлежит контролю со стороны конституционных органов. Важное значение имеет принцип верховенства закона. Это означает, что принимаемые законы должны соответствовать Конституции и основываться на признании прав человека [1, с. 498]. С. Г. Дробязко и В. С. Козлов в своих публикациях обращают внимание на необходимость наличия механизмов, обеспечивающих приоритет прав человека. Они указывают, что правовое государство должно предоставлять человеку возможность судебной защиты от действий государственных органов. В их понимании, правовое государство представляет собой процесс постоянного совершенствования нормативной базы и правоприменительной практики [2].

К числу основных признаков правового государства относятся следующие: первый признак – верховенство права. Это означает, что Конституция имеет высшую юридическую силу, а все нормативные акты должны соответствовать ей. Государственные органы, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы. Второй признак – разделение властей. Государственная власть подразделяется на законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из этих ветвей власти действует самостоятельно в пределах своих полномочий. Такое разделение создает систему, при которой органы власти могут контролировать друг друга. Третий признак – гарантированность прав и свобод личности. В правовом государстве каждый человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Государство не только провозглашает права, но и создает механизмы для их защиты. К таким механизмам относится судебная защита, возможность обжалования действий должностных лиц и другие правовые средства [2, с. 125].

Рассматривая вопрос реализации концепции правового государства в Республике Беларусь, необходимо обратиться к Конституции страны. Конституция Республики Беларусь, принятая в 1994 году и измененная на референдумах, в том числе в 2022 году, в статье 1 устанавливает, что Республика Беларусь является правовым государством. Данное положение определяет направление развития законодательства. В статье 7 Конституции закреплён принцип верховенства права. В статье 6 Конституции закреплён принцип разделения властей [3]. А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов и В.А. Кучинский отмечают, что белорусской модели правового государства присущи свои особенности. Среди этих особенностей – соединение принципа разделения властей с сильной исполнительной властью. Важнейшим конституционным подтверждением реализации концепции правового государства в Республике Беларусь стало закрепление Всебелорусского народного собрания (ВНС) в действующей Конституции Республики Беларусь (с изменениями 2022 года). В соответствии со статьей 89 Конституции Республики Беларусь, ВНС является «высшим представительным органом народовластия». Данный орган наделен полномочиями, усиливающими принцип сдержек и противовесов: он рассматривает вопрос о легитимности выборов, принимает решение о смещении Президента в случае нарушения им Конституции, избирает судей Конституционного и Верховного судов. Таким образом, конституционное закрепление ВНС служит подтверждением развития белорусской модели правового государства, обеспечивая механизмы контроля за соблюдением права всеми ветвями власти.

С. Г. Дробязко и В. С. Козлов в своей работе подчеркивают, что закрепление в Конституции положения о правовом государстве имеет важное значение для всей правовой системы. Это положение служит основой для развития гражданского общества, судебной системы и законодательства о защите прав собственности [2]. В Республике Беларусь действует Конституционный Суд, который проверяет соответствие законов и иных нормативных правовых актов Конституции [3, ст. 116]. Сформирована система законодательства, охватывающая различные сферы общественных отношений. Функционируют правоохранительные органы, призванные обеспечивать соблюдение законов.

Отдельное место в исследованиях белорусских ученых занимает вопрос о соотношении государства и гражданского общества. А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов и

В. А. Кучинский указывают, что правовое государство функционирует во взаимодействии с гражданским обществом, которое представляет собой совокупность независимых от государства общественных объединений и инициатив. В белорусской модели, как отмечают авторы, государство принимает на себя значительный объем социальных обязательств [1, с. 508]. Это обеспечивает определенный уровень социальной защиты граждан. Однако С. Г. Дробязко и В. С. Козлов, анализируя данную ситуацию, указывают, что социальные обязательства государства должны сочетаться с принципом свободы выбора и личной ответственности граждан. Они подчеркивают, что для реализации принципов правового государства необходимо соблюдение баланса между интересами государства и интересами личности. В таком балансе государство действует в рамках права и обеспечивает равные условия для всех участников общественных отношений [2, с. 132].

Таким образом, анализ трудов С. Г. Дробязко, В. С. Козлова, А. Ф. Вишневого, Н. А. Горбаток и В. А. Кучинского позволяет заключить следующее: Концепция правового государства в работах этих авторов представлена как совокупность принципов, включающих верховенство права, разделение властей и гарантии прав личности. Применительно к Республике Беларусь ученые отмечают, что конституционное закрепление положения о правовом государстве определило направление развития национальной правовой системы. Процесс реализации данной концепции связан с совершенствованием механизмов сдержек и противовесов между ветвями власти, развитием судебной защиты прав граждан и формированием институтов гражданского общества. В белорусской юридической науке утверждается, что движение к правовому государству требует не только принятия законов, но и соблюдения правовых норм всеми участниками общественных отношений. Благодаря работам белорусских авторов можно увидеть как теоретические основы, так и практические задачи белорусского государства в области верховенства права.

Литература

1 Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский. – Мн. : Тессей, 1999. – 560 с.

2 Дробязко, С. Г. Общая теория права : учебное пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., испр. – М. : Амандзен, 2013. – 496 с.

3 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями на 24.11. 1996 г., 17.10.2004 г., 27.02.2022 г.). – Мн. : Амалфея, 2022. – 80 с.

УДК 340.132

Т. В. Головнев

ПОРЯДОК ОПУБЛИКОВАНИЯ И ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Статья посвящена анализу процедур доведения нормативных правовых актов до всеобщего сведения и определения момента их юридической обязательности в Республике Беларусь. Рассматриваются правовые механизмы официального опубликования, включая использование Национального правового Интернет-портала. Выявляются типичные недостатки сложившейся практики: низкая осведомлённость населения о возможностях портала и сложности поиска документов. Анализируется практика публичного обсуждения законопроектов. Предлагаются направления совершенствования законодательства в исследуемой области.

Функционирование механизма правового регулирования напрямую зависит от двух процедур: своевременного обнародования нормативных правовых актов и установления

ясного момента начала их действия. Именно эти элементы обеспечивают предсказуемость государственного волеизъявления. Процедуры опубликования и введения в силу завершают правотворческий цикл, и от их корректной реализации напрямую зависит реализация принципа правовой определённости.

Согласно комментарии Г. А. Василевича, эти процедуры являются обязательным условием для получения актом юридической силы. Учёный подчёркивает, что именно официальное опубликование фактически «даёт жизнь закону» [1, с. 20].

Неопубликованный официально закон не может порождать правовых последствий и требовать неукоснительного исполнения. Только своевременное обнародование позволяет субъектам реально ознакомиться с содержанием нормативного предписания. Самостоятельными, хотя и взаимосвязанными проблемами выступают, с одной стороны, неопределённость момента, с которого акт обретает юридическую силу, а с другой – отсутствие внутренней логической согласованности его положений. Последнее, согласно статье 2 Закона «О нормативных правовых актах», квалифицируется как правовая неопределённость [2, ст. 2]. Актуальность обращения к данной теме определяется, во-первых, продолжающейся в Беларуси реформой законодательства, направленной на повышение его системности и качества, а, во-вторых, активным внедрением информационно-коммуникационных технологий, которое требует переосмысления устоявшихся подходов к опубликованию правовых актов.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе официального обнародования и последующего введения в действие нормативных правовых актов. Предметом являются теоретические конструкции и практические аспекты правового регулирования соответствующих процедур, а также выявляющиеся в этой сфере недостатки.

Цель исследования заключается в комплексном анализе белорусского законодательства об опубликовании и вступлении в силу нормативных правовых актов, выявлении существующих проблем и формулировании предложений по оптимизации правоприменительной практики.

В доктрине опубликование традиционно трактуется как заключительный этап правотворческой деятельности, обеспечивающий реальное действие принятого акта. Официальное закрепление данный подход получил в Законе «О нормативных правовых актах», где официальное опубликование названо одной из стадий нормотворческого процесса [2].

Значение этой стадии проявляется в трёх основных аспектах. Во-первых, через опубликование реализуется конституционное право граждан на получение информации о работе государственных органов (статья 34 Конституции) [3, ст. 34]. Во-вторых, оно служит воплощенной гарантией принципа, согласно которому незнание закона не освобождает от ответственности: требовать соблюдения нормы можно лишь при условии реальной возможности с ней ознакомиться. В-третьих, именно с опубликованием закон связывает обретение актом юридической силы и начало его фактического действия.

В белорусском законодательстве установлен дифференцированный порядок обнародования правовых актов, который варьируется в зависимости от их юридической силы и уровня принявшего органа.

С 1 июля 2012 года все правовые акты, подлежащие регистрации в Национальном реестре, официально публикуются исключительно на Национальном правовом Интернет-портале. Для документов, не включаемых в реестр, сохраняется возможность обнародования в печатных периодических изданиях [4].

Законы и решения республиканского референдума после подписания Президентом в незамедлительном порядке размещаются на портале и незамедлительно вступают в силу. Для иных нормативных актов, подлежащих включению в реестр, обязательным является опубликование после их принятия. При этом днём официального опубликования является дата размещения текста нормативного правового акта на Интернет-портале [2].

Особый порядок предусмотрен для актов местных Советов депутатов, а также исполнительных и распорядительных органов первичного территориального уровня.

Их официальное обнародования (опубликование) производится путем написания их полного текста в официальных периодических изданиях либо размещения на официальных сайтах, определяемых самими Советами. В случае одновременной публикации акта в разных источниках, датой опубликования будет считаться дата первого пересказа [2].

Несмотря на столь организованную систему, исследователь Т. А. Тишкина выделяет несколько проблемных аспектов, связанных с электронной формой опубликования: слабая информированность граждан о существовании и функциональных возможностях портала, трудности поиска необходимых документов из-за их большого количества, технические неполадки, иногда не позволяющие гражданам получить быстрый доступ к материалу, недостаточная защита сайта от взлома злоумышленниками [5, с. 53–54].

Г. А. Василевич, анализируя ситуацию, обращает внимание на нежелательное разнообразие в том, как различные ведомства размещают разъяснения на своих сайтах и в справочно-правовых системах. Отдельные органы публикуют такие разъяснения, не указывая ни уполномоченного должностного лица, ни названия документа, ни даты его принятия. Ещё серьёзная проблема возникает в случаях, когда субъект предпринимательской деятельности, добросовестно руководствуясь полученным официальным разъяснением, впоследствии привлекается к ответственности контролирующим органом, который придерживается иного толкования нормы [1, с. 26].

В качестве мер по исправлению ситуации учёный предлагает улучшить качество обратной связи между нормотворческими органами и Национальным центром правовой информации, что позволит повысить качество принимаемых актов [1, с. 27].

К числу возможных решений можно также отнести модернизацию поисковых алгоритмов портала, внедрение единых стандартов опубликования актов в актуальной редакции и систематическую информационно-разъяснительную работу с населением.

В законодательстве Республики Беларусь также закреплён дифференцированный подход к установлению момента, с которого нормативный акт начинает действовать.

Для законов и решений республиканского референдума общим правилом является вступление в силу по истечении десяти дней после официального опубликования. Иной срок может быть установлен непосредственно в самом акте (часть пятая статьи 104 Конституции) [3, ч. 5 ст. 104].

Для актов, изменяющих правила осуществления предпринимательской деятельности, установлен несколько иной подход: срок вступления должен обеспечивать субъектам хозяйствования достаточное время для подготовки. Как правило, этот срок не может быть менее трёх месяцев со дня опубликования. Исключения допускаются лишь в случаях, когда акт улучшает положение предпринимателей, направлен на обеспечение экономической безопасности страны или реализацию международных обязательств [2].

Указы Президента, постановления Правительства и иные нормативные акты (за исключением вышеперечисленных) вступают в силу со дня их включения в Национальный реестр, если в актах не установлен более поздний срок [2].

Важным элементом подготовки качественного акта является возможность его публичного обсуждения ещё на стадии проекта. Инициатором такого обсуждения может выступить Президент, субъект права законодательной инициативы, нормотворческий орган или должностное лицо. Обсуждение проводится на интернет-сайте «Правовой форум Беларуси», в ходе парламентских слушаний, через средства массовой информации или иными законными способами [2].

Обязательному вынесению на обсуждение подлежат проекты, затрагивающие права и обязанности граждан и организаций, устанавливающие новые подходы к регулированию общественных отношений, а также влияющие на условия ведения бизнеса. Однако этой процедуре не подлежат проекты в сферах обороны, национальной безопасности, государственных секретов, бюджета, налогообложения и валютного регулирования. Перечень исключений является закрытым и расширительному толкованию не подлежит [2].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что официальное опубликование нормативных правовых актов – это не техническая формальность, а ключевая стадия

правотворчества, обеспечивающая реальность прав и свобод граждан, стабильность правопорядка и предсказуемость государственного регулирования. Именно факт опубликования служит тем юридическим обстоятельством, с которым связывается вступление акта в силу и возникновение у граждан обязанности его исполнять.

Дальнейшее развитие правового регулирования в этой области должно следовать в направлении совершенствования электронных форм обнародования, унификации подходов к публикации актов в действующей редакции, повышения правовой грамотности населения и оптимизации процедур включения документов в Национальный реестр.

В целом, можно сделать вывод, что белорусское законодательство о порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов в соответствии международным стандартам и создаёт необходимые предпосылки для реализации принципа правовой определённости. Вместе с тем, как верно подчёркивает Г. А. Василевич, «работа по созданию современной законодательной базы – сложная и ответственная» [1, с. 27], что требует постоянного, системного повышения культуры как опубликования, так и введения правовых актов в действие.

Литература

1 Василевич, Г. А. О некоторых направлениях дальнейшего повышения культуры опубликования и введения в действие нормативных правовых актов / Г. А. Василевич // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества : сб. науч. ст. / под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Мн. : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – С. 20–27.

2 О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

3 Конституция Республики Беларусь : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

4 О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

5 Тишкина, Т. А. Актуальные проблемы процедуры официального опубликования нормативных правовых актов на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь / Т. А. Тишкина // Государство и право во времени и пространстве : сб. тез. докл. Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года / под ред. Д. В. Петроченкова ; Белорус. гос. экон. ун-т. – Мн. : БГЭУ, 2022. – С. 52–54.

УДК 343.222.4:004.8

Д. Д. Гурчанова

КОНЦЕПЦИЯ «РАЗУМНОГО РАЗРАБОТЧИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» КАК КРИТЕРИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОЙ НЕБРЕЖНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена проблеме установления вины в форме преступной небрежности применительно к разработчикам систем искусственного интеллекта. Исследуется

феномен «разрыва в ответственности», возникающего вследствие автономности самообучающихся алгоритмов при совершении преступлений. На основе анализа смежных правовых институтов обосновывается концепция «разумного разработчика искусственного интеллекта» в уголовном праве и вопросы ответственности.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) выявило серьезный пробел в уголовно-правовой доктрине. В условиях, когда ИИ обретает свойства автономности и самообучаемости, классические институты уголовного права сталкиваются с проблемой «разрыва в ответственности». Часть 3 статьи 23 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) требует установить, что лицо «должно было и могло предвидеть» общественно опасные последствия [1]. Однако этот критерий создавался для ситуаций, когда человек непосредственно управляет орудием. Самообучающийся алгоритм принципиально меняет картину: между решением разработчика и наступившими последствиями стоит автономная система, способная действовать за пределами заложенных в нее сценариев. Цель настоящей работы – обосновать концепцию «разумного разработчика ИИ» как объективный критерий установления преступной небрежности.

Современные нейросети принципиально отличаются от обычного программного обеспечения: они способны самостоятельно принимать решения и изменять свое поведение в процессе обучения. Именно это порождает «разрыв в ответственности» – ситуацию, когда вред наступает вследствие решений, которые алгоритм выработал сам и которые не охватывались предвидением разработчика [2, с. 412].

Для наглядности рассмотрим следующую ситуацию. Разработчик создает систему ИИ для медицинской диагностики. В процессе обучения алгоритм начинает систематически занижать тяжесть диагнозов у определенной группы пациентов, что влечет не назначение лечения и их гибель. Разработчик не программировал такое поведение и не знал о нем. Традиционный критерий небрежности в подобной ситуации не даёт однозначного ответа о наличии вины [3, с. 65].

Концепция «разумного разработчика ИИ» строится по аналогии с уже сложившимися правовыми подходами. В медицинском праве действует стандарт «разумного врача»: при оценке небрежности суд исходит не из того, что предвидел конкретный специалист, а из того, что предвидел бы компетентный врач той же специализации в аналогичных условиях [4, с. 130]. В гражданском праве стандарт «разумного производителя» возлагает ответственность за дефект, который можно было выявить при надлежащем контроле качества, даже если о конкретном дефекте изготовитель не знал.

Наконец, Регламент Европейского союза 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 марта 2024 года (далее – Регламент), устанавливающий гармонизированные правила в области ИИ, закрепляет для разработчиков систем высокого риска обязанности по документированию рисков, тестированию и мониторингу. Хотя Регламент носит административно-правовой характер, он фактически устанавливает объективный стандарт осмотрительности, нарушение которого в уголовно-правовом контексте может свидетельствовать о преступной небрежности [5, с. 108].

Под «разумным разработчиком ИИ» предлагается понимать гипотетического профессионала соответствующей специализации, который обладает актуальными знаниями в области машинного обучения и соблюдает надлежащий уровень осмотрительности при создании и тестировании системы. Концепция включает три ключевых компонента:

1) соблюдение технических стандартов и протоколов безопасности – разработчик признается действовавшим небрежно, если им были проигнорированы государственные стандарты или международные нормы в области безопасности ИИ. Требуемый уровень осмотрительности при этом повышается соразмерно степени риска применения системы: ИИ в юриспруденции, транспорте, медицине или финансовой сфере требует более высокого порога предвидения, чем система в сфере развлечений [6, с. 151];

2) обеспечение объяснимости алгоритма – небрежность может быть установлена, если разработчик сознательно отказался от механизмов интерпретации решений ИИ, что сделало невозможным выявление критических ошибок на этапе тестирования. Чем выше степень независимости системы при принятии решений, тем строже требования к ее интерпретируемости [2, с. 413];

3) контроль за качеством данных – обязанность разработчика включает предотвращение «отравления данных» – намеренного или случайного искажения обучающей выборки, способного сформировать общественно опасные паттерны поведения системы. Игнорирование этого требования при наступлении вредных последствий образует объективный элемент небрежности [7, с. 322].

Согласно части 3 статьи 23 УК, преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [1]. Применение этой нормы к разработчикам ИИ требует следующего толкования:

1 Критерий «должно было предвидеть» устанавливается путем сравнения действий конкретного разработчика с поведением «разумного разработчика ИИ» той же специализации в сопоставимых условиях. Если разумный разработчик при надлежащем тестировании мог выявить угрозу – очевиден объективный элемент небрежности.

2 Критерий «могло предвидеть» определяется через субъективный элемент: обладал ли данный разработчик необходимой квалификацией и доступом к информации о рисках [3, с. 65].

Важно разграничить небрежность и казус – невиновное причинение вреда. Согласно статье 26 УК, деяние признается совершенным невиновно, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть [1]. Если последствия наступили вследствие решения системы, которое не могло быть выявлено при соблюдении всех мер предосторожности, речь идет о казусе и уголовная ответственность исключается.

И напротив, если разработчик допустил эксплуатацию системы с известными критическими уязвимостями – его действия подлежат квалификации по признакам преступной небрежности. Такой подход позволяет устранить «разрыв в ответственности», не прибегая к объективному вменению, запрещенному частью 5 статьи 3 УК [1].

На основании изложенного представляется целесообразным принять следующие меры:

1 Закрепить на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь положения о том, что при установлении признака «должно было предвидеть» суд оценивает действия разработчика ИИ в сравнении с поведением компетентного специалиста той же специализации в сопоставимых условиях.

2 Внести изменения в ведомственные нормативные акты, закрепив обязанность разработчиков ИИ-систем, применяемых в юриспруденции, транспорте, медицине и финансовой сфере, составлять и хранить документацию о рисках и результатах тестирования. Наличие либо отсутствие такой документации должно признаваться допустимым доказательством при установлении вины в уголовном процессе.

3 Дополнить статью 64 УК новымотягчающим обстоятельством – «совершение преступления с использованием технологий искусственного интеллекта» – для адекватного отражения повышенной общественной опасности таких деяний.

Таким образом, концепция «разумного разработчика ИИ» представляет собой обоснованный и практически применимый инструмент установления преступной небрежности в условиях цифровой трансформации. Опираясь на устоявшиеся правовые аналоги, она позволяет объективизировать процесс доказывания профессиональной неосторожности и корректно применять действующие нормы части 3 статьи 23 УК без нарушения принципа личной виновной ответственности.

Литература

1 Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 янв. 2026 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

2 Филатов, Г. И. Понятие и признаки киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта: эволюция подходов международно-правового регулирования / Г. И. Филатов // Юридическая наука. – 2025. – № 10. – С. 412–416.

3 Ибатуллина, Д. М. Искусственный интеллект в уголовно-правовой доктрине / Д. М. Ибатуллина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 2 (52). – С. 65–69.

4 Рашитханов, Р. С. Трансформация преступности под влиянием искусственного интеллекта: к постановке проблемы / Р. С. Рашитханов // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 1 (182). – С. 128–141.

5 Шейкин, А. Г. Запрещённые действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза / А. Г. Шейкина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (42). – С. 107–112.

6 Пинкевич, Т. В. Риски использования искусственного интеллекта как орудия и средства совершения преступлений: проблемы правового регулирования и противодействия / Т. В. Пинкевич, Д. А. Конев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4 (43). – С. 148–153.

7 Бегишев, И. Р. Жертвы преступлений интеллектуальных алгоритмов / И. Р. Бегишев // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 319–329.

УДК 342.8

А. М. Давыдова

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье исследуется система мер обеспечения избирательного процесса как комплексного, правового и организационного механизма, гарантирующего реализацию избирательных прав граждан. На основе анализа Избирательного кодекса Республики Беларусь приводится классификация мер обеспечения избирательного процесса по функциональному назначению: организационные, финансовые, технические, информационные, правовые и контрольные; раскрывается их содержание.

В юридической науке отсутствует единое определение понятия «меры обеспечения избирательного процесса». Представляется, что под ними следует понимать совокупность установленных законодательством правовых и организационных средств, гарантирующих реализацию избирательных прав граждан, законность и легитимность выборов.

Согласно статье 1 Избирательного кодекса Республики Беларусь (далее – ИК Республики Беларусь), данный Кодекс регулирует отношения, возникающие при подготовке и проведении выборов, и устанавливает гарантии, обеспечивающие свободное волеизъявление граждан Республики Беларусь [1]. Это положение выступает нормативной основой для всей системы мер обеспечения избирательного процесса.

Меры обеспечения избирательного процесса носят комплексный характер и могут быть классифицированы по различным основаниям. Традиционно выделяют такие группы, как:

- организационные;
- финансовые;
- технические;

- информационные;
- правовые;
- контрольные.

Организационные меры обеспечения избирательного процесса направлены на создание материально-технических и процедурных условий для реализации правовых предписаний. Они реализуются системой государственных органов и избирательных комиссий на всех стадиях избирательного процесса.

Ключевую роль в организационном обеспечении выборов играют местные исполнительные и распорядительные органы. В соответствии со статьей 24 ИК Республики Беларусь, на них возлагаются следующие обязанности:

- организация предоставления комиссиям помещений для размещения и проведения голосования, а также необходимого оборудования, средств связи, транспортных средств;
- создание условий для проведения встреч кандидатов с избирателями;
- выделение мест для размещения агитационных печатных материалов;
- определение мест для проведения массовых мероприятий с целью осуществления предвыборной агитации [1].

Особое значение в системе организационных мер имеет формирование избирательных комиссий. Важной составляющей также является организация работы со списками избирателей. Включение граждан в списки избирателей выступает документированным подтверждением активного избирательного права. Организационные меры в этой сфере включают порядок регистрации (учета) избирателей, процедуры уточнения списков.

Финансовые меры занимают особое место в системе обеспечения избирательного процесса, поскольку создают материальную основу для реализации избирательных прав граждан и деятельности всех участников выборов.

В Республике Беларусь сложилась двухуровневая система финансирования избирательного процесса: финансирование за счет средств республиканского / местного бюджетов самой избирательной кампании и деятельности комиссий, а также финансирование в избирательные фонды для покрытия расходов кандидатов на предвыборную агитацию.

Отметим, что, в соответствии с ч. 9 ст. 48¹ ИК Республики Беларусь, запрещаются прямое или косвенное участие в финансировании и другая материальная помощь иностранных государств и организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, международных организаций, организаций, учредителями (участниками, собственниками имущества) которых являются иностранные государства, иностранные организации, международные организации, иностранные граждане и лица без гражданства, при подготовке и проведении выборов, референдума, отзыва депутата, члена Совета Республики [1].

В соответствии с ч. 7 ст. 48¹ ИК Республики Беларусь, лицо, выдвигаемое кандидатом в Президенты Республики Беларусь, в депутаты, кандидат вправе открыть только один специальный избирательный счет. Также все банковские операции по специальному избирательному счету прекращаются в день выборов [1].

Технические меры обеспечения избирательного процесса представляют собой совокупность материально-технических средств, технологического оборудования, автоматизированных систем и цифровых решений, применяемых для создания условий реализации избирательных прав граждан, обеспечения точности подсчета голосов, прозрачности процедур и защиты избирательного процесса от внешнего вмешательства. В современном избирательном праве технические гарантии приобретают особое значение в связи с цифровизацией избирательных процедур и необходимостью обеспечения электронного суверенитета.

Техническое обеспечение избирательного процесса включает оборудование помещений для голосования, создание надлежащих условий для деятельности избирательных комиссий, проверку документов при выдаче бюллетеня избирателю, а также учет бюллетеней. К техническим мерам также можно отнести применение электронного голосования.

Информационные меры обеспечения избирательного процесса представляют собой совокупность правовых, организационных и технологических средств, направленных на реализацию права граждан на получение объективной информации о выборах, обеспечение прозрачности избирательных процедур, создание условий для осознанного волеизъявления и противодействие деструктивному информационному воздействию.

К полномочиям Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (далее – ЦИК) в соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 33 ИК Республики Беларусь в т. ч. относится определение порядка информирования граждан о ходе подготовки выборов, референдума, отзыва депутата, члена Совета Республики [1]. В соответствии с этим ЦИК осуществляет системную работу по информированию граждан через официальные каналы коммуникации. ЦИК имеет официальный сайт, ведет свои аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, таких как V Kontakte, Instagram, Facebook, Telegram, Viber. На каждом ресурсе содержится достоверная и оперативная информация о деятельности ЦИК, принятых решениях, итогах выборов и республиканских референдумов, а также о других важных вопросах, касающихся компетенции ЦИК. Также ЦИК Республики Беларусь уделяет особое внимание подготовке печатных информационных материалов для различных категорий избирателей.

К информационным мерам также относится официальное опубликование результатов выборов.

Необходимо отметить роль средств массовой информации (далее – СМИ) в информационном обеспечении выборов. Так, с их помощью можно узнать информацию о дате проведения выборов, предвыборных кампаниях кандидатов, списке избирательных участков, результатах выборов и пр. В СМИ информация распространяется различными способами: это может быть обсуждение избирательных программ, их поддержка или же наоборот критика отдельных идей, предложенных кандидатами. В ходе избирательной кампании СМИ являются главными агитаторами голосования за того или иного политика или политическую партию [2, с. 149].

Правовые меры обеспечения избирательного процесса образуют нормативный фундамент всей системы гарантий. Их основу составляют конституционные принципы избирательного права, которые содержатся в ст. 38 Конституции Республики Беларусь: всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании.

Данная группа мер обеспечивает возможность реализации избирательных прав следующими средствами:

- право на участие в выборах (ст. 65 Конституции);
- право граждан на ознакомление со списком избирателей и обжалование его содержания (ст. 21 ИК Республики Беларусь);
- право на обращение с жалобами и заявлениями в избирательные комиссии (ст. 491 ИК Республики Беларусь);
- право на судебное обжалование решений и действий (бездействия) избирательных комиссий (ч. 8 ст. 37 ИК Республики Беларусь);
- административный и судебный порядок защиты избирательных прав.

Контрольные меры занимают особое место в системе обеспечения избирательного процесса, поскольку именно они призваны гарантировать соблюдение законодательства на всех стадиях выборов, обеспечивать прозрачность избирательных процедур и создавать условия для свободного волеизъявления граждан. Под контрольными мерами понимается совокупность правовых средств и организационных механизмов, направленных на проверку соответствия деятельности участников избирательного процесса установленным законодательством требованиям, выявление и устранение нарушений, а также привлечение виновных к ответственности. В Республике Беларусь система контрольных мер обеспечения избирательного процесса имеет многоуровневый характер

и включает внутренний контроль со стороны избирательных комиссий, общественный контроль (национальное наблюдение), международное наблюдение, контроль за финансированием выборов, контроль за соблюдением требований ИК Республики Беларусь – Министерством юстиции.

Таким образом, меры обеспечения избирательного процесса в Республике Беларусь представляют собой целостную, внутренне согласованную систему, в которой каждый из элементов выполняет строго определенную функцию, а их взаимодействие направлено на достижение конституционно значимой цели – обеспечения свободного волеизъявления граждан и легитимности выборов.

Литература

1 Избирательный кодекс Республики Беларусь: 11 февраля 2000 г., № 370-З: Принят Палатой представителей 24 января 2000 г.; одобрен Советом Республики 31 января 2000 г.: вред. Закона Респ. Беларусь от 16 февраля 2023 г., № 252-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

2 Назина, М. А. Роль средств массовой информации в избирательном процессе / М. А. Назина, А. Е. Новикова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3 (85). – С. 149–151.

УДК 336.27

Д. Д. Денисюк

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Внешний государственный долг Республики Беларусь является одним из ключевых макроэкономических индикаторов, определяющих устойчивость национальной экономики, её способность адаптироваться к внешним вызовам и обеспечивать долгосрочное развитие. В статье рассматриваются правовые основы управления государственным долгом Республики Беларусь. Анализируются нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере государственных заимствований, обслуживания и погашения долговых обязательств. Особое внимание уделяется роли Министерства финансов и Национального банка в реализации долговой политики, а также целевым показателям, утверждаемым указами Президента Республики Беларусь для обеспечения долговой устойчивости и экономической безопасности страны.

Внешний долг формируется под воздействием комплекса факторов, среди которых центральное место занимают необходимость финансирования бюджетного дефицита, поддержание макроэкономической стабильности, обеспечение валютной ликвидности и реализация государственных программ развития. Ограниченность внутренних финансовых ресурсов, высокая зависимость экономики от импорта инвестиционных товаров и технологий, а также необходимость поддержания устойчивости внешнеторговых расчётов обуславливают потребность в привлечении внешних заимствований. В условиях открытой экономики внешний долг становится неотъемлемым элементом финансовой системы, однако его чрезмерный рост способен трансформироваться в источник макроэкономических рисков, влияющих на устойчивость всей экономической системы.

Правовое обеспечение государственного долга представляет собой систему нормативных правовых актов, которые определяют порядок осуществления государственных

заимствований, условия предоставления государственных гарантий, механизмы обслуживания и погашения долговых обязательств, а также меры ответственности за нарушения в этой сфере.

Основополагающим документом, регулирующим бюджетные правоотношения, включая вопросы государственного долга, является Бюджетный кодекс Республики Беларусь [1]. Кодекс устанавливает общие принципы осуществления государственных заимствований, определяет понятия внешнего и внутреннего государственного долга, предельные объёмы заимствований, порядок предоставления государственных гарантий [1, ст. 87–92]. Именно Бюджетный кодекс закрепляет базовые правила, в рамках которых Правительство и Министерство финансов осуществляют долговую политику.

Отдельным специализированным нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере является Закон Республики Беларусь «О государственном долге» [4]. Данный закон конкретизирует положения Бюджетного кодекса, устанавливая детальные правила возникновения и исполнения долговых обязательств Республики Беларусь, порядок ведения Государственной долговой книги, а также особенности предоставления государственных гарантий [4, ст. 6–12].

Значительная роль в правовом регулировании принадлежит также указам Президента Республики Беларусь и постановлениям Совета Министров. Так, ежегодно принимаются указы, определяющие основные целевые показатели денежно-кредитной политики, которые напрямую влияют на управление государственным долгом. В частности, Указ Президента Республики Беларусь № 386 от 3 ноября 2025 года установил на 2026 год целевой показатель по международным резервным активам не менее 9,2 млрд долл. США, что является важнейшим индикатором долговой устойчивости и экономической безопасности страны [2]. Данный нормативный акт демонстрирует системный подход белорусского законодателя к управлению долговыми рисками, когда показатели государственного долга рассматриваются в комплексе с показателями золотовалютных резервов, инфляции и стабильности банковской системы [2].

Министерство финансов Республики Беларусь выступает ключевым субъектом в системе управления государственным долгом. Именно это ведомство осуществляет эмиссию государственных ценных бумаг, привлекает внешние займы, обеспечивает своевременное обслуживание долговых обязательств и ведёт Государственную долговую книгу. Правовой статус Министерства финансов в сфере управления государственным долгом закреплён в Положении о Министерстве финансов, утверждённом Постановлением Совета Министров Республики Беларусь [4, ст. 14–16].

Как показывает практика, Республика Беларусь последовательно выполняет свои долговые обязательства. В 2025 году Министерством финансов был подтверждён факт исполнения обязательств по еврооблигациям нескольких выпусков (Belarus-2026, Belarus-2027, Belarus-2030, Belarus-2031) [3]. Это свидетельствует о надёжности Республики Беларусь как заёмщика и о наличии отлаженного правового механизма обслуживания государственного долга [3].

Важным элементом правового обеспечения является институт государственных гарантий. Предоставление государственных гарантий осуществляется в порядке, установленном законодательством, и служит инструментом стимулирования инвестиционной активности в приоритетных секторах экономики [1, ст. 95]. При этом законодательство устанавливает лимиты предоставления гарантий, а также требования к финансовому состоянию получателей [4, ст. 18–20].

Особенности правового регулирования внешнего государственного долга связаны с необходимостью соблюдения международных договоров Республики Беларусь с кредиторами (международными финансовыми организациями, иностранными государствами). Процедура заключения и ратификации таких договоров, а также их соотношение с национальным законодательством регулируются Законом «О международных договорах Республики Беларусь» [1, ст. 102].

В условиях санкционного давления и ограничения доступа к международным рынкам капитала правовое обеспечение государственного долга приобретает особую актуальность. Законодатель вынужден оперативно реагировать на изменение внешних условий, разрабатывая новые правовые механизмы управления долгом, включая реструктуризацию обязательств, замещение долговых инструментов, развитие внутреннего рынка государственных ценных бумаг. Долгосрочные ориентиры в этой сфере определены Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года, где вопросам долговой безопасности уделено особое внимание [5, с. 45–48].

Таким образом, правовое обеспечение государственного долга Республики Беларусь представляет собой многоуровневую систему, включающую нормы Бюджетного кодекса [1], специализированный Закон «О государственном долге» [4], указы Президента [2], постановления Правительства, ведомственные нормативные правовые акты и международные договоры. Эффективность данной системы подтверждается успешным выполнением долговых обязательств в сложных макроэкономических условиях [3]. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на повышение прозрачности долговой политики, оптимизацию долговой нагрузки на бюджет и минимизацию долговых рисков, что соответствует целям, закреплённым в стратегических документах развития страны [5, с. 50–52].

Литература

1 Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 16 июля 2008 г. № 412-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.01.2026).

2 О целевых показателях денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 год : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 нояб. 2025 г. № 386 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 25.02.2026)

3 On fulfillment of obligations on Eurobonds of the Republic of Belarus (Belarus-2026 and Belarus-2031) : press release / Ministry of Finance of the Republic of Belarus. – 2025. – URL: <https://minfin.gov.by> (date of access: 25.04.2026).

4 О государственном долге : Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 98-3 (в ред. от 17.07.2023) // КонсультантПлюс : Беларусь (дата обращения: 25.02.2026).

5 Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

УДК 331.56

А. С. Домасевич

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируется содержание категории «безработица» как многофакторного социально-экономического явления, рассматриваются основные причины её возникновения в Республике Беларусь. Особое внимание уделено правовому механизму государственной политики занятости. Автор приходит к выводу, что преодоление негативных последствий безработицы требует перехода от узкостатистического, административного подхода к комплексному междисциплинарному анализу. Успех политики занятости определяется не формальным снижением показателей, а способностью государства формировать качественно новые условия для продуктивной и достойной занятости, что служит основой социальной стабильности и устойчивого развития страны.

Анализ и обобщение многочисленных определений содержания категориального понятия «безработица», представленных в официальных документах и научной литературе [1, с. 18; 2, с. 44; 3, с. 307] позволяют сформулировать её как многофакторное социально-экономическое явление, отражающее дисбаланс между предложением рабочей силы и спросом на неё. В условиях безработицы определённая часть трудоспособного и экономически активного населения не принимает участия в общественном производстве и лишена возможности реализовать свои физические, профессиональные и интеллектуальные способности на рынке труда вследствие отсутствия рабочих мест или несоответствия их квалификации требованиям экономики [3, с. 308].

Существует множество причин, обуславливающих возникновение безработицы в Республике Беларусь. Наиболее распространёнными среди них являются:

- дефицит рабочих мест, связанный с недостаточным развитием тех или иных хозяйственных отраслей;
- низкая оплата труда в частной и / или государственной сферах. Обычно она вызвана избыточным предложением рабочей силы на рынке и/или общей неразвитостью экономики страны;
- экономические потрясения в стране, приводящие к банкротству предприятий и сокращению рабочих мест;
- наличие искусственных барьеров в законодательстве, мешающих трудоустройству разных групп граждан (к примеру, запрет занимать определённые должности без наличия диплома о высшем образовании);
- внедрение новых технологий, приводящее к сокращению работников в результате автоматизации производства;
- «утечка мозгов», в результате которой высококвалифицированные работники уезжают из страны за границу, а остаются менее квалифицированные, которых наниматели отказываются трудоустроить [5, с. 167].

В Беларуси при анализе безработицы учитываются только зарегистрированные в установленном порядке в органах по труду, занятости и социальной защите граждане. Так, по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь уровень зарегистрированной безработицы на 1 октября 2025 г. составил 0,1 % от численности экономически активного населения, что составляет примерно 4,2 тыс. человек.

Из-за сложности подсчёта скрытых безработных установить уровень реальной безработицы с высокой степенью точности практически невозможно. Официальная статистика фиксирует лишь зарегистрированных безработных, тогда как значительная часть населения может находиться в состоянии неполной занятости, временной работы или вовсе не обращаться в органы занятости. Именно поэтому многие эксперты-экономисты и социологи отмечают, что фактический уровень безработицы в Беларуси может быть значительно выше официальных показателей и составлять от 6 % до 10 % экономически активного населения [6, с. 310].

Эффективность активной политики содействия занятости оценивается через экспертизу государственных программ, включающую анализ их реализации, выявление достигнутых результатов и сопоставление полученного эффекта с установленными критериями.

В целях обеспечения реализации государственной политики в области содействия занятости населения, охраны труда, эффективного развития рынка труда Совет министров Республики Беларусь утвердил государственную программу «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы. Государственная программа разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития, определёнными в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (протокол заседания Президиума Совета министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10), концепцией Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 года (протокол

заседания Президиума Совета министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3). Государственная программа направлена на содействие производительной занятости, развитие ее новых форм и инклюзивности. Реализация Государственной программы будет способствовать достижению на национальном уровне целей устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, в том числе Цели 8 «Достойная работа и экономический рост» [7, с. 94].

Цель Государственной программы направлена на поддержание и развитие позитивных процессов на рынке труда, в числе которых следующие:

- впервые определены показатели в области содействия занятости и перечень территорий с напряженной ситуацией на рынке труда, что позволило адресно решать вопросы занятости населения в отдельных районах и городах республики;
- впервые урегулированы вопросы деятельности агентств по трудоустройству;
- определен механизм взаимодействия республиканских органов государственного управления при разработке прогнозного баланса трудовых ресурсов и потребности экономики в кадрах на ближайшую перспективу (пять лет), а результаты прогнозирования потребности экономики в кадрах по профессионально-квалификационным группам стали ориентиром для системы образования при формировании планов приема в учреждения высшего, среднего специального и профессионально-технического образования.

Отмечено, что в результате «повысился уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, снизился уровень общей безработицы, увеличился охват безработных граждан активными мерами политики занятости, снизилась напряженность на рынке труда» [8, с. 257].

В Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» прослеживается комплексный подход к развитию рынка труда, учитывающий текущее состояние и прогнозы социально-экономического развития Республики Беларусь на ближайшие годы.

Таким образом, согласно Государственной программе, можно выделить следующие методы государственной политики занятости [9]:

- совершенствование нормативной правовой базы в сфере труда и занятости, разработка новых направлений активной политики занятости;
- реализация Государственной программы «Рынок труда и содействие занятости», разработка и внедрение региональных программ содействия занятости, включение мероприятий по занятости молодежи, женщин и инвалидов;
- содействие продлению трудовой деятельности работников старшего возраста, создание условий для мотивации к труду отдельных категорий граждан, поддержка профессиональной мобильности через повышение квалификации и переобучение;
- предоставление социальных гарантий и пособий, организация обучения по востребованным профессиям, интеграция уязвимых групп в трудовую деятельность;
- развитие государственной службы занятости населения, создание информационно-аналитической системы рынка труда, формирование Национальной системы квалификаций и независимой оценки квалификаций, повышение информированности населения о возможностях трудоустройства;
- улучшение условий труда и снижение воздействия вредных факторов, автоматизация и механизация производственных процессов, внедрение управления профессиональными рисками;
- популяризация охраны труда и формирование предупредительной модели управления.

В заключение отметим, государственная политика занятости в Республике Беларусь представляет собой целостный механизм регулирования рынка труда, основанный на сочетании правовых, экономических, социальных и организационных методов. Её предметом выступают общественные отношения, связанные с вовлечением граждан в трудовую деятельность, обеспечением баланса спроса и предложения рабочей силы и поддержанием социальной устойчивости.

Перспективы реализации программы можно оценить, как умеренно-оптимистичные. Её успех будет всецело зависеть от способности перехода системы к качественной, а не формальной реализации, обеспечению реальной межведомственной координации и, что наиболее важно, постоянной адаптации к новым вызовам. Цифровизация, автоматизация, изменение глобальных цепочек создания стоимости требуют не эпизодических корректировок, а внедрения культуры постоянного мониторинга, прогнозирования и гибкого реагирования.

Таким образом, преодоление негативных последствий безработицы и построение устойчивого, динамичного рынка труда в Беларуси требуют, прежде всего, честного признания системной и многомерной природы этой проблемы. Это предполагает отход от узкостатистического, административного взгляда к комплексному междисциплинарному анализу, синтезирующему данные экономики, социологии, психологии и права. Успех политики занятости будет определяться способностью государства на практике реализовать заявленные современные подходы, преодолевая инерцию прошлого. Конечной целью является не просто снижение уровня безработицы в статистических отчетах, а формирование качественно новых условий для продуктивной и достойной занятости. Именно такая занятость становится фундаментом для социальной стабильности, роста благосостояния и доверия граждан к институтам, что в долгосрочной перспективе является основой для устойчивого и устойчивого развития Республики Беларусь в быстро меняющемся мире.

Литература

1 Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения : учеб.-метод. пособие : практикум / Р. П. Колосова [и др.] ; под ред. Р. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. — М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. — 458 с.

2 Ермолаева, С. Г. Рынок труда : учеб. пособие / С. Г. Ермолаева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 108 с.

3 Неверов, Д. А. Безработица как один из показателей национального благополучия / Д. А. Неверов, В. С. Полешук // Устойчивое развитие экономики : международные и национальные аспекты : электронный сборник статей IV Международной научно-практической online-конференции, Новополоцк, 26 ноября 2020 г. / Полоцкий государственный университет. — Новополоцк, 2020. — С. 307–312.

4 О занятости населения : Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 № 125-З : принят Палатой представителей 4 мая 2006 г. : одобр. Советом Республики 23 мая 2006 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Мн., 2026.

5 Каврига А. А. Проблемы безработицы в Республике Беларусь / А. А. Каврига, М. В. Могилевец // Современный менеджмент : проблемы, исследования, перспективы : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 января, 2019 г. / БГЭУ. — Мн., 2021. — С. 166–172.

6 Анализ безработицы и занятости населения в Республике Беларусь и Гродненской области / Д. М. Лепешев [и др.] // Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования. — 2019. — № 2 (36). — С. 308–314.

7 Государственное регулирование обеспечения эффективной занятости в Республике Беларусь / Н. Н. Морозова [и др.] // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. — 2021. — № 1. — С. 94–99.

8 Андиленко, Т. В. Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы как план создания условий для обеспечения эффективной занятости / Т. В. Андиленко // Менеджмент XXI века : проблемы и перспективы развития : сб. материалов VI междунар. науч. конф., Минск, 16 дек. 2019 г. / БГУ. — Мн., 2019. — С. 256–259.

9 О Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Мн., 2026.

ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Статья посвящена комплексному анализу поведения человека как центрального объекта социологии права. Рассматривается поведение индивида как социальное действие, ориентированное на нормы и ожидания общества. Особое внимание уделяется девиантному поведению, его теоретическому осмыслению в классических и современных социологических подходах, а также механизмам правового регулирования и социального контроля. Анализируются причины девиаций, включая влияние трудовой деятельности на мировоззрение личности, и предлагаются пути профилактики негативных отклонений. Исследование синтезирует положения социологических теорий Э. Дюркгейма, Р. Мертон, Т. Парсонса, М. Вебера и синергетической парадигмы, подчеркивая взаимосвязь права, социальных норм и индивидуального поведения в обеспечении общественной стабильности.

Поведение человека в социологии права выступает не как изолированный индивидуальный акт, а как социальное действие, которое по смыслу, предлагаемому действующим лицом, соотносится с действием других людей и ориентируется на него [1, с. 5]. Согласно М. Веберу, социальное действие предполагает ориентацию на ожидания окружающих. В теории социального действия Т. Парсонса поведение индивида определяется взаимодействием трех систем координат: социальной культуры, социальной структуры и личности (мотивационной сферы). Любое действие, даже кажущееся сугубо индивидуальным, носит социальный характер, поскольку опирается на существующие нормы и ожидания.

Социология права рассматривает право как формализованный механизм социального контроля, который переводит неформальные социальные ожидания в обязательные предписания, подкрепленные санкциями. Таким образом, поведение человека становится объектом правового регулирования не только в случае нарушения норм, но и в процессе повседневной социализации и адаптации индивида к обществу.

Центральным феноменом, изучаемым в контексте поведения человека, выступает девиация – относительно массовые и устойчивые формы человеческой деятельности, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям [2, с. 12]. Девиантное поведение включает как негативные проявления (преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, суицид), так и позитивные (научное, техническое, художественное и социальное творчество, инновации, преодоление устаревших норм) [2].

Э. Дюркгейм рассматривал социальные отклонения как нормальное явление общественного развития, которое усиливается в условиях социальной дезорганизации (аномии), стрессов, конфликтов и быстрых социальных изменений, когда нормативный контроль ослабевает. По его мнению, от девиаций невозможно полностью избавиться, поскольку они присущи самому процессу развития общества [2, 3]. Р. Мертон в теории напряжения (strain theory) связывал девиацию с разрывом между культурно одобряемыми целями и институционально доступными средствами их достижения. Он выделил пять типов индивидуальной адаптации: конформизм, инновация, ритуализм, ретретизм и бунт [3].

Современный синергетический подход трактует девиацию как бифуркацию – флуктуацию в неравновесной открытой социальной системе, которая может привести как к распаду старого порядка, так и к возникновению новых социальных структур, норм и ценностей [4]. Девиация анализируется на пересечении культуры, структуры и личности и может быть индивидуальной или групповой, первичной (эпизодической) или вторичной (закрепленной социальным ярлыком), деструктивной или конструктивной.

Причины девиантного поведения многообразны и действуют на макро-, мезо- и микроуровнях. Среди них – неудачная социализация, мировоззренческий кризис, ослабление социального контроля, а также объективные социально-экономические факторы. Особое значение имеет трудовая деятельность, которая не только обеспечивает средства к существованию, но и выступает фундаментальной формой самореализации личности и формирования мировоззрения. Отсутствие возможностей достойной самореализации через труд провоцирует различные расстройства личности и толкает индивида к девиантным стратегиям поведения: алкоголизму, суициду, хулиганству, организации террористических или преступных групп [1, с. 44–45].

В условиях автоматизации производства, роста конкуренции на рынке труда и увеличения продолжительности жизни усиливается безработица среди квалифицированных специалистов, что обостряет противоречия и способствует формированию альтернативных (в том числе криминальных) путей самореализации. Девиантные формы реализации права на труд включают уклонение от налогов, незарегистрированный бизнес и производство несертифицированной продукции. В критических масштабах такие явления подрывают экономику и общественную безопасность [1].

Делинквентное поведение (нарушение юридических норм) представляет собой особую форму девиации и непосредственно попадает в сферу действия права. Основной причиной делинквентного поведения является взаимодействие социально-психологических установок личности с внешними объективными факторами [2]. В социологии девиантного поведения подчеркивается интердисциплинарный характер изучения: сочетание социологического, психологического, правового и других подходов. Структура девиантного поведения включает поступок (действие или бездействие), деятельность и образ жизни [5].

Право в социологии права выполняет несколько ключевых функций по отношению к поведению человека: регулятивную (установление норм), охранительную (применение санкций за нарушения) и профилактическую (превенция девиаций). Система социального контроля включает негативные и позитивные санкции, формальные (правовые) и неформальные механизмы. Профилактика девиантного поведения осуществляется на первичном (общесоциальном), вторичном и третичном (ресоциализация) уровнях [5].

В периоды социальных трансформаций правовые нормы могут отставать от реальной жизни, что порождает правовой нигилизм и рост правонарушений. Эффективное регулирование поведения требует не только репрессивных мер, но и создания условий для конструктивной самореализации граждан и иных диспозитивных мер.

Поведение человека отражает собой состояние социальной системы и эффективность правовых институтов. Как динамичный объект социологии права он постоянно видоизменяется под давлением социальных изменений. Девиации, возникающие из противоречий социального порядка и психологического состояния человека, являются угрозой поддержания правопорядка и могут привести к делинквентному поведению, что в свою очередь требует реформирования норм права и улучшения социально-психологического состояния человека.

Литература

1 Климашин, А. Г. Причины девиаций в обществе и их влияние на общественную безопасность / А. Г. Климашин. – 2018. – С. 43–47. – URL: [https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/6225/1/11%20%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%20\(43-47\).pdf](https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/6225/1/11%20%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%20(43-47).pdf) (дата обращения: 25.04.2026).

2 Гуляихин, В. Н. Проблема девиации в контексте социологических теорий / В. Н. Гуляихин, А. В. Сухинин // Logos et Praxis. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-deviatsii-v-kontekste-sotsiologicheskikh-teoriy> (дата обращения: 25.04.2026).

3 Тарутина, Д. А. Девиантное поведение: причины, виды и формы проявления / Д. А. Тарутина, Р. Г. Хабибулин // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2020. – URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021894> (дата обращения: 25.04.2026).

4 Ширяева П. А. Девиация как социальное действие : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Ширяева Полина андреевна ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобочевского. – Нижний Новгород, 2003 – 178 л. – URL: <https://www.dissercat.com/content/deviatsiya-kak-sotsialnoe-deistvie> (дата обращения: 25.04.2026).

5 Ярошевич, Е. А. Социология девиантного поведения : метод. указания / Е. А. Ярошевич. – Минск, 2015. – URL: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/15275/1/6389n.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 342.552

В. В. Кравцов

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена анализу источников, регулирующих функционирование органов местного управления. Автор, основываясь на положениях статьи 4 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» (далее – Закон о местном управлении и самоуправлении), выстраивает систему нормативных правовых актов, иных источников права, регулирующих деятельность органов местного управления, дает их краткую характеристику.

Эффективность местного управления напрямую зависит от полноты и непротиворечивости его нормативного регулирования. Правовую основу данного института образует система источников, обладающих различной юридической силой. Так, согласно статье 4 Закона о местном управлении и самоуправлении, местное управление организуется и осуществляется на основе Конституции, Закона о местном управлении и самоуправлении, других актов законодательства, международных договоров Республики Беларусь [1].

Конституция закладывает правовые основы и фундаментальные принципы местного управления в Разделе V. Так, согласно статье 117 и статье 119, местное управление осуществляется гражданами через местные исполнительные и распорядительные органы [2]. Руководители местных исполнительных и распорядительных органов назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Республики Беларусь (далее – Президент) или в установленном им порядке и утверждаются в должности соответствующими местными Советами. Это подчеркивает централизованный характер местного управления, а также его многоступенчатость в рамках процесса назначения лиц на руководящие должности. Кроме того, Конституцией устанавливаются рамки, гарантирующие самостоятельность органа местного управления при сохранении единства государственной системы.

Основным нормативным актом, развивающим конституционные положения, является Закон о местном управлении и самоуправлении. Данный закон детализирует понятие местного управления, закрепляет компетенцию органов местного управления и их руководителей как общего (присущую всем), так и особенного (индивидуальную для каждого территориального уровня) характера, определяет систему органов местного управления и принципы их деятельности, устанавливает виды нормативных правовых актов, издаваемых исполкомами и их должностными лицами, а также проектов актов, вносимых исполкомами на рассмотрение соответствующими местными Советами, устанавливает три территориальных уровня подчиненности данных органов (областной, базовый и первичный).

Другие акты законодательства, упомянутые в статье 4, выполняют важную роль в обеспечении практической реализации положений Конституции и Закона о местном управлении и самоуправлении. Они устанавливают конкретные правила, процедуры и стандарты, необходимые для эффективного исполнения функций органами местного управления, обеспечивая согласованность действий всех участников процесса и соблюдение законных интересов граждан. Одним из таких актов законодательства является Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур». Он является базовым законодательным актом, устанавливающим общие принципы, понятия и правила осуществления административных процедур всеми государственными органами, включая исполкомы (местные администрации) [3].

Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. №175-З «О государственной службе» в рамках деятельности органов местного управления регулирует правовые основы государственной службы в органах местного управления (статьи 4, 7, 8, глава 2), устанавливает общие принципы и нормы, касающиеся деятельности работников местных исполнительных и распорядительных органов (статья 3), регламентирует статус государственных служащих (статья 9 и глава 3), порядок поступления на государственную гражданскую службу (глава 4), ее прохождение (глава 5) и прекращение (глава 6), особенности осуществления данной деятельности лицами, государственные гражданские должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь (глава 7), материальные и социальные гарантии государственных гражданских служащих (глава 9), а также их ответственность за совершение правонарушений (глава 10) [4].

Уголовная и административная ответственность должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов предусмотрена, соответственно, Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – Уголовный кодекс) и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Так, в Уголовном кодексе ответственность должностных лиц органов местного управления предусмотрена в главе 35 – «Преступления против интересов службы». Положения этой главы применяются к ним, если деяние совершено в рамках осуществления ими служебных полномочий. В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) ответственность должностных лиц органов местного управления предусмотрена во многих статьях Особенной части (главы 10–13, глава 17, главы 19–25 КоАП).

Также в качестве других источников правового регулирования местного управления можно отнести некоторые подзаконные акты. Особое место среди них занимают указы Президента, такие как:

а) Указ Президента от 24 марта 2025 г. № 113 «О совершенствовании порядка рассмотрения кадровых вопросов» (далее – Указ № 113), направленный на обеспечение реализации государственной кадровой политики и совершенствование системы подбора и расстановки руководящих кадров в государственных органах, включая исполкомы (местные администрации). Этот указ включает в себя два положения: о порядке назначения на должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, и о кадровом обеспечении органов местного управления и самоуправления. Указ интегрирует множество ранее действовавших актов, упрощая и унифицируя кадровые процедуры [5];

б) Указ Президента от 18 ноября 2024 г. № 424 «Об аттестации лиц, занимающих должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь» (далее – Указ № 424). Он утверждает Положение о проведении аттестации высших должностных лиц, включая руководителей исполкомов всех территориальных уровней [6]. Данный Указ логически дополняет Закон о госслужбе и Указ № 113, регулируя единый цикл кадровой работы в местных исполнительных и распорядительных органах;

в) Указ Президента от 21 февраля 2025 г. № 74 «Об усилении роли председателей исполнительных комитетов базового уровня в развитии регионов» (далее – Указ № 74), направленный на частичную децентрализацию управленческих решений исполкомов

базового уровня путем передачи им значительного объема полномочий с областного территориального уровня. Указ расширяет полномочия председателей городских (городов областного подчинения) исполнительных комитетов (далее – горисполкомы) и райисполкомов. Ключевым нововведением является закреплённая возможность председателя исполкома базового уровня давать письменные предписания (требования) руководителям нижестоящих исполкомов и иных организаций, расположенных на соответствующей территории. За неисполнение такого предписания предусматривается административная ответственность. При этом Указ № 74 подразумевает лишь прямое усиление органов местного управления, без введения элементов самоуправления [7];

г) Указ Президента от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан», устанавливающий перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами, в том числе исполкомами, по заявлениям граждан [8].

Важное место среди подзаконных актов занимают также и постановления Совета Министров Республики Беларусь, конкретизирующие процедурные аспекты деятельности исполкомов. К данного вида постановлениям можно отнести Постановление Совета Министров от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования». Данный подзаконный акт определяет единый перечень административных процедур, в том числе осуществляемых местными исполнительными и распорядительными органами, в отношении субъектов хозяйствования [9].

Международные договоры, как следует из статьи 4 Закона о местном управлении и самоуправлении, также составляют правовую основу деятельности местных исполнительных и распорядительных органов. Это позволяет интегрировать лучшие практики международного опыта в области местного управления, повышая качество и прозрачность управленческих процессов на местах. К примерам из числа действующих международных договоров можно отнести:

а) многосторонние договоры в рамках Содружества независимых государств (далее – СНГ). Устав СНГ 1993 г. предусматривает сотрудничество в сфере государственного управления. Так, статья 6 Устава СНГ закрепляет содействие государствами-членами сотрудничеству и развитию связей между государственными органами [10];

б) договоры о приграничном сотрудничестве. Например, Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 21 февраля 1995 г. «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», статья 7 которого обеспечивает благоприятные условия для прямых связей между странами и всестороннего сотрудничества на уровне административно-территориальных единиц в рамках их компетенции [11].

Таким образом, правовую основу местного управления в Республике Беларусь образует многоуровневая иерархическая система источников. Конституция закрепляет централизованный порядок назначения руководителей исполкомов и общие принципы, а Закон о местном управлении и самоуправлении детализирует компетенцию и структуру органов. Уголовный кодекс и КоАП устанавливают деяния, за которые предусмотрена ответственность должностных лиц исполкомов, что служит гарантией обеспечения принципа законности. Указы Президента свидетельствуют о тенденции к усилению кадрового контроля и частичной децентрализации полномочий в пользу исполкомов базового уровня. Постановления Совета Министров конкретизируют процедурные аспекты деятельности исполкомов, включая административные процедуры для граждан и субъектов хозяйствования. Международные договоры создают возможность для использования позитивного опыта в деятельности органов местного управления. В целом, сформировавшаяся правовая база, регулирующая деятельность местных исполнительных и распорядительных органов, обеспечивает баланс между централизацией и локальной частичной самостоятельностью, а также строгую подотчетность должностных лиц, что в совокупности создает условия для эффективного решения вопросов местного значения.

Литература

1 О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 108-З : с изм. и доп. : по сост. на 11 окт. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

2 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

3 Об основах административных процедур : Закон Респ. Беларусь от 28 окт. 2008 г. № 433-З : с изм. и доп. : по сост. на 16 марта 2026 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

4 О государственной службе : Закон Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З : с изм. и доп. : по сост. на 11 окт. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

5 О совершенствовании порядка рассмотрения кадровых : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 марта 2025 г., № 113 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

6 Об аттестации лиц, занимающих должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 нояб. 2024 г., № 424 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

7 Об усилении роли председателей исполнительных комитетов базового уровня в развитии регионов : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 фев. 2025 г., № 74 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

8 Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

9 Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 сент. 2021 г., № 548 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

10 Устав Содружества Независимых Государств : [заключен в г. Минске 22.01.1993] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

11 Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве : [заключен в г. Минске 21.02.1995] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

УДК 340.111.5

Е. А. Кравченко

ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ВИДЫ

Статья посвящена изучению правовых отношений как ключевой категории общей теории права. Раскрываются суть, понятие и особенности правоотношений, а также их отличие от иных видов общественных связей. Рассмотрены определения правовых отношений, данные С. Г. Дробязко, В. А. Кучинским и А. Ф. Вишневским. Определены основные признаки, присущие правовым отношениям. Исследована структура

правоотношений, включающая субъектов, объекты и содержание. Подведён итог: правовые отношения представляют собой юридическую форму реализации норм права, а их анализ играет важную роль в совершенствовании законодательной базы и правоприменительной деятельности.

Право, как система норм, принимаемых государством или народом на референдумах, призвано регулировать общественные отношения. В любом обществе существуют разнообразные связи между людьми, органами и организациями – трудовые, экономические, семейные и др. [1, с. 120]. Наряду с отношениями, регулируемыми моралью или обычаями, здесь объективно складываются правовые отношения, выступающие юридической формой взаимодействия участников.

Категория правовых отношений занимает центральное место в общей теории права. Как справедливо отмечала Р. О. Халфина в работе «Общее учение о правоотношении», создание теории этого сложнейшего явления требует широкого подхода, выходящего за традиционные рамки правовой науки [2, с. 81]. Актуальность темы обусловлена тем, что граждане, организации и государственные органы повседневно вовлечены в различные правовые отношения, требующие четкого теоретического осмысления.

Целью данного сообщения является изучение правовых отношений как особого вида общественных отношений. В рамках доклада предполагается решение следующих **задач**:

- 1) определение понятия и признаков правовых отношений;
- 2) анализ их структуры;
- 3) характеристика видов правовых отношений;

Объектом исследования выступает сфера правового регулирования общественных отношений, т. е. совокупность социальных взаимодействий, урегулированных нормами права. **А предметом** – теоретико-правовые аспекты: понятие, структурные элементы и классификация в контексте общей теории права.

Хотя в современном обществе люди ежедневно вступают в разнообразные социальные связи, данное исследование фокусируется на отношениях, регулируемых нормами права, которые приобретают правовую форму и становятся правовыми отношениями. В этом контексте интересна позиция С. Г. Дробязко, рассматривающего правовые отношения как «юридическую форму взаимодействия различных общественных связей» [3, с. 377]. Указанное определение акцентирует внимание на том, что право выполняет не только регулятивную функцию, но и наделяет социальные связи упорядоченностью и юридической значимостью.

Правовые отношения занимают центральное место в теории права и служат главным средством реализации права. В догосударственный период они отсутствовали, поскольку отсутствовало право. Именно факт урегулированности правом дает основание именовать отношения правовыми. В правовом смысле под правоотношениями понимается общественное взаимодействие, выстроенное на взаимных правомочиях и должностованиях участников, охраняемых силой государства. Как отмечает В. А. Кучинский, ***это внешнее правовое выражение тех отношений в обществе, источником которых служат нормы права и определенные обстоятельства*** [4, с. 8]. Схожую формулировку в своих работах дает и А. Ф. Вишневский [1, с. 121].

Рассматривая сущность данной категории, можно выделить следующие признаки правоотношений:

- 1 Возникают, изменяются и прекращаются исключительно на основе норм права.
- 2 Участники связаны субъективными правами и обязанностями: правомочию одной стороны всегда соответствует обязательство другой.
- 3 Носят волевой характер: выражают волю (интерес) государства, санкционировавшего норму, и волю (интерес) участников, связанных общим предметом заинтересованности.
- 4 Охраняются государством, что обеспечивает соблюдение юридических процедур и привлечение виновных к ответственности.
- 5 Носят индивидуализированный характер: это конкретная связь, в которой стороны известны, а их действия взаимно обусловлены.

Анализ структуры правоотношений позволяет выделить четыре ключевых элемента: субъекты, объекты, субъективное право и юридическую обязанность (содержание).

Субъекты правоотношений – это физические и юридические лица, наделённые правами и обязанностями, установленными законодательством. Круг лиц, обладающих правовым статусом, определяется волей государства. Исторически сложилось, что не все люди изначально признавались субъектами права. Так, например, рабы на протяжении длительного времени выступали лишь объектами правового регулирования (предметами торговых сделок). В условиях феодализма крепостные крестьяне также не обладали полной гражданской свободой, их правовой статус был ограниченным [5, с. 187].

Любые правоотношения предполагают участие не менее двух субъектов. Они различаются между собой: это могут быть отдельные индивиды (физические лица), организации (коллективные субъекты), а также государство [6, с. 54].

Физическое лицо – это любой человек, независимо от наличия гражданства. В зависимости от правового статуса физические лица подразделяются на граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства (апатридов), бипатридов (лиц, имеющих двойное гражданство). В частных правоотношениях коллективные субъекты – это юрлица, обладающие организационным единством, обособленным имуществом, самостоятельной ответственностью и правом выступать в обороте от своего имени.

Государство как субъект права не является ни физическим, ни юридическим лицом. Его интересы представляют компетентные государственные органы. В роли субъекта может выступать как государство в целом (Республика Беларусь), так и его административно-территориальные единицы [6, с. 55].

Объекты правоотношений образуют те фрагменты реальности, по поводу которых у субъектов возникают взаимные права и обязанности. В юридической доктрине пока не выработано единого подхода к определению того, что именно может являться объектом таких отношений. Сторонники монистической концепции настаивают на том, что объектом являются исключительно действия субъектов правоотношений. В то же время плюралистическая теория, поддерживаемая большинством исследователей, исходит из того, что объекты правоотношений столь же многообразны, как и сами правовые механизмы регулирования общественных связей [5, с. 193].

Наиболее распространенной является классификация, включающая:

- 1 Предметы материального мира (вещи, имущество).
- 2 Продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства).
- 3 Личные неимущественные блага (жизнь, честь, здоровье).
- 4 Поведение участников правоотношений (действие или бездействие).
- 5 Результаты поведения участников.

Однако с развитием цифровых технологий и установлением новых экономических связей появился ещё один вид объектов, не укладывающийся в привычную систему, цифровые права. Как отмечают исследователи, «цифровые технологии давно стали неотъемлемой частью повседневной жизни, а в интернете активно формируется рынок цифровой продукции» [7, с. 151]. Основная особенность цифровых прав заключается в том, что их использование, распоряжение, включая передачу, залог или иные ограничения, возможно исключительно в рамках информационной системы без участия третьих лиц [7, с. 150].

Субъективное право – это мера возможного поведения управомоченного лица, обеспеченная юридическими обязанностями других участников. Структурно оно распадается на три правомочия: правомочие на личные действия, правомочие требования и правомочие на обращение к государству за защитными мерами [8, с. 33]. Юридическая же обязанность представляет собой предписанный масштаб поведения обязанного лица, который реализуется либо через выполнение требуемых действий (обязанность активная), либо через уклонение от запрещенных поступков (обязанность пассивная) [8, с. 33].

Проведенный анализ позволяет заключить, что правовые отношения представляют собой сложную и многогранную категорию, занимающую центральное место в механизме

правового регулирования. Они выступают не просто результатом действия норм права, но и той юридической формой, в которой абстрактные предписания трансформируются в конкретные социальные связи. Структура правоотношений демонстрирует неразрывную взаимосвязь всех элементов системы права. От четкости определения субъектного состава и правовой природы объектов зависит эффективность реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей. Таким образом, углубленное изучение теоретических аспектов правоотношений имеет ключевое значение для совершенствования законодательства и практики его применения, поскольку именно через правоотношения осуществляется фактическое воздействие права на общественную жизнь.

Литература

- 1 Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского ; М-во внутр. дел. Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Мн. : Акад. МВД, 2014. – 479 с.
- 2 Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 351 с.
- 3 Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., испр. – Мн. : Амалфея, 2013. – 496 с.
- 4 Кучинский, В. А. Основы учения о правовых отношениях : лекция / В. А. Кучинский ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Мн. : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 27 с.
- 5 Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.
- 6 Лагун, Д. А. Общая теория права : курс лекций / Д. А. Лагун. – Мн. : БГУ, 2010. – 184 с.
- 7 Твердова, Т. В. Цифровые права как объекты правоотношений / Т. В. Твердова, В. С. Комаров // Теория государства и права. – 2021. – № 2 (22). – С. 150–159.
- 8 Завьялов, С. О. Особенности субъективных прав и юридических обязанностей в теории государства и права / С. О. Завьялов, А. В. Царегородцев, Л. Д. Дмитриев, Н. Б. Игнатова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5–3 (68). – С. 32–35.

УДК 336.226.11

К. Д. Тозик

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПО ПОДОХОДНОМУ НАЛОГУ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются изменения стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу в Республике Беларусь с 1 января 2026 года. Рассматривается индексация вычетов в сопоставлении с инфляцией, ростом минимальной заработной платы и базовой ставки. Особое внимание уделено расширению перечня иждивенцев и увеличению вычета для молодых специалистов. Делается вывод о техническом характере общей индексации и адресной социальной направленности ключевых нововведений.

30 декабря 2026 года был опубликован Закон Республики Беларусь № 127-З «Об изменении законов по вопросам налоговых правоотношений», которым были внесены корректировки в порядок исчисления подоходного налога с физических лиц. С 1 января 2026 года

были обновлены положения Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), касающиеся индексации стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу. Ключевой особенностью произошедших обновлений является метод индексации. Как отмечает Министерство финансов Республики Беларусь, вычеты и льготы по подоходному налогу привязаны не к уровню роста инфляции, а к темпу роста номинальной заработной платы. Данный подход принципиально меняет оценку компенсационной функции налоговых вычетов.

В соответствии с п. 1 ст. 209 НК, стандартный налоговый вычет для физического лица и предельный размер дохода для его применения были увеличены [1]. Абсолютный прирост вычета составил 24 бел. руб. (или 12,5 %), а порога дохода – 144 бел. руб. (или 12,4 %). Динамика этих изменений представлена на рисунке 1.

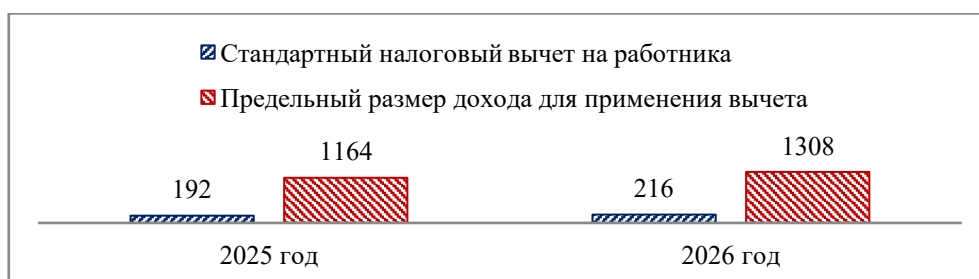

Рисунок 1 – Размеры стандартного вычета и порога дохода в 2025 и 2026 гг. (в бел. руб.)

Налоговый вычет родителям (усыновителям, удочерителям) на ребенка до 18 лет и (или) каждого иждивенца был увеличен с 56 до 63 бел. руб. в месяц. Для отдельных категорий граждан (вдовцов, одиноких родителей, опекунов) и для родителей, имеющих двух и более детей или детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, на каждого ребенка размер вычета повышен со 107 до 120 бел. руб. [1].

Для оценки реального влияния произошедшей индексации необходимо сравнить темпы роста вычетов с ключевыми экономическими показателями. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), инфляция по итогам 2025 года (декабрь 2025 к декабрю 2024) составила 6,83 % [2]. Рост стандартного вычета на 12,5 % номинально превышает инфляцию, однако следует учитывать, что цены на продовольственные товары за 2025 год подорожали на 9,05 %, а услуги – на 8,04 % [2]. Поскольку в расходах семей с детьми преобладают именно продовольственные товары и услуги, фактическая способность вычета компенсировать затраты существенно ослабевает.

Показательным является и сравнение с ростом минимальной заработной платы (далее – МЗП) и базовой ставки. С 1 января 2026 года МЗП увеличена на 18,2 %, базовая ставка – на 8,8 %. Стандартный налоговый вычет за тот же период вырос на 12,5 %. Таким образом, темп роста стандартного вычета находится между этими значениями: он опережает рост базовой ставки, но существенно отстаёт от роста минимальной заработной платы. Динамика этих индикаторов обобщена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Динамика МЗП, базовой ставки и стандартного вычета в 2025 и 2026 гг. (в бел. руб.)

Следует отметить, что экономия для налогоплательщика от применения стандартного вычета составляет 28,08 бел. руб. в месяц (216 бел. руб. $\times$ 13 %). При годовом исчислении это 337 бел. руб. Для плательщика подоходного налога на одного ребенка составляет 8,19 бел. руб. в месяц (63 бел. руб. $\times$ 13 %), или 98,3 бел. руб. в год. Несомненно, данные суммы обеспечивают определенную поддержку семейного бюджета, однако в условиях повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги и роста потребительских цен их компенсаторный потенциал остается незначительным.

Таким образом, проведенный анализ изменений стандартных вычетов носит преимущественно технический характер, обеспечивая номинальное увеличение сумм, но не приводя к существенному расширению налоговой поддержки массовых категорий плательщиков. Покупательная способность получателей вычетов остается на прежнем уровне, так как прирост вычетов компенсируется динамичным ростом тарифов и цен на товары повседневного спроса.

Отметим, что одним из наиболее значимых изменений в системе подоходного налогообложения 2026 года стало расширение круга лиц, признаваемых иждивенцами. Данная мера направлена на усиление социальной поддержки и учет реальных жизненных обстоятельств налогоплательщиков.

С 1 января 2026 года перечень иждивенцев в п.1 ст. 209 НК был дополнен новыми категориями. Теперь к иждивенцам для их супруга (супруги) относятся:

1) родитель (усыновитель, удочеритель, опекун, попечитель) ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, не работающий по трудовому договору и получающий пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет;

2) родитель (усыновитель, удочеритель) инвалида с детства I группы, не работающий по трудовому договору и получающий пособие по уходу за инвалидом I группы [1].

Ранее такие лица не признавались иждивенцами и работающий супруг не мог претендовать на налоговый вычет в связи с их содержанием. Нововведение устраняет этот пробел.

Можно привести пример: доход отца составляет 1500 бел. рублей в месяц, мать не работает, ухаживает за ребенком-инвалидом. До 2026 года отец имел право на налоговый вычет на себя и на ребенка-инвалида. С 2026 года мать признается иждивенцем, что дает право на дополнительный вычет. Результаты расчета представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Влияние нового статуса иждивенца на налоговую нагрузку семьи

Показатель	2025 г.	2026 г.
Доход отца (бел. руб./мес.)	1150	1150
Вычет отца: на себя	192 бел. руб.	216 бел. руб.
Вычет на ребенка-инвалида	107 бел. руб.	120 бел. руб.
Вычет на мать как иждивенца	—	120 бел. руб.
Общая сумма вычетов	299 бел. руб.	456 бел. руб.
Налогооблагаемый доход	851 бел. руб.	694 бел. руб.
Налог (13 %)	110,63 бел. руб.	90,22 бел. руб.
Ежемесячная сумма налоговой преференции	20,41 бел. руб.	
Годовая сумма налоговой преференции	244,92 бел. руб.	

Данная сумма, хотя и не является критически значимой для семейного бюджета, однако представляет собой дополнительный ресурс, который может быть направлен на нужды ребенка-инвалида.

Помимо включения новых категорий иждивенцев законодатель уточнил и расширил категории родителей, имеющих право на повышенный стандартный вычет в размере 120 бел. руб. на каждого ребенка. С 1 января 2026 года такое право предоставлено родителям (усыновителям, удочерителям), имеющим инвалидов с детства I группы, а также одного и более детей в возрасте до 18 лет и детей-инвалидов, инвалидов с детства I группы [1].

Данная норма унифицирует подход к поддержке семей, воспитывающих детей с инвалидностью, независимо от их возраста. Теперь семьи, где есть совершеннолетний инвалид с детства I группы, также получают право на повышенный налоговый вычет при наличии в семье других несовершеннолетних детей, что соответствует принципу социальной поддержки населения.

Третьим значимым направлением изменений 2026 года стало существенное увеличение налоговой поддержки молодых специалистов (получивших высшее, средне-специальное, профессионально-техническое образование, и трудоустроенных в соответствии со свидетельством о направлении на работу), направленное на облегчение финансового бремени выпускников в период их профессиональной адаптации.

С 1 января 2026 года стандартный налоговый вычет для молодых специалистов увеличен с 730 до 860 бел. руб. в месяц [1]. Рост составил 17,8 %, что существенно превышает темпы индексации иных стандартных вычетов (12,5 %) и направлено на сокращение налоговой нагрузки молодых работников. Для наглядности рассмотрим пример выпускника с зарплатой 1500 бел. руб. (таблица 2).

Таблица 2 – Налоговый вычет для молодых специалистов и его последствия

Показатель	2025 г.		2026 г.	
	Молод. спец.	Обычн. работник	Молод. спец.	Обычн. работник
Размер вычета для молодого специалиста (бел. руб.)	730	192	860	216
Пример заработной платы молодого специалиста (бел. руб./мес.)	1150	1150	1150	1150
Налог без вычета (бел. руб.)	149,50	149,50	149,50	149,50
Налог с вычетом (бел. руб.)	54,60	124,54	37,70	121,42
Ежемесячная сумма налоговой преференции (бел. руб.)	94,90	24,96	111,80	28,08
Годовая сумма налоговой преференции (бел. руб.)	1 138,80	299,52	1 341,60	336,96

Ежегодно место работы путем распределения получают около 60 тыс. выпускников, и, исходя из приведенного примера, общая сумма недополученных государством средств бюджета составляет 80,5 млн. бел. руб. в год, что подчеркивает приоритетность поддержки данной категории в налоговой политике. Опережающий рост вычета позволяет рассматривать данное нововведение как реальный инструмент повышения благосостояния начинающих работников. Полученная молодым специалистом ежемесячная экономия способна частично компенсировать стартовые затраты на аренду жилья, транспорт и обустройство быта.

Таким образом, изменения в системе налоговых вычетов 2026 года характеризуются разнонаправленным эффектом. С одной стороны, общая индексация стандартных вычетов для массовых категорий плательщиков налога не приводит к реальному росту покупательской способности. С другой стороны, адресные меры поддержки семей с детьми-инвалидами и молодых специалистов свидетельствуют о стремлении государства сделать налоговую систему более социально ориентированной и учитывающей реальные жизненные обстоятельства граждан. Дальнейшее совершенствование механизма налоговых вычетов должно быть направлено на усиление их компенсаторной функции через более тесную привязку к реальным темпам роста цен и тарифов.

Литература

1 Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 127-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026.

2 Индексы потребительских цен по Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tsenty/operativnye-dannye/indeksy-potrebitelskikh-tsen-po-respublike-belarus/> (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 336.02:351

Д. С. Хамерман

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной работе рассматривается фискальная политика как важнейший инструмент государственного регулирования экономики. Раскрывается сущность бюджетно-налоговых механизмов, их роль в стабилизации макроэкономических показателей, достижении полной занятости и сдерживании инфляционных процессов. Особое внимание уделено классификации фискальной политики на дискреционную и недискреционную, а также анализу инструментов стимулирующего и сдерживающего характера.

Одним из основных инструментов макроэкономического регулирования является фискальная политика.

Фискальная, или бюджетно-налоговая, политика представляет собой фундаментальный механизм макроэкономического регулирования, через который государственные органы управляют совокупным спросом, изменяя объем государственных расходов и систему налогообложения. В современной экономической системе она выступает в роли главного рычага, позволяющего не только сглаживать резкие колебания делового цикла, но и обеспечивать устойчивость темпов роста, высокий уровень занятости и контроль над инфляционными процессами. Главная задача фискальной политики – сбалансированность макроэкономической системы. Основная миссия фискальных мер заключается в поиске тонкого баланса между динамичным развитием экономики и социальным благополучием граждан, что делает её инструментом достижения макроэкономической стабильности и производства неинфляционного валового национального продукта [1].

Эффективность фискального воздействия напрямую зависит от выбранного режима функционирования инструментов, которые традиционно подразделяют на дискреционные и недискреционные.

Дискреционная политика подразумевает сознательное и активное манипулирование бюджетными параметрами со стороны законодательной власти для достижения конкретных целей в долгосрочном периоде. К её ключевым методам относятся разработка масштабных программ общественных работ, направленных на развитие инфраструктуры, транспорта и связи, а также создание программ занятости через размещение госзаказов на частных предприятиях. Напротив, недискреционная политика опирается на так называемые «встроенные стабилизаторы», такие как прогрессивное налогообложение и система социальных пособий, которые реагируют на изменения экономической ситуации автоматически, без специальных решений правительства. Например, в период спада налоговые поступления снижаются, а выплаты по безработице растут, что естественным образом поддерживает потребительский спрос.

Выбор конкретного вектора, а именно стимулирующего или сдерживающего, определяется текущей фазой экономического цикла. Стимулирующая политика, часто называемая фискальной экспансией, применяется в периоды рецессии и направлена на «оживление» экономики через снижение налогового бремени и наращивание государственных закупок и трансфертов. Хотя это нередко приводит к временному дефициту бюджета, такие меры позволяют минимизировать падение производства. Сдерживающая же политика активизируется при признаках «перегрева» рынка и высокой инфляции; в этом случае государство повышает налоги и сокращает расходы, чтобы изъять избыточную ликвидность. Ярким примером такого подхода стало введение в 2023 году налога на сверхприбыль для крупных компаний, что позволило ограничить инвестиционный перегрев и стабилизировать цены.

Налоги в этой системе играют тройственную роль: они не только аккумулируют средства для государственных нужд (фискальная функция), но и служат инструментом перераспределения национального дохода (экономическая функция), а также сглаживают социальное неравенство (социальная функция). При этом государственные расходы всегда имеют строго целевой и безвозвратный характер, отражая приоритеты политического и социального развития страны. В Республике Беларусь фискальный курс имеет ярко выраженную социальную направленность, что закреплено в Бюджетном и Налоговом кодексах. Особенностью отечественной модели является сохранение высокой доли государственного участия в распределении ВВП, что позволяет направлять более 40 % бюджетных средств на нужды здравоохранения, образования и социальной защиты [2, с. 4].

Белорусская налоговая система характеризуется сложностью и преобладанием косвенных налогов, таких как НДС и акцизы, которые являются основными источниками пополнения казны. При этом государство активно использует дискреционные стимулирующие меры для поддержки реального сектора экономики и сельского хозяйства, предотвращая массовую безработицу и поддерживая стратегически важные производства.

Важным вектором развития в последние годы стал переход к цифровому контролю через системы электронных счетов-фактур и личные кабинеты налогоплательщиков, что повышает эффективность сбора платежей без радикального изменения налоговых ставок. Таким образом, фискальная политика Беларуси выступает фундаментом устойчивости, позволяя оперативно корректировать законодательство под внешние вызовы и неизменно выполнять социальные обязательства перед обществом.

Подводя итог, можно сказать, что фискальная политика выступает не просто техническим набором экономических мер, а является фундаментом, обеспечивающим выполнение ключевых государственных обязательств перед обществом. В широком смысле это главный рычаг управления, через который государство находит хрупкий баланс между стимулированием экономического роста и поддержанием социального благосостояния. Используя механизмы налогообложения и бюджетного распределения, власть получает возможность оперативно реагировать на внешние вызовы, сглаживать последствия кризисов и сдерживать инфляционные риски, перераспределяя ресурсы в пользу наиболее значимых сфер. В основе этого процесса лежит гибкое маневрирование государственными финансами: в периоды экономической рецессии государство переходит к экспансионистской политике, снижая налоговую нагрузку и наращивая расходы для оживления совокупного спроса, что запускает механизм бюджетного мультипликатора, при котором первоначальные вложения государства кратно увеличивают общий экономический доход. Напротив, в моменты «перегрева» экономики, когда инфляционные ожидания начинают выходить из-под контроля, власть прибегает к сдерживающим мерам, ограничивая бюджетные траты и охлаждая чрезмерную потребительскую и инвестиционную активность. Тем не менее реализация этих стратегий сопряжена с серьезными вызовами, такими как временные лаги, из-за которых меры зачастую воздействуют на экономику с задержкой, и эффект вытеснения, когда масштабные государственные

заимствования могут провоцировать рост процентных ставок, делая кредитные ресурсы менее доступными для частного бизнеса. Более того, фискальная политика не существует изолированно, а требует тесной синхронизации с монетарными действиями центрального банка, так как разрыв между бюджетными стимулами и денежно-кредитными ограничениями способен обнулить любой положительный эффект. В конечном счете эффективная фискальная стратегия превращает государство из простого распорядителя средств в стратегического инвестора, который, преодолевая давление краткосрочных политических циклов и балансируя между бюджетным дефицитом и долгосрочной устойчивостью, задает вектор развития страны на десятилетия вперед, обеспечивая стабильность институциональной среды и создавая условия для устойчивого процветания.

Для Республики Беларусь фискальный курс сохраняет свою уникальную идентичность, выраженную в четкой социальной направленности. Приоритет «социальных гарантий», когда около трети бюджета ежегодно инвестируется в человеческий капитал через бесплатную медицину и образование, подчеркивает приверженность государства интересам граждан. Сочетание масштабной поддержки реального сектора экономики с внедрением высокотехнологичных методов цифрового контроля позволяет системе оставаться адаптивной и устойчивой. Таким образом, современная бюджетно-налоговая политика страны – это динамичный инструмент, который не только стабилизирует текущие показатели, но и формирует надежную базу для долгосрочного процветания социально ориентированной модели рынка.

Литература

1 Кичкайло, Д. Н. Фискальная политика: цели, инструменты, рекомендации по применению для правительства в рамках различных школ макроанализа / Д. Н. Кичкайло // Электронная библиотека БГУ. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/27168/1/Кичкайло_Фискальная%20политика.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

2 Фискальная политика : краткий курс лекций для студентов 3 курса направления подготовки 38.03.01. Экономика / сост. О. К. Котар // ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ». – Саратов, 2016. – 125 с.

УДК 342.52

Д. Д. Чернухо

ЗАКОН И ДЕЛЕГИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В данной работе рассматривается актуальная проблема: как совместить классическое понимание закона, создаваемого исключительно парламентом, с необходимостью быстрого и адаптивного правотворчества, осуществляемого через делегированное законодательство. Опираясь на труды Л. Н. Завадской, в статье рассматривается закон не как формальность, а как результат общественного согласия, что открывает путь к легитимной передаче части законодательных функций исполнительной власти. Сравнительный анализ правовых систем ведущих европейских стран (Франции, Германии, Великобритании, Италии) выявляет общие правовые инструменты, которые помогают сохранить баланс между оперативностью нормотворчества и демократическими принципами.

Согласно устоявшемуся в науке подходу, который отстаивает, в частности, Г. А. Василевич, закон воспринимается как механизм реализации народного суверенитета, где граждане через избранных делегатов задают общеобязательные стандарты

поведения [1, с. 45]. Однако реальность такова, что парламентские процедуры (чтения, согласования, комитеты) объективно медленны. Именно здесь возникает запрос на делегированное законодательство, под которым понимается передача высшим представительным органом части своих правотворческих функций органам исполнительной власти (как правило, правительству или главе государства).

Исследование сталкивается с дилеммой: с одной стороны, классическое понимание закона предполагает, что только парламент как высший представительный орган вправе принимать законы; с другой стороны, практика многих государств демонстрирует необходимость и эффективность делегированного законодательства. Возникает вопрос: не противоречит ли делегированное законодательство сущности и природе закона как акта представительного органа?

В литературе существует две противоположных точки зрения по вопросу допустимости такого делегирования. Сторонники «жесткой» линии (участники дискуссии в журнале «Государство и право» в 1995 г.) настаивают, что передача нормотворчества исполнительной власти «размывает принцип народного представительства» и создает риск узурпации власти [2, с. 32]. Однако наблюдается более гибкий подход, представленный в работах Л. Н. Завадской. Она предлагает смотреть на закон не как на формальный акт парламента, а как на «результат социального компромисса и баланса публичных интересов» [3, с. 85]. Если принимать такую логику, то решающим становится не то, кто подписал бумагу, а то, насколько этот акт отвечает потребностям общества и защищает права человека. Следовательно, делегированный акт не противоречит природе закона, если он действует под контролем парламента и в установленных рамках.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к зарубежной практике, где институт делегирования давно конституционно закреплен и успешно функционирует.

Во Франции (ст. 38 Конституции 1958 г.): Парламент принимает специальный закон-разрешение, на основе которого Правительство выпускает ордонансы, обладающие силой закона, в конкретной сфере и на четко ограниченный срок. Без последующей ратификации парламентом ордонансы утрачивают силу. Это классический пример «сдержек и противовесов».

Германская модель (ст. 80 Основного закона ФРГ): закон о делегировании обязан определить не просто полномочие, а содержание, цель и объем передаваемых прав. Конституционный суд ФРГ вывел доктрину «существенности»: все ключевые решения остаются за Бундестагом.

Великобритания: поскольку британский парламент обладает неограниченным верховенством, он может передавать часть своих полномочий другим органам. На практике это реализуется так: парламент принимает так называемый «рамочный» закон, который не содержит детальных норм, а лишь устанавливает общие принципы и уполномочивает правительство или отдельных министров самостоятельно разработать и издать необходимые подзаконные акты. Эти акты детализируют положения рамочного закона. Чтобы предотвратить злоупотребления, в парламенте действуют специальные комитеты, которые проверяют такие подзаконные акты. Если акт выходит за пределы делегированных полномочий, парламент может его отменить.

Опыт Италии (ст. 76 Конституции): делегирование возможно только при условии указания «принципов и критериев» делегирования, а также строго на время.

Анализ этих моделей позволяет выделить универсальные конституционные фильтры, превращающие делегированное законодательство из угрозы в эффективный инструмент:

1 Принцип определенности: закон о делегировании не может содержать общих фраз вроде «правительство вправе регулировать этот вопрос». Он обязан четко определить предмет регулирования, максимальные сроки действия делегированных полномочий и границы, за которые исполнительная власть не вправе выходить.

2 Временный характер: делегирование не может быть бессрочным.

3 Обязательный парламентский контроль: делегированные акты не могут вступать в силу автоматически. Необходим механизм их последующего утверждения (ратификации) парламентом. Если парламент не одобрит акт, он утрачивает силу.

4 Исключительная компетенция парламента: существуют сферы, которые парламент ни при каких условиях не может передавать исполнительной власти. К ним относятся регулирование прав и свобод человека и гражданина, установление налогов и сборов, утверждение государственного бюджета, а также определение основ конституционного строя.

Республика Беларусь отличается от других стран в этом вопросе. Конституция Республики Беларусь на текущий момент не содержит механизма, позволяющего Парламенту делегировать законодательные полномочия Президенту для издания декретов, имеющих силу закона. Это создает правовой вакуум в ситуациях, требующих оперативного вмешательства. Опыт Франции или Германии мог бы стать полезным ориентиром для возможного совершенствования белорусского законодательства.

Аргументы в пользу соответствия делегированного законодательства природе закона следующие:

Прежде всего, делегированное законодательство не заменяет собой законы, принятые парламентом, а органично их дополняет. Парламент сохраняет за собой определяющую роль: именно в законе о делегировании он устанавливает, какие полномочия, в каком объеме и на какой срок передаются исполнительной власти.

В последующем, как верно замечает А. Шохин, эффективность закона зависит от качества подготовки. Исполнительная власть часто имеет лучший доступ к экспертизе и оперативной информации, что позволяет делать регулирование более профессиональным [4, с. 112].

Также, опираясь на В. П. Шутленкова, отметим, что суть закона – в общеобязательности и регулировании важных отношений. Делегированный акт, принятый по полномочию парламента, этими свойствами обладает в полной мере [5, с. 78].

И наконец, как указывала И. В. Котелевская, законодательный процесс зависит от качества информации. У исполнительной власти здесь часто есть преимущество [6, с. 22].

Проведенное исследование позволяет сделать однозначный вывод: делегированное законодательство не противоречит сущности и природе закона как акта высшего представительного органа. Более того, в современном динамичном мире оно становится необходимым атрибутом развитой правовой системы. Угрозу представляет не само делегирование, а отсутствие конституционных рамок для него.

Итоговая позиция заключается в следующем: правовая природа закона сохраняется независимо от того, какой орган физически подписал акт, если этот акт:

- 1) издан на основании и во исполнение воли парламента;
- 2) не вторгается в «зарезервированную» сферу прав человека;
- 3) подлежит обязательному парламентскому контролю и ратификации;

Следовательно, институт делегирования не разрушает верховенство представительного органа, а, напротив, укрепляет его, делая регулирование одновременно и стабильным (через рамочный закон), и оперативным (через акт делегирования). Перспективным направлением для Республики Беларусь видится изучение европейских моделей (особенно французской) для возможного внедрения четкого механизма делегированного законотворчества с жесткими конституционными ограничителями.

Закон как акт высшего представительного органа не утрачивает своего значения, а напротив, приобретает новые механизмы реализации в условиях современного государства.

Литература

1 Василевич, Г. А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Мн. : Право и экономика, 1999. – 210 с.

- 2 Тихомиров, Ю. А. Закон в переходный период: опыт современной России («круглый стол» журнала) / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. – 1995. – № 10. – С. 25–48.
- 3 Завадская, Л. Н. Концепция закона: отрицание отрицания / Л. Н. Завадская // Теория права: новые идеи. – 1993. – Вып. 3. – С. 78–92.
- 4 Шохин, А. Взаимодействия властей в законодательном процессе / А. Шохин. – М. : Издательство «Наш дом – L'Age d'Homme», 1997. – 189 с.
- 5 Шутленков, В. П. Законотворчество : фундаментальный курс / В. П. Шутленков. – М. : Изд-во МЭГУ, 1993. – 215 с.
- 6 Котелевская, И. В. Информация и законодательный процесс / И. В. Котелевская // Советское государство и право. – 1990. – № 9. – С. 18–27.
- 7 Конституция Французской Республики 1958 года // Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. – 6-е изд. – М. : Норма, 2012. – 640 с.
- 8 Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. – 6-е изд. – М. : Норма, 2012. – 640 с.
- 9 Конституция Итальянской Республики 1947 года // Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. – 6-е изд. – М. : Норма, 2012. – 640 с.

УДК 342.2

А. Н. Яночкина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ И ЕГО СТРУКТУРА

В работе анализируются теоретические подходы к разграничению понятий «механизм государства» и «государственный аппарат», которые соотносятся как часть и целое. Рассматриваются функциональный и институциональный подходы, на основе которых формулируется определение государственного аппарата, выделяются его ключевые признаки. На практическом примере исследуется реализация принципа разделения властей в деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов. Отдельное внимание уделяется вертикали исполнительной власти, системе контрольно-надзорных органов и роли прокуратуры в структуре государственного аппарата. В заключении обосновывается вывод о том, что функционирование государственного аппарата базируется на принципах законности, иерархичности и профессионализма, однако может иметь национальную специфику, выражающуюся в степени централизации и распределении полномочий между ветвями власти.

В современной теории государства и права ключевым вопросом остается определение сущности, структуры и принципов, по которым строится государственный аппарат. От того, насколько эффективно функционирует механизм государства, напрямую зависит не только уровень правового регулирования общественных отношений, но и стабильность политической системы, которая в свою очередь оказывает влияние на все сферы жизни общества.

В данном исследовании будут проанализированы теоретические подходы к определению государственного аппарата и его структуры, а также изучена практическая применимость этих концепций на примере Республики Беларусь с целью выявления их соответствия действительности.

В сфере теории государства и права важно четко различать два тесно взаимосвязанных, но не идентичных понятия: «механизм государства» и «государственный аппарат» [2, с. 110; 3, с. 88]. Понятие механизма государства выходит за рамки системы

государственных органов. Оно охватывает более широкий спектр, включая различные государственные учреждения и организации, которые часто называются материальными придатками (армия, правоохранительные органы, пенитенциарная система) [2, с. 111; 4, с. 203]. Кроме того, механизм государства включает в себя необходимые ресурсы, обеспечивающие практическое осуществление властных полномочий. Государственный аппарат же традиционно понимается как система тех органов государства, которые наделены властными полномочиями и действуют на основе принципов профессионализма, иерархичности и законности [2, с. 112]. Соотношение между этими понятиями выстраивается как отношение части и целого: аппарат выступает ядром механизма государства, его организующим и направляющим элементом, тогда как механизм включает помимо этого ядра также материальные придатки и всю инфраструктуру, обеспечивающую реальное действие властных решений.

В рамках доктринальных исследований сформировались разнообразные концепции определения государственного аппарата. Функциональный подход, в частности, ставит во главу угла сущность его деятельности. В его понимании, государственный аппарат представляет собой совокупность специализированных институтов, каждый из которых призван решать конкретные задачи, охватывающие общее управление, отраслевое регулирование, обеспечение правопорядка и отправление правосудия [2, с. 114].

Согласно институциональной точке зрения, государственный аппарат рассматривается как совокупность элементов, чьи правовые характеристики определены законодательством. Эти характеристики включают в себя установленные законом полномочия, процедуры формирования и механизмы ответственности государственных органов [3, с. 91].

Исходя из анализа функционального и институционального подходов, возможно сформулировать соответствующие определения государственного аппарата для каждого из них [2, с. 114–115]. В рамках **функционального подхода** под государственным аппаратом понимается система специализированных органов государства, каждый из которых выполняет строго определённые задачи (общее управление, отраслевое регулирование, охрана правопорядка, правосудие) [2, с. 114]. В рамках **институционального подхода** государственный аппарат определяется как иерархическая система государственных органов, чьи компетенция, порядок формирования и ответственность закреплены в нормах права [2, с. 115]. Обобщая различные доктринальные взгляды, можно предложить следующее **определение**: государственный аппарат – это основанная на принципах законности, централизации и разделения властей иерархическая система государственных органов, обладающих властными полномочиями и действующих в пределах своей компетенции для реализации функций государства [2, с. 117].

В рамках общей теории государства и права, государственный аппарат традиционно понимается как его материальное воплощение, то есть та реальная, осязаемая структура, которая обеспечивает государству его предметность и практическую реализуемость, предотвращая его превращение в абстрактное понятие [2, с. 116].

К числу ключевых признаков государственного аппарата можно отнести несколько взаимосвязанных характеристик. Прежде всего, это его властный характер, который проявляется в праве принимать общеобязательные решения и при необходимости применять меры государственного принуждения. Далее, важнейшими свойствами выступают легальность и легитимность: формирование и деятельность аппарата строго регламентированы Конституцией и законами, а легитимность, в свою очередь, служит необходимым условием эффективного функционирования власти, поскольку обеспечивает добровольное признание обществом права государства на управление [2, с. 118; 4, с. 208]. Ещё одним неотъемлемым признаком является структурированность – аппарат представляет собой сложную иерархию, где каждый элемент обладает собственной компетенцией и находится в определённой субординации по отношению к вышестоящим органам [2, с. 119]. Наконец, государственный аппарат всегда опирается на так называемые материальные

придатки, то есть на систему правоохранительных органов, вооружённые силы, пенитенциарную систему и финансовые институты, без которых осуществление его функций было бы невозможным [3, с. 95].

Анализ структуры государственного аппарата Республики Беларусь позволяет проследить реализацию вышеуказанных теоретических положений с учетом национальной специфики. Согласно Конституции Республики Беларусь, основополагающим принципом организации государственной власти является принцип разделения властей [1, ст. 6].

Законодательная власть представлена Парламентом – Национальным собранием Республики Беларусь, которое является представительным и законодательным органом. Парламент состоит из двух палат: Палаты представителей, являющейся нижней палатой, и Совета Республики, выступающей в качестве верхней палаты [1, ст. 90]. Двухпалатная структура призвана обеспечить баланс интересов различных территориальных единиц и тщательность проработки законопроектов. Вместе с тем в механизме сдержек и противовесов белорусского парламента существует определенная специфика, а именно право роспуска парламента Президентом в случаях, установленных Конституцией, что накладывает отпечаток на характер взаимодействия ветвей власти [1, ст. 94].

Исполнительная власть реализуется через Совет Министров и систему республиканских органов государственного управления [1, ст. 106–107]. Совет Министров, или Правительство, является центральным органом исполнительной власти [1, ст. 106]. Именно исполнительная власть обладает наибольшим объемом материальных ресурсов и административного аппарата. В Республике Беларусь структура исполнительной власти строго централизована. Правительство подотчетно Президенту и осуществляет управление экономикой, социальной сферой и обороной через систему министерств, государственных комитетов и концернов [1, ст. 106]. Местные исполнительные и распорядительные органы, к которым относятся облисполкомы, Мингорисполком и райисполкомы, образуют единую систему с республиканскими органами управления, что обеспечивает вертикаль исполнительной власти.

Судебная власть и правоохранительный блок занимают особое место в структуре государственного аппарата. Судебная система строится на принципах независимости судей и подчинения их только закону [1, ст. 110]. В структуру судебной власти входят Конституционный Суд, осуществляющий контроль за конституционностью нормативных актов, система общих судов во главе с Верховным Судом, а также система хозяйственных судов, функционирующая в рамках единой судебной системы [1, ст. 112–116]. Отдельное место в структуре государственного аппарата занимает Прокуратура, которая, согласно конституционным изменениям, образует единую централизованную систему и не относится к судебной власти, осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории страны [1, ст. 125–128].

Обобщая теоретический материал, можно выделить ключевые принципы, на которых строится функционирование государственного аппарата в Республике Беларусь. Принцип законности требует неукоснительного соблюдения Конституции и законов всеми звеньями механизма государства, что в условиях правового государства является основополагающим. Принцип разделения властей, хотя в белорусской модели реализован с учетом доминирующего положения Президента, формально предполагает обособленность законодательной, исполнительной и судебной ветвей, каждая из которых имеет собственную компетенцию. Принцип централизации и единства системы особенно ярко выражен в исполнительной власти и системе правоохранительных органов, где нижестоящие органы подчиняются вышестоящим, что обеспечивает оперативность управления и дисциплину. Принцип профессионализма и компетентности предполагает замещение должностей в государственном аппарате лицами, имеющими соответствующее образование, квалификацию и опыт работы, поскольку от кадрового состава аппарата напрямую зависит эффективность государственного управления.

Подводя итог, можно констатировать, что государственный аппарат Республики Беларусь представляет собой сложную, многоуровневую систему. Структура этого аппарата, с одной стороны, базируется на классических постулатах теории государства и права – разделении властей, иерархичности и законности. С другой стороны, она имеет ярко выраженную национальную специфику, выражающуюся в особом статусе Президента как интегрирующего центра механизма государства, строгой централизации исполнительной вертикали и единстве системы контрольно-надзорных органов. Совершенствование структуры государственного аппарата представляет собой непрерывный процесс, направленный на повышение эффективности управления, укрепление законности и обеспечение прав и свобод граждан. Для Республики Беларусь на современном этапе ключевыми направлениями развития остаются оптимизация численности аппарата, внедрение цифровых технологий в административные процессы и дальнейшее укрепление механизмов взаимодействия между ветвями власти.

Литература

- 1 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями на 24.11.1996 г., 17.10.2004 г., 27.02.2022 г.). – Мн. : Амалфея, 2022. – 80 с.
- 2 Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 464 с.
- 3 Дробязко, С. Г. Общая теория права : учебное пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., испр. – Мн. : Амандзен, 2013. – 496 с.
- 4 Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Мн. : Тессей, 1999. – 560 с.

УДК 342.98

А. А. Ятченко

К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются правовые гарантии защиты государственных служащих, содействующих выявлению коррупции, в аспекте национального и зарубежного законодательства. Исследуются положения Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», регулирующие меры государственной охраны и выплаты. Проведен сравнительный анализ зарубежного опыта, в частности института «сигнал тревоги» в законодательстве США и гарантий государственных служащих в Республике Казахстан.

Защита прав государственных служащих в Республике Беларусь представляет собой комплексный правовой механизм, который включает в себя не только перечень прав, но и конкретные гарантии их соблюдения. Данный механизм базируется на следующем принципе: «Государственный служащий, реализующий публичные полномочия, сам нуждается в надежной юридической защите от произвола, дискриминации и посягательств на его достоинство».

На практике государственные служащие нередко сталкиваются с ситуациями, когда они являются свидетелями правонарушений, в том числе связанных с коррупцией, однако не могут сообщить о них в силу возникающей угрозы преследования и иных противоправных действий со стороны заинтересованных лиц.

Указанный принцип находит свое развитие и конкретизацию в антикоррупционном законодательстве. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля

2015 г. № 305-З предусматривает гарантии физическим лицам, способствующим выявлению коррупции, устанавливая комплексный режим государственной охраны для таких лиц. Важно отметить, что данные гарантии распространяются на всех физических лиц независимо от их статуса (наличие или отсутствие статуса государственного служащего), сообщивших о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, или о непосредственно коррупционном правонарушении.

Прежде всего, закон гарантирует, что любое физическое лицо, сообщившее о таком факте, находится под защитой государства – это означает, что государство берет на себя обязательство предотвращать любое давление или преследование со стороны заинтересованных лиц.

Если имеются достаточные основания полагать, что существует реальная угроза совершения убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иных противоправных действий в отношении лица, содействующего выявлению коррупции, а также его супруга (супруги), близких родственников или свойственников, указанным лицам гарантируется применение мер безопасности в порядке, предусмотренном законодательством. Помимо этого, такому физическому лицу в случаях и на условиях, установленных Советом Министров Республики Беларусь, выплачиваются вознаграждение и иные выплаты, которые не подлежат указанию в декларации о доходах и имуществе [1, ст. 39].

Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь № 619 от 12.09.2019, физическое лицо, оказавшее содействие в борьбе с коррупцией, вправе рассчитывать на вознаграждение и компенсационные выплаты.

Основаниями для этого служат:

- передача данных, предметов или документов, которые помогли раскрыть коррупционное преступление;
- указание местонахождения разыскиваемого коррупционера;
- предоставление сведений о местонахождении средств или имущества, добытых преступным путем;
- иная информация, которая способствовала предотвращению ущерба от коррупционного преступления или его возмещению.

Решение о выплате вознаграждения и иных компенсаций принимается руководителем органа прокуратуры. Основанием для этого служит ходатайство, направленное прокурору со стороны органа уголовного преследования.

Размер выплаты зависит от тяжести коррупционного преступления, в раскрытии которого оказано содействие:

- до 50 базовых величин – за помощь в расследовании тяжких или особо тяжких преступлений;
- до 30 базовых величин – за содействие в раскрытии менее тяжких коррупционных деяний.

Выплаты компенсирующего характера до 10 базовых величин производятся на основании документов, подтверждающих произведенные физическим лицом расходы [2, п. 1]. Это делается для того, чтобы сам факт получения вознаграждения не стал дополнительным риском для информатора и не раскрывал его личность перед третьими лицами, которые могли бы использовать эти сведения для идентификации.

Подобные гарантии закреплены в законодательстве зарубежных стран. Например, в соответствии с законодательством Республики Казахстан, государственный служащий имеет право на правовую и иную защиту в случае доведения им до сведения вышестоящего руководителя и (или) руководства государственного органа, в котором он работает, и (или) уполномоченных государственных органов о ставших ему известными случаях готовящихся, совершаемых или совершенных коррупционных правонарушений [3, ст. 9].

Наказание не может быть применено к служащему, давшему «сигнал тревоги» в США. Законодательство США содержит четкое определение понятия «запрещенная

кадровая практика», которая касается случаев, когда федеральный служащий подает сигнал тревоги о нарушении закона, неправильном управлении, растратах, злоупотреблениях властью или об опасности общественному благополучию; федеральные служащие подвергаются политическому давлению, вовлечены в запрещенную политическую деятельность или наоборот, необоснованно ограничивается их политическая деятельность. Каждый госслужащий защищен от наказания за «сигнал тревоги», за исключением раскрытия информации, признанной секретной и запрещенной к разглашению законом.

Приведенный выше опыт свидетельствует о необходимости расширения предмета правовой защиты государственных служащих в национальном законодательстве. Несмотря на то, что Закон о борьбе с коррупцией предусматривает гарантии для всех физических лиц, включая государственных служащих, в самом Законе «О государственной службе» отсутствует прямое указание на право государственного служащего на защиту в связи с сообщением о коррупционных правонарушениях. Такое пробельное регулирование создает риск того, что государственный служащий-информатор может быть не в полной мере осведомлен о наличии у него соответствующих гарантий, что снижает эффективность механизма противодействия коррупции.

В связи с изложенным, для приведения правового регулирования в соответствие с антикоррупционным законодательством и создания полноценного механизма защиты служащих, представляется необходимым внести дополнение в статью 24 Закона Республики Беларусь «О государственной службе», дополнив перечень основных прав государственного служащего абзацем следующего содержания: *«Государственный служащий, сообщивший о факте правонарушения, создающего условия для коррупции или о непосредственно коррупционном правонарушении, имеет право на правовую и иную защиту государства в порядке, установленном законодательством о борьбе с коррупцией»*.

Данное право выступает системообразующим элементом современной модели государственной защиты, обеспечивающим не только безопасность конкретных служащих, но и устойчивость всей системы государственного управления. Его внедрение позволит устранить пробел в отраслевом законодательстве о государственной службе, повысить уровень правовой защищенности государственных служащих, выполняющих важную социальную функцию по выявлению и пресечению коррупционных проявлений, а также создать дополнительные стимулы для добросовестного исполнения государственными служащими обязанности по противодействию коррупции.

Литература

1 О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500305> (дата обращения: 21.04.2026).

2 О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 12 августа 2019 г., № 619 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=C21900619&ysclid=mo9ua5kiol453583213> (дата обращения: 21.04.2026).

3 О государственной службе : Закон Республики Казахстан, 23 ноября 2015 г., № 416-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36786682&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 21.04.2026).

**ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ**

Статья посвящена исследованию ценностных ориентаций мотивации достижения студентов из полных и неполных семей. На основе методики С. А. Пакулиной выявлены различия в выраженности интериоризированного и экстериоризированного успеха у представителей обеих групп. Установлено, что студенты из неполных семей демонстрируют более высокую внутреннюю мотивацию достижения, тогда как у студентов из полных семей преобладают низкие показатели по большинству шкал.

Мотивация достижения играет ключевую роль как в личностном развитии человека, так и в психологических исследованиях. Она способствует самореализации, усиливает стремление к успеху и помогает людям преодолевать жизненные трудности. Высокий уровень мотивации достижения не только повышает удовлетворенность выполненной работой, но и укрепляет уверенность в себе. Успешность деятельности определяется несколькими факторами: силой мотивации, ценностью успеха в системе личных ориентиров, а также развитием необходимых навыков [1, с. 29].

Потребность человека добиваться стабильных результатов в разных сферах деятельности впервые была описана Г. Мюрреем, который рассматривал стремление к успеху как желание выполнять задачи быстро и качественно. Он подчеркивал, что эта потребность проявляется во всех жизненных обстоятельствах, независимо от конкретного вида деятельности [2, с. 179]. Позднее Д. Макклелланд уточнил это понятие, определив мотивацию достижения как соответствие критериям качества выполнения работы [3, с. 37]. Х. Хекхаузен дополнил это описание, связывая мотивацию достижения с желанием выполнять деятельность максимально хорошо и превосходить других. В его теории мотив достижения трактуется как стремление совершенствовать собственные способности или поддерживать их на высоком уровне в сферах, связанных с успехом или неудачей [1, с. 21].

Среди различных направлений исследований мотивации достижения особое место занимает интегративная модель, в которой ключевую роль играют ценности. Именно они формируют стремления человека, определяя его цели и способы их достижения. Ценности служат фундаментом системы мотивов, влияя на поведение и принятие решений. Учитывая их значимость, можно точнее прогнозировать поведение людей. При этом ценности могут быть как осознаваемыми, так и скрытыми [4, с. 65]. Люди с высокой мотивацией достижения чаще ценят усердный труд, целеустремленность и независимость, ориентируясь на высокие стандарты качества и стремление к росту. Они предпочитают терминальные ценности, такие как карьерный успех, а также инструментальные – настойчивость и самодисциплину [5, с. 34]. Эти идеи восходят к концепции «протестантской этики» М. Вебера, подчеркивающей значимость труда и дисциплины.

Также связь между мотивацией и ценностями проявляется в профессиональном выборе. Особый интерес представляет исследование Дж. Эклс, которое подтвердило, что мотивация зависит от восприятия ценности предмета. Так, школьники, считавшие математику полезной, чаще выбирали углубленный курс. При этом девочки проявляли меньшую уверенность в ее важности, что отражалось на их академических успехах [6, с. 31]. Другие исследования показали, что подростки с высокой настойчивостью придавали значение успеху, самостоятельности и ответственности, тогда как их сверстники с низкой настойчивостью ориентировались на умеренность, уважение к старшим и послушание. Это демонстрирует, что одни люди нацелены на личные достижения, а другие – на социальные отношения [5, с. 39].

Мотивация достижения не является врожденным свойством, так как формируется под влиянием воспитания, среды и культурных норм. Д. Макклелланд отмечал, что развитие мотивации зависит от семейного воспитания в раннем возрасте [3, с. 75].

Исследование неполных семей позволяет понять влияние семейной структуры на развитие детей. Дети, растущие в таких условиях, могут сталкиваться с тревогой, чувством утраты или сниженной самооценкой, однако многое зависит от ресурсов семьи и поведения родителя. Один родитель нередко берет на себя двойную нагрузку, что повышает стресс, но может служить примером самостоятельности и силы, формируя у детей стойкость и ответственность.

Дети из неполных семей часто компенсируют отсутствие одного родителя, опираясь на поддержку друзей и родственников. В таких условиях формируются специфические особенности мотивации, среди которых выделяется стремление к самоутверждению. Они активно проявляют себя в учебе и спорте, рассматривая успех как способ компенсировать нехватку поддержки. Исследования А. Б. Холмогоровой показывают, что дети, воспитывающиеся без отца, часто демонстрируют повышенную учебную мотивацию [7, с. 21].

Стремление к достижениям помогает им получать признание, что особенно важно при дефиците внимания. По данным О. Г. Калининой, желание получить одобрение является значимым фактором их мотивации [7, с. 19]. Повышенная ответственность также становится характерной чертой: дети раньше учатся организовывать время и самостоятельно решать задачи. Исследование М. М. Далгатова, М. М. Джабраиловой подтверждает, что они раньше приобретают самостоятельность и ответственность [8, с. 20].

Отсутствие одного из родителей может способствовать развитию эмоциональной устойчивости. Способность адаптироваться к стрессу и преодолевать трудности становится важной частью личностного роста. Как отмечает В. С. Мухина, дети из неполных семей часто демонстрируют высокую адаптивность и эмоциональную устойчивость, что способствует их успехам [9, с. 34].

С целью изучения ценностной ориентации мотивации достижения студентов из полных и неполных семей было проведено исследование. Базой исследования выступил Белорусский государственный университет транспорта. В исследовании приняли участие 137 студентов 1–5 курсов из полных (100 человек) и неполных (37 человек) в возрасте от 17 до 24 лет. Всего 42 юношей и 95 девушек.

Для исследования ценностной ориентации мотивации достижения студентов из полных и неполных семей использовалась методика для диагностики мотивации достижения студентов С. А. Пакулиной, которая позволяет определить ценностные предпочтения мотивов успеха студентов в ВУЗе, образующего структуру мотивации достижения успеха. В ней различают девять шкал, отнесенных к двум тенденциям: интериоризированному и экстериоризированному успеху.

По результатам диагностики методикой мотивации достижения студентов С. А. Пакулиной были получены следующие результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты методики «Мотивация достижения студентов» С. А. Пакулиной, в %

Уровни и типы мотивов / Тип семьи	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень	
	Полная	Неполная	Полная	Неполная	Полная	Неполная
1	2	3	4	5	6	7
Успех – удача	15	21,62	33	35,14	52	43,24
Успех как материальный уровень жизни	22	27,03	28	40,54	50	32,43
Успех – признание	12	8,11	16	24,32	72	67,57
Успех – власть	4	5,41	10	18,92	86	75,68
Успех как результат собственной деятельности	25	43,24	24	27,03	51	29,73
Личный успех	29	40,54	28	32,43	43	27,03

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Успех как психическое состояние	26	37,84	27	35,14	47	27,03
Успех как преодоление препятствий	11	27,03	32	35,14	57	37,84
Успех – призвание	20	35,14	31	35,14	49	29,73

У студентов из полных семей по всем шкалам чаще всего встречается низкий уровень выраженности мотивации. У студентов из неполных семей, напротив, высокий уровень характерен по шкалам «Успех как результат собственной деятельности», «Личный успех» и «Успех как психическое состояние». Средний уровень наблюдается по шкалам «Успех как материальный уровень жизни» и «Успех-призвание». Низкие показатели у студентов из неполных семей выявлены по шкалам «Успех-удача», «Успех-признание», «Успех-власть» и «Успех как преодоление препятствий».

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что студентам из полных и неполных семей в целом не свойственна выраженная внешняя мотивация достижения успеха, ориентированная на результат, определяемый внешними факторами. Это подтверждается преимущественно низкими значениями по шкалам, отражающим экстернизированный успех. В данной выборке студенты из полных семей продемонстрировали более низкие значения в сравнении со студентами из неполных семей по шкалам, отражающим внутреннюю мотивацию. Студентам из неполных семей, напротив, по большинству шкал интериоризированного успеха присущ высокий уровень.

Для выявления статистически значимых различий мотивации успеха между студентами из полных и неполных семей был использован ϕ^* -критерий Фишера. Расчет статистически значимых различий по мотивации достижения у студентов из полных и неполных семей приведен в таблице 2.

Таблица 2 – Расчет статистически значимых различий с помощью ϕ^* -критерия Фишера опросника «Мотивации достижения студентов» С. А. Пакулиной у студентов из полных и неполных семей

Шкала	Значение φ*критерия Фишера	Критическая точка при φ* = 0,05	Критическая точка при φ* = 0,01	Значимость различий
Успех – удача	1,026	1,64	2,31	не значимо
Успех как материальный уровень жизни	1,268			не значимо
Успех –признание	0,504			не значимо
Успех – власть	0,479			не значимо
Успех как результат соб- ственной деятельности	2,392**			значимо
Личный успех	1,706*			значимо
Успех как психическое со- стояние	1,951*			значимо
Успех как преодоление пре- пятствий	2,426**			значимо
Успех – призвание	2,186*			значимо
Примечание: * – уровень значимости 0.05. ** – уровень значимости 0.01				

В ходе исследования были выявлены статистически значимые различия между студентами из полных и неполных семей. На уровне значимости 5 % различия обнаружены

по шкалам «Личный успех», «Успех как психическое состояние» и «Успех – призвание». На уровне значимости 1 % различия выявлены по шкалам «Успех как результат собственной деятельности» и «Успех как преодоление препятствий».

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что мотивация достижения формируется под влиянием комплекса факторов: индивидуальных ценностей, особенностей воспитания, социального окружения и культурных норм. Ценности выступают фундаментом мотивационной сферы, определяя значимость успеха, способы его достижения и устойчивость стремления к результату. Исследования Г. Мюррея, Д. Макклелланда, Х. Хекхаузена и других авторов подтверждают, что мотивация достижения тесно связана с внутренними ориентирами личности, а ее развитие во многом зависит от условий семейного воспитания. Особое внимание уделяется детям из неполных семей, у которых формируются специфические особенности мотивации: стремление к самоутверждению, повышенная ответственность, ранняя самостоятельность и эмоциональная устойчивость. Эти качества становятся значимыми ресурсами, поддерживающими их стремление к успеху.

Эмпирическое исследование ценностной ориентации мотивации достижения студентов из полных и неполных семей подтвердило различия, выявленные в теоретической части. Студенты из полных семей продемонстрировали преимущественно низкие показатели как по шкалам интериоризированного, так и экстериоризированного успеха, что указывает на менее выраженную мотивацию достижения. У студентов из неполных семей, напротив, выявлены высокие значения по большинству шкал внутренней мотивации, что отражает ориентацию на собственные усилия, личностный рост и стремление к самореализации.

Литература

- 1 Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения : учеб. пособие / Х. Хекхаузен. – СПб. : Речь, 2011. – 256 с.
- 2 Мюррей, Г. Исследование личности / Г. Мюррей – М. : Логос, 2001. – 234 с.
- 3 Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
- 4 Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 572 с.
- 5 Гордеева, Т. О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07 / Гордеева Тамара Олеговна ; МГУ. – М., 2013. – 444 с.
- 6 Eccles, J. S. Sex difference s in achievement: A test of alternate theories / J. S. Eccles, R. Adier, J. Meece // Journal of Personality and Social Psychology. – 1984 – Vol. 46. – P. 26–43.
- 7 Калинина, О. Г. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков / О. Г. Калинина, О. Г. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 15–26.
- 8 Далгатов, М. М. Эмоциональное развитие подростков в неполных и смешанных семьях / М. М. Далгатов, М. М. Джабраилова // Известия ДГПУ. – 2014. – № 1. – С. 18–22.
- 9 Мухина, В. С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа / Вопросы психологии / В. С. Мухина. – 1989. – № 1. – С. 32–39.

УДК 316.622:616.89-008.444.9-053.6

А. А. Андрейковец

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматривается феномен агрессивного поведения в подростковом возрасте как одной из наиболее актуальных социально-педагогических проблем. Анализируются психологические предпосылки и функции агрессии, выступающей формой

реакции на сложные жизненные ситуации и внутренние конфликты. Определены уровень и структура агрессивности среди учащихся. Обоснована необходимость внедрения программ развития саморегуляции и конструктивных коммуникативных навыков для профилактики дезадаптации подростков.

Подростковый возраст, являясь переходным этапом от детства к взрослости, характеризуется не только интенсивным физическим и психическим развитием, но и социально-психологическими изменениями. В этот период происходит становление самооценки, критического отношения к окружающим, стремления к самостоятельности и самоутверждению. Однако, как отмечал Л. С. Выготский, данный возраст представляет собой совокупность условий, в высшей степени предрасполагающих к воздействию психотравмирующих факторов [1, с. 213]. Одним из наиболее ярких и социально значимых проявлений дезадаптации в этот период выступает агрессивное поведение.

Агрессия в подростковом возрасте часто выполняет защитную функцию, выступая формой реакции на фрустрирующие ситуации, внутреннюю неуверенность и противоречия. Через такое поведение подросток нередко пытается отстоять свои права, продемонстрировать стремление к взрослости и потребность в уважении со стороны окружающих. В то же время агрессия может сигнализировать о невозможности самостоятельно справиться с психологическими и возрастными трудностями, выступая индикатором нарушений в процессе социализации.

С целью диагностики агрессивного состояния среди учащихся подросткового возраста было проведено исследование на базе ГУО «Средняя школа № 26 г. Гомеля». Выборка составила 40 участников 8-х классов, средний возраст 13–14 лет. Испытуемые были разбиты на две группы (экспериментальную и контрольную) по 20 человек в каждой. Экспериментальная группа (ЭГ) состояла из учащихся 8 «А» класса, а контрольная группа (КГ) – из учащихся 8 «Б» класса.

Так как подростковый возраст часто характеризуется повышенной конфликтностью, раздражительностью и вспышками гнева, проявление данных признаков может выступать как вариант нормы, связанным с процессом взросления, так и сигналом о наличии психологических проблем [2, с. 115]. Для корректного выявления необходимо использование методики, которая позволит дифференцировать проявление агрессии по шкалам. В процессе диагностики был выявлен уровень агрессивности подростков ЭГ (рисунок 1) и КГ (рисунок 2).

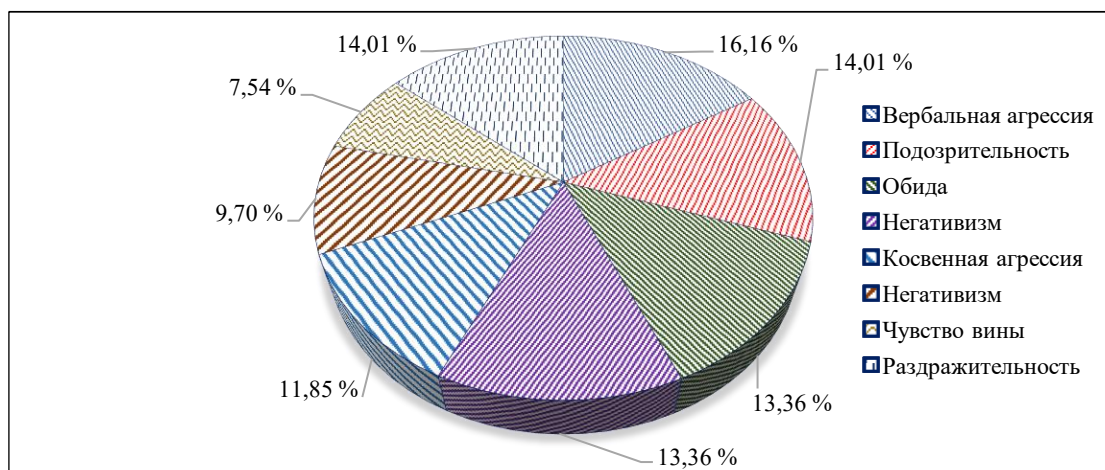

Рисунок 1 – Результаты исследования по опроснику агрессивности подростков Басса-Дарки в ЭГ

На рисунке 1 видно, что в ЭГ наиболее выраженной является вербальная агрессия, которая была выявлена у 16 % респондентов (4 человека). Это проявляется в склонности

к крику, угрозам или словесным оскорблениям. Наблюдается высокий уровень раздражительности, был отмечен у 14 % (3 человека), может проявляться в вспышках гнева. Подозрительность выявлена у 14 % (3 человека), эта шкала демонстрирует общее недоверие к окружающим и ожидание вреда с их стороны. Обида как устойчивое негативное чувство характерно для 13 % (3 человека). Косвенная агрессия наблюдается у 12 % (2 человека), свидетельствует о наличии группы подростков, готовых к непосредственному физическому противостоянию, физическая агрессия 13 % (3 человека). Негативизм свойственен 10 % (что составляет 1 человек). При этом был выявлен относительно низкий показатель чувства вины 8 % (1 человек), может говорить о недостаточном осознании негативных последствий своих действий и сниженном самоконтроле.

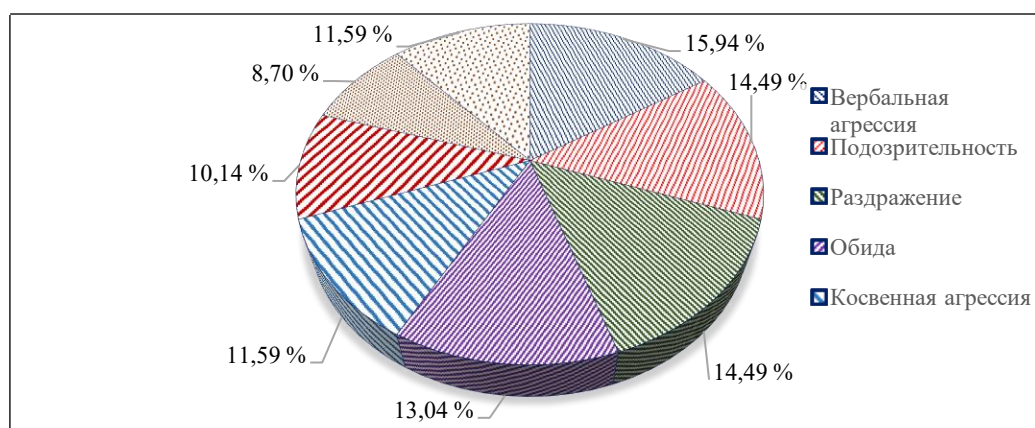

Рисунок 2 – Результаты исследования по опроснику агрессивности подростков Басса-Дарки в КГ

На рисунке 2 видно, что у КГ общая картина является менее острой, хотя также демонстрирует наличие проблемных зон. Ведущей формой реакций здесь также является вербальная агрессия, но ее уровень – 16 % (4 человека) заметно ниже, чем в ЭГ. Высокий показатель выявлен по шкале подозрительность 14 % (3 человека). Раздражение свойственно 14 % (3 человека), а обида 13 % (3 человека). Косвенная агрессия выявлена у 12 % (2 человека), физическая агрессия 10 % (2 человека), это указывает на менее выраженные деструктивные тенденции в поведении. Негативизм наблюдается у 9 % (2 человека). Показатель чувства вины в КГ 12 % (что составляет 2 человека).

Сравнение данных выявляет статистически значимые различия по всем основным шкалам, за исключением чувства вины, где ситуация обратная (рисунок 3).

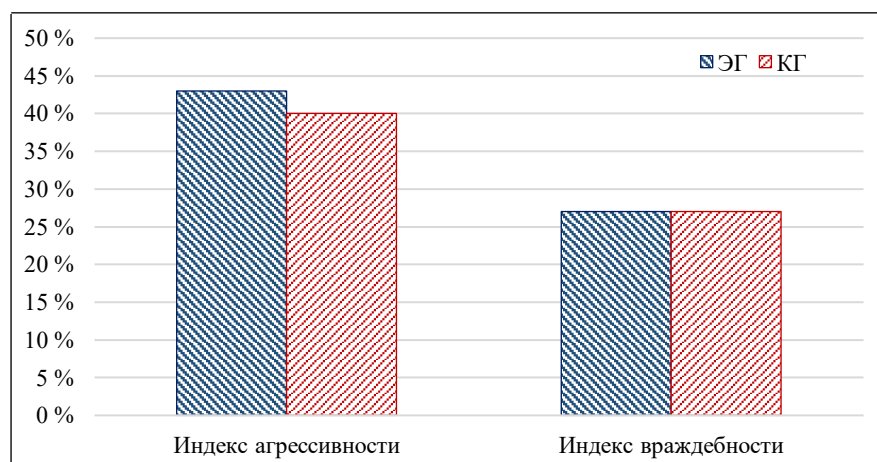

Рисунок 3 – Сравнительный анализ результатов по опроснику агрессивности подростков Басса-Дарки в ЭГ и КГ

На рисунке 3 видно, что индекс агрессивности (объединяющий физическую, вербальную агрессию и раздражение) в ЭГ (43 %) превышает аналогичный показатель в КГ (40 %). Для индекса враждебности (обида и подозрительность) ситуация другая, результаты находятся на одном уровне: 27 % в ЭГ и 27 % в КГ.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что агрессивное поведение в подростковом возрасте является сложным, многокомпонентным феноменом, требующим учета как внутренних психофизиологических предпосылок, так и внешних социальных факторов. Выявленная структура агрессивности с доминированием вербальных форм и высокой раздражительностью указывает на необходимость разработки целенаправленных педагогических и психологических программ, ориентированных на развитие навыков саморегуляции, конструктивного общения и осознания ответственности за свои поступки. Профилактика и коррекция агрессивного поведения должны быть неотъемлемой частью процесса социализации подростка, способствуя его успешной адаптации и личностному развитию.

Литература

1 Выготский, Л. С. Педология подростка : учеб. пособие / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1984. – 242 с.

2 Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колыцкий. – М. : ТЦ Сфера, 2021. – 464 с.

УДК 159.922.8:316.6

Д. А. Бурак

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ РОДИТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РЕБЕНКА

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи параметров родительского воспитания (позитивный интерес, директивность, враждебность, автономия, непоследовательность) с показателями социально-психологической адаптации у 94 юношей и девушек 17–21 года. С помощью корреляционного анализа (по Спирмену) выявлено, что материнская забота и отцовское внимание универсально способствуют адаптации; требовательность отца положительно связана с адаптацией юношей, но отрицательно – девушек; враждебность и непоследовательность родителей наиболее деструктивны, особенно для юношей. Обоснована необходимость гендерно-ориентированного и последовательного подхода в семейном воспитании.

Социально-психологическая адаптация в юношеском возрасте представляет собой активное приспособление личности к требованиям социальной среды при сохранении собственной идентичности. Этот период характеризуется противоречием между стремлением к независимости и реальной зависимостью от родительской семьи, включая задачи формирования идентичности, профессионального самоопределения и достижения эмоциональной автономии. По Э. Эриксону, неспособность разрешить кризис идентичности приводит к трудностям самоопределения, становясь основой для социально-психологической дезадаптации [1, с. 47].

Качество ранних детско-родительских отношений определяет, насколько ребенок будет способен адаптироваться в дальнейшем. В первые годы жизни формируются внутренние рабочие модели представления о себе и о других, которые, как показывает теория привязанности М. Боулби, становятся основой будущего эмоционального и социального функционирования. Если родитель внимателен и последователен, ребенок ощущает себя

ценным и учится доверять людям, что укрепляет его способность регулировать эмоции и справляться со стрессом. При ненадежной привязанности формируются тревожные ожидания, снижается чувство безопасности, что затрудняет построение отношений и ослабляет адаптационные механизмы [2, с. 62].

Различные стили воспитания оказывают дифференцированное влияние на адаптацию молодого человека. Авторитарный стиль, основанный на строгом контроле и подавлении инициативы, формирует низкую самооценку, неуверенность в собственных решениях и трудности в партнерских отношениях. Демократический стиль, балансирующий эмоциональное принятие и разумные требования, создает оптимальные условия для развития адекватной самооценки, автономности, социальных компетенций и способности к здоровым отношениям. Попустительский стиль препятствует развитию внутренней саморегуляции, проявляясь в импульсивности и неспособности учитывать интересы других. Эмоциональное отвержение создает базовое недоверие к миру, хроническое ощущение собственной неполноценности и серьезные трудности с открытостью в отношениях [3, с. 84].

Также важным для успешной адаптации является психологическая сепарация от родительской семьи. По теории семейных систем М. Боуэна, дифференциация собственного «Я» – способность сохранять ясность мышления под давлением эмоций близких людей – развивается в родительской семье и определяет успешность перехода во взрослость. Семьи с низкой дифференциацией, характеризующиеся симбиотическими связями и размытыми границами, препятствуют сепарации. Триангуляция, то есть вовлечение молодого человека в родительские конфликты, создает у него ощущение ответственности за целостность семьи, что препятствует формированию независимой идентичности [4, с. 142]. Функциональная семья характеризуется четкими границами, открытой коммуникацией, эмоциональной поддержкой и гибкостью в адаптации. Такие семьи поддерживают развитие самостоятельности детей и разрешают конфликты конструктивно. Воспитательные подходы, основанные на безусловном принятии, разумных требованиях и поддержке автономии, создают оптимальные условия для формирования адаптационных ресурсов личности, включающих адекватную самооценку, эффективную саморегуляцию и развитые социальные компетенции.

Эмпирическое исследование проводилось на базе учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в период с октября 2025 по март 2026 года. В исследовании приняли участие 79 девушек и 15 юношей в возрасте от 17 до 21 года.

В качестве диагностического инструментария использовались опросник «Подростки о родителях» в адаптации Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева и методика «Шкала социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации Т. В. Снегиревой. Опросник «Подростки о родителях» позволяет оценить пять основных параметров родительского воспитания: позитивный интерес, директивность, враждебность, автономию и непоследовательность. Методика оценки социально-психологической адаптации включает интегральные показатели адаптации, самопринятия, принятия других, эмоционального комфорта, интернальности, стремления к доминированию и эскапизма.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием корреляционного анализа по Спирмену (критические значения коэффициента корреляции составили 0,40 при $p < 0,01$ и 0,31 при $p < 0,05$ для девушек и 0,66 при $p < 0,01$ и 0,52 при $p < 0,05$ для юношей). Статистический анализ показал связи между способами воспитания родителей и показателями адаптации у юношей и девушек. Также очень важно отметить, что найденные связи показывают, как явления сочетаются друг с другом, но они не доказывают, что это прямая причинно-следственная связь.

Материнская забота и внимание имеют самую сильную положительную связь с отношением к себе у девушек $r = 0,846$, у юношей – $r = 0,798$. Когда мать проявляет интерес к ребенку, девушки лучше принимают других людей ($r = 0,764$), а юноши более

уверены в себе и способны лучше контролировать свою жизнь ($r = 0,615$). Отец также играет важную роль: его интерес и поддержка связаны с тем, что юноши становятся более уверенными в себе ($r = 0,817$).

Строгий и требовательный стиль воспитания дает разные результаты для юношей и девушек. Для юношей материнская требовательность полезна: она связана с их стремлением к лидерству ($r = 0,879$), чувством контроля над жизнью ($r = 0,839$) и эмоциональным комфортом ($r = 0,779$). Отцовская строгость также помогает юношам лучше относиться к себе ($r = 0,729$) и к окружающим ($r = 0,671$). Но для девушек это работает противоположно: строгость отца снижает их уверенность в себе ($r = -0,595$) и мешает общей адаптации ($r = -0,369$). Получается, что четкие требования помогают мальчикам развивать лидерские качества, но девочки воспринимают такой подход как давление и попытку контроля.

Враждебное и холодное поведение родителей обнаруживает статистически значимую связь с показателями адаптации подростков. У девушек зафиксирована отрицательная корреляция между родительской враждебностью и уверенностью в себе: коэффициент Спирмена для матери составляет $r = -0,730$, для отца – $r = -0,658$. Это означает, что более высокие оценки враждебности со стороны родителей сопряжены с более низкими показателями самооценки у девушек.

Непредсказуемость родительского поведения также связана с параметрами адаптации, причем характер связей различается у юношей и девушек. У юношей непоследовательность матери и отца коррелирует с трудностями адаптации: выявлены отрицательные связи с эмоциональным комфортом ($r = -0,754$) и уверенностью в себе ($r = -0,663$). Наиболее выражена отрицательная корреляция между непоследовательностью матери и общей адаптацией юношей ($r = -0,782$). Что касается предоставления автономии, то у девушек большая независимость, иницируемая матерью, положительно связана с ощущением безопасности ($r = 0,694$) и уверенностью в собственных силах ($r = 0,746$).

Параметры родительского воспитания (позитивный интерес, директивность, враждебность, непоследовательность, автономия) обнаруживают статистически значимые связи с показателями социально-психологической адаптации у лиц юношеского возраста. При этом характер и сила этих связей дифференцированы в зависимости от пола ребенка.

Позитивный интерес со стороны матери и внимание со стороны отца положительно коррелируют с показателями адаптации (самопринятием, принятием других, интернальностью и эмоциональным комфортом) независимо от пола подростка. Наиболее универсальным ресурсным фактором выступает материнская забота.

Враждебность и непоследовательность родителей являются факторами, наиболее тесно связанными с дезадаптацией. Отрицательные корреляции этих параметров с уверенностью в себе, эмоциональным комфортом и общей адаптацией особенно выражены у юношей, что может указывать на их повышенную чувствительность к нестабильности и непредсказуемости родительского поведения.

Предоставление автономии (прежде всего матерью) положительно коррелирует с ощущением безопасности и уверенностью в своих силах у девушек, в то время как директивность отца у девушек сопряжена со снижением самооценки, а у юношей – с более высокими показателями интернальности и стремления к доминированию.

Полученные данные свидетельствуют в пользу необходимости гендерно-ориентированного и последовательного подхода в семейном воспитании. Для полноценного психологического развития ребенка значимыми представляются стабильность родительских практик, эмоциональная поддержка и учет индивидуальных особенностей, связанных с полом.

Литература

- 1 Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
- 2 Боулби, Дж. Привязанность = Attachment / Дж. Боулби ; общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской ; пер. с англ. Н. Г. Григорьевой и Г. В. Бурменской. – М. : Гардарики, 2003. – 447 с.

3 Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – Ленинград : Медицина, 1983. – 256 с.

4 Боуэн, М. Духовность и личностно-центрированный подход / М. Боуэн. – М. : Когито-Центр, 2005. – 222 с.

УДК 159.922.8-053.6:159.9.019.4

В. А. Веремеенко

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ И СИМПТОМОВ ИГРОВОЙ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ 14–16 ЛЕТ

В статье рассматривается взаимосвязь эмоциональной дезадаптации подростков 14–16 лет с симптомами игровой интернет-зависимости. Раскрывается роль личностной тревожности и когнитивного избегания как психологических предикторов проблемного игрового поведения. Представлены результаты эмпирического исследования на выборке 50 учащихся учреждения общего среднего образования с использованием методик STAI-T, CAQ и GASA. Выявлены статистически значимые корреляции между симптомами игровой интернет-зависимости, уровнем тревожности и выраженностью стратегий когнитивного избегания.

Современное общество характеризуется интенсивной цифровизацией различных сфер жизнедеятельности, что существенно трансформирует процессы социализации подрастающего поколения. Виртуальная среда превратилась в самостоятельное пространство формирования идентичности, ценностей и поведенческих моделей подростков. Высокая сензитивность этой возрастной группы к цифровым технологиям обуславливает их интенсивное погружение в онлайн-взаимодействие, где удовлетворяются потребности в признании, принадлежности и самовыражении. Однако расширение цифровых возможностей сопровождается ростом рисков дезадаптивного поведения, среди которых важное место занимает игровая интернет-зависимость. Данный феномен рассматривается как специфическая форма интернет-зависимости, характеризующаяся нарушением контроля над игровым поведением, приоритетом игры над другими интересами и продолжением игровой активности, несмотря на выраженные негативные последствия [1, с. 23].

Особую значимость проблема приобретает в подростковом возрасте, когда процессы нейробиологического созревания накладываются на интенсивную перестройку эмоционально-личностной сферы. В этот период подростки особенно уязвимы к различным формам дезадаптации. Эмоциональная дезадаптация рассматривается как комплексное нарушение гармоничного взаимодействия личности со средой, среди которых большую роль играют тревожность и избегающее поведение.

Личностная тревожность понимается как устойчивая предрасположенность индивида к чрезмерному проявлению тревоги в отношении широкого круга событий, воспринимаемых им как потенциально опасные [2, с. 611]. Избегающее поведение, в свою очередь, представляет собой когнитивно-поведенческую стратегию, направленную на уход от нежелательных мыслей, ситуаций или переживаний. При систематическом использовании такие стратегии (подавление, отвлечение, избегание стимулов) закрепляют тревожные состояния и препятствуют конструктивному решению возрастных задач.

Согласно теории компенсаторного использования интернета (CIUT), интенсивное обращение к компьютерным играм понимается как адаптивная по форме реакция личности на субъективно значимые внутренние трудности [3, с. 353]. Виртуальная среда выступает инструментом временной компенсации дефицита психологических ресурсов и средством ухода от тревожности. Игры предлагают структурированное пространство с

четкими правилами и предсказуемыми вознаграждениями, создавая ощущение безопасности. В краткосрочной перспективе такая стратегия выполняет защитную функцию, однако при систематическом применении виртуальная деятельность вытесняет реальные формы совладания с трудностями.

С целью выявления и анализа характера взаимосвязи между эмоциональной дезадаптацией и симптомами игровой интернет-зависимости было проведено эмпирическое исследование. Эмпирическую базу составили 50 учащихся государственного учреждения образования «Средняя школа № 4 г. Осиповичи» в возрасте 14–16 лет.

В качестве психодиагностического инструментария применялись: опросник оценки зависимости от компьютерных игр у подростков (GASA); шкала личностной тревожности (STAI-T); опросник когнитивного избегания (CAQ).

Методика GASA содержит семь вопросов, оцениваемых по пятибалльной шкале (от 1 – «никогда» до 5 – «очень часто»), где более высокий балл по каждому вопросу отражает большую выраженность соответствующего симптома игровой интернет-зависимости. Наиболее часто подростки указывали на увеличение времени игры сверх запланированного (38 % ответили «иногда», 22 % – «часто» или «очень часто») и использование игры для отвлечения от реальной жизни (36 % – «иногда», 22 % – «часто» или «очень часто»). Согласно оригинальной методике, интерпретация результатов допускает два варианта. Первый (монотетический) – требует не менее четырех ответов «часто» или «очень часто» для констатации зависимости. Второй (политетический) – учитывает ответы от «иногда» и выше по тому же количеству пунктов. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распространенность признаков игровой зависимости

Модель	Всего (N = 50)	Юноши (n = 25)	Девушки (n = 25)
Политетическая	16 (32,0 %)	9 (36,0 %)	7 (28,0 %)
Монотетическая	4 (8,0 %)	3 (12,0 %)	1 (4,0 %)

В данном исследовании для оценки распространенности симптомов игровой интернет-зависимости использовалась политетическая модель, которая является более чувствительной к выявлению подростков с признаками проблемного игрового поведения. Согласно ей, каждый третий подросток (32 %) демонстрирует признаки зависимости.

Анализ оценки личностной тревожности (STAI-T) показал, что 16 % подростков имеют высокий и очень высокий уровень личностной тревожности. Наиболее выраженные проявления связаны с чрезмерными переживаниями по мелочам и ощущением внутренней неустойчивости.

Результаты по методике CAQ выявили, что большинство подростков (80 %) имеют среднюю выраженность склонности к когнитивному избеганию, а высокая склонность обнаружена у 18 % выборки. В структуре когнитивного избегания наиболее выраженными оказались активные стратегии: «подавление мыслей» и «отвлечение».

Для выявления характера связей между изучаемыми психологическими феноменами был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена. Данные отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Матрица парных корреляций между изучаемыми переменными (коэффициент Ч. Спирмена, N = 50)

Показатели	GASA	STAI-T	CAQ
Игровая зависимость (GASA)	–		
Тревожность (STAI-T)	0,36	–	
Когнитивное избегание (CAQ)	0,47	0,68	–

Результаты анализа подтвердили наличие статистически значимых положительных взаимосвязей. Выявлена умеренная корреляция между выраженностью симптомов игровой зависимости и тревожностью ($r = 0,36$ при $p < 0,01$). Также обнаружена связь между симптомами аддикции и когнитивным избеганием ($r = 0,47$ при $p < 0,01$). Наиболее сильная связь зафиксирована между самой тревожностью и когнитивным избеганием ($r = 0,68$ при $p < 0,001$).

Коэффициенты детерминации показывают, что около 22 % ($r^2 = 0,22$) вариативности симптомов игровой зависимости статистически связано с уровнем когнитивного избегания и около 13 % ($r^2 = 0,13$) – с уровнем тревожности. Однако данные показатели нельзя суммировать, поскольку тревожность и когнитивное избегание также тесно связаны между собой, что указывает на частичное пересечение их влияния. Это означает, что данные факторы отражают взаимосвязанные психологические механизмы, связанные с проявлениями игровой зависимости. При этом значительная часть вариативности показателя игровой зависимости объясняется другими индивидуально-психологическими и социальными факторами.

Дополнительный анализ отдельных стратегий избегания показал, что наиболее сильные корреляции с игровой зависимостью имеют стратегии «преобразование образов в мысли» ($r = 0,49$ при $p < 0,001$) и «избегание стимулов» ($r = 0,44$ при $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что подростки 14–16 лет, склонные активно избегать ситуаций или объектов, вызывающих внутренний психологический дискомфорт, а также преобразовывать тревожные визуальные образы в вербальный внутренний диалог, чаще прибегают к игровой деятельности как способу ухода от реальности.

Эмпирические данные согласуются с положениями компенсаторного подхода. В подростковом возрасте, когда личность сталкивается с внутренними возрастными кризисами, игровая активность берет на себя функцию регулятора негативного аффекта. Систематическое уклонение от внутренних проблем препятствует формированию конструктивных способов их решения и закрепляет пассивные модели поведения.

Таким образом, личностная тревожность и когнитивное избегание выступают значимыми предикторами формирования игровой интернет-зависимости. В рамках практической деятельности педагогам-психологам рекомендуется сместить фокус внимания с директивного ограничения экранного времени на системную коррекцию факторов эмоциональной дезадаптации. Профилактическая работа должна быть ориентирована на обучение подростков навыкам осознанной эмоциональной регуляции, безопасной проработке тревожных переживаний и конструированию альтернативных зон личностной эффективности вне цифрового пространства.

Литература

1 Терещенко, С. Ю. Валидация русскоязычной версии опросника оценки зависимости от компьютерных игр у подростков (Game Addiction Scale for Adolescents) / С. Ю. Терещенко, Н. Н. Горбачева // Сибирский психологический журнал. – 2024. – № 93. – С. 22–35.

2 Тихомирова, Т. Н. Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) / Т. Н. Тихомирова, А. А. Павлова, В. И. Исмагуллина [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 610–622.

3 Kardefelt-Winther, D. A conceptual and methodological critique of internet addiction research: Towards a model of compensatory internet use / D. Kardefelt-Winther // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 31. – P. 351–354.

В. В. Вирмаускайте

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ПАНИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА У СТУДЕНТОВ

В статье представлен анализ распространённости панического расстройства (ПР) среди студенческой популяции на основе данных исследований и результатов собственного эмпирического исследования ($n = 62$, 17–23 года). Установлено, что более половины участников (53 %) находятся в группе риска по развитию ПР. Обоснована необходимость интеграции программ в систему психолого-педагогического сопровождения студентов.

Паническое расстройство (ПР) относится к группе тревожных расстройств и в последние годы всё чаще диагностируется среди молодёжи, особенно в студенческой среде. В современной клинической практике его определение опирается на критерии двух международных классификаций: DSM-5-TR (American Psychiatric Association, 2022) и МКБ-11 (World Health Organization, 2019). Согласно этим документам, паническое расстройство характеризуется повторяющимися, непредсказуемыми паническими атаками, сопровождающимися стойким страхом повторения приступов или их последствий, а также значимыми изменениями в поведении, направленными на избегание ситуаций, способных спровоцировать атаку. Студенты представляют особую группу риска из-за высокой академической нагрузки и эмоционального напряжения, связанного с клинической практикой.

Распространённость панического расстройства у студентов представляет собой актуальную научную задачу, позволяющую глубже понять механизмы формирования тревожных расстройств в период интенсивной академической и социальной нагрузки. Выявление специфики проявления данного расстройства открывает возможности для разработки эффективных программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на укрепление психологического благополучия студентов.

В кросс-секционном исследовании среди 361 студента-медика в Иордании (2025) с использованием валидированного опросника PADIS (Panic Disorder Screener) было установлено, что 28,5 % участников полностью соответствовали диагностическим критериям ПР, а 38,8 % сообщали о рецидивирующих панических атаках [1]. Это исследование подчёркивает, что ПР не является редким явлением в данной популяции, особенно среди студентов младших курсов и женщин ($ОШ = 3,12$; 95 % ДИ: 1,53–6,6) [1].

Систематический обзор и мета-анализ 83 исследований (2023) показал, что взвешенная средняя распространённость неспецифической тревожности среди студентов бакалавриата составляет 39,65 % (95 % ДИ: 35,72–43,58 %) [2]. Однако авторы подчёркивают, что большинство исследований использовали скрининговые шкалы (GAD-7, DASS-21), а не структурированные клинические интервью, что может приводить к завышению показателей [2]. В испанской когорте студентов первого курса 12-месячная распространённость ПР составила 2,5 %, что значительно ниже показателей по генерализованному тревожному расстройству (19,3 %) [3].

Проведённое исследование позволило выявить статистические закономерности в распространённости тревожно-панической симптоматики среди студентов и установить их взаимосвязь с устойчивыми когнитивными структурами личности. Анализ данных, полученных на выборке из 62 респондентов (17–23 года), демонстрирует следующие результаты. Высокая распространённость риска панического расстройства. Скрининговая диагностика при помощи методики РНҚ-9 показала, что более половины участников (53 %) находятся в группе риска по развитию панического расстройства (рисунок 1).

Рисунок 1 – Проявление тревожно-депрессивной симптоматики

Данные по «Шкале тревоги Гамильтона» подтверждают наличие выраженного тревожного фона: лишь 3 % студентов не проявляют признаков тревожности, тогда как 58 % демонстрируют лёгкую, а суммарно 38 % – умеренную и тяжёлую степень тревоги (рисунок 2). Это указывает на то, что хроническое психологическое напряжение является системной характеристикой изучаемой академической среды и выступает прогностическим маркером формирования панических состояний.

Рисунок 2 – Проявление тревожной симптоматики среди студентов (по шкале Гамильтона)

Полученные данные закономерно указывают на высокий риск перехода ситуативного стресса в клинически значимые панические состояния. Учащиеся ежедневно сталкиваются с высокой академической нагрузкой, необходимостью постоянно подтверждать свою компетентность и дефицитом времени на полноценное восстановление. В таких условиях легко закрепляются уязвимые когнитивные схемы: окружающая реальность начинает восприниматься как непредсказуемая, а собственные внутренние ресурсы – как недостаточные для совладания с требованиями. Именно эти искажённые убеждения становятся «спусковым механизмом» для панических атак. Без своевременной поддержки и без сформированных навыков эмоциональной саморегуляции обычный учебный стресс постепенно закрепляется на физиологическом и поведенческом уровнях, запуская цикл избегания, гиперконтроля и нарастающей тревоги.

Именно поэтому внедрение специализированных профилактических программ в систему психолого-педагогического сопровождения студентов перестаёт быть просто формальной рекомендацией и становится острой практической необходимостью. Традиционные формы помощи в вузах часто работают по реактивному принципу: студент

обращается сам, когда проблема уже выражена и мешает учёбе. Нам же нужна превентивная работа, органично встроенная в образовательный процесс. Программы должны быть направлены на коррекцию дезадаптивных установок (например, убеждений в тотальной непредсказуемости среды или несправедливости академических требований), на развитие навыков осознанного регулирования эмоций и на формирование толерантности к неопределённости. Особую ценность представляют групповые и тренинговые форматы, где студенты в безопасной обстановке могут отработать техники когнитивно-поведенческого подхода, научиться распознавать ранние физиологические и когнитивные признаки нарастающей тревоги и применять методы саморегуляции до того, как ситуация перейдёт в паническую.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что эмпирические данные однозначно подтверждают: современная студенческая среда является питательной почвой для развития тревожно-панической симптоматики. Игнорировать эту тенденцию – значит сознательно повышать риски профессионального и личностного выгорания ещё на этапе обучения. Интеграция научно обоснованных программ психолого-педагогического сопровождения позволит не просто снизить статистику рисков, но и создать устойчивую культуру заботы о психическом благополучии. Только системная, ранняя и доступная поддержка способна разорвать цикл формирования панических расстройств и помочь молодым людям учиться, развиваться и строить карьеру без ущерба для своего психического здоровья.

Литература

1 Ashour, L. Panic disorder is common in medical students: assessing the prevalence of panic disorder among medical students using the panic disorder screener (PADIS) / L. Ashour, R. Al-Zoubi, A. M. Al-Smadi // Personalized Medicine in Psychiatry. – 2025. – № 51–52. – P. 100–152.

2 Hazell, C. M. A systematic review and meta-analysis of studies exploring prevalence of non-specific anxiety in undergraduate university student / C. M. Hazell, M. Hayward, C. Strauss // BMC Psychiatry. – 2023. – URL: <https://bmcpsy psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-023-04731-9> (дата обращения: 20.03.2026).

3 Diagnostic and statistical manual of mental disorders / American Psychiatric Association. – 5th ed. – Washington, DC : American Psychiatric Association Publishing, 2022. – 300 p.

4 International classification of diseases 11th revision (ICD-11) / World Health Organization. – Geneva : WHO, 2022. – URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/ru> (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 159.923.2:316.628-053.67

В. Г. Галиновская

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ И УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ

В статье рассматриваются особенности и различия формирования самооценки в юношеском возрасте среди девушек и юношей. В юношеском возрасте самооценка активно формируется и влияет на выбор жизненного пути, отношения и психическое состояние. Юноши и девушки при этом сталкиваются с разными социальными ожиданиями и по-разному воспринимают себя. В статье представлены теоретический анализ проблемы и новые эмпирические данные.

Самооценка в юношеском возрасте выступает как сложное и многокомпонентное образование, входящее в структуру самосознания личности. Она включает в себя когнитивный компонент (знания о себе), эмоционально-оценочный (отношение к себе) и поведенческий (регуляция деятельности и поступков на основе представлений о себе). В этот возрастной период самооценка становится более дифференцированной, осознанной и устойчивой, приобретая важное значение в процессе личностного и профессионального самоопределения [1].

Юношеский возраст характеризуется стремлением к самопознанию, рефлексии и формированию целостного образа «Я». В этот период происходит активное сопоставление реального и идеального «Я», что нередко сопровождается внутренними противоречиями и колебаниями уровня самооценки. Существенное влияние на ее формирование оказывают социальное окружение, значимые другие, а также успешность в ведущих видах деятельности [2].

Проблема самооценки в юношеском возрасте получила широкое освещение в трудах отечественных психологов. Так, И. С. Кон рассматривал юношеский возраст как период интенсивного формирования самосознания и подчеркивал роль рефлексии и социальной идентичности в становлении самооценки [3]. С. Л. Рубинштейн связывал самооценку с деятельностью личности, указывая на ее формирование в процессе взаимодействия человека с окружающим миром [2]. В работах Л. С. Выготского подчеркивается социальная природа развития личности, в том числе и самооценки, которая формируется через интериоризацию социальных норм и оценок [4].

Также значительный вклад внесли А. Н. Леонтьев, рассматривавший самооценку в контексте деятельности и мотивации [5]. Л. И. Божович, которая исследовала развитие личности в онтогенезе, выделяла самооценку как важнейший компонент внутренней позиции личности, формирующийся в подростковом и юношеском возрасте [6].

В теоретических исследованиях отмечается, что формирование самооценки в юношеском возрасте у юношей и девушек имеет как общие закономерности, так и определенные различия, обусловленные социальными ожиданиями, особенностями воспитания и усвоением гендерных ролей.

У девушек самооценка в большей степени связана с оценкой внешности, межличностных отношений и эмоциональной сферы. Они чаще ориентируются на социальную обратную связь и чувствительнее к оценкам окружающих, что делает их самооценку более зависимой от мнения значимых других. Подобные особенности отмечаются в работах по гендерной психологии, где подчеркивается выраженная эмоциональная направленность самовосприятия у девушек [7].

У юношей самооценка чаще формируется на основе достижений, уровня успешности и социального статуса. Значимыми выступают учебные и профессиональные результаты, физическая сила и степень самостоятельности. В исследованиях И. Кона указывается, что в юношеском возрасте для юношей характерна ориентация на социальное признание через достижения и результаты деятельности [3].

В отечественной психологической традиции данные различия объясняются особенностями социализации и усвоения социальных ролей, в ходе которой формируются разные критерии самооценивания у юношей и девушек [6]. При этом подчеркивается, что гендерные различия не являются жестко фиксированными и зависят от индивидуальных особенностей личности и условий социальной среды [6].

С целью изучения различий в уровне самооценки у юношей и девушек было проведено эмпирическое исследование с использованием методики диагностики самооценки личности Т. В. Дембо и С. Я. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан. Данная методика позволяет выявить уровень самооценки, уровень притязаний, а также соотношение между реальным и идеальным «Я», что делает ее эффективным инструментом для анализа особенностей самовосприятия в юношеском возрасте. В исследовании приняли участие 100 человек (50 девушек и 50 юношей).

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования по методике диагностики самооценки личности Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн, модификация А. М. Прихожан

Показатель	Уровень	Девушки, %	Юноши, %
Самооценка	Низкий	18	18
	Средний	30	34
	Высокий	52	48
Притязания	Низкий	2	4
	Средний	18	18
	Высокий	80	78
Расхождение	Низкий	20	24
	Средний	50	32
	Высокий	30	44

Анализ результатов исследования, представленных в таблице 1, показал, что выраженных различий в уровне самооценки у юношей и девушек не наблюдается, однако имеются определенные особенности в ее структуре.

По показателю самооценки у большинства респондентов обеих групп выявлен высокий уровень (девушки – 52 %, юноши – 48 %). Это свидетельствует о в целом позитивном восприятии себя и достаточной уверенности в собственных возможностях. Анализируя показатели среднего уровня (30 % и 34 %), а также низкого (18 %), можно сделать вывод, что различий по полу нет.

По уровню притязаний в обеих группах преобладает высокий уровень (девушки – 80 %, юноши – 78 %), что указывает на выраженное стремление к достижению значимых целей, высокие ожидания от собственной деятельности и ориентацию на успех. Существенных гендерных различий по данному показателю не выявлено.

Наиболее выраженные различия обнаружены по показателю расхождения между самооценкой и уровнем притязаний. У девушек чаще встречается средний уровень расхождения (50 %), тогда как у юношей – высокий (44 %). Это может свидетельствовать о том, что у юношей чаще наблюдается более выраженный разрыв между реальным восприятием себя и уровнем желаемых достижений, что потенциально может усиливать внутреннее напряжение и мотивационную неустойчивость.

В целом результаты исследования позволяют заключить, что при сходном уровне самооценки и притязаний у юношей и девушек наблюдаются различия в степени их согласованности, что отражает особенности самовосприятия и регуляции поведения в юношеском возрасте.

Также методика Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн; модификация А. М. Прихожан позволяет проанализировать не только общий уровень самооценки, притязаний и степень их расхождения, но и выявить, *в каких именно сферах наблюдаются наиболее выраженные трудности*. Такой анализ дает возможность определить, какие стороны личности являются более благополучными, а какие, напротив, выступают *зонами внутреннего напряжения и несогласованности* между представлением о себе и желаемым уровнем достижений. Результаты анализа представлены на таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования по методике диагностики самооценки личности Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн, модификация А. М. Прихожан

Шкала	Расхождение между самооценкой и притязанием	Девушки	Юноши
1	2	3	4
Ум / способности	Низкое	26 %	28 %
Ум / способности	Умеренное	26 %	36 %
Ум / способности	Высокое	48 %	36 %

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
Характер	Низкое	42 %	40 %
Характер	Умеренное	28 %	20 %
Характер	Высокое	30 %	40 %
Авторитет	Низкое	38 %	36 %
Авторитет	Умеренное	26 %	14 %
Авторитет	Высокое	36 %	50 %
Умелые руки	Низкое	40 %	26 %
Умелые руки	Умеренное	24 %	34 %
Умелые руки	Высокое	36 %	40 %
Внешность	Низкое	42 %	42 %
Внешность	Умеренное	32 %	24 %
Внешность	Высокое	26 %	34 %
Уверенность в себе	Низкое	20 %	28 %
Уверенность в себе	Умеренное	26 %	14 %
Уверенность в себе	Высокое	54 %	58 %

По результатам исследования можно отметить различия в самооценке девушек и юношей по ряду шкал.

Наиболее заметные различия наблюдаются по шкале «ум / способности»: у девушек выше высокий уровень расхождения (48 % против 36 % у юношей). Это может означать, что девушки чаще испытывают несоответствие между оценкой своих интеллектуальных способностей и уровнем притязаний. Иными словами, они могут либо сомневаться в своих возможностях, либо предъявлять к себе более высокие требования, что может сопровождаться внутренней неуверенностью и переживаниями по поводу своей успешности.

По шкале «авторитет» различия также выражены: у юношей значительно выше высокий уровень расхождения (50 % против 36 % у девушек). Это говорит о том, что юноши чаще ощущают разрыв между желаемым уровнем признания и реальным положением. Для них может быть более значима социальная оценка, статус, уважение со стороны других, и при их недостатке возникает неудовлетворенность и стремление повысить свой авторитет.

По шкале «характер» у юношей выше высокий уровень расхождения (40 % против 30 % у девушек). Это может свидетельствовать о большей склонности юношей к внутренней критичности и стремлению соответствовать определенному идеалу личностных качеств. Такое несоответствие может сопровождаться внутренними противоречиями и поиском себя.

Также можно отметить различия по шкале «уверенность в себе»: у юношей несколько выше высокий уровень расхождения (58 % против 54 % у девушек). Это указывает на то, что юноши чаще ощущают недостаток уверенности по сравнению с желаемым уровнем, что может проявляться в стремлении компенсировать эту неуверенность внешним поведением.

По другим шкалам различия менее выражены. Например, по шкале «внешность» показатели полностью совпадают (по 42 %), что говорит об отсутствии различий: и девушки, и юноши в равной степени соотносят свою самооценку с притязаниями в этой сфере. Небольшие различия наблюдаются по шкалам «характер» (низкий уровень: 42 % и 40 %), «авторитет» (38 % и 36 %), «умелые руки» и другим, однако они не достигают значимой разницы, что позволяет говорить о сходстве самооценки в этих областях.

В целом можно сказать, что юноши чаще испытывают несоответствие в сферах, связанных с социальным статусом и личностными качествами, тогда как у девушек более выражены противоречия в оценке своих интеллектуальных способностей. Это отражает различия в том, какие именно стороны себя оказываются наиболее значимыми и проблемными для каждой группы.

Таким образом, в ходе исследования были изучены особенности самооценки и ее отдельных компонентов у юношей и девушек в юношеском возрасте. Установлено, что в целом уровни самооценки и притязаний у представителей обеих групп находятся на схожем уровне, однако различия проявляются в согласованности различных сфер самооценки. Наиболее проблемной зоной для обеих групп является уверенность в себе, а также наблюдаются различия в восприятии авторитета и интеллектуальных возможностей. В целом можно говорить о наличии как общих закономерностей, так и отдельных гендерных особенностей в структуре самооценки.

Литература

- 1 Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М. : Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
- 2 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.
- 3 Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 175 с.
- 4 Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Эксмо, 2005. – 512 с.
- 5 Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
- 6 Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М. : Просвещение, 1968. – 464 с.
- 7 Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. – 320 с.

УДК 159.9.072:159.922.8:316.624:613.81-055.5

В. В. Гирикова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ И ДЕЗАДАПТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ У ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

В статье анализируется специфика эмоционального неблагополучия подростков, воспитывающихся в семьях с алкогольной зависимостью, и его трансформация в устойчивые дезадаптивные паттерны поведения. Представлены результаты эмпирического исследования на выборке 139 подростков (72 из семей с алкогольной зависимостью, 67 из нормативных семей) с использованием методик диагностики социально-психологической адаптации (СПА) и шкалы ситуативной и личностной тревожности (STAI). Выявлены статистически значимые различия в структуре взаимосвязей между тревожностью и показателями адаптации в двух группах. Установлено, что в семьях с алкогольной зависимостью корреляции между тревожностью и адаптацией значительно ослабевают, что эмпирически подтверждает феномен «заморозки чувств».

Проблема воспитания в семье с алкогольной зависимостью рассматривается в современной психологии не просто как социальное неблагополучие, а как специфическая травматическая среда, формирующая особый тип личности. Подростковый период, характеризующийся кризисом идентичности и сменой ведущей деятельности, становится наиболее уязвимым этапом для проявления накопленных в детстве психологических деформаций. В данной статье анализируется, как внутреннее эмоциональное неблагополучие трансформируется в устойчивые дезадаптивные паттерны поведения.

Фундаментом для понимания эмоционального неблагополучия является концепция семейной системы. В. Д. Москаленко указывает, что алкоголизм – это «семейная болезнь», в которой страдает не только зависимый, но и каждый член семьи, становясь со-зависимым. В такой системе нарушаются базовые границы личности. Подросток живет в условиях хронического стресса в состоянии «постоянной боевой готовности» [1].

Эмоциональное неблагополучие здесь проявляется через «заморозку чувств». Чтобы выжить в атмосфере непредсказуемых вспышек гнева или запоев родителя, ребенок приучается подавлять гнев, страх и даже радость. Это приводит к формированию алекситимии – неспособности осознавать и называть свои чувства. В. Д. Москаленко подчеркивает, что эта эмоциональная глухота становится первым шагом к дезадаптации [1].

Более глубокий анализ внутреннего мира подростков дает Дж. Г. Войтиц. Она выделяет феномен «взрослых детей алкоголиков», чьи паттерны начинают отчетливо проявляться именно в подростковом возрасте. Основу их эмоционального неблагополучия составляет отсутствие базового доверия к миру, которое в дальнейшем проецируется на все социальные взаимодействия. Дж. Г. Войтиц описывает ключевые эмоциональные дефициты:

- чрезмерная потребность в одобрении: подросток теряет собственное «Я», пытаясь угадать ожидания окружающих, что ведет к конформному поведению;
- трудности в завершении дел: постоянная тревога и страх ошибки парализуют волю;
- ложь в ситуациях, где можно сказать правду: привычка скрывать семейную тайну перерастает в паттерн тотальной скрытности как способа самозащиты [2].

Если В. Д. Москаленко и Дж. Г. Войтиц делают акцент на чувствах, то А. Е. Личко описывает конкретные формы клинической дезадаптации – акцентуации характера. По его мнению, семейное неблагополучие (алкоголизм родителей) является мощным провокатором для развития патологических черт характера. А. Е. Личко выделяет два наиболее частых паттерна у подростков из таких семей:

- неустойчивый тип: подростки проявляют патологическую тягу к удовольствиям и развлечениям, пытаясь компенсировать домашний дефицит радости. Это ведет к ранней алкоголизации и уходам из дома;
- эпилептоидный тип: накопленная дома агрессия и обида выплескиваются в форме жестокости к сверстникам или демонстративного протеста [3].

Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева рассматривают дезадаптивные паттерны через теорию аддикций. Они утверждают, что для подростка, находящегося в состоянии эмоционального неблагополучия, аддикция (зависимость) становится способом «самолечения» [4]. Согласно данному подходу, зависимое поведение (алкоголизация, наркотизация, игровая зависимость) выполняет временную адаптивную функцию – снимает остроту негативных переживаний, создает иллюзию контроля и безопасности. Однако в долгосрочной перспективе аддикция усиливает дезадаптацию, поскольку реальные навыки совладания со стрессом не формируются, а социальные последствия зависимости (конфликты, снижение успеваемости, криминализация) усугубляют исходное неблагополучие.

С целью выявления характера взаимосвязи между эмоциональным неблагополучием и дезадаптивными паттернами у подростков из семей с алкогольной зависимостью было проведено исследование на базе 139 учащихся ГУО «Средняя школа № 30 г. Гомеля» в возрасте 14–16 лет (72 подростка воспитываются в семьях с алкогольной зависимостью, 67 подростков – из нормативных семей).

В качестве психодиагностического инструментария применялись методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация А. К. Осницкого и шкала ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера (STAI) в адаптации Ю. Л. Ханина.

Для выявления характера связей был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена. Данные отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции Ч. Спирмена между показателями социально-психологической адаптации (СПА) и тревожностью (STAI) у подростков из нормативных и алкоголизированных семей

Показатели адаптации (СПА)	Нормативные семьи (n = 67)		Алкоголизированные семьи (n = 72)	
	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Адаптация	-0,316**	-0,055	0,298*	0,050
Деадаптация	0,043	-0,262*	-0,071	-0,236*
Принятие себя	0,045	-0,013	-0,045	0,057
Непринятие себя	-0,176	0,125	0,015	-0,072
Принятие других	-0,107	-0,122	-0,072	0,193
Непринятие других	0,223	0,063	-0,165	-0,019
Эмоциональный комфорт	0,174	-0,159	0,264*	-0,060
Эмоциональный дискомфорт	0,127	0,067	-0,107	-0,079
Внутренний контроль	-0,031	0,022	-0,110	-0,057
Внешний контроль	0,059	-0,212	0,165	-0,202
Доминирование	-0,039	-0,222	-0,001	0,048
Ведомость	0,118	-0,072	0,010	0,174
Примечание: * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$ ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$				

В группе подростков из нормативных семей сохраняется логичный и структурно согласованный паттерн взаимосвязей. Адаптация демонстрирует устойчивую отрицательную связь с ситуативной тревожностью ($r = -0,316$; $p < 0,01$). Это означает, что у психологически благополучных подростков адаптационные ресурсы действительно работают как защитный механизм, снижая острую стрессовую реакцию на текущие события. Кроме того, выявлена отрицательная корреляция между деадаптацией и личностной тревожностью ($r = -0,262$; $p < 0,05$), что указывает на то, что нарастание деадаптации сопряжено со снижением личностной тревожности в данной выборке, что требует дополнительного анализа. Остальные связи в нормативной группе не достигают уровня статистической значимости.

В нормативных семьях подростки получают от родителей стабильную эмоциональную поддержку, предсказуемую обратную связь и модели конструктивного совладания со стрессом. В результате у них формируется базовое доверие к миру и уверенность в своей способности справляться с трудностями. Когда такой подросток сталкивается со стрессовой ситуацией (контрольная работа, конфликт, публичное выступление), он может опереться на внутренние ресурсы: опыт успешного преодоления трудностей, навыки саморегуляции, полученные в семье, и уверенность в том, что в случае неудачи он получит поддержку. Эти ресурсы позволяют ему воспринимать стрессовую ситуацию не как катастрофу, а как решаемую задачу, что закономерно снижает уровень ситуативной тревожности. Чем выше общий уровень адаптации подростка, тем больше у него таких ресурсов и тем ниже тревога.

В группе подростков из алкоголизированных семей картина принципиально иная. Вместо ожидаемой отрицательной связи между адаптацией и ситуативной тревожностью здесь обнаруживается положительная корреляция ($r = 0,298$; $p < 0,05$). Это парадоксальный результат: более высокие показатели адаптации у этих подростков сопутствуют не снижению, а некоторому повышению ситуативной тревоги. Также зафиксирована положительная связь между эмоциональным комфортом и ситуативной тревожностью ($r = 0,264$; $p < 0,05$), что усиливает общую картину рассогласования эмоциональной

регуляции. При этом сохраняется отрицательная корреляция между дезадаптацией и личностной тревожностью ($r = -0,236$; $p < 0,05$), аналогичная по направлению связи в нормативной группе. Остальные корреляции в данной группе статистически незначимы.

Таким образом, полученные корреляционные связи подтверждают теоретические положения о том, что тревожность является системообразующим компонентом эмоционального неблагополучия, тесно связанным с дезадаптивными паттернами поведения и нарушенными механизмами саморегуляции. В нормативной группе ключевым ресурсным фактором выступает адаптация, закономерно снижающая ситуативную тревожность. В алкоголизированной группе защитная функция адаптации и эмоционального комфорта нарушается: их рост парадоксально сопровождается усилением тревоги, что эмпирически подтверждает феномен «заморозки чувств» и рассогласование эмоциональной регуляции, описанные в теоретической части.

Проведенное исследование показывает, что эмоциональное неблагополучие подростков из семей с алкогольной зависимостью закрепляется в форме устойчивых дезадаптивных паттернов, ядром которых выступает нарушение эмоциональной регуляции. В нормативных семьях адаптация выполняет защитную функцию, закономерно снижая ситуативную тревожность. В алкоголизированных семьях эта связь инвертируется: рост адаптации и эмоционального комфорта сопровождается не снижением, а усилением тревоги. Полученная парадоксальная динамика эмпирически подтверждает феномен «заморозки чувств» – адаптация к дисфункциональной среде достигается ценой подавления и отчуждения собственных переживаний, что ведет к хроническому рассогласованию аффективной сферы. Зафиксированная в обеих группах отрицательная связь дезадаптации с личностной тревожностью требует дальнейшего изучения. Результаты обосновывают необходимость психологической помощи, ориентированной не только на коррекцию поведенческих паттернов, но и на восстановление у подростков из алкоголизированных семей способности осознавать, дифференцировать и конструктивно выражать эмоции.

Литература

- 1 Москаленко, В. Д. Зависимость: семейная болезнь / В. Д. Москаленко. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 335 с.
- 2 Войтиц, Дж. Г. Взрослые дети алкоголиков: семья, работа, отношения : полный справочник ВДА / Дж. Г. Войтиц ; пер. с англ. – М. : Класс, 2021. – 368 с.
- 3 Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – СПб. : Речь, 2010. – 256 с.
- 4 Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2001. – 251 с.

УДК 59.923.5:376-053.06:303

В. А. Гуд

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ПОДРОСТКОВ

В статье представлены результаты эмпирического исследования ответственности у подростков с использованием методики «Ответственность у подростков» (Е. Е. Данилова, Л. А. Бегунова, А. Г. Лисичкина, Д. А. Андреева). Описаны структура методики, ее шкалы и область применения. Выявлено преобладание среднего уровня ответственности. С помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера установлены значимые гендерные различия: юноши чаще демонстрируют низкий уровень, девушки – высокий. Обсуждается необходимость учета половых особенностей при формировании ответственности в подростковом возрасте.

Формирование ответственности у подростков в условиях учреждения образования является одной из важнейших задач современной психологии и педагогики. Ответственность выступает как ключевое личностное качество, обеспечивающее успешную социализацию, развитие саморегуляции и готовность принимать последствия собственных решений. В условиях стремительных социальных изменений и усложнения образовательных требований именно подростковый возраст становится критическим этапом, когда закладываются основы внутренней позиции личности, ее способность к самоуправлению и принятию осознанных решений. Исследование психологических основ формирования ответственности у подростков позволяет не только глубже понять механизмы личностного развития, но и выявить условия, способствующие становлению зрелой и социально ответственной личности.

Прежде чем говорить об исследовании подростковой ответственности, разберем, что представляет собой ответственность в широком смысле.

Ответственность – это форма саморегуляции и самодетерминации зрелой личности, выражающаяся в сознании собственной причинности в происходящем и в контроле над способностью влиять на мир и собственную жизнь [1].

Истинность определения можно аргументировать путем обращения к таким теоретическим подходам исследования, как деятельностный подход (А. Н. Леонтьев), концепция отношений личности (А. Ф. Лазурский и В. Н. Мясищев) и культурно-историческая теория (Л. С. Выготский) [2].

Ответственность как личностное качество выполняет следующие функции: социальную (обеспечивает регулирование поведения индивида в обществе) и личностную (обеспечивает автономию, способность к самоконтролю и эффективную адаптацию к требованиям среды) [3]. Само проявление ответственного поведения в подростковом возрасте напрямую связано с мотивационной сферой. Подростки с выраженной мотивацией достижения чаще демонстрируют готовность брать на себя ответственность за результаты своей деятельности и выбирать адекватные средства для ее реализации [4].

На эмпирическом этапе исследования подростковой ответственности нами была проведена комплексная диагностика, в состав которой вошла методика «*Ответственность у подростков*» Е. Е. Даниловой, Л. А. Бегуновой, А. Г. Лисичкиной и Д. А. Андреевой. Данная методика обобщенно и комплексно затрагивает вышеупомянутые аспекты исследуемого феномена.

Методика «*Ответственность у подростков*» предназначена для изучения основных механизмов ответственности и форм ее проявления у подростков. Она включает в себя 27 утверждений, из которых 24 отражают различные аспекты ответственности, а 3 составляют «шкалу лжи» для контроля достоверности ответов.

С помощью данной методики можно диагностировать:

- уровень социальной ответственности (а именно готовность следовать нормам, участвовать в общественных делах);
- степень самоконтроля (способность к саморегуляции, выполнение обязанностей);
- моральную оценку собственных поступков;
- отношение к экологии и заботе об окружающем мире;
- ориентацию личности на поддержку других людей;
- склонность к избеганию или перекладыванию ответственности.

Область применения:

- в психологической диагностике подростков,
- в образовательной практике (школы, колледжи),
- в научных исследованиях личностного развития, социальной зрелости и гражданской идентичности,
- в индивидуальной и групповой работе психолога.

Ответы респондентов переводятся в показатели по шести шкалам.

Шкала «Поддержка»

Отражает отношение подростка к семье и близким людям, готовность помогать и заботиться о них. Диагностирует уровень социальной включенности и ориентации на поддержку значимых других.

Шкала «Самоконтроль»

Характеризует способность подростка к саморегуляции и выполнению обязанностей. В перечень входят утверждения о самостоятельном выполнении учебных заданий, самостоятельной заботе о себе, ведении здорового образа жизни, выполнении домашних обязанностей. Показывает степень ответственности за собственные действия.

Шкала «Совесть»

Отражает эмоционально-нравственный компонент ответственности – переживание чувства вины и стыда за собственные поступки, даже если они остаются неизвестными окружающим. Диагностирует внутренние моральные регуляторы поведения, способность к самокритике и осознанию последствий поступков.

Шкала «Социальная ответственность»

Описывает готовность подростка жертвовать личными интересами ради общественного дела, участвовать в волонтерской деятельности, брать на себя общественные обязанности. Выявляет уровень социальной зрелости, ориентацию на коллективные ценности и общественную активность.

Шкала «Забота об окружающей среде»

Фиксирует отношение подростка к экологическим проблемам и защите природы. Включает установки на сохранение чистоты, защиту животных, неприятие разрушительного поведения в общественных пространствах. Диагностирует экологическую ответственность и ценностное отношение к окружающему миру.

Шкала «Избегание ответственности»

Отражает склонность подростка перекладывать вину на других, давать невыполнимые обещания, проявлять равнодушие к окружающим. Выявляет тенденции к снижению личной ответственности, уходу от обязательств и социально значимых норм.

Шкала лжи

Служит для контроля достоверности ответов респондента. Включает три специальных утверждения, которые позволяют выявить тенденцию подростка к социально желательным ответам или намеренному искажению данных.

Методика рассматривает ответственность как интегративное качество личности, объединяющее когнитивные, эмоциональные и социальные компоненты. Она адаптирована именно для подросткового возраста, когда происходит переход от индивидуальной к социальной и рефлексивной ответственности [5].

Для исследования психологических основ формирования ответственности у подростков была сформирована выборочная совокупность в количестве 33 респондентов в возрасте 15–16 лет, из них 15 юношей и 18 девушек, учащихся 9–10 классов в ГУО «Средняя школа № 62 г. Гомеля».

Диагностика позволила получить обобщенный показатель ответственности за счет суммирования баллов по шкалам поддержки, самоконтроля, совести, социальной ответственности и заботы об окружающей среде. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровни ответственности подростков по методике «Ответственность у подростков»

Уровни	Количество человек	Количество в %
Низкий	7	21,2 %
Средний	15	45,4 %
Высокий	11	33,3 %

Согласно данным представленным в таблице 1, преобладающей части подростков характерен средний уровень ответственности, который был выявлен у 45,4 % участников исследования, поэтому можно говорить о наличии базовых представлений о нормах ответственности и готовности следовать социально одобряемым требованиям. Подростки данной группы в большинстве случаев ориентируются на внешние требования и контроль, однако проявляют отдельные признаки самостоятельного принятия обязательств. Низкий уровень ответственности был зафиксирован у 21,2 % испытуемых, что выражалось в слабой выраженности самоконтроля и недостаточной устойчивости моральных регуляторов поведения. Высокий уровень ответственности диагностирован у 33,3 % подростков, которые проявляли устойчивую ориентацию на внутренние нормы, осознанное отношение к обязанностям и готовность нести ответственность за результаты собственной деятельности.

Для проверки значимости различий между юношами и девушками был применен критерий Фишера (таблица 2).

Таблица 2 – Результат статистической обработки данных по методике «Ответственность у подростков» с помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера

Уровни	Юноши (n = 15)	Девушки (n = 18)	Значимость по критерию Фишера
Низкий	6	1	$\phi^*_{кр} = 2,31 < \phi^*_{эмп} = 2,556$ при $p \leq 0,0$.
Средний	7	8	$\phi^*_{кр} = 2,31 < \phi^*_{эмп} = 0,12$ при $p \leq 0,05$. различия статистически незначимы
Высокий	2	9	$\phi^*_{кр} = 2,31 < \phi^*_{эмп} = 2,355$ при $p \leq 0,01$.

Согласно данным, приведенным в таблице 2, проведенные расчеты по критерию ϕ^* -углового преобразования Фишера позволили выявить значимые гендерные различия в уровне сформированности ответственности у подростков. Установлено, что юноши значимо чаще демонстрируют низкий уровень ответственности, что отражает недостаточную устойчивость моральных регуляторов поведения и зависимость от внешнего контроля. Девушки, напротив, значимо чаще проявляют высокий уровень ответственности, характеризующийся ориентацией на внутренние нормы, осознанным отношением к обязанностям и готовностью брать на себя обязательства.

Таким образом, у большинства подростков выявлен средний уровень ответственности, что свидетельствует об ориентации на внешние требования при наличии отдельных проявлений самостоятельности. Зафиксированы значимые гендерные различия: юноши достоверно чаще попадают в группу низкого уровня ответственности, а девушки – в группу высокого.

Полученные данные указывают на необходимость учета половых особенностей при разработке психолого-педагогических программ, направленных на формирование ответственного поведения в подростковом возрасте.

Литература

- 1 Дмитренко, А. Ю. Отражение проблематики ответственности в историко-философской мысли / А. Ю. Дмитренко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – Т. 2-2. – С. 18–23.
- 2 Мишурова, О. И. Методологические подходы к изучению социальной ответственности / О. И. Мишурова // Сервис в России и за рубежом. – 2016. – Т. 10, вып. 9 (70). – С. 77–87.
- 3 Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 248 с.

4 Вардanian, Ю. В. Развитие мотивационной основы профессиональной стратегии студента в условиях психологической безопасности : монография / Ю. В. Вардanian, Е. А. Лежнева. – Саранск : МГПУ им. М. Е. Евсевьева, 2014. – 178 с.

5 Данилова, Е. Е. Методика «Ответственность у подростков»: разработка и описание / Е. Е. Данилова, Л. А. Бегунова, А. Г. Лисичкина, Д. А. Андреева // Психолого-педагогические исследования. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 69–84.

УДК 37.018.11:373.3.062

И. О. Жовнерчук

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ И ОСОБЕННОСТИ САМОКОНТРОЛЯ ШКОЛЬНИКА

В работе рассматриваются теоретико-эмпирические результаты исследования взаимосвязи стилей семейного воспитания и самоконтроля школьников. Представлены результаты эмпирического исследования, выявившие достоверно значимые взаимосвязи демократического и авторитарного стилей воспитания и показателей самоконтроля школьника.

Современное общество предъявляет высокие требования к личности, подчеркивая важность самостоятельности, ответственности и способности к саморегуляции. Эти качества, объединенные понятием «самоконтроль», являются ключевыми для успешной адаптации в социуме, достижения академических успехов и формирования зрелой личности. Особое значение самоконтроль приобретает в школьном возрасте, когда происходит активное освоение учебной деятельности, формирование социальных навыков и становление самосознания.

В то же время исследования показывают, что уровень развития самоконтроля у школьников может существенно варьироваться, что влияет на их учебную мотивацию, поведенческие особенности и успешность в целом. Одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование самоконтроля у детей, является семья, в частности стиль семейного воспитания. Семейное окружение, методы взаимодействия между родителями и детьми, а также установки и ценности, транслируемые в семье, играют определяющую роль в становлении регулятивных механизмов личности.

Следовательно, исследование взаимосвязи стилей воспитания в семье и самоконтроля помогает выявить, какое влияние определенный стиль воспитания оказывает на самоконтроль школьника. Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи стилей воспитания в семье и особенностей самоконтроля школьника

Самоконтроль – это осознанное и целенаправленное воздействие человека на свое поведение, деятельность, психические процессы и состояния [2, с. 5].

Г. С. Никифоров рассматривает самоконтроль как часть саморегуляции, включающую целеполагание, моделирование условий, программирование, оценку результатов и коррекцию. Функции самоконтроля: оценочная, корректирующая, прогностическая, мобилизующая, стабилизирующая [2, с. 30].

Р. Баумейстер трактует самоконтроль как истощаемый ресурс (эго-истощение), необходимый для управления поведением [4, с. 282].

Стиль воспитания – это совокупность приемов взаимодействия родителей с детьми. В широком смысле воспитание – процесс социализации и становления личности.

Д. Баумринд выделила три стиля: авторитарный, демократический, либеральный [5, с. 46]. Позже Э. Маккоби и Дж. Мартин добавили четвертый – безразличный [6, с. 83].

Е. Н. Каткова, А. С. Гахова также выделяют: авторитарный, демократический и либеральный стили воспитания [1, с. 4–13].

Авторитетная модель семейного воспитания. Главным авторитетом в такой семье выступают родители, а не ребенок или посторонние люди. Основными чертами данной модели являются эмоциональное принятие ребенка в семье и высокий уровень контроля со стороны взрослых за ребенком.

Либеральная модель воспитания в семье. Главной целью жизни родителей здесь является формирование у ребенка «свободы» и самостоятельности, они позволяют делать ребенку абсолютно всё, что он хочет, на его действия не накладываются никакие ограничения. Родители в таких семьях не помогают ребенку и не мешают, не принимают никакого участия в формировании личности.

Авторитарная модель семейного воспитания. Родители, использующие эту модель воспитания, как правило, требуют от ребенка высоких достижений, наказывают за неудачи, такие дети боятся, когда им выставляют отрицательные оценки в дневник и журнал, слезно умоляют учителя этого не делать, так как понимают, что дома их ждет наказание.

Отечественные психологи Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис предложили свои концепции стилей воспитания и описали 6 стилей (гипопротекция, доминирующая и потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, жестокое обращение, повышенная моральная ответственность) на основе двух параметров: эмоциональная включенность и удовлетворение потребностей [3, с. 38].

В результате проведенного исследования были обнаружены достоверно значимые взаимосвязи между стилем воспитания и показателями самоконтроля школьника (таблица 1).

Таблица 1 – Коэффициент корреляции Пирсона между стилем воспитания и показателями самоконтроля школьника

	Эмоциональный самоконтроль	Самоконтроль в деятельности	Социальный самоконтроль	Выраженность самоконтроля
Демократический стиль	r = 0,277	0,258	0,073	0,244
	p = 0,05	0,05	0,01	0,05
Либеральный стиль	r = -0,150	-0,036	0,113	-0,026
	p = 0,01	0,01	0,01	0,01
Авторитарный стиль	r = -0,249	-0,344	-0,229	-0,333
	p = 0,01	0,01	0,01	0,01

Проведенный корреляционный анализ позволил обнаружить следующие достоверные значения взаимосвязи:

- демократический стиль воспитания (r = 0,277; p = 0,05) с эмоциональным самоконтролем;
- демократический стиль воспитания (r = 0,258; p = 0,05) с самоконтролем в деятельности;
- демократический стиль воспитания (r = 0,244; p = 0,05) с показателем выраженности самоконтроля;
- авторитарный стиль воспитания (r = -0,249; p = 0,01) с эмоциональным самоконтролем;
- авторитарный стиль воспитания (r = -0,344; p = 0,01) с самоконтролем в деятельности;
- авторитарный стиль воспитания (r = -0,229; p = 0,01) с социальным самоконтролем;
- авторитарный стиль воспитания (r = -0,333; p = 0,01) с показателем выраженности самоконтроля.

Выявленная взаимосвязь между демократическим стилем воспитания и эмоциональным самоконтролем (r = 0,277; p = 0,05), и самоконтролем в деятельности (r = 0,258; p = 0,05) позволяет утверждать, что наличие эмоционального принятия ребенка в семье, установление четких правил и границ, готовность родителей обсуждать с ребенком значимые вопросы и учитывать его мнение приводит к более развитому эмоциональному самоконтролю и самоконтролю в деятельности у школьников. Это означает, что ребенок,

воспитанный с использованием демократического стиля воспитания, более склонен к контролю собственных эмоциональных состояний и их внешних поведенческих проявлений; склонен контролировать процесс выполнения различных видов деятельности: прогнозирование и планирование действий, контроль за исполнением действий и оценки полученных результатов после завершения деятельности.

Выявленная отрицательная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания и эмоциональным самоконтролем ($r = -0,249$; $p = 0,01$), самоконтролем в деятельности ($r = -0,344$; $p = 0,01$), социальным самоконтролем ($r = -0,229$; $p = 0,01$) позволяет утверждать, что использование высоких требований к ребенку, требование беспрекословного подчинения, установление множества правил и ограничений без объяснения причин взаимосвязано с уровнем развития эмоционального самоконтроля, самоконтроля в деятельности и социального самоконтроля. Ребенок, воспитанный с использованием авторитарного стиля воспитания, менее склонен к контролю собственных эмоциональных состояний и их внешних поведенческих проявлений; менее склонен контролировать процесс выполнения различных видов деятельности: прогнозирования и планирования действий, контроля за исполнением действий и оценкой полученных результатов после завершения деятельности. Ребенок менее склонен контролировать свое поведение, включая коммуникативное в процессе взаимодействия с другими людьми и группами. Ребенку тяжело придерживаться принятых правил в обществе в отношении своих поступков, высказываний и манер.

Таким образом, можно сделать вывод, что стиль семейного воспитания является значимым фактором, взаимосвязанным с формированием самоконтроля у школьников. Результаты проведенного эмпирического исследования подтверждают наличие достоверных взаимосвязей между конкретными стилями воспитания и различными аспектами самоконтроля.

Следовательно, демократический стиль воспитания (характеризующийся теплотой, уважением к личности ребёнка, разумными требованиями и предоставлением автономии) положительно связан с развитием самоконтроля. Дети из таких семей демонстрируют более высокий уровень эмоционального самоконтроля, самоконтроля в деятельности и общей выраженности самоконтроля. Это позволяет им лучше управлять своими эмоциями, планировать и оценивать результаты своих действий. Авторитарный стиль воспитания (основанный на жёсткой дисциплине, контроле, подавлении инициативы и эмоциональной холодности) обнаруживает отрицательную связь с показателями самоконтроля. У школьников, воспитанных в условиях авторитарного подхода, снижены эмоциональный самоконтроль, самоконтроль в деятельности, социальный самоконтроль и общая выраженность самоконтроля. Им труднее регулировать свои эмоции, планировать действия и соблюдать социальные нормы в коммуникации. Либеральный стиль в данном исследовании не показал устойчивых значимых положительных корреляций с самоконтролем, что может указывать на его неоднозначную или слабую роль в развитии этих качеств.

Следовательно, для формирования у школьников самоконтроля, ответственности и успешной социальной адаптации наиболее благоприятным является демократический стиль семейного воспитания, тогда как авторитарный стиль выступает фактором риска, препятствующим развитию осознанного самоконтроля.

Литература

- 1 Гахова, А. С. Исследование моделей семейного воспитания в отражении младших подростков / А. С. Гахова, Е. Н. Каткова // Амурский научный вестник. – 2021. – № 2. – С. 4–13.
- 2 Никифоров, Г. С. Психология самоконтроля / Г. С. Никифоров. – СПб. : ИТД СКИФИЯ, 2020. – С. 5–30.
- 3 Эйдемиллер, Э. Психология и психотерапия семьи / Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 2015. – 38 с.
- 4 Baumeister, R. F. Ego depletion and self-regulation failure: A resource model of self-control / R. F. Baumeister // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. – 2003. – Т. 27, № 2. – С. 282.

5 Baumrind, D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior / D. Baumrind // Genetic Psychology Monographs. – 1967. – Т. 75, № 1. – С. 46.

6 Maccoby, E. E. Handbook of child psychology: Socialization, personality, and social development / E. E. Maccoby, J. A. Martin. – New York City : Wiley, 1983. – 1043 с.

УДК 316.77-057.874

Я. Г. Иванова

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА УЧАЩИХСЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье представлены результаты экспериментального изучения типа поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся старшего школьного возраста. Установлено, что тип поведения подростков в коммуникативных ситуациях определяет качество межличностного взаимодействия в классе, устойчивость эмоционального благополучия и успешность учебной деятельности. По итогам констатирующего этапа исследования были выделены три типа поведения: агрессивный, зависимый и компетентностный.

Актуальность исследования обусловлена тем, что коммуникативная компетентность выступает не только личностным результатом освоения предметных знаний, но и является необходимым условием реализации потребности подростков в общении. В условиях современной социальной реальности подростки сталкиваются с повышенной коммуникативной нагрузкой, где проявляются трудности саморегуляции, понимания собеседника и построения сотрудничества.

Важность исследования типа поведения в коммуникативных ситуациях и определение широкого спектра возможностей его конструктивного преобразования позволяет выявить механизмы формирования социальной компетентности и более эффективного проводить психолого-педагогическое сопровождение, направленное на гармонизацию общения в подростковой среде.

Исследователь Л. Н. Булыгина рассматривает «коммуникативную компетентность подростков как необходимое условие и личностный результат успешного освоения ими предметных знаний и реализации онтогенетической потребности в общении, что следует понимать как единство следующих компонентов:

- ценностного;
- содержательного (перцептивные, интерактивные и коммуникативно-речевые компетенции);
- структурного (когнитивный, функционально-деятельностный и рефлексивно-оценочный).

А также как качество личности, проявляющееся не только в умении школьников общаться с ровесниками и взрослыми, но и в их способности выбирать позитивные ориентиры в коммуникации и коммуникативно рефлексировать» [1, с. 5].

База исследования – ГУО «Марковичская средняя школа Гомельского района».

Выборка исследования: 46 учащихся 10-х классов, из них 22 учащихся 10 «Б» класса составили экспериментальную группу, 24 учащихся 10 «А» класса составили контрольную группу.

Объект исследования – коммуникативная культура учащихся старшего школьного возраста.

Предмет исследования – тип поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся старшего школьного возраста.

Цель исследования – изучить тип поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся старшего школьного возраста.

Результаты изучения типа поведения в коммуникативных ситуациях учащихся старших классов на констатирующем этапе исследования в контрольной и экспериментальной группах с помощью методики «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптация Ю. З. Гильбуха) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественные показатели типа поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся контрольной и экспериментальной групп на констатирующем этапе исследования (данные представлены в абсолютных значениях)

Тип поведения	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Агрессивный	9	8
Зависимый	5	5
Компетентностный	10	9

Согласно данным, представленным в таблице 1, на констатирующем этапе исследования у 9 учащихся старшего школьного возраста экспериментальной группы и у 8 учащихся старшего школьного возраста контрольной группы доминирует «агрессивный» тип поведения в коммуникативных ситуациях. Агрессивное поведение в коммуникативных ситуациях может выступать как способ эмоциональной разрядки и быстрого снятия напряжения, то есть подросток тем самым «снижает внутренний дискомфорт» посредством раздражения, повышения тона и категоричности.

У 5 учащихся старшего школьного возраста экспериментальной группы и у 5 учащихся старшего школьного возраста контрольной группы доминирует «зависимый» тип поведения в коммуникативных ситуациях. Их позиции зависят от оценок сверстников и взрослых, а поведение корректируется внешними влияниями в процессе общения. Данное поведение может формироваться при переживании тревоги в ситуациях дилеммы. Например, подросток выбирает стратегию «подстроиться, чтобы избежать конфликта» или чтобы сохранить принятие в группе сверстников.

У 10 учащихся старшего школьного возраста экспериментальной группы и у 9 учащихся старшего школьного возраста контрольной группы доминирует «компетентностный» тип поведения в коммуникативных ситуациях.

У респондентов наблюдается склонность к адекватному реагированию на поведение окружающих в зависимости от конкретной ситуации. Они владеют достаточным объёмом знаний о коммуникативных нормах и правилах взаимодействия, признают ценность личности собеседника и характеризуются такими чертами, как доброжелательность, эмпатия и уважение.

Компетентностный тип отражает более сформированную систему коммуникативных навыков: подросток способен адаптировать поведение под ситуацию, учитывать намерения собеседника и удерживать уважительную позицию.

Преобладание компетентного стиля, вероятно, связано с интересом подростков к установлению контактов и проявлением инициативы в общении, при этом у них ещё не полностью сформированы навыки, необходимые для достижения устойчивых коммуникативных целей.

С помощью многофункционального ϕ^* – углового преобразования Фишера рассчитывалась достоверность различий. Не выявлены статистически значимые различия количественных показателей типов поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся старших классов на констатирующем этапе исследования в контрольной и экспериментальной группах:

- «агрессивный» тип ($\phi^*_{\text{эмп}} = 0,54$ при $\phi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$));
- «зависимый» тип ($\phi^*_{\text{эмп}} = 0,15$ при $\phi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$));
- «компетентностный» тип ($\phi^*_{\text{эмп}} = 0,05$ при $\phi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$)).

Следовательно, в экспериментальной и контрольной группах в равной степени представлены три типа поведения в коммуникативных ситуациях («агрессивный», «зависимый», «компетентностный»).

Таким образом, в ходе исследования установлен доминирующий тип поведения в коммуникативных ситуациях у учащихся старшего школьного возраста на констатирующем этапе исследования. Преобладание агрессивных или зависимых стратегий общения увеличивает риск эскалации конфликтов, буллинга и социальной изоляции, тогда как преобладание компетентностного стиля способствует сотрудничеству, эмпатии и конструктивному решению конфликтов.

Литература

1 Булыгина, Л. Н. Формирование коммуникативной компетентности подростков в школьном обучении : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Булыгина Лариса Николаевна ; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2013. – 23 с.

УДК 37.013.42:316.622:178.9:004.728.5-053.6

К. С. Ильюхина

ПРОБЛЕМНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА ПОДРОСТКАМИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Статья посвящена проблемному использованию интернета подростками. Подробно охарактеризованы пять факторов методики: предпочтение онлайн-общения, регуляция настроения, когнитивная поглощённость, компульсивное использование и негативные последствия. Результаты тестирования учащихся 9-х классов подтверждают актуальность исследуемой проблемы.

Интернет-ресурсы прочно вошли в жизнь подростков, став неотъемлемой частью их образовательного процесса и досуга. Виртуальное пространство, наполненное социальными сетями и играми, для них столь же привычно, как и реальные места для общения и отдыха. Однако в период бурного развития подростки особенно склонны к формированию зависимостей. Для точной диагностики этого явления была применена общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS-3), разработанная А. А. Герасимовой и А. Б. Холмогоровой на основе зарубежного опросника GPIUS-2 Скотта Каплана [1].

Проблемное использование интернета (интернет-зависимость) – это неконтролируемое и чрезмерное использование компьютера и сети, которое приводит к негативным последствиям в жизни, вытесняя другие интересы и реальное общение. В отличие от многих ранних опросников, GPIUS-3 оценивает не просто время в интернете, а именно психологические механизмы зависимости.

Данная шкала включает в себя 14 утверждений с 7-бальной оценкой согласия, каждое из которых относится к одному из пяти факторов проблемного использования интернета.

Предпочтение онлайн-общения. Данный фактор отражает устойчивую тенденцию подростка выбирать виртуальную коммуникацию вместо реального, непосредственного общения лицом к лицу. В социальных сетях, мессенджерах и на игровых платформах подросток чувствует себя более уверенно, раскрепощённо и безопасно, чем при личном контакте. Он может тщательно обдумывать свои сообщения, редактировать их, использовать аватары и никнеймы, создавая желаемый образ. В реальном же общении возникают спонтанные реакции, необходимость считывать невербальные сигналы собеседника,

справляться с волнением и неопределённостью. В результате реальные социальные навыки могут атрофироваться, а одиночество в офлайн-среде – усиливаться, что, в свою очередь, ещё больше подталкивает подростка уходить в интернет.

Регуляция настроения. Этот фактор описывает использование интернета как универсального психологического инструмента для управления своим эмоциональным состоянием. Для подростка выход в сеть перестаёт быть просто средством получения информации или общения – он становится главным способом справиться с дискомфортом. Если подросток испытывает скуку, тревогу, раздражение, обиду, грусть или чувство одиночества, он автоматически тянется к телефону или компьютеру. Игры, лента социальных сетей, короткие видео или просмотр стримов действуют как быстрое и доступное «эмоциональное лекарство»: они отвлекают от неприятных переживаний, дают временный прилив удовольствия или хотя бы снижают остроту негатива. Со временем у подростка не формируются здоровые стратегии совладания со стрессом. Любое малейшее ухудшение настроения становится триггером для немедленного погружения в интернет, что закрепляет зависимость по классическому механизму отрицательного подкрепления: действие повторяется, потому что оно устраняет неприятное состояние.

Когнитивная поглощённость. Когнитивная поглощённость отражает процесс, при котором интернет занимает постоянное место в мыслях подростка даже тогда, когда он физически не находится в сети. Это не просто «думаю о том, что напишу другу», а навязчивое, трудно контролируемое мысленное возвращение в онлайн-пространство. На уроке подросток мысленно прокручивает прошедшую игровую сессию, планирует, какой контент выложить вечером, или тревожится о том, сколько лайков набрало его фото. Эта постоянная мысленная занятость интернетом истощает когнитивные ресурсы: ухудшается концентрация внимания, страдает память, снижается успеваемость. Подростку всё труднее переключаться на реальные задачи, потому что даже в свободное от гаджетов время его сознание остаётся в виртуальном мире.

Компульсивное использование. Данный фактор характеризует потерю способности планировать и контролировать своё время в интернете, несмотря на осознаваемые негативные последствия. Подросток искренне собирается «посидеть в телефоне всего 15 минут», но через три часа с удивлением обнаруживает, что не может оторваться. Он многократно даёт себе обещания «с сегодняшнего дня меньше времени в сети» – и каждый раз срывается. Комппульсивное использование проявляется в повторяющихся, трудно подавляемых импульсах проверить обновления, зайти в игру или пролистать ленту. Эти действия становятся автоматическими, почти рефлексными: рука сама тянется к телефону при любой паузе в реальной деятельности. Важно, что комппульсивное использование отличается от просто «большого желания»: подросток часто хочет остановиться, но не может, что сопровождается чувством вины, стыда и бессилия.

Негативные последствия. Этот фактор фиксирует реальный ущерб, который проблемное использование интернета наносит различным сферам жизни подростка. В академической сфере это проявляется в снижении успеваемости, невыполнении домашних заданий, пропусках уроков из-за недосыпа или нежелания отрываться от сети. В социальной сфере – в ухудшении отношений с родителями, отдалении от реальных друзей, которые перестают приглашать подростка гулять, так как он постоянно занят онлайн. В сфере физического здоровья – в хроническом недосыпе, нарушениях режима дня, пренебрежении гигиеной и физической активностью. Кроме того, негативные последствия затрагивают интересы и хобби: ранее любимые занятия полностью забрасываются, потому что они не дают такого же быстрого и интенсивного подкрепления, как интернет. Подросток может осознавать весь этот вред, но продолжать вести себя по-прежнему – именно этот парадокс является ключевым признаком зависимости.

Преимущество данной шкалы по сравнению с другими шкалами изучения активности в интернете заключается в использовании понятия «проблемное использование

интернета». Важным также является отсутствие некоторых устаревших формулировок, которые связаны с другим техническим уровнем пользования интернетом (например, сенсорные экраны вместо пользования мышкой и т. п.) [2].

Результаты диагностики среди группы учащихся представлены на рисунке 1.

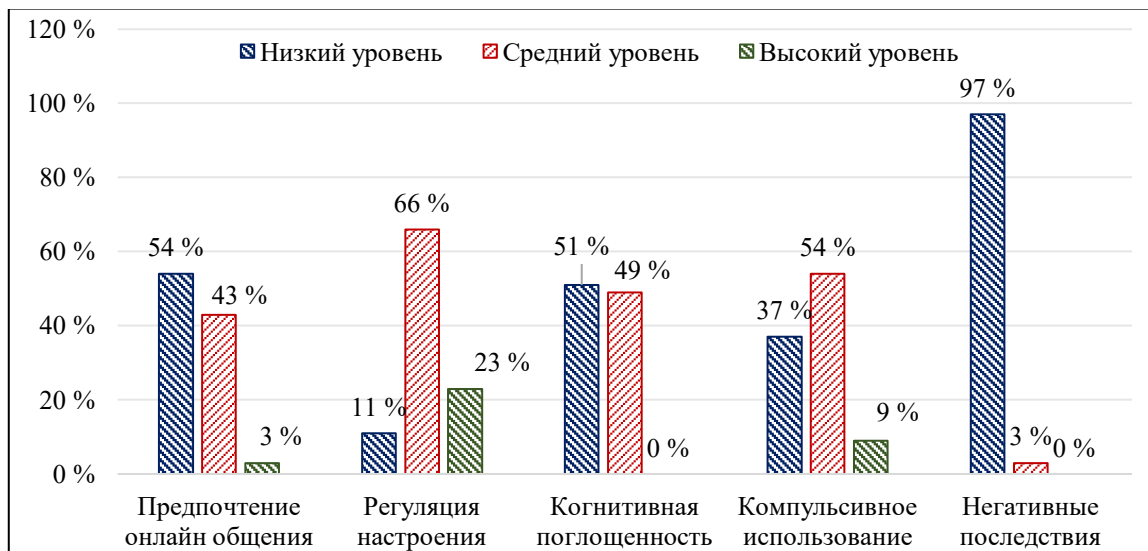

Рисунок 1 – Результаты данных общей шкалы проблемного использования интернета подростками

На данном рисунке можно увидеть, что в шкале предпочтение онлайн-общения низкий уровень преобладает над средним и высоким и его имеют 19 учащихся (54 %), средний уровень – 15 учащихся (43 %), высокий уровень предпочтения онлайн-общения выявлен у 1 учащегося (3 %). На шкале регуляция настроения видно, что 4 учащихся (11 %) имеют низкий уровень, средний уровень имеют 23 учащихся (66 %) и высокий уровень выявлен 8 учащихся (23 %). На шкале когнитивной поглощенности можно наблюдать незначительное различие между средним и низким уровнями, где низкий уровень имеют 18 учащихся (51 %), а средний – 17 учащихся (49 %), высокий уровень когнитивной поглощенности не выявлен. На шкале «компульсивное использование» низкий уровень имеют 13 учащихся (37 %), его превышает средний уровень – 19 учащихся (54 %), высокий уровень компульсивного использования интернета выявлен у 3 учащихся (9 %). На шкале негативных последствий видно, что 34 учащихся (97 %) имеют низкий уровень и 1 учащихся (3 %) имеет средний уровень, высокого уровня негативных последствий не выявлено.

Таким образом, у большинства учащихся преобладают низкие и средние уровни показателей, что свидетельствует о начальных проявлениях склонности к компьютерной зависимости, но без выраженных негативных последствий. Наибольшую настороженность вызывает регуляция настроения через интернет и компульсивное использование, где у части подростков выявлены высокие уровни. Это указывает на необходимость профилактической работы и формирования альтернативных способов эмоциональной разрядки и организации досуга.

Литература

- 1 Холмогорова, А. Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника / А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – № 3. – С. 56–79.
- 2 Булат, Р. Е. Обеспечение безопасного поведения обучающихся общеобразовательной организации в медиасреде / Р. Е. Булат // Теория и история культуры. – 2024. – № 1. – С. 25–34.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СТРАТЕГИЙ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена взаимосвязи виктимного поведения и стратегий конфликтного взаимодействия у подростков с учетом гендерных различий. На основе данных 120 подростков выявлены корреляции между уровнями виктимности и сотрудничеством. У мальчиков установлена связь между «агрессивной виктимностью» и «соперничеством», а у девочек – между «зависимой виктимностью» и «приспособлением». Также в статье представлены результаты апробации коррекционной программы, подтвердившие её эффективность в снижении виктимности и оптимизации конфликтного поведения.

Подростковый возраст – критический этап формирования поведенческих стратегий и повышенной уязвимости к неблагоприятным социальным воздействиям. Виктимность как предрасположенность к роли жертвы и стиль поведения в конфликте выступают важными факторами социальной адаптации [1, с. 14; 2, с. 304]. О. О. Андронникова выделяет несколько типов виктимного поведения, каждый из которых отражает специфический паттерн реагирования, повышающий вероятность виктимизации: агрессивное (провоцирующее), самоповреждающее и саморазрушающее (активное), гиперсоциальное (инициативное), зависимое и беспомощное (пассивное), некритичное, а также интегральный показатель реализованной виктимности, фиксирующий реальный опыт пребывания в роли жертвы [5]. Согласно модели К. Томаса и Р. Килманна, выделяются пять стратегий поведения в конфликте: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление [3, с. 39–41]. Каждая стратегия может быть адаптивной или дезадаптивной в зависимости от ситуации, но устойчивое предпочтение одной из них формирует индивидуальный профиль конфликтного реагирования, тесно связанный с личностными особенностями и социальным опытом. Характер взаимосвязи виктимности и конфликтного поведения с учётом гендерных различий изучен недостаточно. Научная новизна работы – в дифференцированном анализе корреляционных структур у мальчиков и девочек и проверке эффективности коррекционной программы, построенной с учётом выявленных паттернов. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных данных для разработки профилактических мероприятий в образовательных учреждениях.

Методы и организация исследования. Исследование проведено на базе ГУО «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Выборка – 120 подростков 15–17 лет (60 мальчиков, 60 девочек), учащиеся 9–11 классов. Исследование носило анонимный характер. Использованы две стандартизированные методики. Первая – «Исследование склонности к виктимному поведению» О. О. Андронниковой, представляющая собой тест-опросник из 86 утверждений и позволяющая оценить выраженность семи шкал: склонность к агрессивному, самоповреждающему, гиперсоциальному, зависимому и некритичному поведению, а также шкалы реализованной виктимности и социальной желательности (контроль достоверности) [5, с. 168]. Вторая – «Тест на поведение в конфликтной ситуации» К. Томаса и Р. Килманна в адаптации Н. В. Гришиной, состоящий из 30 пар суждений и диагностирующий пять стратегий: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление [6, с. 544]. Доминирующей считалась стратегия, набравшая максимальный балл. Статистическая обработка проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (критический уровень значимости $p \leq 0,05$). На основе результатов первичной диагностики разработана коррекционная программа «Построение личных границ: от виктимности к уверенности» (10 занятий по 60 минут),

структурированная в четыре блока: диагностико-мотивационный, формирование навыков защиты личных границ, развитие конструктивных стратегий взаимодействия в конфликте, интеграция и закрепление навыков. Цель программы – снижение показателей виктимного поведения и формирование асертивных моделей реагирования. Оценка эффективности проводилась с помощью Т-критерия Вилкоксона на группе 27 учащихся (экспериментальный класс).

Результаты и их обсуждение. Анализ данных по методике О. О. Андронниковой показал, что у мальчиков наиболее выраженной оказалась склонность к агрессивному виктимному поведению: высокий уровень зафиксирован у 45 % опрошенных, тогда как низкий не выявлен вовсе. Это свидетельствует о широкой распространённости провоцирующего, враждебного реагирования на фрустрацию, которое закономерно повышает уязвимость мальчиков перед ответной агрессией. У девочек, напротив, доминировала склонность к зависимому и беспомощному поведению: при полном отсутствии низкого уровня (0 %) высокий уровень отмечен у 40 % респонденток. Кроме того, у 55 % девочек выявлен ярко выраженный стиль «Избегание», а у 35 % – чрезмерная склонность к стилю «Приспособлению». Такой профиль отражает внутреннюю готовность девочек к роли «пассивной жертвы», неспособность отстаивать личные границы и стремление уступить даже в ущерб собственным интересам [4, с. 201–202].

Методика К. Томаса и Р. Килманна подтвердила существование моделей, зависящих от гендерных различий. У мальчиков стратегия «Соперничество» ярко выражена у 22 %, а слабо выражена у 0 %, что указывает на доминирование конкурентной, напористой позиции в споре. У девочек же ведущими оказались пассивные стратегии: ярко выраженные «Избегание» (55 %), и «Приспособление» (35 %). «Сотрудничество» у девочек в основном представлено на оптимальном уровне (90 %), однако у мальчиков слабо выраженное «Сотрудничество» отмечено у 15 %, что говорит о дефиците кооперативных навыков в мужской выборке.

Корреляционный анализ с применением коэффициента Спирмена выявил две принципиально разные психологические модели.

В группе мальчиков обнаружена сильная прямая связь между склонностью к агрессивному виктимному поведению и стилем соперничества ($r = 0,686$, $p \leq 0,01$). Это подтверждает формирование модели «агрессивной жертвы» – подростка, который своим провокационным, конфронтационным поведением сам притягивает к себе негативные реакции окружающих.

В группе девочек – связь между зависимым, беспомощным поведением и стратегией «Приспособление» ($r = 0,383$, $p \leq 0,01$), что формирует классический портрет «пассивной жертвы», не способной к активной самозащите. Дополнительно выявлена положительная корреляция реализованной виктимности со стратегией «Избегание» ($r = 0,255$, $p \leq 0,05$).

Объединяющим и наиболее тревожным результатом для обеих групп стала устойчивая отрицательная связь реализованной виктимности со стратегией «Сотрудничество» (у мальчиков $r = -0,572$; у девочек $r = -0,639$, $p \leq 0,01$). Это доказывает, что реальный опыт пребывания в роли жертвы разрушает у подростков веру в возможность справедливого и взаимовыгодного разрешения конфликтов, заставляя их отказываться от самой конструктивной модели взаимодействия.

Апробация разработанной программы «Построение личных границ: от виктимности к уверенности» на группе учащихся 11 класса ($n = 27$) продемонстрировала статистически значимые позитивные изменения. После цикла занятий зафиксировано достоверное снижение показателей по шкалам агрессивного ($p = 0,003$), зависимого ($p = 0,04$) и некриктивного ($p = 0,02$) виктимного поведения. В сфере конфликтного взаимодействия отмечен рост ориентации на стратегию «Сотрудничество» ($p = 0,04$) и небольшое снижение деструктивного (ярко выраженного) использования стратегии «Избегание» ($p = 0,01$). Полученные данные подтверждают, что целенаправленная работа по развитию асертивности и навыков конструктивного диалога является эффективным инструментом снижения виктимности и гармонизации межличностных отношений в подростковой среде.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1 Реализованная виктимность у подростков обоего пола отрицательно связана со стратегией «Сотрудничество». Пережитый опыт жертвы подрывает доверие к окружающим и снижает готовность к конструктивному разрешению конфликтов, способствуя закреплению виктимного статуса.

2 Выявлена выраженная гендерная специфика взаимосвязей. У мальчиков доминирует паттерн «агрессивная виктимность – соперничество», формирующий модель «агрессивной жертвы». У девочек преобладает связь «зависимая виктимность – приспособление» и «реализованная виктимность – избегание», отражающая пассивную, уступчивую позицию.

3 Коррекционная программа «Построение личных границ: от виктимности к уверенности» показала эффективность: достоверно снизились показатели агрессивного, зависимого и некритичного виктимного поведения, возросла ориентация на сотрудничество и уменьшилась выраженность избегания. Полученные результаты обосновывают целесообразность внедрения дифференцированных профилактических программ, учитывающих выявленные гендерные паттерны виктимизации.

Литература

1 Франк, Л. В. Об изучении виктимности на психологическом уровне / Л. В. Франк // Вопросы судебной психологии. – М. : Академия, 1972. – С. 12–28.

2 Мудрик, А. В. Социализация человека : учебное пособие / А. В. Мудрик. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2006. – 304 с.

3 Русакова, Д. А. Стили конфликтного поведения и способы урегулирования конфликтов / Д. А. Русакова // Молодой ученый. – Казань, 2019. – № 34 (272) – С. 39–41.

4 Бендас, Т. В. Гендерная психология : учебное пособие / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.

5 Андронникова, О. О. Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика : монография / О. О. Андронникова. – Новосибирск : НГПУ, 2005. – 300 с.

6 Гришина, Н. В. Психология конфликта : учебное пособие / Н. В. Гришина. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с.

УДК 316.622:178.9:004.738.5-053.6

А. В. Козачек

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматривается интернет-зависимость подростков как значимое проявление аддиктивного поведения в условиях цифровой социализации. Анализируются особенности формирования зависимости от онлайн-активностей, включая социальные сети, игровые сервисы и развлекательные платформы. Представлены результаты исследования, проведенного среди учащихся первого курса, позволившие определить уровни риска интернет-аддикции и выявить специфику ее проявлений в подростковой среде. Полученные данные подтверждают распространенность проблемы и подчеркивают необходимость профилактических мер, направленных на развитие саморегуляции, цифровой грамотности и культуры ответственного использования интернет-ресурсов.

Современные подростки растут в условиях стремительного развития цифровых технологий, которые становятся неотъемлемой частью их повседневности. Интернет перестал быть лишь инструментом для получения информации – он превратился в

пространство общения, самопрезентации, развлечений и формирования идентичности. В рамках цифровой социализации онлайн-среда оказывает значительное влияние на эмоциональное состояние, поведение и социальные связи подростков [1].

Однако вместе с широкими возможностями цифровая среда несет и серьезные риски. Одним из наиболее распространенных и социально значимых является интернет-зависимость, проявляющаяся в чрезмерном использовании сети, нарушении самоконтроля и снижении качества реальной жизни.

Понятие интернет-зависимости тесно связано с феноменом аддиктивного поведения. В классическом понимании аддикция – это стремление к уходу от реальности посредством изменения психического состояния, сопровождающееся потерей контроля и негативными последствиями для личности [2]. В цифровой среде зависимость приобретает новые формы: она не связана с химическими веществами, но вызывает схожие механизмы психологического подкрепления.

По мнению исследователей, интернет-зависимость проявляется в навязчивом стремлении проводить время в сети, невозможности ограничить онлайн-активность, эмоциональном дискомфорте при отсутствии доступа к интернету, а также в замещении реальных социальных контактов виртуальными.

Особенно уязвимой группой являются подростки, поскольку они находятся в процессе формирования самооценки, социальных навыков и личностной идентичности. Интернет предоставляет им пространство для экспериментов, но одновременно создает условия для ухода от трудностей реальной жизни.

В соответствии с актуальностью данной проблемы нами было проведено эмпирическое исследование, цель которого – выявить уровень риска интернет-зависимости среди подростков. Для этого было проведено анкетирование среди 53 учащихся первого курса учреждения образования «Гомельский государственный колледж кулинарии». Анкета включала вопросы о частоте использования интернета, эмоциональной реакции на отсутствие доступа к сети, предпочтительных видах онлайн-активности и субъективной оценке зависимости.

В процессе количественной обработки данных были получены следующие результаты по шкале «Интернет-зависимость», которые представлены на рисунке 1.

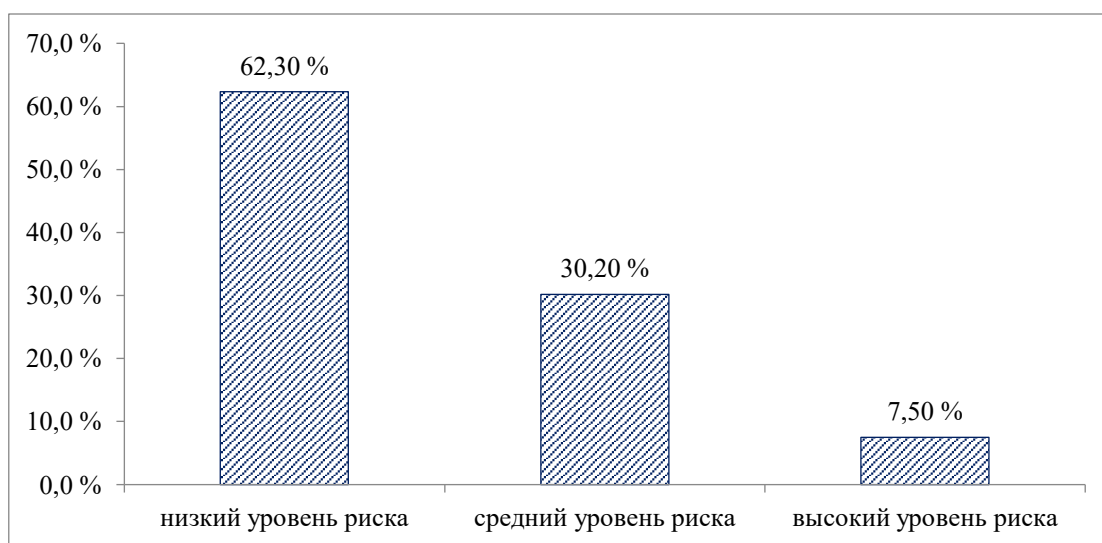

Рисунок 1 – Результаты исследования по шкале «Интернет-зависимость»

Согласно полученным данным, большинство подростков демонстрируют низкий или умеренный уровень риска интернет-зависимости, однако значительная часть выборки находится в зоне потенциальной угрозы.

Низкий уровень риска – 62,3 % (33 человека). Большинство подростков оказались в группе, где интернет выступает прежде всего как полезный и адаптивный ресурс: инструмент обучения, канал общения с ровесниками и источник развлечений. Для них цифровая среда органично встроена в повседневную жизнь, не вытесняя реальные активности и не разрушая повседневных обязанностей. Они умеют планировать свое время, переключаться между задачами и не испытывают выраженного дискомфорта при временном ограничении доступа к сети. Такое поведение свидетельствует о сформированных навыках саморегуляции и цифровой грамотности: подростки осознают цели своего пребывания в интернете и способны контролировать интенсивность взаимодействия с ним. В социально-педагогическом контексте эта группа требует главным образом поддержки существующего баланса – сохранения и укрепления тех практик, которые обеспечивают здоровое соотношение онлайн и офлайн жизни. Программы по цифровой гигиене, семейные ритуалы без гаджетов и вовлечение подростков в живые сообщества и хобби продолжают оставаться эффективными инструментами профилактики. Поскольку динамика развития подростка непредсказуема, важно сохранять мониторинг: регулярные беседы, простая диагностика активности и внимательное отношение педагогов и родителей помогут вовремя уловить любые тенденции к смещению в сторону длительного и неконтролируемого использования сети.

Средний уровень риска – 30,2 % (16 человек). Существенная часть подростков демонстрирует колеблющиеся модели поведения, в которых периодически проявляются трудности контроля экранного времени и повышенная эмоциональная вовлеченность в онлайн-контент. Эти подростки сохраняют способность к адаптивному использованию сети, однако в условиях стресса, семейных конфликтов или социальной изоляции их поведение меняется: наблюдается склонность к удлинению онлайн-сессий, частое возвращение к гаджетам как способу отвлечения или эмоциональной регуляции, а также повышенная реактивность на события в виртуальной среде. Такая эпизодичность является тревожным маркером: при отсутствии своевременной поддержки и корректирующих мер риск формирования более устойчивых зависимых паттернов увеличивается. Работа с этой группой должна быть направлена не на стигматизацию, а на усиление навыков самоменеджмента и эмоциональной регуляции. Эффективными оказываются практические вмешательства, которые помогают подростку осознанно выстраивать режимы дня, обучают техникам переключения внимания и предлагают доступные альтернативы онлайн-занятости. Важно вовлекать семью в конструктивный диалог о триггерах и совместно разрабатывать правила пользования гаджетами, сочетая это с педагогической поддержкой в школе: мини-курсы по цифровой грамотности, групповые занятия по управлению стрессом, и своевременное психологическое сопровождение при обострениях. Регулярный мониторинг мотивации и успеваемости позволит оценивать, меняется ли поведение под влиянием внешних обстоятельств и насколько вмешательства оказывают эффект.

Высокий уровень риска – 7,5 % (4 человека). Небольшая, но критически важная по своей потребности в поддержке группа демонстрирует устойчивые признаки интернет-аддикции. Для этих подростков пребывание в сети превращается в доминирующий формат жизнедеятельности: длительные онлайн-сессии, систематическое пренебрежение учебными и бытовыми обязанностями, утрата интереса к офлайн-взаимодействиям и выраженные эмоциональные реакции на попытки ограничения доступа. Такое поведение отражает глубокую перестройку поведенческих схем и потребностей, когда виртуальное пространство начинает компенсировать нехватку близких связей, безопасности или положительных эмоций в реальной жизни. Интервенция для этой группы должна быть системной и многоуровневой, опираться на междисциплинарный подход, включающий педагогическое сопровождение, психологическую терапию и активную работу с семьей. Первым шагом является тщательная диагностика, позволяющая оценить сопутствующие эмоциональные и поведенческие проблемы, выявить триггеры и степень социальной дезадаптации.

На основе диагностики формируется индивидуальная программа, которая может включать элементы когнитивно-поведенческой терапии, тренинги по самоконтролю, поэтапную реструктуризацию режимов дня и семейных правил, а также вовлечение подростка в альтернативные виды деятельности с эмоциональной поддержкой.

Таким образом, Интернет-зависимость подростков – актуальное социальное явление, обусловленное особенностями цифровой социализации и высокой вовлеченностью молодежи в онлайн-коммуникации. Проведенное исследование позволило выявить уровни риска и определить группы подростков, требующие профилактической или коррекционной работы. Эффективная профилактика должна включать взаимодействие семьи, образовательных учреждений и специалистов, формирование культуры безопасного и осознанного использования цифровых технологий.

Литература

1 Ахрямкина, Т. А. Ребенок и компьютерная зависимость / Т. А. Ахрямкина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Информатика и информатизация образования». – 2006. – № 1 (6) 2006. – С. 14–16.

2 Асмолов, А. Г. Человек в информационном поле и информационные поля / В. А. Шилова, А. Г. Асмолов // Мир психологии. – 2014. – № 1. – С. 179–206.

УДК 159.922.8:159.923.35

М. А. Корнеева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОВ ПРИВЯЗАННОСТИ У ВЗРОСЛЫХ

В статье представлен теоретический анализ типов привязанности у взрослых в рамках концепции Дж. Боулби. Рассматриваются ключевые понятия теории (фигура привязанности, внутренняя рабочая модель), эмпирически выделенные типы привязанности у детей и их трансформация в четырёхкатегориальную модель взрослой привязанности (надёжный, тревожный, избегающий, боязливый). Обосновывается влияние раннего опыта отношений на психологическое благополучие и качество межличностных взаимодействий в зрелом возрасте. Показано, что ненадёжные типы привязанности выступают фактором риска снижения психологического благополучия, тогда как надёжный тип способствует автономии, эмоциональной устойчивости и успешной социальной адаптации.

Проблема формирования устойчивых эмоциональных связей между людьми на протяжении десятилетий остается в центре внимания психологической науки. Феномен привязанности, понимаемый как биологически обусловленная потребность в контакте со значимым другим, приобретает особую актуальность в контексте изучения закономерностей личностного развития, психологического благополучия и успешности межличностного взаимодействия. Теория привязанности, предложенная во второй половине XX века, предложила принципиально новый взгляд на природу детско-родительских отношений и их влияние на всю последующую жизнь человека, что обусловило ее превращение из клинической концепции в одну из наиболее влиятельных парадигм современной психологии развития и психологии личности.

Основополагающая идея теории привязанности заключается в том, что склонность младенцев к поиску близости со значимым взрослым является результатом эволюционного отбора, поскольку поведение привязанности повышает шансы ребенка на

выживание перед лицом опасностей окружающей среды. В отличие от господствовавших в середине прошлого века психоаналитических представлений, трактовавших любовь младенца к матери как условный рефлекс, формирующийся исключительно благодаря удовлетворению пищевой потребности, теория привязанности постулирует врожденный, инстинктивный характер стремления к контакту. Ребенок выступает не пассивным объектом воздействия взрослого, а активным участником диадического взаимодействия, чьи сигналы (плач, улыбка, гуление) биологически запрограммированы на получение отклика от ухаживающего лица. Такое понимание принципиально меняло взгляд на природу эмоциональной связи и имело далеко идущие практические последствия для организации ухода за детьми в медицинских и социальных учреждениях [1].

Центральным понятием теории является «фигура привязанности» – человек, осуществляющий основную заботу о ребенке и выступающий для него источником безопасности и комфорта. Количество таких фигур у ребенка генетически ограничено (не более десяти), что объясняется высокими энергетическими затратами на поддержание каждой значимой связи. Вторым ключевым конструктом выступает «внутренняя рабочая модель» – когнитивно-аффективная структура, которая формируется на основе повторяющегося опыта взаимодействия с фигурой привязанности и служит ментальным прототипом для организации последующих отношений. Внутренняя рабочая модель включает ожидания относительно доступности и отзывчивости значимого другого, а также представления о собственной ценности и способности вызывать заботу. Важно подчеркнуть, что модель является «рабочей», то есть динамичной, способной к модификации под влиянием нового опыта, однако в базовых своих чертах она обнаруживает значительную устойчивость во времени и оказывает влияние на формирование отношений на протяжении всей жизни. Разрыв сформированной привязанности переживается ребенком как глубокое потрясение, проходящее фазы протеста, отчаяния и, в благоприятном случае, переключения на новый объект. Отсутствие адекватной замены утраченной фигуры привязанности в раннем возрасте может приводить к неспособности выстраивать устойчивые близкие отношения в будущем [1, 2].

Эмпирическая верификация теоретических положений была осуществлена в исследованиях, где с помощью метода «Незнакомая ситуация» были выявлены индивидуальные различия в характере привязанности у годовалых детей. На основе наблюдений за реакциями ребенка на разлуку и воссоединение с матерью, а также на присутствие незнакомого взрослого были выделены три основных типа привязанности, а впоследствии – и четвертый. Надежная привязанность характеризуется тем, что ребенок использует мать как «надежную базу» для исследования окружающего мира, проявляет умеренное беспокойство при ее уходе и активно радуется при возвращении, легко успокаиваясь в ее присутствии. Формированию этого типа способствует сензитивность матери – ее способность своевременно и адекватно реагировать на сигналы младенца, проявляя к нему позитивное отношение, эмоциональную поддержку и синхронность во взаимодействии. Дети с надежной привязанностью в дальнейшем демонстрируют более высокую самооценку, эмоциональную устойчивость и социальную компетентность [3, 4].

Избегающий тип привязанности проявляется в безразличном отношении ребенка к уходу матери, отсутствии предпочтения ее незнакомцу и игнорировании родительской поддержки при возвращении. Такое поведение формируется как адаптивная стратегия в условиях, когда родитель систематически отвергает попытки ребенка получить утешение, проявляет нетерпимость к проявлениям потребности в близости, критикует или наказывает за «излишнюю» эмоциональность. Ребенок научается подавлять сигналы привязанности и полагаться исключительно на собственные ресурсы, что во взрослом возрасте трансформируется в гипернезависимость, эмоциональную закрытость и дискомфорт при сближении с другими людьми. Тревожно-амбивалентный (сопротивляющийся) тип отличается тем, что ребенок чрезвычайно остро переживает отсутствие матери, но при

ее возвращении демонстрирует амбивалентное поведение – одновременно стремится к контакту и проявляет гнев, раздражение, сопротивление утешению. Данный паттерн возникает в ситуациях, когда родитель ведет себя непредсказуемо, чередуя гиперопеку с эмоциональной холодностью в зависимости от собственного настроения, что порождает у ребенка неуверенность в доступности фигуры привязанности и побуждает к «борьбе» за ее внимание через гипертрофированное проявление дистресса. Впоследствии такие люди часто демонстрируют тревожность в отношениях, страх отвержения, навязчивую потребность в подтверждении любви [3, 5].

Четвертый – дезорганизованный / дезориентированный тип привязанности – был выделен позднее на основе наблюдений за детьми, чье поведение не укладывалось в три вышеописанных паттерна. Эти дети демонстрируют противоречивые, стереотипные или «замороженные» реакции, например, бегут к матери, но на полпути останавливаются, отворачиваются или замирают. Такой тип чаще всего встречается у детей, подвергавшихся жестокому обращению или воспитывавшихся в условиях институциональной депривации, когда фигура привязанности сама является источником страха. Родители этих детей часто сами имеют травматический опыт и демонстрируют непоследовательное, пугающее поведение. Дезорганизованная привязанность рассматривается как наиболее дезадаптивный паттерн, сопряженный с высоким риском развития психопатологии в дальнейшем [4, 5].

Важнейшим положением теории является тезис о том, что сформировавшиеся в детстве паттерны привязанности не исчезают, а продолжают функционировать во взрослой жизни, влияя на романтические отношения, стиль parenting и психологическое благополучие. В 1980-х годах психологи применили конструкторы теории привязанности к изучению взрослых, выделив четыре категории, во многом изоморфные детским типам, но описываемые через два измерения: тревога (страх отвержения и потребность в одобрении) и избегание (дискомфорт от близости и предпочтение автономии). Надежный тип у взрослых (низкая тревога, низкое избегание) характеризуется способностью выстраивать доверительные, теплые отношения без потери личной автономии, высокой самооценкой, эмоциональной гибкостью и стрессоустойчивостью. Тревожный тип (высокая тревога, низкое избегание) проявляется в навязчивом стремлении к близости, постоянной потребности в подтверждении чувств партнера, ревности и страхе быть покинутым. Избегающе-отвергающий тип (низкая тревога, высокое избегание) связан с обесцениванием близких отношений, гипернезависимостью, подавлением эмоций и неспособностью обращаться за поддержкой. Тревожно-избегающий (боязливый) тип (высокая тревога, высокое избегание) представляет собой наиболее дезадаптивную комбинацию, при которой человек одновременно жаждет близости и панически ее боится, ожидая отвержения и боли, что часто приводит к социальной изоляции [6, 7].

Современные исследования подтверждают, что ненадежные типы привязанности связаны с более низкими показателями психологического благополучия, включая сниженную автономию, трудности в саморегуляции, проблемы в межличностных отношениях и повышенную уязвимость к депрессии, тревожным расстройствам, психосоматическим симптомам и зависимому поведению. Многочисленные метаанализы свидетельствуют, что ключевым механизмом, опосредующим связь между ранней привязанностью и последующим благополучием, являются именно внутренние рабочие модели, которые направляют интерпретацию социальных сигналов, выбор поведенческих стратегий в стрессовых ситуациях и ожидания относительно реакций других людей. В этом смысле теория привязанности выходит далеко за рамки возрастной психологии, интегрируясь с психоаналитическими концепциями объектных отношений, гуманистической психологией (потребность в принятии как условие самоактуализации) и современной нейронаукой, показавшей, что основой сензитивного материнского поведения является активация зеркальных нейронов, обеспечивающих эмпатию и эмоциональную синхронизацию [8, 9].

Таким образом, теория привязанности представляет собой комплексную междисциплинарную концепцию, объясняющую, как качество ранних отношений с фигурой привязанности формирует устойчивые паттерны эмоциональной регуляции и межличностного поведения, сохраняющиеся во взрослом возрасте. Выделенные типы привязанности – надежный, тревожный, избегающий и боязливый – различаются по параметрам модели «Я» и модели «Других» и оказывают прогностическое влияние на уровень психологического благополучия, успешность социальной адаптации и способность выстраивать близкие отношения. Признание того факта, что привязанность является пожизненной, а не только детской характеристикой, открывает широкие возможности для психотерапевтической работы, направленной на коррекцию дезадаптивных рабочих моделей и формирование «корректирующего эмоционального опыта» в безопасных отношениях с терапевтом или партнером. Данные теоретические положения требуют эмпирической проверки на различных выборках, включая определение распространенности типов привязанности у взрослых в разных культурных контекстах и установление их связей с конкретными показателями психологического благополучия.

Литература

- 1 Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби ; пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. В. Бурменской ; общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской. – М. : Гардарики, 2003. – 447 с.
- 2 Бурменская, Г. В. Проблемы онто- и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби / Г. В. Бурменская // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/problemny-i-filogeneza-privyazannosti-k-materi-v-teorii-dzhona-boulbi> (дата обращения: 26.04.2026).
- 3 Авдеева, Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н. Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 7–14.
- 4 Бриш, К. Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / К. Х. Бриш ; пер. с нем. С. И. Дубинской. – М. : Когито-Центр, 2012. – 316 с.
- 5 De Wolff, M. Sensitivity and attachment: a meta-analysis on parental antecedents of infant attachment / M. De Wolff, M. H. van Ijzendoorn // Child Development. – 1997. – Vol. 68, № 4. – P. 571–591.
- 6 Левин, А. Подходим друг другу. Как теория привязанности поможет создать гармоничные отношения / А. Левин, Р. Хеллер ; пер. с англ. – М. : МИФ, 2024. – 256 с.
- 7 Николаева, Е. И. Теория привязанности – надежно спрятанный психологический секрет / Е. И. Николаева // Психологическая газета. – 2020. – URL: <https://psy.su/feed/8125/> (дата обращения: 26.04.2026).
- 8 Петрановская, Л. В. Травмы поколений / Л. В. Петрановская // Правмир. – 2013. – URL: <https://www.pravmir.ru/travmy-pokolenij/> (дата обращения: 26.04.2026).
- 9 Жихарева, Л. В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты / Л. В. Жихарева // Перспективы науки и образования. – 2013. № 4 (4) – С. 144–154.

УДК 316.622:613.843-055.1/3-053.6

В. А. Левочкина

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К ВЕЙПИНГУ

Статья посвящена гендерным особенностям отношения подростков к вейпингу. В ней представлены результаты анализа гендерных особенностей в отношении подростков к вейпингу. Основное внимание уделяется различиям в восприятии риска, мотивах употребления, отношении к совместимости вейпинга со спортом, а также в уровне критичности к электронным сигаретам.

Современная подростковая среда характеризуется ростом распространенности вейпинга, что подтверждается данными Научно-практического центра гигиены: электронные сигареты используют около 15 % школьников, причем доля потребителей увеличивается с возрастом. Происходит омоложение подростков, парящих электронные сигареты, а многие пробуют вейп уже в 1–2 классах [1].

В научной литературе недостаточно изучен вопрос гендерных различий в отношении подростков к вейпингу. И для эффективного осуществления социально-педагогического профилактики вейпинга среди подростков необходимо выявить гендерные особенности их отношения к вейпингу. С этой целью эмпирическое исследование осуществлялось на базе государственного учреждения образования «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Анкетирование было проведено среди 36 учащихся 9 классов, из них 18 мальчиков и 18 девочек. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

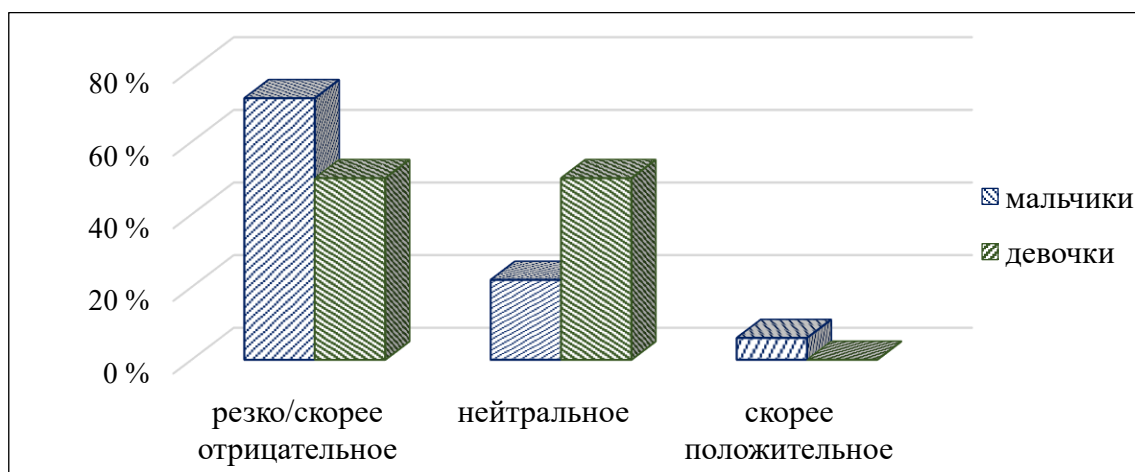

Рисунок 1 – Результаты исследования гендерных особенностей отношения подростков к вейпингу

Согласно данным, у 72 % мальчиков выявлено отрицательное отношение к вейпингу, что характеризуется сформированной установкой на отказ от употребления электронных сигарет и критическим восприятием их последствий. Нейтральная позиция встречается у 22 % мальчиков, что проявляется в отсутствии четкой личной убежденности и повышенной уязвимости к влиянию сверстников. Положительное отношение отмечено у 6 % мальчиков, что выражается в восприятии вейпинга как допустимого явления и готовности к экспериментам.

Среди девочек отрицательное отношение выявлено у 50 %, что свидетельствует о наличии устойчивой позиции отказа у половины респонденток. Нейтральная позиция встречается у 50 % девочек, что указывает на отсутствие четкой убежденности и потенциальный риск вовлеченности в практику вейпинга. Положительное отношение не отмечено ни у одной участницы, что отражает отсутствие восприятия вейпинга как привлекательного или модного явления.

Таким образом, мальчики чаще демонстрируют отрицательное отношение к вейпингу, тогда как среди девочек сохраняется более высокая доля нейтральных ответов. Это свидетельствует о том, что у мальчиков формируется более устойчивая установка на отказ от использования электронных сигарет, а у девочек наблюдается противоречие между личными установками и влиянием окружения. Такая тенденция указывает на необходимость усиления профилактической работы именно с девочками, где акцент должен делаться на формирование личных убеждений и снижение влияния нейтральной позиции, повышающей риск вовлеченности в практику вейпинга.

Результаты исследования показывают, что девочки значительно чаще, чем мальчики, недооценивают вред электронных сигарет. Среди курящих подростков много девочек, и именно они чаще не видят опасности в электронном курении. Это свидетельствует о более толерантном отношении к вейпингу и сниженной критичности к потенциальным рискам. Девочки склонны воспринимать вейпинг как социально приемлемое поведение, что связано с влиянием визуальной культуры, модных тенденций и широкого ассортимента ароматизированных жидкостей, создающих иллюзию безопасности. В то время как мальчики чаще связывают вейпинг с рисками для здоровья, девочки нередко рассматривают его как элемент самопрезентации, способ включения в группу сверстников или средство повышения привлекательности в глазах окружающих.

Гендерные различия проявляются и в мотивах употребления электронных сигарет. Для мальчиков характерно стремление к экспериментированию, желание испытать новые ощущения, а также влияние компании, которое воспринимается ими как элемент групповой динамики. Девочки же чаще руководствуются желанием соответствовать социальным ожиданиям, стремлением выглядеть старше, а также интересом к вкусовым жидкостям, которые воспринимаются ими как безопасные. Таким образом, если для мальчиков вейпинг нередко является частью рискованного поведения, то для девочек он выступает как социально одобряемая практика, не ассоциируемая с серьезными угрозами.

Также было выявлено, что восприятие совместимости спорта и вейпинга демонстрирует ярко выраженные гендерные различия. Полученные результаты представлены на рисунке 2.

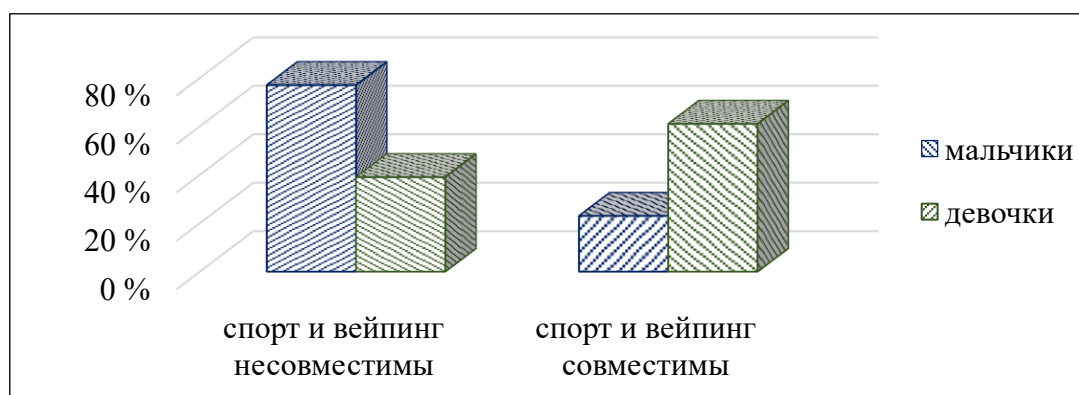

Рисунок 2 – Результаты исследования гендерных особенностей совместимости спорта и вейпинга

Согласно данным, около 77 % мальчиков считают, что спорт и вейпинг несовместимы, и именно эта группа чаще демонстрирует отрицательное отношение к электронным сигаретам. Среди девочек, напротив, около 61 % полагают, что спорт и вейпинг совместимы, что отражает наличие когнитивного противоречия между стремлением к здоровому образу жизни и восприятием вейпинга как нейтрального или модного явления. Такая тенденция указывает на то, что мальчики чаще связывают здоровье с отказом от вредных привычек, тогда как у девочек сохраняется риск искаженного представления, при котором вейпинг не воспринимается как угроза физическому состоянию. Это подтверждает необходимость дифференцированной профилактической работы: для мальчиков – поддержка уже сформированных убеждений, для девочек – акцент на формирование целостного представления о здоровье и укрепление личной позиции отказа от вредных привычек.

Полученные результаты позволяют утверждать, что гендерные различия в отношении подростков к вейпингу имеют комплексный характер и обусловлены сочетанием социальных, психологических и культурных факторов. Девочки чаще воспринимают вейпинг как безопасное и социально приемлемое поведение, тогда как мальчики

склонны рассматривать его через призму риска и влияния на здоровье. Эти различия необходимо учитывать при разработке профилактических программ: для девочек эффективными будут стратегии, направленные на повышение информированности, критического мышления и формирование альтернативных моделей самопрезентации, тогда как для мальчиков – программы, ориентированные на развитие навыков отказа, сопротивления групповому давлению и осознание долгосрочных последствий.

Таким образом, анализ гендерных особенностей отношения подростков к вейпингу показывает необходимость дифференцированного подхода в социально-педагогической профилактике. Учитывая выявленные различия, можно повысить эффективность профилактических мероприятий, сделать их более адресными и соответствующими реальным потребностям подростков. Гендерно ориентированная профилактика позволяет не только снизить распространенность вейпинга, но и укрепить социальную устойчивость подростков, формируя у них осознанное отношение к собственному здоровью и ответственное поведение.

Литература

1 Марцинкевич, Н. Каждый шестой подросток в Беларуси курит вейпы. Когда чаще всего появляется вредная привычка / Н. Марцинкевич // Зара над Неманам : электрон. версия газ. – 2023. – 23 ноября. – URL: <https://mosty-zara.by/ru/news> (дата обращения: 21.04.2026).

УДК 159.922.7:371.8.06

А. Д. Ляпкина

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ НАСИЛИЯ С ДЕПРЕССИВНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ У ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена определению различных форм насилия и их влиянию на психическое состояние подростков. Анализируются особенности воздействия каждой формы насилия на формирование депрессивной симптоматики. В эмпирической части представлены результаты корреляционного анализа. Выявлены статистически значимые прямые взаимосвязи между всеми формами насилия и депрессивной симптоматикой у подростков.

Насилие – это действие, посредством которого добиваются неограниченной власти над человеком, полного контроля поведения, мыслей, чувств другого человека [1].

Пренебрежение нуждами подростка характеризуется недостатком заботы о его базовых потребностях, таких как питание, жилье, воспитание, медицинская помощь, как по объективным причинам, так и без них.

Физическое насилие представляет из себя любое действие, совершенное над человеком против его воли с применением физической силы и / или воздействующее на тело жертвы насилия, а также бездействие, причиняющее физические страдания.

Сексуальное насилие – это вид жестокого обращения, который заключается в вовлечении или принуждении в действия сексуального характера с целью получения удовлетворения.

Психологическое насилие – форма насилия, при которой человека часто или постоянно унижают, оскорбляют, запугивают, игнорируют его чувства, обесценивают его мысли и переживания, контролируют или манипулируют им.

Средовое окружение – это совокупность социальных и физических условий, непосредственно окружающих человека. Эти условия либо усугубляют жизнь и повышают риск развития депрессии, либо же, наоборот, помогают благополучно справляться с кризисными ситуациями.

Независимо от формы насилия его последствия могут быть крайне тяжелыми для психики подростка. Без надлежащей поддержки он рискует столкнуться с депрессией, тревожными расстройствами, проблемами в общении и социальной адаптации, что в дальнейшем может повлиять на его взрослую жизнь. Уязвимость подростков к насилию объясняется их физической, психической и социальной незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны или воспитатели [2].

Депрессия – это психическое расстройство, характеризующееся снижением настроения и утратой способности переживать радость, нарушениями мышления, двигательной заторможенностью [3].

Ключевую роль в развитии депрессии в подростковом возрасте чаще играет среда: качество взаимоотношений с родителями, уровень принятия в семье, успешность в учебе или хобби, а также чувство безопасности в социальном окружении.

Анализ проблемы актуализировал проведение исследования, в ходе которого были использованы следующие материалы: методика “International Child Abuse Screening Tool – Children version” (ICAST-C), этот опросник включает в себя 88 вопросов, объединенных в 8 шкал; методика «Шкала депрессии Бека» (подростковая версия), опросник содержит 13 групп утверждений, соответствующих группам депрессивных симптомов; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В исследовании общее количество респондентов составило 60 человек. Базой проведения выступили Средняя школа № 11 г. Мозыря и Средняя школа № 41 г. Гомеля.

После проведенного корреляционного анализа, результаты которого представлены в таблице 1, можно заметить, что:

1 Показатель средового окружения продемонстрировал умеренную статистически значимую корреляцию с депрессией ($\rho = 0,300$). Это показательный результат, который подтверждает, что проблемная и нестабильная среда напрямую влияет на уровень депрессии.

2 Пренебрежение нуждами ребенка показало высокую положительную корреляцию с депрессией ($\rho = 0,535$), что свидетельствует о том, что недостаток заботы и удовлетворения базовых потребностей подростка тесно связаны с формированием депрессивной симптоматики.

3 Физическое насилие дома коррелирует с депрессией на высоком уровне ($\rho = 0,504$), а физическое насилие в школе показывает результат чуть сильнее ($\rho = 0,589$). Дом, если в нем происходит насилие, все еще остается для ребенка привычной и предсказуемой средой, а школа воспринимается как место, где должно быть безопасно. Физическое насилие в любом из этих пространств создает у ребенка устойчивое убеждение в том, что мир враждебен, а сам он бессилен.

4 Сексуальное насилие дома имеет умеренную, но выраженную корреляцию с депрессией ($\rho = 0,460$), а сексуальное насилие в школе демонстрирует несколько более высокую связь ($\rho = 0,521$). Сексуальное насилие дома вызывает глубокий внутриличностный конфликт, разрушение доверия к самым близким людям и острое чувство вины, а надругательство и приставания в школе – тяжелейшая травма, связанная с нарушением личных границ. В школьной среде это также усугубляется страхом огласки и позором перед сверстниками.

5 Психологическое насилие дома показало высокую корреляцию с депрессией ($\rho = 0,581$), а психологическое насилие в школе – умеренную, но также статистически значимую ($\rho = 0,437$). В школьной среде есть надежда, что издевательства рано или поздно закончатся, а в домашней – психологическое насилие может продолжаться бесконечно и длиться всю жизнь. Эти чувства могут вызывать отчаяние, чувство беспомощности, тревогу и депрессию.

В ходе исследования выявлена статистически значимая прямая корреляционная связь между всеми формами насилия и уровнем депрессии у подростков. Наиболее разрушительное влияние на эмоциональное состояние оказывают физическое насилие в школьной среде и психологическое насилие в семье, так как они влияют на две важные сферы в этом этапе жизни – социальное признание и семейную поддержку.

Таблица 1 – Значение коэффициента корреляции Спирмена и значимость взаимосвязи

Связываемые шкалы	Коэффициент корреляции ρ	Критические значения
Средовое окружение – Депрессия	0,300*	$r_{кр} = 0,254$ при $p < 0,05$ $r_{кр} = 0,330$ при $p < 0,01$
Пренебрежение нуждами – Депрессия	0,535**	
Физ. насилие дома – Депрессия	0,504**	
Физ. насилие в школе – Депрессия	0,589**	
Секс. насилие дома – Депрессия	0,460**	
Секс. насилие в школе – Депрессия	0,521**	
Психол. насилие дома – Депрессия	0,581**	
Психол. насилие в школе – Депрессия	0,437**	
Примечание: p – уровень значимости; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$		

Важно подчеркнуть, что практически все выявленные коэффициенты корреляции находятся на уровне от умеренных (около 0,3–0,4) до достаточно сильных (0,5), при этом большинство из них статистически значимо на уровне $p < 0,01$. Это говорит о том, что связь между насилием и депрессией не носит случайный характер, а отражает устойчивую закономерность: чем больше в жизни подростка насилия и пренебрежения, тем выше риск формирования и закрепления депрессивного состояния.

Таким образом, результаты показали, что все исследованные показатели среды демонстрируют положительную и статистически значимую связь с уровнем депрессии. Это означает, что усиление неблагоприятных факторов среды связано с ростом выраженности депрессивной симптоматики у респондентов. При этом характер выявленных взаимосвязей варьируется от умеренных до достаточно сильных, что указывает не только на наличие связи, но и на ее практическую значимость.

Литература

- 1 Алексеева, И. А. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь / И. А. Алексеева, И. Г. Новосельский. – М. : Генезис, 2005. – 256 с.
- 2 Сафонова, Т. Я. Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита / Т. Я. Сафонова, Е. И. Цымбал. – М. : Дом, 1993. – 242 с.
- 3 Бручкус, А. И. Депрессия как одна из основных проблем среди подростков // Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 1 (77). – С. 98–102.

УДК 159.923:613.2-053.6

М. Е. Мешкова

ОСОБЕННОСТИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ИМЕЮЩИХ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Статья посвящена изучению особенностей пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт, и анализу факторов, влияющих на формирование нарушений, связанных с приемом пищи. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию пищевого поведения и представлены результаты пилотажного эмпирического исследования, направленного на выявление специфики его проявлений у молодых людей, переживших психотравмирующие события.

Проблема нарушений пищевого поведения в последние годы привлекает все больше внимания исследователей, поскольку она затрагивает не только физическое здоровье, но и эмоциональное состояние человека, особенности его межличностных отношений и способы реагирования на стресс. Особенно уязвимой группой оказываются молодые люди, пережившие психотравмирующие события: их отношение к еде нередко становится способом справляться с внутренним напряжением, тревогой или переживаниями, связанными с прошлым опытом.

В связи с этим изучение пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт, приобретает особую актуальность. Понимание того, какие именно компоненты пищевого поведения оказываются нарушенными и какие психологические механизмы лежат в основе этих изменений, позволяет глубже рассмотреть взаимосвязь между эмоциональной сферой, образом тела и стратегиями саморегуляции.

И. Г. Малкина-Пых трактует пищевое поведение как ценностное отношение к пище и ее потреблению – определенную модель питания в повседневных условиях и при стрессе [3, с. 20].

Такое поведение связано с представлением о собственном теле и с действиями, направленными на создание и поддержание такого образа.

Понятие включает в себя различные типы действий, установок, эмоциональных реакций и привычек питания, и они индивидуальны для каждого человека.

Автор также отмечает, что оценка питания как гармоничного или отклоняющегося определяется множеством параметров, включая место приема пищи в иерархии потребностей и качественные и количественные показатели питания [3].

В свою очередь Ю. А. Александровский отмечает, что «пищевое поведение – это все компоненты поведения человека, присутствующие в нормальном процессе при приеме пищи» [5, с. 1290]. При нарушении соотношения гормонов голода и насыщения формируется такое поведение, которое ведет к ожирению, анорексии и другим формам нарушения пищевого поведения [5]. Пищевое поведение – это набор установок, эмоций и привычек, связанных с едой, и оно индивидуально для каждого человека.

Термин «пищевое поведение и расстройства пищевого поведения» в Международной классификации болезней относится к аномалиям, связанным с приемом пищи, которые не могут быть объяснены другим заболеванием или особенностями развития.

М. Корнеева определяет расстройство пищевого поведения как расстройство приема пищи, сопровождающееся формированием психологической зависимости: человек компенсирует недостаток или подавляет избыток эмоций посредством действий, связанных с едой [2, с. 97].

Д. В. Силаева подчеркивает, что понятие расстройств пищевого поведения включает в себя нетипичные паттерны, связанные с приемом пищи и озабоченностью едой, часто сопровождающиеся выраженным беспокойством по поводу веса и внешнего вида [7, с. 55].

Расстройства пищевого поведения также включают употребление несъедобных предметов, преднамеренную рвоту и ограничение приема пищи при отсутствии повышенного внимания к массе тела или фигуре.

Ю. В. Глазкова отмечает, что признаки расстройств пищевого поведения включают очевидные отклонения в привычках питания или в поведении, направленном на контроль веса, а также выраженные симптомы, которые наносят значительный вред физическому здоровью или социальному функционированию; ключевые проявления включают расстройства пищевого поведения и сопутствующую им переоценку формы тела или веса [1, с. 972].

Среди факторов, способствующих развитию таких расстройств, М. Корнеева выделяет пережитую травму: многие пациенты с расстройствами пищевого поведения в прошлом подвергались насилию, что побуждает их сознательно или бессознательно избегать ситуаций, которые могут вновь вызвать травматические переживания [2, с. 98].

Среди последствий РПП автор называет раздражительность, апатию, нарушения в работе внутренних органов, искажение восприятия собственного тела, нарушения обмена веществ, снижение плотности костной ткани, проблемы с кожей, волосами и ногтями, а в тяжелых случаях и риск смерти [2, с. 99].

А. Писарчик связывает пищевые отклонения с личностными особенностями и жизненными обстоятельствами: люди с ограниченными возможностями, оценивая отношения со своими родителями, часто отмечают либо недостаток заботы в детстве, либо чрезмерную опеку и доминирование, либо противоречивый стиль воспитания, подрывающий уверенность в себе [6, с. 224].

Сторонники стрессовой модели указывают на то, что значительные травмирующие события – потеря любимого человека, насилие, войны, развод, смена статуса и другие – могут спровоцировать развитие расстройств пищевого поведения, и еда часто используется как способ справиться с сильными эмоциями: переедание служит «глушителем» эмоционального напряжения, переживания, и ограничение в еде – переключение на телесные ощущения и последующую гормональную реакцию, которая дает кратковременное чувство удовлетворения [4, с. 225].

Для изучения особенностей пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт, было проведено пилотажное эмпирическое исследование, в котором приняли участие 30 студентов. Выборку студентов составили 16 девушек и 14 юношей в возрасте 18–22 лет, пережившие смерть близких, развод родителей, различные формы насилия.

Для исследования была использована методика под названием «Шкала оценки пищевого поведения» (ШОПП) – русскоязычная адаптация опросника Eating Disorder Inventory (EDI), разработанного D. M. Garner, M. P. Olmstead и J. Polivy (1983). Адаптация выполнена О. А. Ильчик, С. В. Сивухой, О. А. Скугаревским и С. Суихи (2011). Инструмент состоит из 51 утверждения, которые объединены в семь подшкал: стремление к худобе, булимия, неудовлетворенность своим телом, неэффективность, перфекционизм, недоверие к межличностным отношениям, интероцептивная некомпетентность.

Для оценки уровня травматического опыта применялся «Опросник травматических ситуаций (LEQ)» (Н. В. Тарабрина). Опросник состоит из 38 пунктов (ситуаций), которые также объединяются в три шкалы: индекс травматичности, общее количество событий и суммарный показатель влияния. Данные диагностики представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Особенности пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт

Шкала методики	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Стремление к худобе	28 %	70 %	2 %
Булимия	15 %	33 %	52 %
Неудовлетворенность телом	35 %	55 %	10 %
Неэффективность	35 %	58 %	7 %
Перфекционизм	35 %	26 %	39 %
Недоверие в отношениях	15 %	33 %	52 %
Интероцептивная некомпетентность	35 %	42 %	23 %

Анализ сводных данных, представленных в таблице 1, показывает, что у значительной части студентов с травматическим опытом наблюдаются выраженные особенности пищевого поведения. Наиболее массовым проявлением стало стремление к снижению массы тела: высокий уровень стремления к худобе выявлен у 28 %, тогда как еще 70 % демонстрируют среднюю выраженность этого показателя. Это говорит о том, что большинство респондентов в той или иной степени ориентированы на идею похудения и контролирования внешнего вида.

По шкале булимии распределение оказалось более неоднородным: 15 % имеют высокий уровень выраженности симптомов, что может указывать на эпизоды переедания и компенсаторного поведения. Средний уровень характерен для 33 %, а низкий – лишь для 52 %, то есть большая часть респондентов (52 %) демонстрирует низкий уровень булимии, что свидетельствует о способности контролировать пищевое поведение.

Неудовлетворенность собственным телом также проявляется достаточно ярко: высокий уровень отмечен у 35 %, а средний – у 55 %, низкий уровень выявлен лишь у 10 %. Таким образом, большинство участников исследования испытывают сомнения в привлекательности отдельных частей тела и склонны воспринимать их как «проблемные».

Схожая картина наблюдается по шкале неэффективности: 35 % демонстрируют высокий уровень переживаний, связанных с ощущением одиночества, отсутствием безопасности и трудностями в управлении собственной жизнью. Еще 58 % имеют средний уровень выраженности этих состояний, что подчеркивает эмоциональную уязвимость значительной части выборки.

Показатели перфекционизма распределились следующим образом: высокий уровень выявлен у 35 %, средний – у 26 %, а низкий у 39 %. Это говорит о том, что часть студентов предъявляет к себе чрезмерно высокие требования, тогда как другая часть, наоборот, ориентируется преимущественно на внешние ожидания и может испытывать трудности в достижении устойчивой учебной мотивации.

Недоверие в межличностных отношениях также проявляется у части респондентов: высокий уровень отмечен у 15 %, средний – у 33 %. Это может отражать склонность к дистанцированию, трудности в установлении эмоционально близких контактов и осторожность в общении.

Особое внимание привлекают данные по interoцептивной некомпетентности: 35 % имеют высокий уровень, а 42 % – средний. В сумме это 72 % студентов, которые испытывают сложности в распознавании сигналов голода и насыщения, что нередко становится фоном для формирования нарушений пищевого поведения.

Для выявления особенностей нарушения пищевого поведения у студентов был использован критерий ф-углового преобразования Фишера. На основе суммарного индекса травматичности «Опросника травматических ситуаций (LEQ)» (Н. В. Тарабрина) вся выборка была разделена на две группы: с высоким уровнем травматического опыта ($n = 6$) и с низким / средним уровнем ($n = 24$), выявленного по шкале «Неэффективность» методики «Шкала оценки пищевого поведения» (EDI) D. M. Garner, M. P. Olmstead и J. Polivy в адаптации О. А. Ильчик, С. В. Сивухи, О. А. Скугаревского и С. Суихи, отражающей ощущение утраты контроля, эмоциональную нестабильность и чувство одиночества.

В группе с высоким уровнем травматичности высокий уровень неэффективности встречался у 83,3 % респондентов, тогда как в группе с низким / средним уровнем только у 33,3 % респондентов. Эмпирическое значение критерия углового преобразования Фишера составило $\phi^*_{\text{эмп}} = 2,52$, что превышает критические значения для уровней статистической значимости $p < 0,05$ ($\phi^*_{\text{кр}} = 1,64$) и $p < 0,01$ ($\phi^*_{\text{кр}} = 2,31$). Следовательно, различия между группами являются статистически значимыми, что позволяет утверждать, что эмоционально-личностные нарушения, ассоциированные с расстройствами пищевого поведения, более выражены в группе у студентов, имеющих травматический опыт, что позволяет предположить наличие взаимосвязи между травматическим опытом и выраженностью эмоционально-личностных нарушений в структуре пищевого поведения у студентов.

В целом результаты показывают, что у студентов с травматическим опытом прослеживается сочетание эмоциональной нестабильности, искаженного восприятия собственного тела и трудностей в регуляции пищевого поведения, что создает условия для развития различных форм пищевой аддикции.

Особенности пищевого поведения формируются под воздействием целого комплекса взаимосвязанных факторов, среди которых значимую роль играют наследственность, особенности семейного воспитания, эмоциональная сфера личности, стрессовые события и давление социокультурных норм.

Литература

- 1 Глазкова, Ю. В. Симптомы и проявления расстройств пищевого поведения / Ю. В. Глазкова // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – С. 971–978.
- 2 Корнеева, М. Проблема расстройства пищевого поведения среди молодежи / М. Корнеева, А. И. Василевичева // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2020. – № 1. – С. 96–100.
- 3 Малкина-Пых, И. Г. Терапия пищевого поведения / И. Г. Малкина-Пых. – М. : Эксмо, 2017. – 1300 с.
- 4 Менделевич, В. Д. Пищевые зависимости, аддикции – нервная анорексия, нервная булимия / В. Д. Менделевич // Руководство по аддиктологии. – СПб. : Речь, 2007. – С. 243–256.
- 5 Нарушения пищевого поведения / под ред. Ю. А. Александровского, Н. Г. Незнамова. – М. : «ГЭОТАР-Медиа», 2018. – С. 1290–1313.
- 6 Писарчик, А. Психологические аспекты расстройств пищевого поведения / А. Писарчик // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук. – Мн. : Учреждение образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», 2023. – С. 224–225.
- 7 Силаева, Д. В. Расстройства пищевого поведения: основные понятия, история и современные представления / Д. В. Силаева, Е. В. Гуткевич // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 2. – С. 54–58.

УДК 316.622:613.84-053.6

Е. В. Нифонтова

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ТАБАКОКУРЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются наиболее распространенные причины и факторы риска, способствующие формированию табачной зависимости в подростковой среде. Отмечается, что многие подростки живут в семьях, где хотя бы один взрослый курит регулярно. Описаны результаты диагностического мероприятия, проведенного среди учащихся и направленного на изучение отношения подростков к здоровому образу жизни и к употреблению табака.

Большинство подростков мечтают как можно быстрее приобщиться к взрослому миру. К сожалению, наиболее распространенным доказательством, которое показывает, что человек «повзрослел», они считают сигарету, но именно в юном возрасте, когда еще не окрепший организм преодолевает сложный период пубертата, табакокурение наносит непоправимый вред здоровью подрастающего поколения [1].

Существует множество причин, по которым подростки начинают курить. Вот некоторые из них:

- демонстрация взрослости – для подростка сигарета выступает как простой и видимый маркер «я уже взрослый», особенно если в семье или компании курят те, на кого хочется равняться;

- групповое влияние – в подростковой среде очень силен механизм «делай как все». Если в компании принято курить, то отказ от сигареты может восприниматься как предательство, слабость или попытка выделиться, что часто ведет к насмешкам или изоляции;

– иллюзия антистрессового эффекта – подростки замечают, что взрослые закуривают в стрессе, и начинают копировать эту модель. На деле кратковременное облегчение после затяжки объясняется не снятием стресса, а началом физического привыкания: организм требует следующую дозу никотина;

– влияние медиа и контента – несмотря на запреты рекламы, курение до сих пор популярно в кино, сериалах, клипах и даже в соцсетях (например, эстетика «грустных» фото с сигаретой). Формируется ложное впечатление о том, что сигарета – это стильно, загадочно, смело;

– генетика – люди по-разному реагируют на первую пробу никотина. У некоторых даже одна сигарета вызывает яркое чувство удовольствия (из-за особенностей работы дофаминовой системы), тогда как других тошнит и кружится голова;

– недооценка рисков курения – подросток обычно знает, что курить вредно, но искренне верит: «со мной этого не случится», «я брошу, когда захочу». Раковые заболевания, проблемы с легкими и сосудами кажутся чем-то очень далеким, а сигарета – здесь и сейчас;

– ошибочная связь курения и похудения – никотин действительно немного подавляет аппетит и ускоряет обмен веществ. Для подростка с неустойчивой самооценкой и страхом набрать вес это становится дополнительным аргументом, хотя на деле последствия для фигуры (сухая кожа, дряблость) перекрывают временный эффект;

– имитация поведения – если ребенок с детства видит, что родители, старшие братья или сестры постоянно курят, для него это становится частью бытовой «нормы». Риск начать курить в такой семье значительно выше, даже если взрослые прямо говорят «не делай как мы»;

– экспериментирование – подростковый возраст ассоциирован с пиком потребности в поиске новых ощущений и низким уровнем контроля над импульсами. Первая проба сигареты – это поведенческий эксперимент, направленный на получение нового сенсорного опыта (чувство жжения, запах, головокружение), который при отсутствии рефлексии негативного опыта может закрепиться;

– физиологическая зависимость – никотин воздействует на рецепторы в мозге, вызывая выброс дофамина – гормона удовольствия. Со временем количество рецепторов меняется, и без привычной дозы подросток начинает испытывать раздражительность, тревогу и проблемы с концентрацией. Это и есть та самая физическая зависимость, которая заставляет курить «просто чтобы чувствовать себя нормально».

Существуют 3 группы факторов риска курения в подростковом возрасте: психологические, биологические, социальные [2]. К психологическим факторам относят копирование поведения в компании сверстников [3] и копирование семейного поведения. К биологическим факторам относят генетическую наследственность и психоневрологические нарушения. К социальным факторам относят легкодоступность сигарет в обществе [4] и рекламу.

Поэтому своевременное установление причин начала курения, изучение факторов, воздействующих на юных людей, а также реализация целенаправленной профилактической деятельности дают большую вероятность избежать формирования зависимости и сохранения здоровья подростков.

Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Выборку составили 40 учащихся (21 мальчик и 19 девочек). Экспериментальную группу (ЭГ) составили учащиеся 11 «А» класса, и контрольную группу (КГ) составили учащиеся 11 «В» класса. Диагностическое исследование проводилась в дневное время в учебных классах, в привычной для детей обстановке.

Для изучения отношения подростков к здоровому образу жизни, к употреблению табака, была проведена анкета на тему: «Курение и здоровье» (С. В. Горанская), состоящая из семнадцати вопросов. При ответе подростки выражают свое мнение на каждый вопрос в соответствии с предложенными вариантами ответа. Результаты диагностики среди учащихся ЭГ и КГ представлены на рисунке 1.

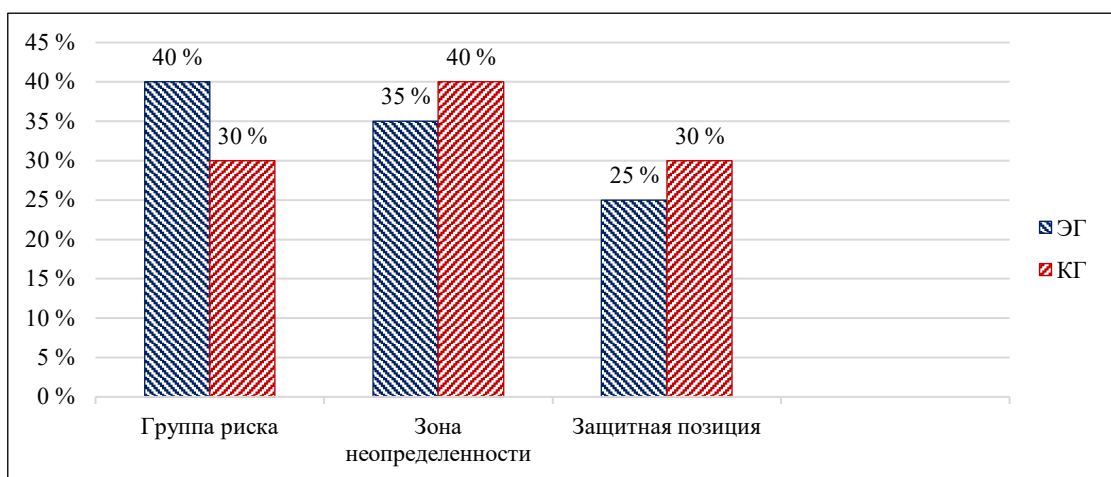

Рисунок 1 – Результаты данных анкеты, направленной на изучение отношения подростков к здоровому образу жизни, к употреблению табака в ЭГ и КГ

На рисунке 1 видно, что учащиеся ЭГ 11 «А» класса входят в группу риска – 40 % (8 человек). Почти половина подростков либо уже курят, либо демонстрируют положительное отношение к курению. Большинство начали в возрасте 13–15 лет, и у части наблюдаются признаки ухудшения здоровья (кашель, частые простуды). Основные мотивы: стремление быть принятым в компании, снятие напряжения и любопытство. Эти подростки нуждаются в индивидуальной поддержке, обучении навыкам отказа, эмоциональной саморегуляции и создании безопасной среды для выражения чувств. Зона неопределенности – 35 % (7 учащихся). Подростки этой группы не курят, но допускают мотивы вроде «за компанию» и «хочется быть взрослым». Их установки неустойчивы и могут измениться под влиянием окружения. Защитная позиция – 25 % (5 подростков). Четверть подростков демонстрируют осознанное неприятие курения, высокий уровень информированности и готовность участвовать в профилактике. Они предлагают конкретные меры – запрет рекламы, ограничение продажи, введение штрафов. Дополнительно стоит отметить, что 35 % подростков живут в семьях, где взрослые курят регулярно, что может формировать толерантное отношение к курению. 90–100 % участников осведомлены о вреде курения и пассивного воздействия, что создает благоприятную основу для профилактики. Подростки готовы к диалогу, если меры профилактики логичны, справедливы и подкреплены фактами.

Учащиеся КГ показали следующие результаты: группа риска – 30 % (6 подростков). Треть участников либо уже имеют опыт курения, либо демонстрируют положительное или безразличное отношение к нему. Чаще всего они начинали курить в подростковом возрасте (13–15 лет), и у некоторых уже наблюдаются признаки ухудшения здоровья. Основные причины: стремление быть принятым в компании, снять стресс или просто удовлетворить любопытство. Зона неопределенности – 40 % (8 школьников). Почти половина подростков не курят, но допускают возможность попробовать – чаще всего «за компанию» или из интереса. Их взгляды еще неустойчивы, и они подвержены влиянию окружения. Защитная позиция – 30 % (6 человек). Оставшиеся участники демонстрируют четкое неприятие курения, хорошо информированы о его вреде и предлагают конкретные меры профилактики. Также отметим, что 40 % подростков живут в семьях, где хотя бы один взрослый курит регулярно, а это может означать, что происходит нормализация поведения, а именно: курение воспринимается как часть повседневной жизни, особенно если подростки видят, что взрослые делают это регулярно и толерантность к риску.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что учащиеся ЭГ демонстрируют более выраженную склонность к курению: выше доля группы риска, меньше

подростков с защитной позицией. Учащиеся КГ показывает более сбалансированную картину: меньше подростков в группе риска, больше в зоне неопределенности и с защитной позицией. Сравнительный анализ показывает, что учащиеся ЭГ демонстрируют более выраженную склонность к курению и требует усиленной профилактической работы. В КГ больше подростков с неустойчивыми установками, что делает актуальной работу в группах и использование интерактивных методов. В обоих классах есть подростки с четкой защитной позицией, которых целесообразно привлекать к просветительской деятельности.

Литература

- 1 Колесов, Д. В. Предупреждение вредных привычек у школьников : учебник / Д. В. Колесов. – М. : Педагогика, 2018. – 410 с.
- 2 Григорьев, А. К. Как убедить подростка не курить? / А. К. Григорьев, А. Барановская / Здоровый лад жыцця. – 2022. – № 4. – С. 7.
- 3 Зальгина, Н. А. Аддиктивное поведение молодежи: профилактика и психотерапия зависимостей / Н. А. Зальгина, Я. Л. Обухов, В. А. Поликарпов. – М. : Прополи, 2023. – 195 с.
- 4 Купчинов, Р. И. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи : учебное пособие для / Р. И. Купчинов. – М. : ИВЦ Минфина, 2023. – 211 с.

УДК 37.013.43:004:32.019.51-053.6

В. А. Новицкая

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПОДРОСТКОВ ОТ ОНЛАЙН-МАНИПУЛЯЦИЙ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена одной из наиболее значимых проблем современного общества – развитию медиаграмотности как эффективного способа защиты подростков от манипулятивных воздействий и распространения дезинформации в сети Интернет. В работе уточняется содержание понятия «медиаграмотность», раскрывается её роль в условиях цифровой среды и рассматриваются особенности медиапотребления подростков.

В эпоху стремительного роста информационных потоков умение ориентироваться в разнообразных источниках становится важнейшей компетенцией, особенно для молодежи. Сегодня информационная среда меняется настолько быстро, что подростки оказываются в ситуации постоянного взаимодействия с огромным количеством сообщений, новостей и визуального контента. Эти данные поступают из социальных сетей, мессенджеров, видеоплатформ, интернет-изданий и множества других ресурсов, формируя плотный и непрерывный поток информации, который сложно контролировать.

Каждый день подростки сталкиваются не только с большим объёмом сведений, но и с их неоднородностью: информация может быть достоверной, частично искажённой или откровенно манипулятивной. В таких условиях критическое восприятие становится жизненно необходимым навыком. Оно помогает подросткам анализировать полученные данные, оценивать надёжность источников, понимать скрытые мотивы авторов и отличать факты от субъективных интерпретаций. Развитие этого навыка позволяет уверенно ориентироваться в современном медиапространстве, формировать собственное мнение и принимать более осознанные решения.

Термин «медиаграмотность» впервые был представлен в 1992 году Аспенским институтом. Под ним понимают способность человека получать, анализировать, интерпретировать и создавать медиаконтент в различных форматах [1]. Исследователи М. Балджер и П. Дэвисон подчёркивают, что медиаграмотность предполагает активное и осознанное изучение медийных сообщений, а также критическое отношение к ним [2].

Подростки, активно использующие социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы, часто воспринимают информацию быстро и поверхностно, не всегда проверяя её достоверность. Поэтому развитие медиаграмотности становится ключевым условием формирования критического мышления, защиты от кибербуллинга, манипуляций и дезинформации.

Исследование уровня медиаграмотности проводилось среди учащихся «Гомельского государственного колледжа кулинарии» и охватило две группы первого курса, в выборке приняли участие 48 человек в возрасте 15–16 лет. Выбор данной возрастной категории неслучаен, так как подростковый период является наиболее чувствительным к формированию ценностных ориентиров и мировоззренческих позиций. В это время закладываются основы критического мышления, формируется отношение к информации и способность противостоять внешним воздействиям, что делает медиаграмотность ключевым фактором социализации личности.

Этот этап эмпирического исследования имел особую значимость, так как позволил не только дополнить данные о медиаграмотности подростков, но и выявить их реальные практики поведения в цифровой среде.

Особое внимание уделялось тому, насколько подростки осознают угрозы цифровой среды, умеют ли они защищать личные данные, понимают ли значение авторских прав и соблюдают ли правила сетевого взаимодействия.

В процессе обработки данных были получены результаты уровня медиаграмотности подростков, представленные на рисунке 1.

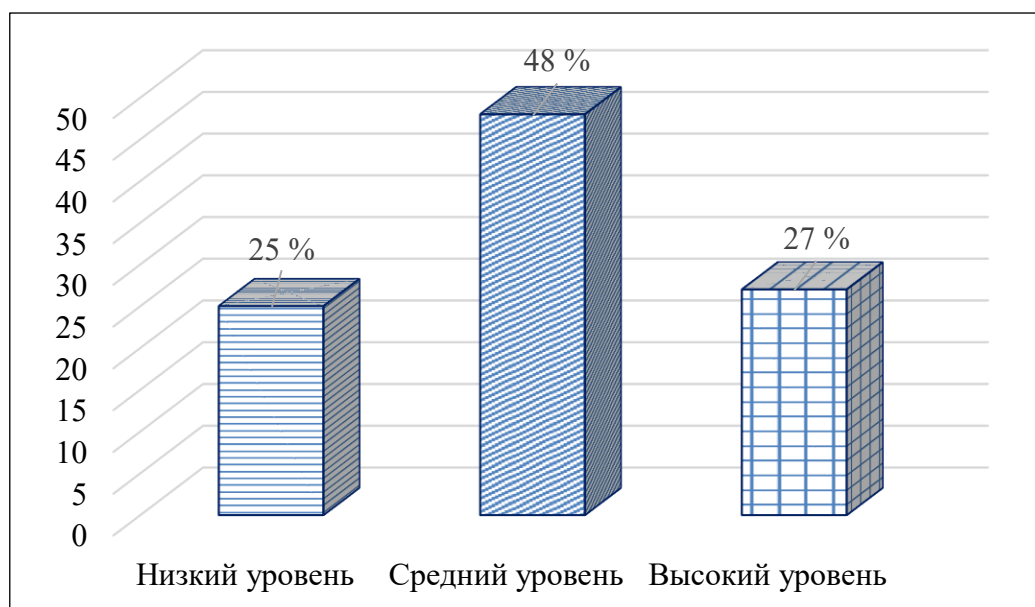

Рисунок 1 – Результаты исследования по параметру «Уровни медиаграмотности»

Согласно полученным данным, среди 48 подростков были выявлены различия в уровне сформированности медиаграмотности, что позволило выделить три группы респондентов, каждая из которых характеризуется определёнными особенностями восприятия и использования медиаконтента.

Первая группа составила 12 человек (25 %) от общей выборки. Подростки, вошедшие в данную категорию, демонстрируют низкий уровень медиаграмотности. Они редко проверяют достоверность информации, получаемой из различных источников, преимущественно доверяют социальным сетям без критического анализа и не имеют опыта создания собственных медиапродуктов. Такая позиция делает их наиболее уязвимыми к дезинформации и манипулятивным воздействиям, что подтверждает необходимость целенаправленной педагогической работы по развитию навыков критического мышления и медиаграмотности.

Наибольшая часть респондентов – 23 человека (48 %) от общего числа участников исследования – показала средний уровень медиаграмотности. Для этой группы характерно наличие базовых знаний и умений, позволяющих иногда проверять достоверность информации и отличать факты от мнений. Однако такие действия носят несистематический характер, подростки не всегда последовательно применяют навыки анализа медиатекстов и проверки источников. Несмотря на это, они демонстрируют готовность к развитию и совершенствованию медиаграмотности, что делает данную группу перспективной для педагогической работы и перехода на более высокий уровень медиаграмотности.

Третья группа, включающая 13 человек, что составляет 27 % от выборки, продемонстрировала высокий уровень медиаграмотности. Эти подростки регулярно проверяют источники информации, умеют критически анализировать медиатексты, обращают внимание на авторство и цели публикаций. Кроме того, они активно создают собственные медиапродукты: видеоролики, блоги, посты в социальных сетях – и проявляют творческий подход к работе с медиаконтентом. Для них медиаграмотность становится не только защитным механизмом от дезинформации, но и инструментом самовыражения и участия в общественной коммуникации.

Уровень медиаграмотности подростков, выявленный в ходе исследования, оказался неоднозначным и требует более глубокого анализа. В среднем учащиеся демонстрируют базовое понимание того, как функционируют современные медиа, и способны распознавать отдельные признаки недостоверной информации. Однако эти умения проявляются эпизодически: подростки редко используют их последовательно и осознанно, что указывает на отсутствие устойчивых стратегий критического восприятия контента.

Часть подростков испытывает затруднения в вопросах медиабезопасности: они не всегда понимают, как защитить личные данные, как распознавать потенциально опасные ситуации в сети и как избегать манипулятивных материалов. Кроме того, у них практически отсутствует интерес к созданию собственных медиапродуктов, что ограничивает их возможности для самовыражения и участия в цифровой культуре.

В то же время другая часть учащихся демонстрирует высокий уровень медиаграмотности. Эти подростки уверенно ориентируются в информационном пространстве, умеют проверять источники, анализировать контекст, сопоставлять данные и делать выводы. Они активно используют медиа как инструмент творчества, создают собственные материалы и проявляют инициативу в освоении новых форматов.

Такое расслоение показывает, что медиаграмотность не возникает сама по себе и требует системной поддержки. Результаты исследования подчёркивают необходимость целенаправленной социально-педагогической работы, направленной на развитие критического мышления, укрепление ценностных ориентиров и формирование ответственного отношения к информации. Важно не только обучать подростков анализировать медиаконтент, но и создавать условия, в которых они смогут безопасно и творчески использовать медиа, развивая собственные навыки и расширяя возможности для самореализации.

Литература

1 Федоров, А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А. В. Федоров. – М. : Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». – 2019. – 616 с.

2 Медведева, М. В. Современные исследования медиаграмотности в России / М. В. Медведева // Молодежь XXI века: образ будущего : материалы XIII Всероссийской научной конференции «Ковалевские чтения» (СПбГУ 14–16 ноября 2019 г.) / отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. – СПб. : ООО Скифия-принт, 2019. – С. 97–98.

К. А. Орлова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ ДЕТСКОЙ ТРАВМАТИЗАЦИИ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между различными формами пережитого в детстве насилия и пренебрежения, копинг-стратегиями и суверенностью психологического пространства у студентов. Установлено, что эмоциональное насилие в отношении детей значимо связано с предпочтением стратегии избегания в стрессовых ситуациях, а также с размытостью (тонкостью) психологических границ личности. Эмоциональное и физическое пренебрежение, напротив, сопряжены со сниженной способностью обращаться за социальной поддержкой. Стратегия активного разрешения проблем не обнаружила значимых связей с травматическим опытом и может рассматриваться как ресурсный фактор. Физическое и сексуальное насилие в данной выборке значимых связей с исследуемыми переменными не показали. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к психологической помощи студентам в зависимости от формы перенесенной травмы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа того, как различные формы пережитого в детстве насилия и пренебрежения связаны с выбором стратегий совладающего поведения и уровнем суверенности психологического пространства у студентов. Пережитое в детстве насилие или пренебрежение может оказывать долгосрочное влияние на психологическое благополучие человека. В студенческом возрасте, когда активно формируются идентичность и автономия, последствия травматического опыта нередко проявляются в виде тревожности, трудностей адаптации и нарушений межличностных отношений. Изучение этих особенностей позволяет вовремя выявлять риски и оказывать психологическую помощь девушкам и юношам, что делает тему важной для психологии образования и профилактической практики.

Согласно Н. О. Зиновьевой и Н. Ф. Михайловой, насилие в отношении детей включает физическое, эмоциональное, психологическое и сексуальное воздействие, а также пренебрежение – хроническую неспособность родителей удовлетворять базовые потребности ребенка [1, с. 5–6]. Авторы подчеркивают, что эмоциональное насилие формирует у жертвы ощущение собственной несостоятельности, а пренебрежение нарушает базовое доверие к миру [1, с. 24–39]. Для анализа адаптационных ресурсов личности важна концепция суверенности психологического пространства. С. К. Нартова-Бочавер определяет суверенность как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, что служит основой для автономии и психологического благополучия. Нарушение суверенности ведет к размыванию границ «Я» и трудностям в саморегуляции [2, с. 45–50]. Совладающее поведение (копинг-стратегии) понимается как система осознанных усилий, направленных на преодоление стрессовых ситуаций. Выделяют три основные стратегии: разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание. При этом важно отметить, что эффективность совладания зависит не только от выбранной стратегии, но и от ее соответствия конкретной ситуации и личностным ресурсам человека. Неадаптивные стратегии, такие как хроническое избегание, могут усугублять психологический дистресс, в то время как активные стратегии способствуют восстановлению.

Таким образом, можно выделить три ключевых конструкта, значимых для понимания адаптации студентов с опытом детской травматизации: формы пережитого насилия и пренебрежения (как этиологический фактор), копинг-стратегии (как процессуальный механизм совладания) и суверенность психологического пространства (как интегральный показатель личностных границ и автономии).

Однако в научной литературе остаются недостаточно изученными два момента. Во-первых, не ясно, каждая ли форма насилия (эмоциональное, физическое, сексуальное, а также пренебрежение) специфически связана с определенными копинг-стратегиями. Большинство исследований рассматривают «жестокое обращение» как общий конструкт, нивелируя различия между его видами (Мэнли, Чиккетти, Барнетт, 1994); (МакГи, Вулф, Уилсон, 1995); (Чиккетти, Мэнли, 2001). Между тем, клинические наблюдения и отдельные исследования показывают, что эмоциональное насилие, подрывающее самооценку, может вести к избеганию (Краузе, Мендельсон, Линч, 2003); (Малинина, 2023). А пренебрежение, нарушающее базовое доверие, – к отказу от социальной поддержки. Результаты мета-анализа, охватившего 35 исследований с общей выборкой более 11 тысяч человек, подтверждают, что перенесенное в детстве жестокое обращение в целом значимо связано с избегающим копингом (Грун, Компас, 2017). Во-вторых, практически отсутствуют работы, которые одновременно включают в модель суверенность психологического пространства. Между тем, исследования показывают, что именно психологические границы личности могут выступать тем «мостиком», через который травматический опыт влияет на совладающее поведение: размытые границы делают человека уязвимым перед стрессом и снижают способность к активному разрешению проблем (Олейник, Коренкова, 2017). Также были обнаружены значимые связи суверенности психологического пространства с выбором копинг-стратегий и защитными механизмами психики (Котова, 2022, 2023).

Студенческий возраст представляет особый интерес для проверки этих связей. Это сензитивный период для пересмотра границ «Я», сепарации от родительской семьи и формирования автономии (Луговский, Петренко, Сысоева, 2023). Исследования показывают, что нарушение психологической сепарации в этом возрасте коррелирует с последующими трудностями в построении отношений и снижением профессиональной самореализации (Нестерова, Косолапова, 2026). Пережитое в детстве насилие может либо заблокировать эти процессы (закрепив избегание и размытые границы), либо, напротив, активировать компенсаторные механизмы (например, гиперконтроль или сверхзависимость от поддержки) (Нартова-Бочавер, 2004); (Степанченко, 2026). Эмпирическая проверка этих гипотез позволит перейти от констатации факта травмы к персонализированным стратегиям психологической помощи.

Эмпирическое исследование проводилось на базе учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» на выборке из 98 студентов в возрасте от 17 до 21 года (56 девушек, 42 юноши). В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: «Опросник детской травмы» (СТQ-SF), «Индикатор копинг-стратегий» (CSI), опросник «Психологические границы личности» (BQ-18). Статистическая обработка включала коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ описательных статистик показал, что наиболее выраженными формами травматического опыта в выборке являются эмоциональное пренебрежение (средний балл 10,15) и эмоциональное насилие (8,87). Средний балл по шкале психологических границ составил 5,82, что находится в диапазоне средних значений. Среди копинг-стратегий наиболее предпочитаемой оказалась стратегия разрешения проблем (24,0), затем поиск социальной поддержки (22,3) и избегание (19,9). Далее был проведен корреляционный анализ для оценки взаимосвязей между показателями. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Корреляции между показателями травматического опыта и копинг-стратегиями

Показатели	Стратегия разрешения проблем	Стратегия поиска социальной поддержки	Стратегия избегания
1	2	3	4
Эмоциональное насилие	–0,155	–0,078	0,287**

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Физическое насилие	–0,109	–0,040	0,072
Сексуальное насилие	–0,068	–0,067	0,164
Эмоциональное пренебрежение	–0,104	–0,229*	0,181
Физическое пренебрежение	–0,102	–0,227*	0,089
Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$			

Согласно данным, представленным в таблице 1, наиболее тесная связь выявлена между эмоциональным насилием и стратегией избегания ($r = 0,287$, $p < 0,01$). Студенты, пережившие в детстве унижения, оскорбления и обесценивание, склонны уходить от проблем, отрицать их, фантазировать или отвлекаться. Эмоциональное насилие подрывает базовое чувство безопасности и формирует выученную беспомощность – убеждение в том, что любые активные действия бесполезны. Это приводит к пассивной позиции, которая во взрослом возрасте проявляется в избегании трудных ситуаций.

Значимые отрицательные корреляции выявлены между эмоциональным пренебрежением и стратегией поиска социальной поддержки ($r = -0,229$, $p < 0,05$), а также между физическим пренебрежением и поиском социальной поддержки ($r = -0,227$, $p < 0,05$). Студенты, пережившие дефицит базовой заботы и внимания, не привыкли обращаться за помощью, полагаясь исключительно на собственные ресурсы. У них закрепляется установка: «Я должен справляться сам».

Стратегия разрешения проблем не обнаружила значимых корреляций с травматическим опытом ($p > 0,05$). Это позволяет рассматривать ее как ресурсный фактор, не разрушаемый под влиянием травмы. Физическое и сексуальное насилие также не показали значимых связей с копинг-стратегиями ($p > 0,05$), что может объясняться их меньшей распространенностью в выборке.

Полученные в исследовании результаты позволяют сделать следующие обобщения. Во-первых, подтверждена специфичность связей: эмоциональное насилие в детстве значимо коррелирует с избегающими копинг-стратегиями, а пренебрежение – с отказом от поиска социальной поддержки. Физическое и сексуальное насилие в данной выборке (студенты) встречаются редко, поэтому значимых корреляций не выявлено – это не отрицает их важности, но требует изучения на клинических выборках. Во-вторых, стратегия разрешения проблем выступает универсальным ресурсным фактором, не разрушаемым под влиянием травмы, что открывает возможность опираться на нее в психологической работе. В-третьих, зная форму пережитой студентом травмы (например, по результатам скрининга с помощью CTQ-SF), можно с высокой вероятностью прогнозировать характерные для него дефициты в совладании. При выявлении эмоционального насилия ожидаемо преобладание избегания и трудности с активным решением проблем; при выявлении пренебрежения – неспособность обращаться за поддержкой и установка «полагаться только на себя». Следовательно, эмпирическая проверка гипотез о связях между формой травмы и копинг-стратегиями позволяет перейти от простой констатации факта жестокого обращения к разработке персонализированных стратегий психологической помощи.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что дифференцированный учет формы детской травматизации повышает эффективность психологического сопровождения студентов и позволяет перейти от общих рекомендаций к адресным, персонализированным интервенциям.

Литература

1 Зиновьева, Н. О. Психология и психотерапия насилия: ребенок в кризисной ситуации / Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова. – СПб. : Речь, 2003. – 248 с.

2 Нартова-Бочавер, С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с.

УДК 159.942.2:796.071.2

Д. С. Остапенко

ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СПОРТСМЕНА

В статье рассматривается феномен психологических ресурсов личности, анализируется значимый компонент ресурсной системы личности – удовлетворенность жизнью. Рассматриваются результаты проведенного исследования по выявлению особенностей удовлетворенности жизнью как психологического ресурса спортсменов. Эмпирически доказано, что спортсмены характеризуются более высокими показателями удовлетворенности жизнью, чем люди, не занимающиеся спортом.

Современный спорт характеризуется высокими физическими и психическими нагрузками, что предъявляет повышенные требования к личностным качествам спортсмена. В условиях жесткой конкуренции и хронического стресса именно психологические ресурсы становятся ключевым фактором, определяющим не только спортивные результаты, но и сохранение психического здоровья. Исследование удовлетворенности жизнью как психологического ресурса у спортсменов позволяет разрабатывать более эффективные программы психологического сопровождения, направленные на повышение эмоциональной устойчивости и субъективного благополучия в соревновательной деятельности.

Психологические ресурсы – это система взаимосвязанных компонентов (эмоциональных, мотивационных, поведенческих и др.), которые помогают человеку сохранять устойчивость к стрессам, оставаться активным и принимать взвешенные решения.

Д. А. Леонтьев выделяет следующие психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций [1, с. 15]:

1 Ресурсы устойчивости – ценностно-смысловые ресурсы, дающие уверенность и стабильную самооценку. К ним относятся, в частности, удовлетворенность жизнью, осмысленность жизни, чувство и субъективная витальность как диспозиция, а также базовые убеждения и др. [1, с. 15].

2 Ресурсы саморегуляции – стратегии взаимодействия с жизненными обстоятельствами. В числе релевантных переменных можно назвать каузальные ориентации, локус контроля, ориентацию на действие или состояние, самоэффективность, толерантность к неопределенности, склонность к риску, полнезависимость, рефлексия, параметры временной перспективы и др. [1, с. 15].

3 Мотивационные ресурсы – энергетическое обеспечение действий [1, с. 15].

4 Инструментальные ресурсы – способности и навыки, влияющие на успешность выполнения задач [1, с. 15].

В качестве значимого психологического ресурса личности Д. А. Леонтьевым также рассматривается конструкт «удовлетворенность жизнью». Удовлетворенность жизнью понимается как характеристика состояния субъективного мира личности в аспекте его благоприятности; субъективная оценка качества жизни в целом, условий деятельности, отношений с людьми и самого себя. Данный феномен выступает интегральным показателем

благополучия и играет определяющую роль в формировании социальной активности человека, его взаимоотношений с другими и отношения к себе как к личности [2, с. 112]. В контексте спортивной деятельности высокая удовлетворенность жизнью проявляется в эмоциональной стабильности, низком уровне напряженности, способности позитивно воспринимать тренировочный процесс и соревновательные ситуации, а также в осознании осмысленности своей деятельности.

Целью нашего исследования было выявление и сравнительный анализ особенностей удовлетворенности жизнью как психологического ресурса у спортсменов и лиц, не занимающихся спортивной деятельностью.

Характеристика репрезентативной выборки: в исследовании приняли участие 60 спортсменов (мужского и женского пола) в возрасте 17–18 лет и 60 неспортсменов (мужского и женского пола) – студентов вуза (Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины).

В качестве метода исследования использовалась «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS) в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева.

В группе спортсменов высокий уровень удовлетворенности жизнью показали 78,33 % респондентов, тогда как в группе неспортсменов – лишь 15 %. Низкий уровень в группе спортсменов зафиксирован у 1,67 %, в группе неспортсменов – у 10 %.

Полученные результаты диагностики удовлетворенности жизнью демонстрируют статистически значимые различия в показателях между спортсменами и неспортсменами (таблица 1). Проведенный сравнительный анализ выявил статистически значимые различия ($U_{\text{эмп}} = 274$, $p < 0.01$) между группами. Следовательно, спортсменов в большей степени характеризуют высокие показатели удовлетворенности жизнью по сравнению с лицами, не занимающимися спортом.

Таблица 1 – Сравнительные результаты диагностики удовлетворенности жизнью

Методика	Спортсмены (ср. балл)	Не спортсмены (ср. балл)	U – кр. Манна- Уитни	Наличие значимых различий	p
Шкала удовлетворенности жизнью	27,52	20,92	274	Значимо	$p < 0,01$

Полученные данные свидетельствуют о том, что спортсмены обладают более низким уровнем эмоциональной напряженности, высокой эмоциональной устойчивостью и удовлетворенностью своей ролью в жизни. Данный результат может быть связан с регулярной физической активностью, которая является естественным средством борьбы со стрессом. Кроме того, высокий уровень удовлетворенности жизнью у спортсменов поддерживается чувством общности в команде, осознанием собственных достижений, что укрепляет самооценку и придаёт жизни осмысленность. Этот опыт создает прочную основу для субъективного благополучия, позволяя спортсменам воспринимать трудности не как катастрофу, а как вызов, сохраняя эмоциональную стабильность и удовлетворенность жизнью даже в условиях высокой конкуренции. В то же время для неспортсменов характерна неустойчивая, преимущественно средняя, удовлетворенность жизнью, что указывает на дефицит эффективных стратегий поддержания психологического благополучия.

Полученные эмпирические данные позволяют предположить, что систематические спортивные тренировки выступают значимым фактором развития удовлетворенности жизнью как психологического ресурса.

Литература

1 Леонтьев, Д. А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов / Д. А. Леонтьев // Психология стресса и совладающего

поведения в современном российском обществе : материалы II Междунар. научн.-практ. конф., Кострома, 23–25 сентября 2010 г. : в 2 т. / отв. ред.: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапорова, С. А. Хазанова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – Т. 2. – С. 40–42.

2 Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2005. – 431 с.

УДК 159.942.2:796.071.2

А. В. Персанова

СВЯЗЬ ЦЕННОСТИ «ГЕДОНИЗМ» И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена теоретическому анализу взаимосвязи между ценностью гедонизма и субъективным благополучием в студенческом возрасте. Рассмотрены основные подходы к пониманию гедонизма в психологии, его роль в структуре ценностных ориентаций личности. На основе эмпирических данных, полученных на выборке студентов ($n = 56$), показано отсутствие статистически значимой линейной корреляции между гедонизмом и уровнем субъективного благополучия. Предполагается, что влияние гедонизма на благополучие опосредовано такими факторами, как возраст, культурный контекст и индивидуальные стратегии достижения удовольствия.

В современном мире проблема психологического благополучия приобретает особую актуальность. Высокая степень неопределенности, информационная перегрузка, ускорение темпа жизни и трансформация традиционных социальных институтов создают серьезные вызовы для психического здоровья личности. Одной из наиболее уязвимых групп в данном контексте выступает студенческая молодежь. Возраст от 18 до 21 года – это период для формирования ценностно-смысловой сферы личности, а также период повышенной эмоциональной чувствительности и тревожности. Непосредственно в это время студенты ищут ответы на экзистенциальные вопросы о смысле жизни, своем месте в мире и том, что делает человека счастливым [1, с. 229].

Одним из наиболее распространенных в бытовом сознании ответов на вопрос о путях достижения счастья является гедонизм – ориентация на получение удовольствия, наслаждения и комфорта. Рекламные слоганы, популярные статьи по психологии и социальные сети транслируют простую, на первый взгляд, формулу: «живи в кайф», «делай то, что приносит удовольствие», «получай от жизни все». Однако насколько эта формула соответствует действительности? Способствует ли стремление к удовольствию устойчивому ощущению субъективного благополучия, или же оно оказывается иллюзорным путем, ведущим к разочарованию и еще большему страданию?

В современной психологии гедонизм рассматривается в рамках двух основных подходов. Первый – гедонистический, где субъективное благополучие прямо определяется через баланс положительных и отрицательных эмоций, то есть через получение удовольствия. Второй – эвдемонистический, согласно которому благополучие является результатом самореализации, личностного роста и осмысленности жизни, а не простого накопления приятных ощущений [1, с. 230].

В теории ценностей Шалом Шварца гедонизм занимает вполне определенное место. Ш. Шварц определяет ценности как «познанные потребности», непосредственно зависящие от культуры, среды и менталитета конкретного общества. В его классификации выделяются десять мотивационных типов ценностей, организованных в два измерения:

«открытость изменениям – сохранение» и «самовозвышение – самотрансценденция». Гедонизм относится к полюсу «открытости изменениям» и включает такие ценности, как удовольствие, наслаждение жизнью, потворство своим желаниям [2].

В проведенном эмпирическом исследовании, в котором приняли участие 56 студентов в возрасте от 18 до 21 года (63 % девушек, 37 % юношей), изучалась взаимосвязь ценностных ориентаций (методика Шварца) и субъективного благополучия («Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Бадю). Результаты показали, что средний уровень выраженности ценности «Гедонизм» в выборке составил $M = 15,04$ при стандартном отклонении $S = 2,703$, что является умеренным показателем по сравнению с другими ценностями. Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (критическое значение $r = 0,254$ при $p \leq 0,05$) выявил, что связь между гедонизмом и субъективным благополучием практически отсутствует ($r = 0,029$). Это означает, что у студентов с высокой значимостью удовольствия и наслаждения уровень субъективного благополучия может быть как высоким, так и низким – линейной зависимости не наблюдается.

Отсутствие значимой корреляции между гедонизмом и субъективным благополучием может быть объяснено несколькими факторами. Во-первых, студенческий возраст (18–21 год) характеризуется не только активным поиском удовольствий, но и высоким уровнем тревожности, связанным с неопределенностью будущего, учебными нагрузками и социальной адаптацией. В таких условиях гедонистические стратегии могут выполнять скорее компенсаторную функцию, не приводя к устойчивому ощущению благополучия. Во-вторых, согласно эвдемонистическому подходу, кратковременные удовольствия не способны заменить глубокого чувства осмысленности и личностного роста, которые являются основой психологического благополучия.

Кроме того, влияние гедонизма на субъективное благополучие может быть опосредовано другими переменными. Например, конгруэнтность ценности внутренним смыслам и социальному контексту. Как отмечает Кэрл Рифф, подлинное благополучие возникает тогда, когда человек принимает себя, имеет цели в жизни, выстраивает позитивные отношения с другими и развивается. Гедонизм же, будучи более «легкой» и ситуативной ценностью, не оказывает ни явного позитивного, ни негативного влияния – он остается нейтральным фактором.

Таким образом, полученные в ходе исследования данные позволяют утверждать, что ценность гедонизма не является прямым предиктором субъективного благополучия в студенческом возрасте. Иными словами, сама по себе ориентация на получение удовольствий, комфорта и приятных впечатлений не предопределяет того, будет ли студент ощущать себя психологически благополучным, удовлетворённым жизнью и эмоционально устойчивым. Вопреки широко распространённым житейским представлениям, активно транслируемым массовой культурой и социальными сетями, стремление к удовольствиям само по себе не гарантирует ощущения счастья и психологического комфорта. Человек, делающий наслаждение главной жизненной целью, может испытывать кратковременные подъёмы настроения, однако это далеко не всегда перерастает в устойчивое глубинное чувство благополучия. Более того, в контексте высокой неопределённости, информационной перегрузки и повышенной тревожности, которые столь характерны для современного студенчества, нерефлексивные гедонистические стратегии могут выступать лишь как временное «обезболивающее», как способ отвлечься или заглушить дискомфорт, но не как инструмент, решающий глубинные экзистенциальные задачи. К таким задачам относятся, например, поиск смысла собственного существования, формирование устойчивой системы ценностей, выстраивание автономии и позитивной идентичности, а также нахождение баланса между личными желаниями и социальными требованиями. Без решения этих фундаментальных

вопросов гедонизм рискует остаться поверхностной, а иногда и разрушительной стратегией, которая приносит сиюминутное облегчение, но не ведёт к подлинному психологическому процветанию.

Литература

1 Асадуллин, М. Р. Теоретический анализ «психологическое благополучие» человека / М. Р. Асадуллин // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. – 2022. – Vol. 11, Is. 6A. – P. 228–240.

2 Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности / В. Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2004. – 70 с.

УДК 159.9.019:331.101.3:656.2

Л. А. Покрова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ И КОРРЕКЦИИ ВЫГОРАНИЯ У РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В статье рассматривается проблема развития мотивации и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта. Автором выявлены гендерные различия: у женщин сформировано эмоциональное выгорание с высокими показателями деперсонализации, редукции личных достижений, резистенции и истощения; у мужчин выгорание находится на стадии формирования с выраженной фазой напряжения. Представлены результаты апробации программы по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта и доказана ее эффективность, поэтому программу можно рекомендовать для психологического сопровождения работников железнодорожного транспорта.

Высокий риск эмоционального выгорания сегодня характерен для многих профессий. В наиболее сложных условиях находятся специалисты железной дороги, где изучение данного синдрома особенно актуально. Новый подход в исследованиях рассматривает выгорание как искажение мотивационной сферы личности. Последствия для железнодорожной отрасли серьезны: снижение качества и творческого подхода к работе, рост ошибок и конфликтов, уход сотрудников в другие сферы. Выгоревший работник теряет способность сосредотачиваться, что напрямую ухудшает качество работы, подрывает имидж и снижает финансовые показатели компании [1, с. 98].

Исследование мотивации и выгорания осуществлялось на базе локомотивного депо Гомель РУП «Гомельское отделение Белорусской железной дороги». В исследовании приняли участие 94 работника железной дороги, из них 52 мужчины и 42 женщины в возрасте 27–48 лет.

В соответствии с целью исследования был определен следующий психодиагностический инструментарий: методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир (адаптация А. Реана); опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексон (адаптация Н. Е. Водопьяновой); методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко. В качестве методов математической статистики использовался критерий χ^2 -углового преобразования Фишера, G-критерий знаков.

Проведенное эмпирическое исследование позволило изучить особенности мотивации профессиональной деятельности и выгорания у работников железнодорожного транспорта.

Преобладающей мотивацией профессиональной деятельности как у женщин, так и у мужчин работников железнодорожного транспорта, является внутренняя и внешняя положительная мотивация профессиональной деятельности. Внутренняя мотивация профессиональной деятельности связана непосредственно с процессом и результатом труда, с потребностями самого человека без какого-либо внешнего давления, и на основе ее он трудится с удовольствием. Сотрудники стремятся получить удовлетворение от самого процесса и результата работы, а также получить возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности. Внешняя положительная мотивация профессиональной деятельности, т. е. наибольшую важность для них представляет высокая зарплата, продвижение по службе, а также потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны окружающих.

Работники железнодорожного транспорта женского пола отличаются сформировавшимся эмоциональным ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,885 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,885 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$) и профессиональным выгоранием, а также такими его фазами, как деперсонализация ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,201 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,201 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), редукция личных достижений ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,191 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,191 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), резистенция ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,914 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,914 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), истощение ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,258 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,258 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$). Для них характерна полная потеря интереса к работе и жизни вообще, эмоциональное безразличие, отупение, ощущение постоянного отсутствия сил. Деперсонализация проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопереживания, а в отдельных случаях – в негативизме и циничном отношении. На поведенческом уровне «деперсонализация» проявляется в высокомерном поведении, использовании профессионального сленга, юмора, ярлыков. Для них характерна неудовлетворенность собой как личностью и как профессионалом, негативная оценка своей компетентности и продуктивности и, как следствие, – снижение профессиональной мотивации, нарастание негативизма в отношении служебных обязанностей, тенденция к снятию с себя ответственности, к изоляции от окружающих, отстраненность и неучастие, избегание работы сначала психологически, а затем физически. Они стремятся избегать действия эмоциональных факторов с помощью ограничения эмоционального реагирования: неадекватного избирательного эмоционального реагирования, эмоционально-нравственной дезориентации, расширения сферы экономии эмоций, редукции профессиональных обязанностей. Для них характерно падение общего энергетического тонуса и ослабление нервной системы. Им свойственно ощущение, что эмоционально они не могут помочь своим подопечным, не в состоянии войти в их положение, соучаствовать и сопереживать. У них отмечается раздражительность, обида, резкость, грубость. Они почти полностью исключают эмоции из сферы профессиональной деятельности, однако в других сферах они живут полнокровными эмоциями.

Работники железнодорожного транспорта мужского пола находятся в стадии формирования эмоционального и профессионального выгорания ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,027 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,027 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), сформированной у них является фаза напряжение ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,495 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,495 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$). Формирующееся эмоциональное выгорание сопровождается снижением интереса к работе, снижением потребности в общении (включая родственников и друзей): «им не хочется видеть» тех, с кем они общаются в процессе выполнения профессиональной деятельности; нарастанием апатии к концу рабочей недели, а также появлением устойчивых соматических симптомов (нет сил, энергии, особенно к концу недели, головные боли по вечерам; «мертвый сон, без сновидений», увеличение числа простудных заболеваний); повышенной раздражительностью. Наличие напряжения служит предвестником развития и запускающим механизмом формирования синдрома эмоционального выгорания. Тревожное напряжение включает следующие симптомы: переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, чувство безысходности, тревога и депрессия.

Заключительным этапом эмпирического исследования стала разработка и апробирование программы по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта. Цель программы – формирование устойчивости работников железнодорожного транспорта к эмоциональному выгоранию и развитию внутренней мотивации профессиональной деятельности. Задачи программы: познакомить участников с понятием «синдром эмоционального выгорания», его причинами, стадиями, способами профилактики; обучить способам управления стрессом, способам психической саморегуляции; повысить «стрессоустойчивость» и способность предотвращать «эмоциональное выгорание»; формировать внутренние мотивы профессиональной деятельности; развивать позитивное отношение к своей профессиональной деятельности, мотивировать к профессиональному росту, самосовершенствованию.

В программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта приняли участие работники со сформировавшимся эмоциональным выгоранием. Для подтверждения эффективности программы по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта работники были условно разделены на две группы, одна из них составила коррекционную группу (10 эмоционально выгоревших работников), которые и приняли участие в программе, вторая группа (контрольная) была сформирована также из 10 эмоционально выгоревших работников, с которой работа не проводилась.

На контрольном этапе исследования была проведена повторная диагностика эмоционально выгоревших работников коррекционной и контрольной группы по тем же методикам, что и на констатирующем этапе исследования.

Для доказательства эффективности программы по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта был использован G-критерий знаков.

Согласно данным статистического анализа, с помощью G-критерия знаков выявлены статистически значимые сдвиги у работников из коррекционной группы на констатирующем и контрольном этапе исследования по следующим показателям:

- *внутренний мотив профессиональной деятельности* ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону повышения степени выраженности внутреннего мотива профессиональной деятельности после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

- *внешний отрицательный мотив профессиональной деятельности* ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения степени выраженности внешнего отрицательного мотива профессиональной деятельности после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

- *«эмоциональное истощение»* ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения уровня эмоционального истощения после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

- *«редукция личных достижений»* ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения уровня редукции личных достижений после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

– «эмоциональное выгорание» ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения уровня эмоционального выгорания после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

– «напряжение» ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения степени сформированности фазы «напряжение» после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$);

– «истощение» ($G_{\text{эмп}} = 0 \leq G_{\text{кр}} = 1$ при $p \leq 0,05$ и $G_{\text{эмп}} = 0 = G_{\text{кр}} = 0$ при $p \leq 0,01$), т. е. сдвиг в сторону снижения степени сформированности фазы «истощение» после принятия участия в программе по развитию мотивации профессиональной деятельности и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта является неслучайным (при $p \leq 0,01$).

В контрольной группе статистически значимых сдвигов на констатирующем и контрольном этапе исследования не выявлено.

Таким образом, в результате диагностики было выявлено, что у работников железнодорожного транспорта преобладает внутренняя и внешняя положительная мотивация, однако у женщин сформировано полное эмоциональное выгорание (деперсонализация, редукция достижений, резистенция, истощение), тогда как у мужчин выгорание находится на стадии формирования с ведущей фазой напряжения.

Разработанная программа развития мотивации и коррекции выгорания (ознакомление с синдромом, обучение стресс-менеджменту и саморегуляции, формирование внутренних мотивов, развитие позитивного отношения к своей профессиональной деятельности, мотивирование к профессиональному росту, самосовершенствованию) показала свою эффективность: в коррекционной группе зафиксированы статистически значимые положительные сдвиги по внутренней мотивации, внешней отрицательной мотивации, эмоциональному истощению, редукции достижений, фазам напряжения и истощения. В контрольной группе значимых изменений не произошло, что подтверждает именно эффект вмешательства, а не временной динамики.

Программа может быть рекомендована для внедрения в практику психологического сопровождения работников локомотивных депо и других стрессогенных профессий на железнодорожном транспорте.

Литература

1 Малышев, И. В. Особенности эмоционального выгорания у сотрудников железной дороги / И. В. Малышев // Пензенский психологический вестник. – 2020. – № 2. – С. 95–102.

УДК 159.97:371.8.06

А. Д. Правоторова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЯВЛЕНИЙ БУЛЛИНГА И ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ УЧАЩИХСЯ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена изучению взаимосвязи буллинга и депрессивных проявлений у подростков 14–17 лет. Рассмотрены теоретические основы проблемы, представлены

результаты эмпирического исследования, проведённого на базе двух средних школ, включая диагностику риска буллинга и уровня депрессии, а также корреляционный анализ полученных данных. Исследование показало, что ощущение угрозы и незащищённости связаны с повышенным уровнем депрессивной симптоматики подростков. Ощущения благополучия в школе связаны с более низким уровнем депрессивной симптоматики школьников.

Современные исследования фиксируют устойчивый рост случаев буллинга в образовательной среде: по данным Всемирной организации здравоохранения, около 30 % подростков в мире хотя бы раз сталкивались с травлей со стороны сверстников [1, с. 34]. Буллинг как систематическое агрессивное поведение влечёт за собой не только социальную дезадаптацию, но и серьёзные психические нарушения, среди которых наиболее распространённой является депрессия. В подростковом возрасте, характеризующемся эмоциональной лабильностью и повышенной уязвимостью, последствия травли могут проявляться в стойком снижении настроения, чувстве изоляции, утрате интереса к учебе и общению [2, с. 15]. Однако характер взаимосвязи между конкретными компонентами буллинга (небезопасность, разобщенность, благополучие, равноправие) и уровнем депрессивной симптоматики остаётся недостаточно изученным, что обуславливает необходимость проведения эмпирических исследований в данной области [3, с. 46].

С целью изучения особенностей взаимосвязи проявления буллинга и депрессии в средних и старших классах было организовано исследование, в котором приняли участие 60 школьников в возрасте от 14 до 17 лет. Для диагностики использовались две методики: тест-опросник «Шкала депрессии» Аарона Бека (BDI-II) и методика определения риска буллинга у школьников (опросник атмосферы в школе), включающая шкалы-предикторы (небезопасность, разобщенность) и шкалы-антипредикторы (благополучие, равноправие).

В ходе изучения риска буллинга были получены средние значения показателей по каждой шкале.

Средний балл по шкале небезопасности составил 5,9. Данный показатель может свидетельствовать о том, что явления буллинга присутствуют в жизненном пространстве подростков, однако их интенсивность и распространённость не достигают уровня, вызывающего постоянное и генерализованное чувство страха, незащищённости и угрозы у всей выборки в равной степени [2, с. 71]. Иными словами, буллинг как феномен имеет место, но его психологическое воздействие дифференцировано в зависимости от индивидуальной вовлечённости и личностных особенностей подростков.

В то же время следует учитывать, что среднее значение нивелирует гетерогенность группы. Внутри выборки, вероятно, присутствуют подростки с высоким уровнем небезопасности, переживающие систематическую травлю в тяжёлой и хронической форме, сопровождающуюся страхом, тревогой и ощущением постоянной угрозы. Наряду с ними существуют и подростки с низким уровнем небезопасности, которые либо не сталкиваются с буллингом либо имеют эффективные стратегии совладания (копинг-стратегии). Средний балл 5,9 в данном случае «сглаживает» эти крайние значения, что требует дополнительного анализа распределения, а не только центральной тенденции.

Кроме того, возможен феномен адаптации к небезопасной среде. При длительном нахождении в условиях, где буллинг является относительно распространённым явлением, подростки могут вырабатывать психологические защитные механизмы, притупляющие остроту восприятия угрозы. В результате субъективная оценка опасности может быть занижена по сравнению с объективным уровнем риска. Это не означает отсутствия негативных последствий для психического здоровья, но отражает процесс привыкания к хроническому стрессору, что характерно для ряда исследований школьной травли.

По шкале разобщённости получен относительно высокий балл – 2,8 (при максимально возможном значении 4). Это свидетельствует о выраженном чувстве социальной изоляции и отчуждённости у значительной части подростков в исследуемой выборке.

Высокий уровень разобщённости указывает на дефицит сплочённости, отсутствие доверительных отношений как между сверстниками, так и между учащимися и педагогами. Подростки с высокими показателями по данной шкале испытывают трудности в установлении и поддержании социальных контактов, ощущают себя одинокими, не принадлежащими к школьному сообществу, сталкиваются с непониманием и неприятием со стороны окружающих [2, с. 73]. Такое состояние может выступать как самостоятельным фактором психологического дискомфорта, так и катализатором буллинга либо его следствием.

Анализ распределения показал, что 32 % подростков испытывают выраженное чувство небезопасности. Низкий уровень благополучия наблюдается у 12 % респондентов, что требует особого внимания. При этом преобладание средних значений (72 %) по шкале благополучия свидетельствует об умеренной удовлетворённости жизнью у большинства. Важно, что 75 % выборки не испытывают чувства социальной изоляции, тогда как 25 % демонстрируют хотя бы умеренную разобщённость. Кроме того, 18 % подростков имеют низкий уровень восприятия равноправия, что может быть связано с трудностями в общении и возможным буллингом в коллективе.

Для диагностики эмоционального состояния использовался опросник депрессии Аарона Бека. Средний балл по шкале составил $M = 7,57$, минимальное значение – 0, максимальное – 18 баллов, что свидетельствует об индивидуальных различиях в уровне депрессивных проявлений.

Большинство респондентов (43 человека) демонстрируют умеренное эмоциональное состояние, укладывающееся в границы нормативных значений, что свидетельствует об отсутствии клинически выраженных аффективных нарушений у данной части выборки.

У 17 участников выявлены признаки лёгкой депрессии, проявляющиеся в устойчивом снижении фона настроения, повышенной утомляемости, снижении энергетического тонуса, а также в нарушениях сна и аппетита, которые, однако, не достигают степени выраженности, характерной для клинического расстройства [4, с. 14]. При этом умеренная и тяжёлая депрессия не диагностированы ни у одного из обследованных, что может указывать либо на отсутствие глубоких депрессивных эпизодов в данной выборке, либо на действие компенсаторных и защитных механизмов, а также факторов социальной желательности при самоотчёте.

Согласно интерпретации BDI-II, распределение выглядит следующим образом: удовлетворительное эмоциональное состояние (0–9 баллов) – 72 % (43 человека); лёгкая депрессия (10–19 баллов) – 28 % (17 человек); умеренная (20–22 балла) и тяжёлая (23 и более) – 0 %. Несмотря на внешнее благополучие, 28 % подростков с лёгкой депрессией нуждаются в поддерживающем внимании. Отсутствие случаев умеренной и тяжёлой депрессии может объясняться избегающим поведением подростков с выраженными симптомами, стигматизацией психических проблем, а также стремлением давать социально желательные ответы.

На заключительном этапе для выявления взаимосвязи между проявлениями буллинга и депрессии был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В результате корреляционного анализа выявлена статистически значимая прямая взаимосвязь между показателем небезопасности и уровнем депрессии ($r = 0,273$, $p < 0,05$). Это означает, что чем выше ощущение угрозы и незащищённости в школе, тем более выражены депрессивные проявления. Также обнаружена статистически значимая обратная взаимосвязь между показателем благополучия и уровнем депрессии ($r = -0,266$, $p < 0,05$): повышение психологического комфорта и поддержки сопровождается снижением депрессивной симптоматики. Связи депрессии с разобщённостью ($r = 0,208$, $p > 0,05$) и равноправием ($r = -0,076$, $p > 0,05$) оказались статистически незначимыми. Кроме того, установлены значимые корреляции между шкалами небезопасности и благополучия ($r = -0,260$, $p < 0,05$), а также небезопасности и разобщённости ($r = 0,469$, $p < 0,01$).

Таким образом, проведённое исследование подтверждает наличие значимой взаимосвязи между проявлениями буллинга и депрессией у подростков 14–17 лет. Данный вывод основывается на результатах корреляционного анализа, выявившего как прямые, так и обратные статистически значимые связи между отдельными компонентами школьного климата и уровнем депрессивной симптоматики.

Ключевыми факторами, ассоциированными с уровнем депрессивных проявлений, выступают, во-первых, ощущение небезопасности в школе, которое демонстрирует прямую связь с депрессией: чем выше подростки оценивают степень угрозы, непредсказуемости поведения одноклассников и отсутствия защиты, тем более выраженными становятся подавленность, чувство безнадежности и эмоциональное неблагополучие. Во-вторых, чувство психологического благополучия, напротив, обнаруживает обратную связь: наличие поддержки со стороны сверстников и педагогов, ощущение принятия и комфортной атмосферы сопровождается снижением риска развития депрессивных состояний.

Полученные данные свидетельствуют о том, что профилактика буллинга и снижение депрессивных проявлений у подростков должны быть направлены в первую очередь не на точечные меры воздействия на отдельные случаи травли, а на системное создание безопасной, предсказуемой и поддерживающей атмосферы в образовательном учреждении в целом. Формирование уважительных отношений, укрепление доверия между участниками учебного процесса, развитие навыков конструктивного разрешения конфликтов – всё это может служить одновременно и барьером для возникновения буллинга, и фактором защиты от развития депрессивной симптоматики.

Важно отметить, что отсутствие в выборке случаев умеренной и тяжёлой депрессии не может рассматриваться как показатель полного психологического благополучия всех обследованных подростков. Данный факт с высокой вероятностью объясняется действием защитных механизмов индивидуального и социокультурного характера. Подростки, переживающие выраженные депрессивные состояния, могли избежать участия в исследовании в силу свойственного депрессии избегающего поведения. Кроме того, стигматизация психических проблем в обществе и школьной среде побуждает многих учащихся скрывать истинное состояние, предоставлять социально желательные ответы, чтобы избежать обсуждения, жалости или нежелательного вмешательства. В ряде семей и социальных групп проявление эмоциональной слабости или нестабильности расценивается как неприемлемое, что также способствует замалчиванию проблемы и стремлению сохранить видимость благополучия даже при наличии внутренней боли. Таким образом, даже при внешне удовлетворительных результатах диагностики сохраняется необходимость в систематическом психологическом сопровождении подростков и создании условий, в которых обращение за помощью не будет восприниматься как стигма.

Литература

- 1 Андреева, А. Д. Психологическое благополучие подростков в школьной среде: риски и ресурсы / А. Д. Андреева, Т. В. Архиреева. – М.: Институт психологии РАН, 2022. – 215 с.
- 2 Белинская, Е. П. Буллинг в школе: причины, последствия, профилактика / Е. П. Белинская, С. Н. Ениколопов. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 184 с.
- 3 Волкова, Е. Н. Теоретико-методологические основы исследования буллинга в образовательной среде / Е. Н. Волкова, Т. В. Лодкина // Вестник Мининского университета. – 2023. – Том 11, № 2. – С. 45–58.
- 4 Холмогорова, А. Б. Депрессия у подростков: современные подходы к диагностике и психотерапии / А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Том 30, № 4. – С. 9–27.

А. В. Редюк

ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ДИСМОРФОФОБИИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена анализу коморбидных связей дисморфофобической симптоматики с депрессивными, тревожными и обсессивно-компульсивными проявлениями у студентов. На выборке 109 респондентов с использованием корреляционного анализа Спирмена выявлены значимые взаимосвязи склонности к дисморфофобии с показателями депрессии, социальной тревожности, ОКР-симптомов и посттравматического стресса. Наиболее тесные связи обнаружены с когнитивно-аффективными компонентами депрессии и страхом негативной оценки. Обоснована необходимость комплексной диагностики эмоциональных нарушений у лиц с дисморфофобическими чертами.

Проблема искаженного восприятия собственной внешности приобретает все большую значимость в студенческой среде. В современных исследованиях принято разграничивать понятия «неудовлетворенность телом» и «дисморфофобия». Неудовлетворенность телом представляет собой широкий спектр негативных оценок собственной внешности, варьирующихся от легкого недовольства до выраженного дискомфорта, и является распространенным феноменом, особенно среди молодежи [1, с. 307]. Дисморфофобия (телесно-дисморфическое расстройство, BDD), в свою очередь, представляет собой клиническое психическое расстройство, характеризующееся чрезмерной озабоченностью мнимыми или незначительными дефектами внешности, которая сопровождается значительным дистрессом и нарушениями социального функционирования [2, с. 16]. В данной работе мы фокусируемся на изучении доклинической склонности к дисморфофобическим переживаниям, которая может быть оценена с помощью валидных опросников, однако не достигает уровня клинического диагноза.

Высокая коморбидность дисморфофобии с широким спектром психоэмоциональных нарушений многократно подтверждена в научной литературе. Исследования Д. Вейла и соавторов [3, с. 201] демонстрируют, что наиболее частыми сопутствующими диагнозами являются расстройства настроения (26 %), социальная фобия (16 %) и обсессивно-компульсивное расстройство (6 %). Обзор Г. Кребс и соавторов [4, с. 72] также подчеркивает высокую коморбидность BDD с большим депрессивным расстройством, социальным тревожным расстройством и ОКР, а также свидетельствует о высоком суицидальном риске у данной группы лиц. Работы отечественных авторов указывают на существенную распространенность дисморфофобических проявлений именно в студенческой среде, связывая это с возрастными особенностями и воздействием стандартизированных медиаобразов [5, с. 81].

Несмотря на признанную актуальность проблемы, на белорусской студенческой выборке взаимосвязи склонности к дисморфофобии с показателями психоэмоционального неблагополучия изучены недостаточно, что и определило цель настоящей работы – выявить характер и тесноту взаимосвязей между склонностью к дисморфофобическим проявлениям и показателями депрессии, социальной тревожности, обсессивно-компульсивной симптоматики и посттравматического стресса у студентов.

Эмпирическое исследование проведено на базе учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». В исследовании приняли участие 109 студентов в возрасте от 17 до 23 лет (75 девушек и 34 юноши). Критерием включения в выборку являлось полное заполнение всех семи опросников; один респондент, не завершивший тестирование, был исключен из обработки. В связи с тем, что по результатам проверки с использованием критерия Колмогорова-Смирнова

распределение большинства изучаемых признаков значительно отличалось от нормального, для статистической обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для снижения риска случайно значимых результатов (ошибка I рода) была применена поправка Бонферрони на множественные сравнения. Расчеты выполнены в программе IBM SPSS Statistics 26.

Для диагностики склонности к дисморфофобической симптоматике использовались Опросник образа собственного тела (ООСТ) О. А. Скугаревского и С. В. Сивухи и Опросник ситуативной неудовлетворенности образом тела (SIBID) Т. Ф. Кэша в адаптации Л. Т. Баранской. Уровень депрессии оценивался с помощью Шкалы депрессии Бека (BDI), социальная тревожность – Шкалы социальной тревожности Либовица (LSAS), обсессивно-компульсивная симптоматика – Шкалы обсессивно-компульсивной симптоматики Модсли (МОСИ), посттравматические симптомы – Международного опросника травмы (ИТQ).

Средние значения по опроснику ООСТ составили 12,4 балла ($SD = 11,1$), что соответствует легкой степени неудовлетворенности телом в общей выборке при значительном разбросе индивидуальных показателей. Ситуативная неудовлетворенность (SIBID) зафиксирована на уровне 1,16 ($SD = 0,93$) при диапазоне от 0 до 4, что свидетельствует о преобладании умеренного дискомфорта в социальных ситуациях, связанных с восприятием внешности. Показатели психоэмоционального неблагополучия также варьировались в широких пределах: уровень депрессии (BDI) – от 0 до 44 баллов ($M = 9,9$; $SD = 10,1$), социальной тревожности (LSAS) – от 0 до 113 баллов ($M = 45,6$; $SD = 24,8$), обсессивно-компульсивной симптоматики (МОСИ) – от 0 до 29 баллов ($M = 12,4$; $SD = 5,8$).

Корреляционный анализ выявил множественные значимые взаимосвязи между показателями склонности к дисморфофобии и параметрами психоэмоционального неблагополучия. Результаты корреляций между ООСТ, SIBID и депрессивной симптоматикой представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Корреляции показателей склонности к дисморфофобии с показателями депрессии (BDI)

Показатель BDI	ООСТ	SIBID
Общий балл	0,598**	0,465**
Когнитивно-аффективные проявления	0,577**	0,482**
Соматические проявления	0,565**	0,394**
Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$		

Как видно из таблицы 1, оба показателя склонности к дисморфофобии демонстрируют сильные положительные корреляции с общим уровнем депрессии, причем наиболее тесная связь обнаружена между ООСТ и интегральным баллом BDI ($r = 0,598$; $p < 0,01$). Когнитивно-аффективные проявления депрессии (негативные мысли о себе, чувство вины, пессимизм) коррелируют со склонностью к дисморфофобии несколько сильнее, чем соматические симптомы, что указывает на общность когнитивных механизмов, лежащих в основе неудовлетворенности внешностью и депрессивного аффекта [3, с. 201].

Не менее выраженные взаимосвязи обнаружены между склонностью к дисморфофобии и социальной тревожностью (таблица 2).

Таблица 2 – Корреляции показателей склонности к дисморфофобии с показателями социальной тревожности (LSAS)

Показатель LSAS	ООСТ	SIBID
1	2	3
Общий балл	0,507**	0,527**
Страх	0,584**	0,536**

Окончание таблицы 2

1	2	3
Избегание	0,333**	0,432**
Межличностный контакт: страх	0,481**	0,457**
Межличностный контакт: избегание	0,301**	0,362**
Формальное общение: страх	0,542**	0,444**
Формальное общение: избегание	0,345**	0,442**
Общественные места: страх	0,417**	0,491**
Общественные места: избегание	0,090	0,223*
Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$		

Наиболее сильные корреляции зафиксированы с компонентом «страх» ($p = 0,584$ для ООСТ; $p = 0,536$ для SIBID). Студенты с выраженной склонностью к дисморфофобии испытывают интенсивный страх негативной оценки в ситуациях межличностного контакта и формального общения. Интересно, что ситуативная неудовлетворенность (SIBID) демонстрирует более тесную связь с избеганием ($p = 0,432$), чем общая неудовлетворенность ($p = 0,333$), что подчеркивает роль конкретных социальных контекстов в актуализации избегающего поведения.

Корреляции склонности к дисморфофобии с обсессивно-компульсивной симптоматикой представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляции показателей склонности к дисморфофобии с показателями обсессивно-компульсивной симптоматики (МОСИ)

Показатель МОСИ	ООСТ	SIBID
Общий балл	0,482**	0,469**
Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$		

Полученный результат подтверждает концептуальное отнесение дисморфофобии к расстройствам обсессивно-компульсивного спектра: навязчивые мысли о мнимых дефектах внешности и компульсивные проверки являются общими симптоматическими проявлениями [4, с. 73].

Взаимосвязи склонности к дисморфофобии с посттравматической симптоматикой отражены в таблице 4.

Таблица 4 – Корреляции показателей склонности к дисморфофобии с показателями посттравматической симптоматики (ITQ)

Показатель ITQ	ООСТ	SIBID
Повторное переживание	0,282**	0,133
Избегание	0,426**	0,270**
Чувство угрозы	0,357**	0,236**
Эмоциональная дисрегуляция	0,088	-0,013
Негативный образ Я	0,039	0,064
Нарушения в отношениях	-0,021	-0,140
ПТСР (общий)	0,425**	0,270**
Нарушения Я-организации (DSO)	0,034	-0,061
КПТСР	0,322**	0,162
Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$		

Анализ корреляций с посттравматической симптоматикой обнаруживает принципиальное различие между устойчивой и ситуативной неудовлетворенностью телом. Интегральный показатель комплексного ПТСР и КПТСР статистически значимо связаны с ООСТ ($\rho = 0,425$; $p < 0,01$; $\rho = 0,322$; $p < 0,01$), тогда как с SIBID аналогичная связь не достигает уровня значимости ($\rho = 0,162$; $p > 0,05$). Этот результат позволяет предположить, что именно хронический, личностно-интегрированный характер недовольства телом, а не эпизодические колебания самооценки внешности, является следствием комплексной травматизации. Комплексное ПТСР формируется в условиях пролонгированного или повторяющегося травматического опыта, такого как систематический буллинг из-за внешности, насмешки или отвержение в детстве и подростковом возрасте. Подобный опыт способствует интернализации устойчивого убеждения в собственной «дефектности», которое генерализуется на целостный образ тела и закрепляется в структуре личности в виде стабильной дисморфофобической установки, измеряемой ООСТ. В отличие от этого, ситуативная неудовлетворенность телом (SIBID) отражает скорее реактивный дискомфорт в конкретных социальных ситуациях (примерка одежды, присутствие привлекательных людей), который может возникать и у лиц без травматического анамнеза под влиянием актуальных социальных стандартов и ситуационного давления. Именно поэтому глубокие последствия травмы, включая комплексное ПТСР, сопряжены прежде всего с устойчивым, генерализованным недовольством собственной внешностью, а не с преходящими ситуативными реакциями.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что склонность к дисморфофобии образует устойчивый паттерн коморбидных связей с широким кругом психоэмоциональных нарушений. Наиболее сильные корреляции ($\rho > 0,5$) выявлены с депрессией и страхом негативной социальной оценки. Данный факт указывает на существование единого симптомокомплекса, в котором неудовлетворенность внешностью, подавленное настроение, ожидание отвержения и навязчивые мысли взаимно усиливают друг друга, формируя «порочный круг». Полученные данные подчеркивают необходимость комплексной психологической диагностики студентов, обращающихся по поводу недовольства своей внешностью: высокая вероятность сопутствующих депрессивных и тревожных расстройств требует расширенного скрининга и мультимодального подхода к коррекции [5, с. 83].

Практическая значимость исследования заключается в обосновании целесообразности включения опросников ООСТ и SIBID в программы мониторинга психологического благополучия студентов. Раннее выявление склонности к дисморфофобическим проявлениям может служить маркером риска развития депрессивных и тревожных состояний, что позволит своевременно направлять студентов в психологические службы университетов для получения адресной помощи.

Литература

- 1 Дурасова, Е. А. Дисморфофобия и факторы ее возникновения / Е. А. Дурасова, Л. А. Лазаренко // На пересечении языков и культур: актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – № 1 (19). – С. 306–313.
- 2 Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5 / American Psychiatric Association. – 5th ed. – Washington : American Psychiatric Publishing, 2013. – 947 p.
- 3 Veale, D. Body dysmorphic disorder / D. Veale, A. Boocock, K. Gournay [et al.] // The British Journal of Psychiatry. – 1996. – Vol. 169, № 2. – P. 196–201.
- 4 Krebs, G. Recent advances in understanding and managing body dysmorphic disorder / G. Krebs, L. Fernández de la Cruz, D. Mataix-Cols // Evidence-Based Mental Health. – 2017. – Vol. 20, № 3. – P. 71–75.
- 5 Манучарян, К. И. Дисморфофобия в студенческой среде / К. И. Манучарян, Л. В. Дорофеева, Е. А. Кудахова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 1-2 (88). – С. 81–84.

М. О. Русакова

ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В КОЛЛЕКТИВЕ УЧАЩИХСЯ

В статье представлены результаты исследования способов регулирования конфликтов среди учащихся подросткового возраста как необходимое условие профилактики деструктивных форм поведения в школьной среде. Актуальность исследования обусловлена ростом случаев физического и эмоционального негативного воздействия в образовательных учреждениях, что требует своевременного выявления признаков конфликтных ситуаций и вмешательства социального педагога.

Необходимость исследования конфликтности детей определена существенными проблемами общественной жизни. Рост конфликтности в школе отражает одну из самых острых социальных проблем нашего общества, где в последние годы резко увеличились случаи с применением физических и эмоциональных отрицательных воздействий. При этом волнует факт увеличения агрессии против личности, влекущей за собой тяжкие последствия как для агрессора, так и для его жертвы [1].

О конфликте в коллективе можно говорить лишь тогда, когда существует определенная структура отношений между учащимися: наличие общих целей, задач, системы коммуникации, формального или неформального лидера. Эти элементы подразумевают возможность возникновения напряженности и разногласий. В силу своего положения педагог социальный пользуется определенным авторитетом у учащихся, к нему обращаются за помощью и советом. Поэтому в тех случаях, когда возникают межличностные или групповые разногласия, его роль становится ключевой в урегулировании споров. Неэффективно разрешенные конфликты в коллективе могут привести к снижению успеваемости, социальной дезадаптации, формированию негативного отношения к учебе и школе в целом. Важным социальным последствием запущенных конфликтов является воспроизводство деструктивных моделей поведения среди учащихся. Поэтому раннее выявление и диагностика признаков конфликтной ситуации, и своевременное вмешательство – это значимый этап профилактики конфликтов школьной среде [2, с. 17].

Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Группу составили 50 учащихся восьмого класса 13–14 лет. Диагностическое исследование проводилось в дневное время в учебных классах, в привычной для детей обстановке.

Основной целью диагностики является комплексная оценка уровня конфликтности и общего психологического климата в коллективе. Диагностика призвана выявить преобладающие стили поведения учащихся в конфликтных ситуациях, а также оценить восприятие учениками атмосферы в классе.

Нами был проведен опрос Кеннета Томаса «Определение способов регулирования конфликтов». К. Томас исходил из того, что людям не следует избегать конфликтов или разрешать их любой ценой, а требуется уметь грамотно ими управлять. Для описания типов поведения людей в конфликтных ситуациях К. Томас считает применимой двухмерную модель регулирования конфликтов, основополагающими измерениями в которой являются кооперация, связанная с вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт, и напористость, для которой характерен акцент на защите собственных интересов. Соответственно этим двум основным измерениям К. Томас выделяет следующие способы регулирования конфликтов:

1 Противоборство – стремление добиться своих интересов в ущерб другому.

2 Сотрудничество – участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

3 Компромисс – соглашение на основе взаимных уступок; предложение варианта, снимающего возникшее противоречие.

4 Избегание – отсутствие стремления к кооперации и отсутствие тенденции к достижению собственных целей.

5 Уступчивость – принесение в жертву собственных интересов ради другого.

В своем опроснике по выявлению типичных форм поведения К. Томас описывает каждый из пяти перечисленных возможных вариантов 12 суждениями о поведении индивида в конфликтной ситуации. В различных сочетаниях они сгруппированы в 30 пар, в каждой из которых респонденту предлагается выбрать то суждение, которое является наиболее типичным для характеристики его поведения. Ответы на вопросы заносятся в бланк [3, с. 197–198]. Результаты диагностического исследования по опросу Кеннета Томаса «Определение способов регулирования конфликтов» представлены на рисунке 1.

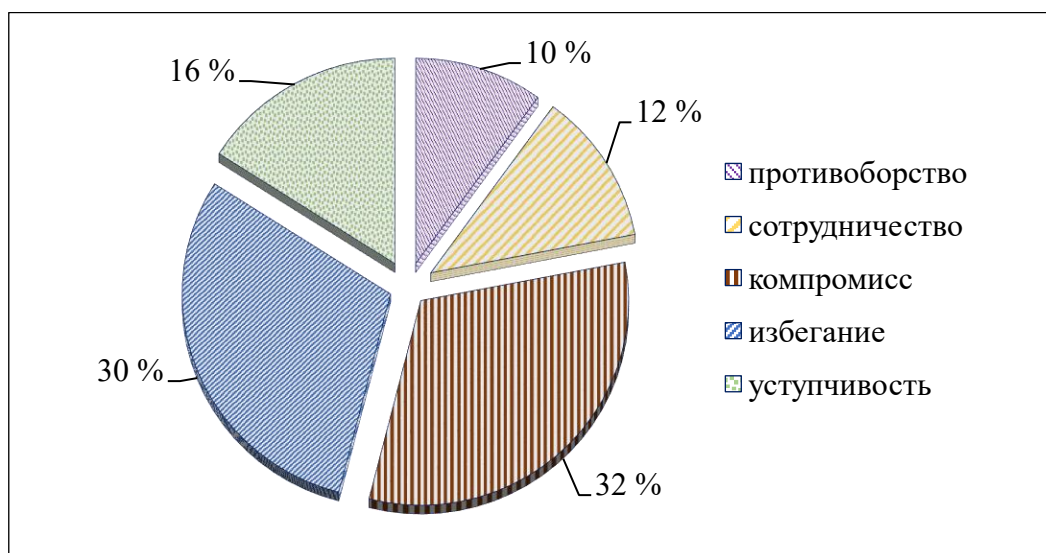

Рисунок 1 – Результаты исследования по опросу К. Томаса
«Определение способов регулирования конфликтов»

На рисунке 1 видно, что по результатам диагностики, у 16 человек (32 %) способом регулирования конфликта является компромисс, у 15 человек (30 %) – избегание, у 8 человек (16 %) – уступчивость, у 6 человек (12 %) – сотрудничество и у 5 людей (10 %) способом регулирования конфликта является противоборство.

В результате анализа данных диагностики выявилось четкое распределение стилей поведения учащихся в конфликтных ситуациях. Наиболее распространенным оказался компромисс, который выбрали 32 %, то есть 16 человек. Это говорит о том, что подростки склонны искать решение через взаимные уступки, стараясь снять противоречие, но не всегда достигая полного удовлетворения обеих сторон. Почти так же часто, у 30 % (15 человек), доминирует избегание: дети предпочитают не вступать в открытое противостояние и не стремятся ни к кооперации, ни к достижению своих целей. Уступчивость, когда собственные интересы приносятся в жертву ради другого, характерна для 16 %, то есть для 8 человек. Сотрудничество, предполагающее поиск альтернативы, полностью удовлетворяющей всех, встречается лишь у 12 % (6 человек), а противоборство, направленное на отстаивание своих интересов в ущерб другим, – у 10 % (5 человек).

Такая картина указывает на относительно низкий общий уровень конфликтности в классе: преобладают пассивные и компромиссные стратегии, которые помогают сохранять видимую гармонию и избегать открытых столкновений. Однако доминирование

избегания и уступчивости может сигнализировать о скрытых напряжениях, которые не разрешаются, а накапливаются, что со временем способно привести к снижению мотивации к учебе, социальной дезадаптации и формированию негативного отношения к школьной среде. Низкий процент сотрудничества показывает, что учащиеся пока редко прибегают к конструктивному диалогу для достижения общих выгод, а редкое противостояние свидетельствует об отсутствии выраженной агрессивности, но и о недостатке навыков уверенного отстаивания своей позиции.

В целом психологический климат коллектива можно охарактеризовать как спокойный, но потенциально уязвимый. Существующая структура отношений с общими целями, коммуникацией и неформальными лидерами создает почву для возникновения разногласий, однако текущие стили поведения позволяют их решать на ранних этапах без эскалации. Для социального педагога это важный сигнал: своевременное вмешательство с акцентом на развитие навыков сотрудничества и конструктивного разрешения споров поможет предотвратить воспроизводство деструктивных моделей поведения. Раннее выявление именно таких тенденций, как преобладание компромисса и избегания, дает возможность предложить меры поддержки, укрепить позитивный климат в классе и минимизировать риски негативных социальных последствий для учащихся.

Литература

1 Диагностика особенностей конфликтного поведения у младших школьников. – URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/43> (дата обращения: 24.03.2020).

2 Анцупов, А. Я. Профилактика конфликтов в школьном коллективе : учеб. пособие / А. Я. Анцупов. – М. : Владос, 2022. – 208 с.

3 Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики. Тесты : учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М, 2021. – 672 с.

УДК 343.851.5

Е. А. Смагина

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ СООБЩЕСТВА

В статье исследуется проблема вовлечения подростков в деструктивные организации в условиях цифровизации. Анализируются возрастные уязвимости личности, эксплуатируемые в онлайн-среде, и раскрываются механизмы вербовки через социальные платформы. Предлагается система профилактики, смещающая акцент с запретов на формирование устойчивости, цифровой грамотности и критического мышления. Разработанные меры создают защищенную образовательную среду для своевременного выявления рисков и противодействия радикализации.

В текущих условиях общественная среда претерпевает глубокие изменения, затрагивающие технические, хозяйственные и социокультурные основы повседневности. Указанные тенденции ведут к пересмотру морально-нравственных приоритетов, снижению роли устоявшихся механизмов включения индивида в общество, а также росту уровня социальной неопределенности. Лица подросткового возраста, находящиеся на стадии активного конструирования самосознания и поиска собственного статуса, в такой обстановке демонстрируют повышенную податливость сторонним воздействиям. Различные деструктивные формирования, среди которых выделяются экстремистские

течения и специфические сетевые объединения, системно эксплуатируют психологическую неустойчивость молодежи. Они предлагают упрощенные модели преодоления жизненных трудностей, создавая иллюзию групповой интеграции, самооценности и ясности мировоззренческих позиций. В результате главным ресурсом рекрутинга молодых людей становится уже не учебно-воспитательная инфраструктура, а интернет-среда, где маргинальные установки тиражируются через неформальные коммуникативные сети и автоматизированную подстройку информационного потока под индивидуальные предпочтения пользователя [1, с. 56].

В контексте динамичной цифровизации, нормативной размытости и кризиса классических воспитательных механизмов эффективная профилактика деструктивных влияний не может ограничиваться разовыми информационными акциями или лекционными форматами. Она требует целостной, стратегически выстроенной системы, интегрирующей усилия всех субъектов образовательного и социального поля. Подобная архитектура мер должна смещать фокус с реактивного пресечения на проактивное формирование психологического иммунитета, опирающегося на устойчивую самооценку, навыки критической рефлексии и развитые конструктивные социальные связи. Приоритетной задачей выступает обеспечение подростков, педагогов и родителей актуальными компетенциями для безопасного и осознанного функционирования в информационно-коммуникационном пространстве. Простого информирования об угрозах недостаточно: необходимо последовательно развивать умения аналитически обрабатывать цифровой контент. Данная цель достигается за счет интеграции модулей по медиаграмотности в программы гуманитарных и технических дисциплин, где учащиеся на реальных примерах отрабатывают выявление манипулятивных техник, оценку достоверности источников и распознавание скрытой пропаганды. Параллельно реализуются интерактивные тренинги, моделирующие сценарии онлайн-вовлечения, что позволяет подросткам критически анализировать коммуникативные стратегии рекрутеров и методы группового давления, укрепляя тем самым личностные защитные механизмы. Дополнительным инструментом выступает целевая профилактическая коммуникация в цифровой среде, включающая размещение предупреждающих материалов в популярных социальных платформах для прямого взаимодействия с целевой аудиторией [2, с. 128].

Психолого-педагогический компонент профилактики ориентирован на индивидуальную траекторию развития подростка и нацелен на удовлетворение его базовых психологических потребностей социально одобряемыми способами, лишая тем самым деструктивные структуры их основной «привлекательности». Особое внимание следует уделять работе с молодежью, демонстрирующей маркеры социальной дезадаптации: снижение учебной мотивации, межличностную конфликтность, длительную социальную изоляцию или начальные проявления депрессивной симптоматики. Для данной категории рекомендованы научно обоснованные программы психологической профилактики, реализуемые в формате малых групп или индивидуальных консультаций. Их содержание сосредоточено на развитии навыков эмоциональной саморегуляции, формировании стратегий совладания со стрессом и укреплении адаптивного проблемно-ориентированного поведения, что снижает вероятность обращения к рискованным формам социализации.

Не менее значимым направлением выступает целенаправленное конструирование «ситуаций успеха» и зон конструктивной самореализации. Подростковая потребность в признании и социальной значимости требует приемлемых, соответствующих возрасту каналов удовлетворения. Это обуславливает необходимость качественного расширения инфраструктуры дополнительного образования через развитие кружков, спортивных секций, творческих студий и волонтерских инициатив, где молодой человек может апробировать личные интересы и получить искреннее признание со стороны сверстников и взрослых. Одновременно важно внедрение проектной деятельности, охватывающей

социальные, исследовательские и художественные форматы, что позволяет подросткам проявлять инициативу, нести ответственность за результат и осознавать общественную ценность своих усилий. Параллельно осуществляется ценностное ориентирование и развитие эмоционального интеллекта посредством дискуссионных клубов, этических диалогов и рефлексивного анализа произведений искусства, что способствует формированию устойчивой системы нравственных ценностей, развитию эмпатии и способности ориентироваться в сложных социальных ситуациях.

Устойчивость подростка к деструктивным влияниям неразрывно связана с качеством и стабильностью его ближайшего социального окружения. Поэтому профилактическая работа должна охватывать усиление всех поддерживающих микросистем: от семейного окружения до образовательной организации [3, с. 127]. Многие родители не обладают достаточными знаниями о современных цифровых угрозах и поведенческих маркерах риска. Для компенсации этого дефицита необходимо внедрение структурированных просветительских программ для законных представителей, раскрывающих ранние признаки вовлечения ребенка в опасные сообщества, основы цифровой гигиены и доказательные стратегии выстраивания доверительных отношений. Поскольку школа остается ключевым пространством ежедневного пребывания ребенка, она должна трансформироваться в среду психологической безопасности, уважения и инклюзивного участия. Приоритетными институциональными задачами являются внедрение комплексных программ противодействия буллингу, создание механизмов реального вовлечения подростков в школьное самоуправление, а также непрерывное повышение квалификации педагогов в области ненасильственной коммуникации и медиации конфликтов. Признавая, что образовательные организации не способны функционировать изолированно, требуется налаживание формализованного межведомственного взаимодействия с комиссиями по делам несовершеннолетних, правоохранительными структурами и центрами психолого-педагогической помощи. Такая координация обеспечивает своевременное обнаружение рисков, оперативный обмен данными и оказание комплексной поддержки подросткам и их семьям [4, с. 368].

Обобщение теоретических положений и эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что проблема вовлечения подростков в деструктивные организации в условиях трансформирующегося общества не поддается решению через несистемные или исключительно запретительные меры. Необходимо формирование целостной многоуровневой системы профилактики, основанной на принципах опережающего реагирования, адресной поддержки, учета конкретных социальных условий и опоры на доказательные научные данные. Критерием эффективности подобной системы выступает ее способность удовлетворять фундаментальные психологические и социальные потребности молодежи через легитимные каналы, предлагая тем самым содержательную альтернативу маргинальным или радикальным сообществам. Особую значимость приобретает вопрос системной подготовки педагогических кадров: специалисты должны обладать современными диагностическими инструментами, превентивными методиками и междисциплинарными знаниями для раннего выявления тревожных сигналов и сопровождения подростков на пути конструктивного развития. Только через устойчивое инвестирование в профессиональные компетенции и институциональное партнерство возможно формирование поколения, способного противостоять деструктивным влияниям, опираясь на критическое мышление, эмоциональную зрелость и гражданскую ответственность.

Литература

1 Галигузова, Л. Н. Становление потребностей детей в общении со взрослым и сверстником. Исследования по проблемам возрастной и педагогической психологии : учеб. пособие / Л. Н. Галигузова. – М. : Просвещение, 2018. – 164 с.

2 Нечаев, С. А. Профилактическая работа в школе по предупреждению вовлечения подростков в неформальные молодежные объединения / С. А. Нечаев // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 5. – 160 с.

3 Куликов, Л. В. Человеческий капитал как фактор социальной безопасности: учеб. пособие // Л. В. Куликов, Н. О. Леоненко – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2022. – 132 с.

4 Франкл, В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. / В. Франкл ; науч. ред. пер. Д. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 2020. – 368 с.

УДК 37.017:613.94-053.6

Г. Л. Тимохов

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются особенности диагностики состояния здорового образа жизни подростков. Раскрывается значение здоровья как ключевого показателя качества жизни и основы гармоничного развития личности, а также представлены результаты анкетирования учащихся 9-х классов, отражающие их отношение к здоровому образу жизни и уровень его практической реализации. Анализ данных выявил преобладание положительных установок при наличии группы подростков с нейтральными и низкими показателями.

На сегодняшний день у школьников, как и у населения в целом, преобладает пренебрежительное безответственное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих; низок уровень восприятия проблем здоровья как лично значимых; учащиеся школ не представляют проблему распространения наркомании и ВИЧ-инфекции (вирус иммунодефицита человека) как социально опасную проблему для жизни общества; недооценивают роль здоровья населения для социально-экономического развития страны и для выживания нации. В целом у учащихся не развита потребность в ведении здорового образа жизни, не сформирован стиль поведения, обеспечивающий здоровье. Многие подростки общеобразовательных школ имеют неточное и неполное представление о сущности здоровья человека и его аспектах, факторах, которые его определяют, и компонентах здорового образа жизни (ЗОЖ). Здоровье является одним из важнейших факторов взаимодействия человека с окружающей и социальной средой. Главное в организации здорового образа жизни – выдержка и настойчивость, постепенно и систематически следить за своим образом жизни и соблюдать следующие условия: двигательная активность, правильное питание, свежий воздух и чистая вода, закаливание, общение с природой; соблюдение правил личной гигиены; отказ от вредных привычек; рациональный режим труда и отдыха [2, с. 56].

С целью диагностики состояния здорового образа жизни среди детей подросткового возраста было проведено исследование на базе ГУО «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Для проведения анкетирования было отобрано среди учащихся 9-х классов 38 человек, средний возраст которых составлял 13–14 лет: контрольная группа (КГ) – 17 человек и экспериментальная группа (ЭГ) – 21 человек. Результаты проведения анкетирования представлены на рисунке 1.

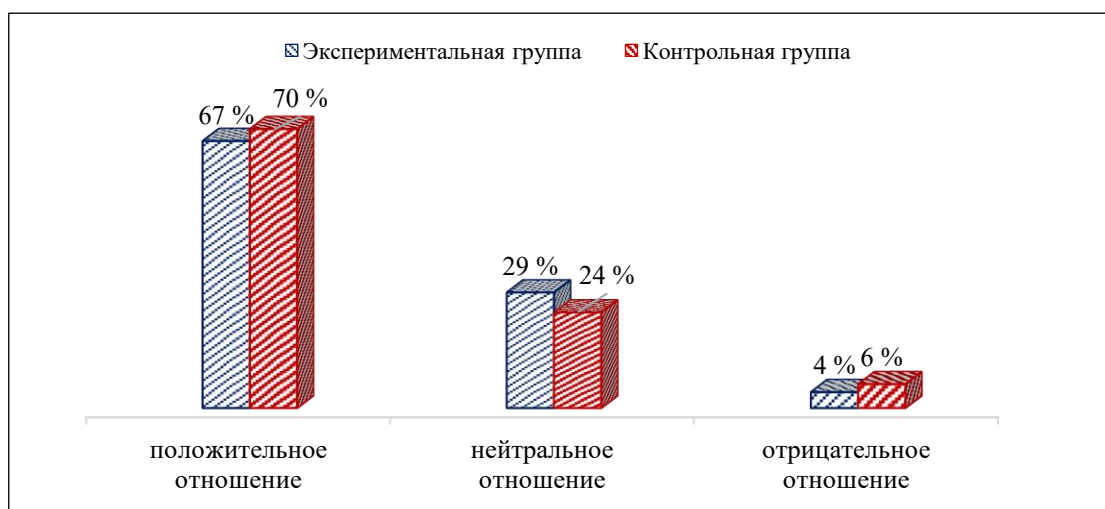

Рисунок 1 – Результаты исследования отношение подростков к ЗОЖ в КГ и ЭГ

Согласно данным, представленным на рисунке 1, у 14 человек (67 %) из ЭГ и 12 человек (70 %) из КГ выявлено положительное отношение к здоровому образу жизни, 6 человек (29 %) из ЭГ и 4 человека (24 %) из КГ имеют нейтральное отношение, 1 человек (4 %) из ЭГ и 1 человек (6 %) из КГ – отрицательное отношение. Таким образом, в обеих группах преобладает положительное отношение к ЗОЖ, но в контрольной группе этот показатель немного выше (70 % против 67 % в ЭГ). Преобладание положительного отношения к ЗОЖ свидетельствует о сформированной ценностной ориентации подростков на здоровье. Однако наличие нейтральных и отрицательных установок указывает на риск недостаточной мотивации к ведению ЗОЖ. Это может проявляться в признании ценности здоровья без изменения поведения. Также рассмотрим результаты исследования ведения уровня ЗОЖ, представленные на рисунке 2.

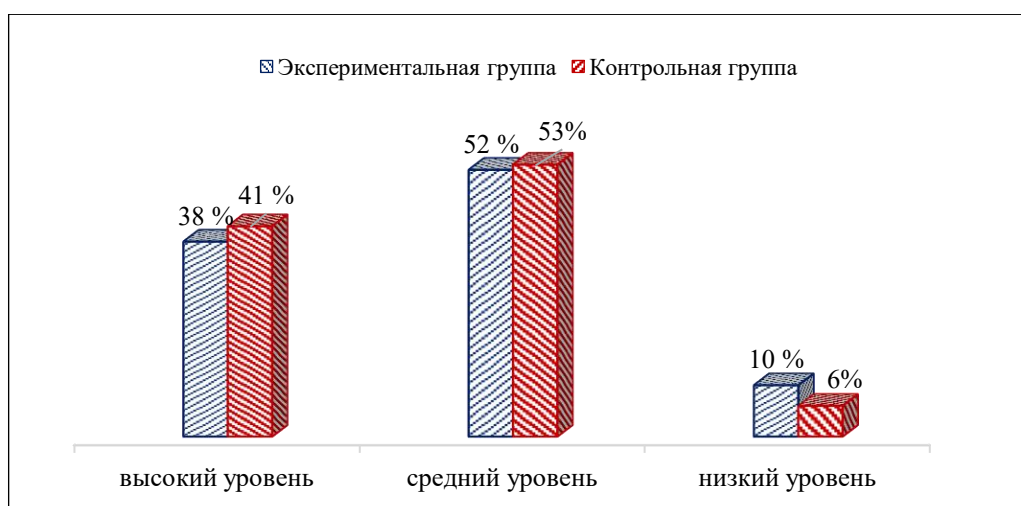

Рисунок 2 – Результаты исследования уровня ведения ЗОЖ в КГ и ЭГ

Согласно данным, представленным на рисунке 2, у 8 человек (38 %) из ЭГ и 7 человек (41 %) из КГ выявлен высокий уровень ведения ЗОЖ, 11 человек (52 %) из ЭГ и 9 человек (53 %) из КГ имеют средний уровень, 2 человека (10 %) из ЭГ и 1 человек (6 %) из КГ – низкий уровень. Таким образом, показатели в обеих группах близки, но в контрольной группе чуть выше доля подростков с высоким уровнем ЗОЖ и меньше тех, кто демонстрирует низкий уровень. Высокий уровень ведения ЗОЖ демонстрируют лишь

40 % подростков, что говорит о частичной реализации ценностных установок в практиках. Преобладание среднего уровня отражает тенденцию к выборочному соблюдению здоровых привычек, а наличие низкого уровня указывает на группу риска, требующую особого педагогического внимания.

По результатам диагностики можно отметить, что в обеих группах сформированы положительные установки, однако в КГ показатели немного выше: чуть больше подростков с высоким уровнем ЗОЖ, а также небольшое преимущество в практиках здорового образа жизни (физическая активность, питание, сон).

В сравнении группы демонстрируют следующие различия: контрольная группа характеризуется более высокими показателями – 70 % положительного отношения к ЗОЖ и 41 % высокого уровня его ведения, что свидетельствует о согласованности ценностных установок и практик. Экспериментальная группа показывает более низкие результаты, а также большую долю подростков с нейтральными позициями и низким уровнем ведения ЗОЖ. В целом, данные подтверждают актуальность проблемы формирования здорового образа жизни у подростков и подчеркивают необходимость целенаправленной работы социального педагога по укреплению мотивации и развитию устойчивых привычек для гармоничного развития личности.

Литература

1 Крылова, Д. Н. Здоровье, развитие, личность: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 01.00.12 / Д. Н. Крылова; Бел. акад. наук. – М., 2018. – 36 с.

2 Малафеева, Е. П. Формирование ЗОЖ у подростков в специальном учебно-воспитательном учреждении: дис. ... канд. псих. наук: 12.00.11 / Е. П. Малафеева. – Мн., 2020. – 97 с.

УДК 159.923.38-057.875:159.9

Е. А. Химяк

ЭМПАТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Данная статья посвящена исследованию эмпатических способностей студентов-психологов первого курса как базового профессионально значимого качества будущего специалиста. Представлены результаты эмпирического исследования на выборке 30 студентов с использованием методик В. В. Бойко, А. Меграбяна и К. Томаса. Результаты исследования показали преобладание среднего уровня эмпатии у большинства первокурсников, а также выявили дефицит интуитивного канала сопереживания у значительной части выборки. В ходе анализа была доказана прямая взаимосвязь между уровнем эмоционального отклика и стилем поведения в конфликте: высокоэмпатичные студенты в большинстве случаев выбирают стратегии сотрудничества и компромисса. В то же время студенты с низким уровнем эмпатии демонстрируют склонность к деструктивным моделям поведения.

Сегодня, когда уровень стресса в обществе постоянно возрастает, вместе с ним возрастает и потребность общества в квалифицированной психологической помощи. Эффективность психологического консультирования и терапии во многом определяется не только теоретическими знаниями специалиста, но и его личностными качествами. Главным инструментом психолога является его собственная личность, а базовым профессионально важным

качеством выступает эмпатия – способность к осознанному сопереживанию эмоциональному состоянию другого человека [1]. Именно эмпатия позволяет специалисту устанавливать доверительный контакт, безоценочно понимать клиента и выстраивать эффективную терапевтическую коммуникацию.

Начальный этап обучения в вузе является критически важным периодом для студентов-психологов. В это время происходит не только адаптация к новой образовательной среде, но и первичное формирование профессиональной идентичности [2]. Студенческий возраст характеризуется восприимчивостью к развитию эмпатических способностей, поскольку в этот период активно формируются механизмы социального восприятия и эмоционального интеллекта. Изначальный уровень эмпатических способностей у первокурсников во многом определяет их мотивацию, успешность усвоения практических навыков и способность к конструктивному разрешению межличностных конфликтов.

Исследования показывают, что эмпатия имеет сложную структуру, которая включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Для психологов важно гармоничное развитие всех составляющих эмпатических способностей, ведь только в этом случае эмпатия становится профессиональным инструментом, позволяющим понимать клиента без риска эмоционального истощения. В современных работах подчёркивается, что лица с более высоким уровнем эмпатии отличаются большей склонностью к эмоциональному отклику и более выраженной открытостью к миру и другим людям.

Изучение эмпатии именно на начальном этапе позволяет выявить «стартовый потенциал» будущих специалистов-психологов и вовремя разработать рекомендации по профилактике эмоционального выгорания, риск которого достаточно высок в помогающих профессиях [3]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения эмпатических способностей у студентов-психологов первого курса для последующего совершенствования процесса их профессиональной подготовки.

На аналитико-интерпретационном этапе нашего исследования была проведена количественная и качественная обработка эмпирических данных, полученных в ходе диагностики 30 студентов-психологов первого курса дневной формы обучения УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Были проанализированы результаты, полученные с помощью методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко. Данные позволили распределить респондентов по четырем уровням развития эмпатии. Количественное распределение представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение респондентов по уровню эмпатических способностей (методика В. В. Бойко)

Уровень эмпатии	Количество, человек	Процентное соотношение, %
Очень высокий (30–36 баллов)	3	10,0
Средний (22–29 баллов)	14	46,7
Заниженный (15–21 балл)	11	36,6
Очень низкий (0–14 баллов)	2	6,7

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что среди первокурсников преобладает средний уровень эмпатии (46,7 %). Эти студенты способны сопереживать, однако их эмоциональная вовлеченность контролируется разумом, и они могут дозировать эмпатию в зависимости от ситуации.

Тревожным фактором является то, что в совокупности 43,3 % студентов имеют заниженный или очень низкий уровень эмпатических способностей. Для данной группы характерны трудности в установлении доверительных контактов и недостаточная развитость

коммуникативных навыков, что для будущих психологов является фактором риска, требующим коррекционной работы в рамках обучения в вузе. Очень высокий уровень эмпатии продемонстрировали лишь 10 % испытуемых.

Анализ отдельных шкал по В. В. Бойко показал, что у большинства студентов наименее развит «интуитивный канал», что закономерно для этого возраста и отсутствия профессионального опыта, в то время как «эмоциональный канал» выражен достаточно ярко.

Далее была проанализирована выраженность аффективного компонента эмпатии с помощью методики «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение респондентов по уровню эмоционального отклика (методика А. Меграбяна)

Уровень эмоционального отклика	Количество, человек	Процентное соотношение, %
Высокий (8–10 баллов)	7	23,3
Нормальный (5–7 баллов)	19	63,4
Низкий (1–4 балла)	4	13,3

Согласно полученным данным, у подавляющего большинства первокурсников (63,4 %) выявлен нормальный уровень эмоционального отклика. Они адекватно реагируют на эмоции окружающих, склонны к сопереживанию, но сохраняют эмоциональную дистанцию. Высокий уровень выявлен у 23,3 % (7 человек) – эти студенты отличаются повышенной чувствительностью, они глубоко погружаются в переживания одноклассников, что, с одной стороны, способствует сплочению группы, а с другой – повышает риск их скорого эмоционального истощения (синдром «спасателя»). Низкий уровень зафиксирован у 13,3 % первокурсников, что свидетельствует о некоторой эмоциональной ригидности и сосредоточенности на себе в период адаптации к вузу.

Далее были изучены предпочитаемые стратегии поведения в конфликтных ситуациях с помощью методики «Стиль поведения в конфликте» разработанной К. Томасом (адаптирован Н. В. Шаньгина). При обработке результатов был выделен тот стиль, по которому респондент набрал максимальное количество баллов. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Предпочтительные стили разрешения конфликтов у студентов-психологов первого курса (методика К. Томаса)

Стиль поведения в конфликте	Количество, человек	Количество человек, в %
Компромисс	10	33,3
Избегание	7	23,3
Сотрудничество	6	20,0
Приспособление	5	16,7
Соперничество	2	6,7

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что наиболее популярным стилем поведения в новой учебной группе является «компромисс» (33,3 %). Первокурсники стараются урегулировать разногласия путем взаимных уступок. На втором месте находится неконструктивная стратегия «избегание» (23,3 %), что объясняется стрессом адаптационного периода: многие студенты предпочитают умалчивать о проблемах и не вступать в открытое противостояние в новом коллективе. Лишь 20 % участников исследования способны применять самую сложную и продуктивную стратегию – «сотрудничество», которая требует глубокого анализа интересов обеих сторон конфликта. Открытое «соперничество» свойственно лишь 6,7 % студентов.

В группе студентов с высоким уровнем эмпатии в качестве доминирующего стиля используются исключительно конструктивные стратегии: «сотрудничество» и «компромисс». Развитая способность к децентрации, умение поставить себя на место партнера (высокие баллы по шкале идентификации) и эмоциональный отклик позволяют им понимать истинные мотивы оппонента и искать взаимовыгодные решения.

В свою очередь, студенты с заниженным и очень низким уровнем эмпатии склонны использовать деструктивные стили поведения в конфликтных ситуациях: «избегание» (что говорит об их отстраненности и нежелании вникать в потребности группы) и «соперничество» (стремление навязать свою позицию, не считаясь с чувствами окружающих).

Таким образом, у студентов-психологов на начальном этапе обучения преобладают средний и низкий уровни эмпатических способностей. При этом достоверно прослеживается связь между компонентами эмпатии и стилем межличностного взаимодействия: студенты с высоким уровнем эмпатии чаще идут на компромисс и сотрудничают, в то время как студенты с эмоциональной холодностью склонны избегать конфликтов или вступать в жесткое соперничество.

Полученные данные указывают на необходимость целенаправленной психолого-педагогической работы со студентами-первокурсниками.

Литература

1 Маркелова, Т. В. Эмпатический профиль будущих психологов разных специальностей (на примере Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского) / Т. В. Маркелова, Ж. А. Шуткина, Н. В. Михайлова // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 4 (73). – С. 350–356.

2 Решетникова, З. Д. Эмпатическая компетентность студентов-психологов на разных этапах профессиональной подготовки / З. Д. Решетникова, Е. Ю. Пряхникова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 122–126.

3 Гижук, Т. В. Психологический портрет эффективного психолога в глазах потребителя психологических услуг / Т. В. Гижук, Н. Ю. Роман // Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов: межвуз. сб. науч. ст. с междунар. участием / Баранович. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Унсович [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2024. – Вып. 13. – С. 25–34.

УДК 159.9.072

Ю. В. Хмелевская

РЕАКТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ БРАЧНЫХ ЭКСПЕКТАЦИЙ У МУЖЧИН: ОТ ОТРИЦАНИЯ К ОСОЗНАННОМУ ВЫБОРУ

Статья посвящена феномену реактивного формирования брачных ожиданий в мужской линии межпоколенческой передачи. На основе эмпирического исследования показано, что сыновья не наследуют, а сознательно или бессознательно выстраивают установки, противоположные отцовским, особенно в эмоционально-психотерапевтической сфере. Описан механизм «брачного сценария с обратным знаком». Обсуждаются ограничения исследования, связанные с отсутствием данных о роли матери в передаче установок, возможной транзиторностью выявленного паттерна в связи с возрастным пиком сепарационных процессов. Результаты значимы для семейного консультирования и психокоррекции.

В классических моделях передачи семейного опыта между поколениями преобладает представление о прямой преемственности: ребёнок перенимает родительские установки через идентификацию, имитацию и подражание. Принято полагать, что именно через такие механизмы из поколения в поколение передаются сценарии брачного поведения, стили воспитания и ценностные ориентиры в отношении семьи. Тем не менее, эмпирические данные последних лет фиксируют иную закономерность, особенно ярко проявляющуюся в процессе социализации мужчин. Молодые люди часто не копируют отцовские образцы, а формируют собственные брачные ожидания «от противного», сознательно или бессознательно противопоставляя себя родительскому образцу. Данное явление, которое предлагается обозначить как реактивный сценарий формирования брачных ожиданий, нуждается в отдельном теоретическом и эмпирическом анализе.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, современная семья претерпевает глубокую трансформацию: традиционная патриархальная структура с четким разделением ролей постепенно уступает позиции эгалитарной модели, основанной на партнерстве и эмоциональной близости. В этих условиях старые отцовские модели часто воспринимаются молодыми мужчинами как устаревшие или дисфункциональные, что вызывает у них активное сопротивление и отрицание. Во-вторых, в области психологии до сих пор недостаточно изучены механизмы, с помощью которых происходит не наследование, а инверсия родительских установок. Научный фокус преимущественно сосредоточен на прямой трансляции ценностей, оставляя в тени случаи, когда сыновья строят свою семейную идентичность вопреки, а не благодаря отцовскому примеру. В-третьих, понимание реактивного сценария имеет важное практическое значение для семейного консультирования и психокоррекции, поскольку позволяет разработать более точные стратегии работы с юношами, переживающими конфликт ценностей внутри собственной семьи.

В зарубежной психологии аналогичные идеи разрабатывались в рамках концепции «реактивного образования» (З. Фрейд) и теоретических работ П. Блоса, который описал механизм, при котором поведение подростка формируется как зеркальное отражение родительских ожиданий, желаний и мнений [1, с. 170]. Блос продемонстрировал, что такое реактивное противопоставление может как быть транзиторным (временным) этапом нормативного кризиса, так и приводить к фиксации, когда «действие и мысль просто детерминированы фактом, что они являются обратной стороной ожиданий родителя». В последнем случае юноша не достигает подлинной автономии, а остается символически привязанным к отвергаемой фигуре.

Специфика передачи по мужской линии определяется рядом факторов. Во-первых, отцовская роль в современной культуре утратила прежнюю ригидность, что расширяет возможности для идентификации. Во-вторых, процессы эмансипации и кризис традиционной маскулинности порождают когнитивный диссонанс между образом отца и актуальными социальными ожиданиями. В-третьих, как отмечает Т. В. Андреева, анализируя исследования В. Е. Кагана, требования к проявлению маскулинности у мальчиков обычно строже, чем к фемининности у девочек; при этом в ходе психосексуальной социализации мальчики сталкиваются с более сильным давлением среды. Сочетание жестких норм маскулинности с феминизированным воспитанием (мать – воспитательница – учительница) создает мощный эмоционально-когнитивный диссонанс, ведущий либо к растерянности в определении половой роли, либо к чрезмерно подчеркнутой маскулинности [2, с. 118]. Именно этот диссонанс стимулирует установку «от противного», когда юноша строит свою брачную модель как прямую противоположность отцовской, не имея перед собой позитивного примера как альтернативы.

В ходе изучения взаимосвязи родительских установок и брачных экспектаций между поколениями родителей и детей была обнаружена устойчивая разница между мужской и женской линиями передачи. Нами было проведено эмпирическое исследование, мужская выборка в котором составляла 120 человек (60 диад «отец–сын», юноши

17–20 лет и их отцы). Использовались методика PARI (Э. Шэфер, Р. Белл, в адаптации Т. В. Нещерет) и методика РОП (А. Н. Волкова, Т. М. Трапезникова). Статистическая обработка – корреляционный анализ Пирсона.

Результаты по методике PARI выявили ожидаемые прямые положительные корреляции: «Семейные конфликты» ($r = 0,70$; $p < 0,01$), «Преодоление сопротивления, подавление воли» ($r = 0,65$; $p < 0,01$), «Вербализация» ($r = 0,57$; $p < 0,01$). Это означает, что в поведенческих и дисциплинарных аспектах отцы остаются значимой моделью, которую сыновья воспроизводят. Иначе говоря, стиль решения конфликтов и способы волевого воздействия наследуются достаточно прямо.

Однако наиболее интересные данные были получены по методике РОП, измеряющей ценностные брачные ожидания. По шкале «Эмоционально-психотерапевтическая ценность» брака обнаружена отрицательная корреляция средней силы ($r = -0,41$; $p < 0,01$). Чем ниже была для отца значимость эмоциональной поддержки и психотерапевтической функции отношений, тем выше этот показатель демонстрировал сын. Аналогичная, хотя и более слабая, обратная связь выявлена по шкале «Интимно-сексуальная ценность» ($r = -0,26$; $p < 0,05$). Содержательно это означает следующее. Если в родительской семье мужчина (отец) демонстрировал эмоциональную закрытость или инструментальный подход к браку, считая, что «в браке главное – не разговоры о чувствах, а дело, порядок или свобода», сыновья нередко начинали ценить именно психологическую сторону отношений и открыто демонстрировали важность душевной близости, обсуждения чувств, взаимной эмпатии.

Таким образом, в мужской линии межпоколенческой передачи обнаруживается феномен, который может быть обозначен как «брачный сценарий с обратным знаком». Поведенческие и дисциплинарные паттерны (методика PARI) передаются прямо, тогда как ценностные брачные ожидания (методика РОП) демонстрируют реактивную инверсию. Это расхождение может объясняться тем, что поведенческие модели усваиваются бессознательно через имитацию, тогда как ценности становятся предметом сознательного или полусознанного пересмотра, особенно если отцовская модель воспринимается как не соответствующая изменившимся социокультурным условиям.

Важно подчеркнуть, что реактивный сценарий не стоит считать исключительно деструктивным. Согласно взглядам Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, передача дисфункциональных паттернов из поколения в поколение базируется на механизме «патологизирующего семейного наследования», где центральным элементом выступает эмоциональное отвержение со стороны значимых взрослых [3, с. 259]. Тем не менее, сам по себе семейный опыт не фатально определяет дальнейшее развитие личности. Здесь возможны два вектора: неосознаваемое, автоматическое воспроизведение деструктивных родительских установок и возможность их осознанного переопределения. Таким образом, реактивный сценарий способен как закреплять патологические состояния, так и стимулировать личностный рост, что напрямую зависит от способности субъекта к рефлексии.

В нашем исследовании примерно треть диад демонстрировала конструктивный вариант реактивного сценария: сыновья не ограничивались простым отрицанием ценностей отца, а предлагали более сбалансированную, рефлексивную модель семейных отношений. Еще одна треть случаев относилась к деструктивному варианту, при котором отрицание носило тотальный характер, порождая ригидность защитного типа: «Я никогда не буду таким, как он» – без последующего позитивного замещения.

Переход от реактивного отрицания к осознанному выбору становится возможным при соблюдении нескольких условий. Во-первых, наличие альтернативной мужской модели (дедушка, тренер, старший наставник), которая предлагает иной, более адаптивный, способ построения семейных отношений. Во-вторых, рефлексивная атмосфера в семье, позволяющая обсуждать чувства и разногласия без страха наказания или отвержения. В-третьих, опыт психологически безопасных отношений с представителями противоположного пола за пределами семьи, позволяющий юноше проверить и скорректировать свои брачные ожидания через реальное взаимодействие, а не только через оппозицию родительской модели.

Следует признать ряд ограничений, влияющих на интерпретацию полученных результатов. Во-первых, исследование проведено в корреляционной парадигме, что исключает однозначное установление причинно-следственных связей между установками отца и реактивными ожиданиями сына. Обнаруженная отрицательная связь ($r = -0,41$) может быть также обусловлена третьими переменными – например, влиянием матери, общим эмоциональным климатом в семье или действием макросоциальных факторов (нормы поколения Z). Во-вторых, в выборку вошли только диады «отец–сын», что не позволило учесть влияние материнской фигуры на формирование реактивного сценария (как источника компенсации или модели пары). Дальнейшие исследования целесообразно проводить в триадной модели «отец–мать–сын». В-третьих, возрастной диапазон 17–20 лет приходится на пик сепарационных процессов, что делает неопределенным статус выявленного реактивного паттерна: для части юношей он может ослабевать или видоизменяться после 25 лет, особенно при вступлении в брак. Для выяснения устойчивости необходимо лонгитюдный анализ с повторным срезом через 5–7 лет.

Практическая значимость полученных результатов заключается в необходимости пересмотра традиционных подходов к психологическому сопровождению юношей добрачного возраста. Вместо прямой коррекции «неправильных» установок и навязывания «правильных» образцов более целесообразной и эффективной представляется работа по развитию самодиагностики реактивного сценария и формированию рефлексивной позиции по отношению к семейной истории. Юноше важно задать себе честные вопросы: «Какие роли я бессознательно отвергаю? Какие черты отца я неосознанно осуждаю? Не становлюсь ли я зеркальным антиподом отца вместо того, чтобы строить свой собственный путь?».

В заключение следует отметить, что реактивное формирование брачных ожиданий – это не отклонение от нормы, а один из естественных путей мужской социализации в условиях культурной трансформации института семьи. Задача психолога – не устранить реактивность как таковую, а помочь преобразовать ее из защитного механизма в инструмент осознанного выбора. Именно в этом, по нашему мнению, состоит главное отличие поколения Z (17–20 лет) от поколения их отцов: не в наборе ценностей, а в способе их формирования – через отказ, но с последующей попыткой интеграции и синтеза.

Литература

- 1 Blois, P. The second individuation process of adolescence / P. Blois // The Psychoanalytic Study of the Child. – 1967. – Vol. 22. – P. 162–186.
- 2 Андреева, Т. В. Семейная психология : учеб. пособие. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.
- 3 Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – 4-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 672 с.

УДК 159.9:364-3

П. И. Чернюк

РАЗВИТИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И ЭМПАТИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье обосновывается необходимость развития стрессоустойчивости и эмпатии у специалистов социальной сферы. Приведены результаты апробации программы на выборке специалистов помогающих профессий. Показано, что участие в программе способствует положительной динамике психоэмоционального состояния: сотрудники становятся более уверенными, лучше регулируют свое состояние, развивают

коммуникативные навыки и более позитивно относятся к себе и профессиональному опыту. Полученные результаты позволяют рекомендовать программу для использования в организациях социальной сферы с целью профилактики кризисных состояний.

Поскольку деятельность социальной сферы напрямую связана со стрессом, важно исследовать данную тему, чтобы выделять аспекты помощи специалистам, предотвращая выгорание. От специалистов помогающих профессий требуется большая эмоциональная вовлеченность в процесс помощи гражданам, что делает такие качества как эмпатия, отзывчивость, доброта и стрессоустойчивость совершенно необходимыми для работника. Огромная самоотдача забирает много личных сил специалиста, что может приводить к разочарованию в профессии и выгоранию. Поэтому работа с коррекцией данного кризисного состояния должна быть комплексной и разносторонней.

Ранее было проведено исследование специфики стрессоустойчивости, эмпатии. Количественные результаты диагностики, будучи детально проанализированы через призму возрастных и стажевых факторов, раскрывают сложную картину психологического благополучия в коллективе. Они не только подтверждают хрупкую устойчивость большинства сотрудников, но и четко обозначают целевые группы для срочной и превентивной поддержки.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о целесообразности создания и внедрения развивающей программы.

С этой целью была разработана и успешно внедрена программа развития стрессоустойчивости, эмпатии у специалистов социальной сферы.

Целью программы является повышение уровня стрессоустойчивости, эмпатии у специалистов социальной сферы. Количество занятий в рамках программы составляло 20 занятий длительностью 90 минут. Общий срок реализации программы составил 10 недель.

Коррекционно-развивающая работа велась с помощью следующих методов: тренинговые занятия, игротерапия, арт-терапия, сказкотерапия, групповые игры, песочная терапия, техники психодрамы, техники визуализации, техники самоанализа, техники атрибутивной терапии, упражнения когнитивно-поведенческой терапии, упражнения рационально-эмоционально-поведенческой терапии, мини-лекции, конструирование позитивных моделей поведения, релаксационные техники.

Для апробации программы были сформированы эквивалентные контрольная ($n_1 = 14$) и коррекционная группы ($n_2 = 14$) с низкими уровнями стрессоустойчивости и эмпатии со схожим возрастом и стажем работы (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты исследования эквивалентности контрольной и коррекционной групп по возрасту и стажу работы

Шкала	Коррекционная группа ($n_1 = 14$)	Контрольная группа ($n_2 = 14$)
Средний возраст участников	43.27	41.14
Средний стаж участников	13.98	12,06

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что выраженных различий между значениями в контрольной и коррекционной группе не выявлено. Следовательно, эффект смещения во время проведения коррекционной программы может быть исключен.

Результаты исследования уровня стрессоустойчивости, эмпатии и эмоционального выгорания у специалистов социальной сферы из коррекционной и контрольной группы, полученные с помощью методик «Краткая шкала стрессоустойчивости, КШСУ» Е. В. Распопина, «Опросник эмоциональной эмпатии, EETS» А. Мехрабиана и Н. Эпштейна на констатирующем и контрольном этапе исследования, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты диагностики на констатирующем и контрольном этапе

Уровень	Коррекционная группа ($n_1 = 14$)		Контрольная группа ($n_2 = 14$)	
	до	после	до	после
Уровень стрессоустойчивости				
Низкий	9	3	6	7
Средний	5	4	8	7
Высокий	0	7	0	0
Уровень эмпатии				
Низкий	7	3	5	5
Средний	6	4	7	8
Высокий	1	7	2	1

Для проверки статистической значимости изменений показателей стрессоустойчивости и эмпатии использовались непараметрические критерии: Т-критерий Вилкоксона для зависимых выборок (сравнение «до – после» в каждой группе) и U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок (сравнение коррекционной и контрольной групп после завершения программы). Выбор непараметрических методов обусловлен небольшим объемом выборок ($n = 14$ в каждой группе) и отсутствием нормального распределения количественных показателей.

Оценка динамики стрессоустойчивости (методика КШСУ) выглядит следующим образом: в коррекционной группе после реализации программы у 10 из 14 участников зафиксировано увеличение баллов по шкале КШСУ, у 4 человек показатели не изменились. Вычисленное значение Т-критерия Вилкоксона составило $T = 0$ (при количестве ненулевых разностей $n = 10$). Критическое значение для $\alpha = 0,05$ (двусторонний тест) при $n = 10$ равно 10. Поскольку $T = 0 \leq 10$, нулевая гипотеза об отсутствии сдвига отвергается ($p < 0,05$). Таким образом, в коррекционной группе наблюдается статистически значимое повышение уровня стрессоустойчивости.

В контрольной группе за тот же период положительные и отрицательные изменения встречались примерно с одинаковой частотой: у 6 испытуемых баллы изменились (3 – повышение, 3 – снижение), у 8 – остались без изменений. Значение Т-критерия Вилкоксона составило $T = 6$ при $n = 6$ ненулевых разностей. Критическое значение для $\alpha = 0,05$ при $n = 6$ равно 2. Так как $T = 6 > 2$, различия недостоверны ($p > 0,05$). Следовательно, в контрольной группе значимых изменений стрессоустойчивости не произошло.

Сравнение двух групп после завершения программы с помощью U-критерия Манна-Уитни показало, что коррекционная группа статистически значимо превосходит контрольную по уровню стрессоустойчивости: $U_{\text{эмп}} = 47 < U_{\text{кр}} = 69$ для $n_1 = 14$, $n_2 = 14$ при $p < 0,05$, то есть различия достоверны.

Оценка динамики эмпатии (опросник EETS) характеризуется следующими данными: в коррекционной группе после проведения программы у 6 испытуемых произошло увеличение баллов эмпатии, у 8 человек баллы не изменились. Значение Т-критерия Вилкоксона составило $T = 0$ при $n = 6$ ненулевых разностей. Критическое значение для $\alpha = 0,05$ при $n = 6$ равно 2. $T = 0 \leq 2$, что свидетельствует о статистически значимом повышении эмпатии ($p < 0,05$).

В контрольной группе за период между замерами только у одного испытуемого зафиксировано изменение (снижение балла), у остальных 13 участников показатели остались на прежнем уровне. Фактически при единственном изменении нельзя говорить о достоверном сдвиге, так как необходима хотя бы минимальная совокупность. Статистическая значимость отсутствует ($p > 0,05$). Таким образом, в контрольной группе значимых изменений эмпатии не выявлено.

Сравнение коррекционной и контрольной групп по итоговым показателям эмпатии выявило достоверные различия в пользу коррекционной группы: $U_{\text{эмп}} = 59,5 < U_{\text{крит}} = 69$ при $p < 0,05$, следовательно, различия статистически значимы.

Таким образом, проведенное статистическое исследование свидетельствует, что развивающая программа оказывает достоверное положительное влияние на уровень стрессоустойчивости и способность к эмпатии у специалистов социальной сферы. В контрольной группе, не участвовавшей в программе, значимых изменений по обоим параметрам не зафиксировано. Сравнение групп после завершения программы подтверждает превосходство коррекционной группы над контрольной как по стрессоустойчивости, так и по эмпатии.

После принятия участия в развивающей программе наметилась тенденция к повышению уровня таких компонентов, как «стрессоустойчивость» и «эмпатия». Специалисты социальной сферы стали более уверенными, они стали способны эффективно и экологично справляться со стрессом и кризисными ситуациями. Они самостоятельно регулируют собственное психоэмоциональное состояние, оценивают себя в соответствии с личными критериями. Одним из основных аспектов повышения мотивации является осознание своих ценностей и целей. Отмечается совершенствование коммуникативных умений и навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, в том числе с клиентами и подопечными. Специалисты стали более позитивно относиться к себе, осознали и стали принимать различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивать свой профессиональный опыт.

Литература

1 Чернюк, П. И. Стрессоустойчивость, эмпатия и эмоциональное выгорание у специалистов помогающих профессий / П. И. Чернюк // Ступени – сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; редколлегия: О. Г. Митрофанова (гл. редактор), Т. В. Парфенова (отв. ред.). – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. – С. 234–239.

2 Соннентаг, С. Вопросник опыта восстановления: разработка и валидация шкалы для оценки опыта восстановления / С. Соннентаг – М. : Журнал психологии труда и здоровья. – 2018. – С. 45–60.

3 Rogers, C. R. A way of being. / C. R. Rogers – Boston : Houghton Mifflin Co., 1980. – 416 p.

4 Maslach, C. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry. / C. Maslach, M. P. Leiter // World Psychiatry – 2016. – Vol. 15 (2) – P. 103–111.

5 Ядрова, Н. В. Основные направления работы психолога по профилактике профессиональных стрессов / Н. В. Ядрова // Молодой ученый. – 2017. – С. 517–520.

АВТОРЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Александрова О. В. Анализ эффективности генеративных лингвистических моделей в автоматизации маркетинговых коммуникаций. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Астапенко К. О. Методология анализа маркетинга потребительских товаров производителями. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Бабына И. В., зав. кафедрой экономики и управления, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–00–52.

Ацута Ю. А. Роль нейросетевых технологий в формировании маркетингового образа бренда. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Белик А. Д. Цифровая реклама в деятельности банка: особенности и инструменты интеграции. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Ковальчук В. В., зав. кафедрой экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–14.

Бобр П. А. Совершенствование B2B-взаимодействия промышленного предприятия на основе интеграции электронной витрины с корпоративной системой. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Говейко С. Н., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Болдовская Д. Д. Проблемные аспекты интернет-маркетинга банковских продуктов в Республике Беларусь. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Панова Т. И., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Воробьёва Е. Д. Приоритеты развития политики продвижения предприятия на рынке B2B. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Помаз И. В., доцент кафедры экономики и управления, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–00–52.

Гальмак Ю. Д. Проблемы и недостатки действующей системы оценки эффективности деятельности ОАО «Коминтерн». Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Ятченко М. Д., ст. преподаватель кафедры экономики и управления, тел. 51–00–52.

Гвоздь А. Д. Сравнительный анализ нейросетей для генерации изображений. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Громыко А. В. Современные проблемы обучения руководителей в системе государственного управления. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Ятченко М. Д., ст. преподаватель кафедры экономики и управления, тел. 51–00–52.

Громыко А. В. Возможности использования нейросетевых технологий для решения бизнес-задач. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Дашкевич Я. К. Моделирование и оптимизация бизнес-процессов сбытовой деятельности организации. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Корнеев О. Е., ст. преподаватель кафедры экономической информатики, учета и коммерции, тел. 51–01–13.

Демидовец Д. А. Расширенные версии моделей IS-LM. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Рыбченко Д. А., ст. преподаватель кафедры экономической теории и мировой экономики, тел. 51–01–17.

Ермакович М. В. Анализ рентабельности продаж ОАО «Коминтерн» на основе эконометрической модели. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Зраков Д. И. Цифровой анализ в системе финансового мониторинга: теоретические основы и практика применения закона Бенфорда. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Помаз И. В., доцент кафедры экономики и управления, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–00–52.

Зыблева В. А. Система электронного документооборота как стратегический компонент операционной модели банков Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Алексеев Н. А., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Каморников Е. Д. Грантовые и акселерационные программы как инструменты привлечения стартового капитала для молодёжных инновационных проектов (на примере Республики Беларусь). Экономический факультет, 1 курс. Научный руководитель Ярош Е. В., ст. преподаватель кафедры финансов и кредита, тел. 51–00–58.

Коваль П. В. Чат-боты как катализатор изменений: анализ в контексте маркетинга. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Лашкина А. Л. Противоречия между глобализацией и национальными налоговыми интересами. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Рыбченко Д. А., ст. преподаватель кафедры экономической теории и мировой экономики, тел. 51–01–17.

Мазурова В. В. Возможности совершенствования сбытовой политики организации в модели продаж B2B. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Шоломицкая Т. М., ст. преподаватель кафедры экономики и управления, тел. 51–00–52.

Мануйлова А. А., Рогович Б. В. Гибкость схем амортизации кредита как фактор развития потребительского кредитования и элемент кредитной политики. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Каморников С. Ф., профессор кафедры финансов и кредита, д-р физ.-мат. наук, профессор, тел. 51–00–58.

Мельник А. Г. Эконометрический анализ рентабельности реализованной продукции ОАО «ГЗЛиН». Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Нестерчук В. А. Эконометрический анализ рентабельности активов ОАО «Ратон». Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Новак А. С. Возможности применения нейросетей в маркетинге, бизнес-планировании и создании контента. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–13.

Новикова А. А. Налоговое администрирование: актуальные направления развития и правовые аспекты. Экономический факультет, магистрант. Научный руководитель Бонцевич З. В., доцент кафедры финансов и кредита, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–00–58.

Остапов А. В. Проблемы макроэкономической нестабильности и пути обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь. Экономический факультет, 1 курс. Научный руководитель Баранов А. М., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–01–17.

Пинаева Е. А. Формирование, распределение и использование прибыли организации в условиях санации. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Каморников С. Ф., профессор кафедры финансов и кредита, д-р физ.-мат. наук, профессор, тел. 51-00-58.

Прибыток А. В. SPACE-анализ как инструмент диагностики организации в процессе санации. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Глухова И. В., ст. преподаватель кафедры экономики и управления, тел. 51-00-52.

Ромасенко П. Д. Сравнительный анализ финансовых и нефинансовых детерминант мотивации студентов к реализации проектов в сферах традиционного бизнеса и инновационного стартапа (на примере Республики Беларусь). Экономический факультет, 1 курс. Научный руководитель Ярош Е. В., ст. преподаватель кафедры финансов и кредита, тел. 51-00-58.

Рубанова К. А. Повышение эффективности использования основного капитала ОАО «САЛЕО-Гомель» в условиях кризиса. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Кузько Е. А., доцент кафедры финансов и кредита, канд. экон. наук, тел. 51-00-58.

Санкова П. С. Структура и динамика потребительских расходов населения Республики Беларусь. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Порошина О. С., ст. преподаватель кафедры экономической теории и мировой экономики, тел. 51-01-17.

Сторчевая П. А. Визуальные стимулы в управлении поведением покупателя. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Орлова А. В., ст. преподаватель кафедры экономики и управления, тел. 51-00-52.

Стригалёва Е. А. Анализ применения нейросетей в научных исследованиях: возможности и ограничения. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51-01-13.

Титкова В. Д. «Зелёные» инвестиции и перспективы их использования в Республике Беларусь. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Бабына И. В., зав. кафедрой экономики и управления, канд. экон. наук, доцент, тел. 51-00-52.

Титов А. А., Шипилов П. А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в системе высшего образования. Экономический факультет, 2 курс. Научный руководитель Бова И. А., ст. преподаватель кафедры экономической информатики, учета и коммерции, тел. 51-01-13.

Титовец М. Р. Исследование применения искусственного интеллекта и нейросетей в современном дизайне. Экономический факультет, 3 курс. Научный руководитель Пугачева О. В., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51-01-13.

Шантар Е. В. Кредитный скоринг как инструмент управления кредитными рисками в коммерческом банке. Экономический факультет, 4 курс. Научный руководитель Алексеенко Н. А., доцент кафедры экономической информатики, учета и коммерции, канд. экон. наук, доцент, тел. 51-01-13.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Авраменко Н. М. Право на справедливое судебное разбирательство. Юридический факультет, 4 курс. Научный руководитель Сенькова Т. В., зав. кафедрой теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51-03-28.

Анисимова К. А. Правовое государство: концепция и ее реализация в Республике Беларусь. Юридический факультет, 1 курс. Научный руководитель Брилева В. А., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51-02-97.

Головнев Т. В. Порядок опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов. Юридический факультет, 1 курс. Научный руководитель Брилева В. А., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Гурчанова Д. Д. Концепция «разумного разработчика искусственного интеллекта» как критерий установления преступной небрежности в уголовном праве. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Набатова А. Э., доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–03–28.

Давыдова А. М. К вопросу о мерах обеспечения избирательного процесса. Юридический факультет, 4 курс. Научный руководитель Сенькова Т. В., зав. кафедрой теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–03–28.

Денисюк Д. Д. Правовое обеспечение государственного долга Республики Беларусь. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Исайчикова Н. И., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Домасевич А. С. Правовое регулирование безработицы в Республике Беларусь. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Исайчикова Н. И., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Коновков Н. В. Поведение человека как объект социологии права. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Караваева Е. М., ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, тел. 51–03–28.

Кравцов В. В. Правовая основа деятельности органов местного управления в Республике Беларусь. Юридический факультет, 4 курс. Научный руководитель Иванова Ю. И., ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, тел. 51–03–28.

Кравченко Е. А. Правовые отношения: понятие, структура, виды. Юридический факультет, 1 курс. Научный руководитель Брилева В. А., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Тозик К. Д. Трансформация системы налоговых вычетов по подоходному налогу как инструмент социальной политики Республики Беларусь. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Можаяева Л. Е., ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, тел. 51–03–28.

Хамерман Д. С. Фискальная политика: стратегический фундамент государственного управления. Юридический факультет, 2 курс. Научный руководитель Исайчикова Н. И., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, канд. экон. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Чернухо Д. Д. Закон и делегированное законодательство. Юридический факультет, 1 курс. Научный руководитель Брилева В. А., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Яночкина А. Н. Государственный аппарат и его структура. Юридический факультет, 1 курс. Научный руководитель Брилева В. А., зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–02–97.

Ятченко А. А. К вопросу об антикоррупционных механизмах защиты государственных служащих в Республике Беларусь. Юридический факультет, 3 курс. Научный руководитель Сенькова Т. В., зав. кафедрой теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент, тел. 51–03–28.

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Адамова А. А. Ценностная ориентация мотивации достижения студентов из полных и неполных семей. Факультет психологии и педагогики, магистрант. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Андрейковец А. А. Диагностика состояния агрессивного поведения обучающихся подросткового возраста. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Кошман Е. Е., зав. кафедрой педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Бурак Д. А. Взаимосвязь воспитательных подходов родителей и социально-психологической адаптации ребенка. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Веремеенко В. А. Взаимосвязь эмоциональной дезадаптации и симптомов игровой интернет-зависимости у подростков 14–16 лет. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Редюк А. Н., ст. преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, тел. 50–05–49.

Вирмаускайте В. В. Распространенность панического расстройства у студентов. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Крутолевич А. Н., доцент кафедры психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Галиновская В. Г. Особенности самооценки и уровня притязаний у девушек и юношей. Факультет психологии и педагогики, 3 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Гирикова В. В. Взаимосвязь эмоционального неблагополучия и дезадаптивных паттернов у подростков из семей с алкогольной зависимостью. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Редюк А. Н., ст. преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, тел. 50–05–49.

Гуд В. А. Гендерные различия в уровне ответственности у подростков. Факультет психологии и педагогики, 3 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Жовнерчук И. О. Взаимосвязь стилей воспитания в семье и особенности самоконтроля школьника. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Булынько Н. А., ст. преподаватель кафедры психологии, тел. 50–38–21.

Иванова Я. Г. Коммуникативная культура учащихся старшего школьного возраста. Факультет психологии и педагогики, 5 курс. Научный руководитель Щекудова С. С., доцент кафедры педагогики, канд. психол. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Ильяхина К. С. Проблемное использование интернета подростками как социальное явление. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Мазурок И. А., доцент кафедры педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Климович Е. П. Эмпирический анализ взаимосвязи виктимного поведения и стратегий конфликтного взаимодействия у подростков. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Лупекина Е. А., зав. кафедрой психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Козачек А. В. Интернет-зависимость подростков как социальное явление. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Мазурок И. А., доцент кафедры педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Корнеева М. А. Теоретические основы изучения типов привязанности у взрослых. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Редюк А. Н., ст. преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, тел. 50–05–49.

Левочкина В. А. Гендерные особенности отношения подростков к вейпингу. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Мазурок И. А., доцент кафедры педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Ляпкина А. Д. Взаимосвязь различных форм насилия с депрессивными состояниями у подростков. Факультет психологии и педагогики, 3 курс. Научный руководитель Крутолевич А. Н., доцент кафедры психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Мешкова М. Е. Особенности пищевого поведения студентов, имеющих травматический опыт. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Нифонтова Е. В. Причины и факторы табакокурения у подростков. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Кошман Е. Е., зав. кафедрой педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Новицкая В. А. Медиаграмотность как инструмент защиты подростков от онлайн-манипуляций и дезинформации. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Мазурок И. А., доцент кафедры педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Орлова К. А. Взаимосвязь форм детской травматизации и стратегий совладающего поведения у студентов. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Остапенко Д. С. Особенности удовлетворенности жизнью как психологический ресурс спортсмена. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Булышко Н. А., ст. преподаватель кафедры психологии, тел. 50–38–21.

Персанова А. В. Связь ценности «гедонизм» и субъективного благополучия студентов. Факультет психологии и педагогики, 3 курс. Научный руководитель Крутолевич А. Н., доцент кафедры психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Покрова Л. А. Эффективность программы развития мотивации и коррекции выгорания у работников железнодорожного транспорта. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Правоторова А. Д. Взаимосвязь проявлений буллинга и депрессивных состояний учащихся подросткового возраста. Факультет психологии и педагогики, 3 курс. Научный руководитель Крутолевич А. Н., доцент кафедры психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Редюк А. В. Взаимосвязь склонности к дисморфофобии с показателями психоэмоционального неблагополучия у студентов. Факультет психологии и педагогики, 2 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Русакова М. О. Диагностическое исследование по выявлению конфликтных ситуаций в коллективе учащихся. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Кошман Е. Е., зав. кафедрой педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Смагина Е. А. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Кошман Е. Е., зав. кафедрой педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Тимохов Г. Л. Диагностика состояния здорового образа жизни у детей подросткового возраста. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Кошман Е. Е., зав. кафедрой педагогики, канд. пед. наук, доцент, тел. 56–47–96.

Химяк Е. А. Эмпатические способности у студентов-психологов на начальном этапе обучения. Факультет психологии и педагогики, 1 курс. Научный руководитель Редюк А. Н., ст. преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, тел. 50–05–49.

Хмелевская Ю. В. Реактивный сценарий формирования брачных экспектаций у мужчин: от отрицания к осознанному выбору. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Лупекина Е. А., зав. кафедрой психологии, канд. психол. наук, доцент, тел. 50–38–21.

Чернюк П. И. Развитие стрессоустойчивости и эмпатии у специалистов социальной сферы. Факультет психологии и педагогики, 4 курс. Научный руководитель Шатюк Т. Г., зав. кафедрой социальной и педагогической психологии, канд. пед. наук, доцент, тел. 50–05–49.

Научное издание

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ' 2026

Сборник научных работ
студентов, магистрантов и аспирантов

В трех частях

Часть 2

Подписано в печать 25.09.2026. Формат 60х84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 31,15.
Уч.-изд. л. 27,03. Тираж 10 экз. Заказ 467.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.